

Войсковая часть 33965

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сборник материалов XXVII научно-теоретической
конференции «Исторические чтения на Лубянке»
Москва, 1 декабря 2023 г.

УК №

Москва 2024

Под общей редакцией А.Ю. Попова
Научный редактор: Н.С. Кирмель
Составитель: Д.А. Евстигнеев

Лубянские чтения – 2023. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXVII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 1 декабря 2023 г. / Войсковая часть 33965. М., 2024. 416 с.

Настоящий сборник подготовлен на основе материалов XXVII научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». В сборник вошли тексты выступлений участников конференции, в которых освещаются актуальные проблемы становления, развития и деятельности органов государственной безопасности России в XIX–XX веках, а также раскрыта роль личности в истории отечественных органов госбезопасности.

Материалы конференции предназначены для историков, а также читателей, интересующихся историей России, отечественных органов и войск государственной безопасности.

СОДЕРЖАНИЕ

Соколов А.С. Многогранный талант наркома государственной безопасности Меркулова.....	6
Бандурин С.Г. «Моя работа в Экономическом управлении является форменным истязанием нервов...».....	16
Кирмель Н.С. Генерал Федотов – начальник советской контрразведки.....	23
Попов А.Ю. Особист, партизан, нарком... Генерал Бельченко в годы Великой Отечественной войны.....	32
Платонов Ю.Н. Штрихи биографии генерала Коваленко.....	37
Демидов А.М. Генерал Питовранов: становление руководителя органов государственной безопасности, призванного по партийному набору (1938–1942 гг.).....	46
Иванова Т.В. Реализация государственной пограничной политики Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв.....	59
Западный В.А. Разведочное отделение Главного штаба – первое подразделение отечественной военной контрразведки (историографические аспекты проблемы)..	66
Медведев С.В. «Я готов служить по какому угодно ведомству...»: попытки у устройства на службу в Департамент полиции в годы Первой революции в России.....	72
Ефремов С.И. Опыт ведения разведки чинами пограничной стражи на фронтах Первой мировой войны (1914–1918 гг.).....	81
Синиченко В.В. История одной мистификации и введения в заблуждение руководства штаба Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи в годы Первой мировой войны.....	90
Евстигнеев Д.А. Формирование и развитие системы архивных фондов и оперативных учетов ВЧК-ОГПУ (1918–1934 гг.).....	98
Хрисанов А.И. Становление системы образовательных учреждений органов государственной безопасности РСФСР в 1918–1922 гг.....	110
Лиманский А.В. Кадровая политика в советских пограничных войсках: основные субъекты (1922 г.).....	118
Терехов С.А. Образование Крымского политического управления (1922 г.).....	127
Гусельников Д.Ю. Эволюция взглядов руководителей советских органов безопасности на сущность и содержание охраны границы СССР в 1922–1939 гг.....	133

Лукьянчикова Л.В. Материальное обеспечение сотрудника советских органов госбезопасности как направление кадровой политики ГПУ-ОГПУ СССР в 1920-е – 1930-е гг.....	149
Сорокина Л.М. Роль ГПУ-ОГПУ в осуществлении деятельности НКО в 1920-е – начале 1930-х гг.: историко-правовой аспект.....	159
Мамаев И.С. Спиридонова в документах органов государственной безопасности.....	168
Мозохин О.Б. Борьба органов ОГПУ с вредительством в микробиологии и ветеринарии.....	182
Егоров Н.А. Советские органы госбезопасности против Братства русской правды в Шанхае (конец 1920-х – начало 1930-х гг.).....	197
Еронко В.А. Развитие образовательных учреждений отечественных органов государственной безопасности в 1930-е гг.....	208
Морихин В.Е. 3-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ (1932–1934): становление и развитие.....	214
Машко В.В., Тужилин С.В. Противодействие советских органов государственной безопасности подрывной деятельности Русского общевоинского союза в межвоенный период и накануне Великой Отечественной войны....	223
Баранов В.Н. О некоторых забытых страницах истории советской научно-технической разведки (1930-е – 1940-е гг.).....	236
Литвинов М.Ю. Иностранные спецслужбы и некоммерческие неправительственные и международные организации: страницы истории.....	251
Середа В.Н. Пограничники в бой вступили первыми	257
Верешков И.Н. Расследование органами безопасности преступлений, совершенных нацистами и их пособниками на Керченском полуострове в 1941 г.	266
Смирнов П.А. Деятельность войск НКВД СССР по охране тыла Сталинградского фронта.....	273
Климов А.А. Борьба органов контрразведки «Смерш» и войск НКВД СССР с немецкими диверсантами и украинскими националистами на территории Украины в 1943 г.....	280
Обухов И.М. Деятельность органов военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в наступательный период Битвы за Кавказ (1 января – 9 октября 1943 г.).....	290
Ковганов С.Я. Подготовка военных контрразведчиков в Новосибирской школе ГУКР НКО «Смерш» в 1943–1945 гг.....	299
Куваев Д.В. Участие органов военной контрразведки «Смерш» в десантной операции Тихоокеанского флота....	307

Нежинский А.В. Борьба отечественных органов государственной безопасности с диверсиями противника в годы Великой Отечественной войны.....	314
Колошинский В.А. Участие Управления НКВД-НКГБ СССР по Ленинградской области в обеспечении морально-патриотического единства населения блокадного Ленинграда в 1941–1944 гг.....	322
Колягина А.А., Шерстнёв Е.Е. Из истории деятельности советской разведки на Ближнем Востоке в 1920-е – 1960-е гг.....	336
Унгуштаев О.П., Роднов В.С. Историко-педагогический анализ развития и совершенствования рукопашного боя в органах госбезопасности СССР.....	347
Хлобустов О.М. Некоторые вопросы руководящей роли КПСС в деятельности органов КГБ СССР.....	357
Топорков В.М. Об опыте участия отечественных органов безопасности в создании специальных служб в зарубежных странах (на примере Афганистана, 1978–1989 гг.).....	366
Кулеба А. Б. Этапы становления и развития авиации отечественных войск и органов государственной безопасности.....	376
Ханалиева Э.У. Борьба органов ФСБ России с международным терроризмом в Чеченской Республике (1999–2009 гг.).....	386
Рыжиков А.В. Деятельность губернских ЧК Верхней Волги по подавлению крестьянских выступлений (1918–1919 гг.)	395
Пожаров А.И. Обеспечение государственной безопасности как объект исторических исследований.....	406

A.C. Соколов
г. Москва

Многогранный талант наркома государственной безопасности Меркулова

Актуальность исследования руководящего состава органов государственной безопасности определяется наличием двух тенденций в отечественной историографии на современном этапе. Во-первых, в научных и научно-популярных исследованиях последних 30 лет преобладает ангажированный подход к оценке личностей сотрудников органов госбезопасности советского периода. Во-вторых, несмотря на наличие все возрастающего интереса к биографиям сотрудников органов госбезопасности, говорить о появлении научных исследований, которые так или иначе затрагивают руководящий состав органов госбезопасности, не приходится.

Будущий нарком госбезопасности Всеволод Николаевич Меркулов родился 25 октября (7 ноября) 1895 г. в г. Загатала, в семье капитана Русской армии¹. Его отец, Николай Александрович, был уездным начальником участка Закатальского округа. В соответствии с «Учреждением управления Кавказского края» в его руках была сосредоточена вся полицейская власть, а также наблюдение за местным общественным управлением и взимание повинностей. Однако через пять лет после рождения сына он был лишен по суду всех прав и звания за растрату денежных сумм в размере около ста рублей². После отбытия тюремного заключения отец учительствовал. К этому времени семья Меркуловых перебралась в Тифлис, где родители устроились в училище для слепых. Благодаря определенным связям, блестящему образованию и недюжинным волевым качествам мать Всеволода смогла получить место директора училища³. В 1908 г. Н.А. Меркулов умер⁴.

Между тем, семейная среда благоприятно воздействовала на юного Всеволода, поэтому в 1913 г. он закончил полный восьмиклассный курс 3-й Тифлисской мужской гимназии с золотой медалью и поступил на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, который так и не смог закончить.

В 1916 г. Всеволод был призван в студенческий батальон, а через несколько месяцев поступил в Оренбургскую школу прапорщиков. После выпуска из школы непродолжительное время служил прапорщиком в Новочеркасском, Орском пехотных полках и маршевой роте⁵. В 1918 г. Меркулов возвращается домой, где устраивается педагогом в Тифлисское училище для слепых⁶.

В сентябре 1921 г. он был принят помощником уполномоченного Грузинской ЧК. Хорошее по тому времени образование способствовало развитию карьеры по линии Экономического отдела, начальником которого Меркулов становится уже в 1923 г. В это же время, ЦК компартии Грузии принимает его в кандидаты, а спустя два года и в члены Коммунистической партии⁷. К 1925 г. новоиспеченный член партии уже возглавляет Информационно-агентурный отдел и политконтроль Закавказской и Грузинской ЧК. В 1929 г. В.Н. Меркулова назначают начальником секретно-оперативной части – заместителем председателя ГПУ Аджарской АССР, а в 1930 г. – начальником секретно-политического отдела ГПУ ЗСФСР⁸.

К 1931 г. В.Н. Меркулов, с одной стороны, уже имел хороший практический опыт службы в органах госбезопасности. В 1924 г. принимал участие в подавлении «августовской авантюры меньшевиков», а в 1929 г. в ликвидации антисоветского вооруженного выступления крестьян в Хулинском районе Аджарской АССР. В последнем случае был награжден пистолетом «Маузер» с надписью «от Коллегии ЗакГПУ». Еще один «Маузер» к 10-летнему юбилею ВЧК-ОГПУ получил в 1927 г., а в 1931 г. – знак «Почетный чекист»⁹. С другой стороны, в 1921 и 1923 гг. ему объявили строгий выговор за неявку на всеобуч, а в 1924 г. – за нарушение инструкции. Более того, в 1920-х гг. В.Н. Меркулов женится на племяннице, эмигрировавшего за океан царского генерала В.А. Яхонтова, товарища военного министра во Временном правительстве А.Ф. Керенского¹⁰. Однако, в целом, Л.П. Берия, аттестуя В.Н. Меркулова давал ему хорошую характеристику, при этом рекомендуя оставить в занимаемой должности.

В 1931 г. В.Н. Меркулов переходит на партийную работу и занимает руководящие посты в Закавказском крайкоме ВКП(б) и ЦК компартии (большевиков) Грузии. С 1937 по 1938 гг. он занимал пост заведующего промышленно-транспортным отделом ЦК

КП (б) Грузии¹¹. Примечательно, что В.Н. Меркулов перешел на партийную работу вслед за Л.П. Берия, который был назначен в конце ноября 1931 г. 2-м секретарем Закавказского крайкома ВКП(б). Очевидно, что В.Н. Меркулов к этому времени уже находился под сильным влиянием Л.П. Берии. Это подтверждается аттестацией, будущего наркома госбезопасности. Из сводки характеризующего материала следует, что Меркулов в органах госбезопасности проходил аттестацию в 1920–1930 гг. пять раз и все разы характеристику давал ему именно Берия. В своих воспоминаниях сын Берии Серго, говоря о Меркулове, указывал: «Я думаю, что из всех его сотрудников Меркулов был самым для него близким, так как он его в какой-то степени сам сформировал как руководителя»¹².

В этом контексте представляет интерес и тот факт, что в первой половине 1930-х гг. Берия доверил именно Меркулову изъять из партийного архива Баку документы, свидетельствовавшие о его службе в мусаватской разведке¹³. В тоже время, бросается в глаза и тот факт, что в воспоминаниях С.Л. Берии практически нет информации, посвященной В.Н. Меркулову. Серго называет его «одним из самых близких друзей отца»¹⁴. Однако, упоминание о появлении такого «близкого друга» в доме Берии относится к 1943 г., когда произошло его назначение на пост наркома госбезопасности¹⁵. Не исключено, что слова В.Н. Меркулова в письме Н.С. Хрущеву о том, что за все время общения с Л.П. Берией у него не было того, что называется «задушевной беседой», так как Л.П. Берия «никогда не говорил с ним по душам, никогда не посвящал в свои планы и намерения, за исключением текущих»¹⁶.

Для Берии будущий нарком госбезопасности был крайне полезным человеком. По воспоминаниям Меркулова, их практической работе способствовал его интеллектуальный потенциал и национальность. Причем на последней он делает особый акцент: «Сейчас мне совершенно ясно, что Л.П. Берия выдвинул меня на эту должность (первого заместителя наркома внутренних дел) главным образом только потому, что я был единственным русским из его окружения. Он понимал, что назначить первым заместителем Б.З. Кобурова или В.Г. Деканозова он не может. Такие кандидатуры не будут приняты. Оставалась одна моя кандидату-

ра»¹⁷. Однако это утверждение Меркулова имеет явно второстепенное значение.

Вся история взаимоотношений Меркулова с Берией указывает на тот факт, что последний высоко ценил именно интеллектуальный потенциал первого. На это указывает целый ряд фактов из содержания допросов Меркулова в 1953 г. и его писем Хрущеву. В частности, их знакомство, по словам Меркулова, произошло в 1923 г., когда Берия обратил внимание на его статью, опубликованную в сборнике «Чекисты 1-му Мая»: «Статья была достаточно наивной, не блестала особыми достоинствами, но все же своим стилем и содержанием она резко отличалась от всего другого, помещенного в сборнике материала, в общем, довольно бледного и шаблонного, так как сборник этот был подготовлен и издан буквально в течение нескольких дней». Берия понял, что в лице Меркулова он имеет грамотного человека, и стал приближать его к себе¹⁸.

В последствии, «став секретарем Заккрайкома и ЦК КП(б) Грузии, Берия часто ездил в Москву и, как правило, брал с собой меня, а также тех, кто был ему нужен по делам, по которым он приезжал в Москву, – вспоминал Меркулов. – Меня он брал в Москву, как я понимал, на тот случай, если вдруг понадобится что-нибудь написать. А писать почти всегда что-нибудь приходилось. Например, в Москве я готовил для Л.П. Берия статью в годовщину смерти С.М. Кирова для газеты «Правда», речь на похоронах Серго Орджоникидзе, несколько раз, совместно с другими, готовил выступления Л.П. Берия на сессиях Верховного Совета СССР, часто писал по взятым из Тбилиси материалам докладные записки в различные наркоматы»¹⁹. Действительно, если посмотреть на биографию руководителя НКГБ СССР, бросается в глаза, с одной стороны, его образование, а с другой наличие десятилетнего практического опыта в органах госбезопасности. Неудивительно, что с ростом карьеры Берии и взлетел Меркулов.

В 1938 г. В.Н. Меркулов был назначен на должность заместителя начальника ГУГБ НКВД СССР, с присвоением немногим позже звания комиссар госбезопасности 3 ранга. С назначением Л.П. Берии наркомом внутренних дел, В.Н. Меркулов становится его первым заместителем. В результате реформы органов госбезопасности в феврале 1941 г. В.Н. Меркулов занимает пост нарко-

ма госбезопасности, а с после начала Великой Отечественной войны, возвращается на пост первого заместителя наркома внутренних дел. В 1943 г., с созданием НКГБ СССР, возглавляет наркомат госбезопасности²⁰.

Анализ документов органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны, позволяет дать определенную характеристику Меркулову. Одним из важных вопросов, который стоял на повестке дня в первые дни войны, была организация конспиративной радиосвязи. Для Всеволода Николаевича эта тема была близка, так как в юности он увлекся электротехникой настолько, что его статьи печатали в Одессе в специальном журнале²¹. Да и наличие соответствующего, пусть и незаконченного высшего образования, позволяло Меркулову разбираться в вопросах работы связи. К тому же, в предвоенное время он был погружен в проблему организации работы устройств засекречивания телефонных разговоров и изучения опыта органов госбезопасности на местах по контролю в эфире за разглашением государственной тайны²².

С началом войны проблема заключалась не только в том, что некоторые радиостанции были иностранного производства и возникли проблемы с комплектующими, но в первую очередь в том, что с отступлением Красной армии заметно изменилось расстояние, необходимое для устойчивых сеансов связи. В июле 1941 г. этот вопрос был на особом контроле В.Н. Меркулова. Заместителем начальника 4-го отдела НКГБ СССР капитаном госбезопасности В.М. Блиндерманом 1 июля предлагалось организовать в Свердловске и Куйбышеве радиоцентры, три подвижные радиостанции для работы в радиусе 100 км от линии фронта, а также предусмотреть в ближайшее время выпуск лабораториями 4-го отдела радиостанций разных типов. У Меркулова вызвали вопросы предполагаемые сроки подготовки некоторых типов радиостанций, поэтому он выделил подчеркиванием трехдневный срок и 15 июля 1941 г., предписав своему заместителю И.А. Серову «разработать и срочно представить дислокацию и порядок связи». Уже 3 июля начальник 4-го отдела старший майор госбезопасности Е. Лапшин докладывал заместителю наркома внутренних дел И.А. Серову, что представленные сроки капитаном госбезопасности В.М. Блиндерманом в основном правильные, но не исключал

задержки по некоторым позициям на несколько дней «из-за перевода на советские источники питания». 23 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО), рассмотрев докладную записку В.Н. Меркулова, И.Т. Пересыпкина и К.П. Сухарева, распорядился создать резервный центр радиосвязи Исполкома Коминтерна²³.

В тяжелое время организации обороны Ленинграда В.Н. Меркулов оказался в центре событий. 13 сентября 1941 г. он прибыл в город с особой миссией на случай отхода Красной армии. В выданном первому заместителю наркома внутренних дел мандате ГКО указывалось, что ему «поручается совместно с членом Военного Совета Ленинградского фронта тов. А.А. Кузнецовым тщательно проверить дело подготовки взрыва и уничтожения предприятий, важных сооружений и мостов в Ленинграде на случай вынужденного отхода наших войск из Ленинградского района. Военный Совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны оказывать т. Меркулову В.Н. всяческую помощь»²⁴.

План мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер был подготовлен А.А. Кузнецовым и В.Н. Меркуловым 14 сентября 1941 г. Он предусматривал организацию при каждом райкоме ВКП(б) Ленинграда троек в составе первого секретаря райкома ВКП(б), начальника РО НКВД и представителя инженерных частей РККА по назначению Военного совета фронта. Эти тройки определяли перечень находившихся на территории района предприятий, подлежащих выводу из строя в случае вынужденного отхода Красной армии. На каждом внесенном в список предприятии для организации проведения специальных мероприятий создавались тройки в составе директора предприятия, секретаря партийного комитета и начальника секретного отдела. Эти тройки определяли перечень объектов, которые в первую очередь подлежали выводу из строя и устанавливали очередность проведения мероприятий. На следующий день постановлением Военного совета Ленинградского фронта план был утвержден²⁵.

По масштабу проводимых мероприятий работа была колоссальная. Только на начальном этапе бригадой НКВД было обследовано 34 предприятия города, в том числе заводы им. Кирова,

Жданова, «Большевик», Мелькомбинат им. Ленина и другие²⁶. Речь шла не только о подготовке выведения из строя предприятий путем механического воздействия, подрыва или поджога. Было необходимо оценить имеющееся имущество и возможность его эвакуации. Сроки проведения работ. Подготовить и назначить соответствующие команды по уничтожению. В ряде случаев, как например, с Кировским заводом, такая работа проводилась под артиллерийским обстрелом фашистов, и требовала большого количества взрывчатки и особого опыта подрывных работ²⁷. Заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга В.Н. Меркулов был полностью погружен в эту работу, так как на ряде документов имеются его отметки и замечания²⁸.

Одной из любопытных характеристик Меркулова является его деятельность на ниве искусства. Наиболее известным произведением Всеволода Николаевича является пьеса «Инженер Сергеев», написанная под псевдонимом Всеволод Рокк в начале Великой Отечественной войны. В 1942 г. пьеса «Инженер Сергеев» была издана в издательстве «Заря Востока» в Тбилиси²⁹. Спустя год она уже печатается Государственным издательством художественной литературы и Всесоюзным управлением по охране авторских прав в Москве³⁰. Пьесу ставили в Тбилиси, Баку, Ереване, Улан-Удэ, Архангельске и многих других городах. В 1944 г. «Инженер Сергеев» вошел и в репертуар прославленного Малого театра в Москве³¹.

С большой долей вероятности идея сюжетом пьесы возникла у первого заместителя наркома внутренних дел В.Н. Меркулова в период его участия в сентябре-октябре 1941 г. в подготовке взрыва и уничтожения предприятий в Ленинграде на случай вынужденного отхода Красной армии. Действие пьесы приходится как раз на это время. В центре сюжета руководитель электростанции Сергеев, которому поручается взорвать ее перед занятием территории вермахтом. Герой становится перед сложным выбором, так как должен уничтожить электростанцию, которую сам создавал. Драматургия сюжета дополняется и шпионскими прописками. Завербованный немцами в 1918 г. инженер с дореволюционным стажем работы пытается помешать подрыву. Однако чекисты и лично Сергеев обезвреживают вражеских агентов.

Бурному успеху пьесы и постоянным аншлагам способствовала не только замечательная игра актеров, но и ее популярность у чекистов, среди которых билеты распространялись в централизованном порядке. Пьесу доброжелательно встретили литературно-театральные критики, отмечавшие патриотизм и своевременность этого произведения. В газете «Литература и искусство» отмечалось: «Сергеев готов пожертвовать, если это нужно Родине, своей жизнью, детьми. Он не сразу понял, почему необходимо во имя Родины разрушить такое великолепное сооружение, как его гидроэлектростанция, чтобы оно не досталось врагу. Но в первую, самую трудную минуту, когда мысль о возможности разрушения впервые вошла в его сознание, он говорит в раздумье: «Если нужно будет, взорвем»»³².

Увлечение Всеволода Меркулова способствовало тому, что с одной стороны, гостями в его доме были видные деятели искусства, в том числе Любовь Орлова и Григорий Александров, дирижер Большого театра Ованес Мелик-Пашаев, кинорежиссеры Михаил Калатозов и Лев Кулешов. Вместе с последним Меркулов начал работу над сценарием фильма по сюжету своей пьесы. Но эта идея так и не была реализована³³. С другой стороны, в какой-то степени, наличию определенных представлений о культуре, что иногда помогало Меркулову и в работе. Так, в феврале 1944 г. нарком госбезопасности обратил внимание секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова на демонстрацию английской миссией в Мурманске иностранных фильмов, что наносило большой ущерб масово-политической работе среди моряков³⁴.

После завершения войны В.Н. Меркулов был до 1946 г. министром государственной безопасности. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. возглавлял Главное управление советского имущества за границей и Госконтроль СССР. Падение Л.П. Берии соответствующим образом отразилось на судьбе В.Н. Меркулова. Он был приговорен Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР в декабре 1953 г. к высшей мере наказания³⁵.

Таким образом, биография нашего героя имеет свою особенности, так как он был прaporщиком Русской императорской армии, выходцем из семьи офицера, женился на племяннице царского генерала В.А. Яхонтова. Бросается в глаза и тот факт, что Всеволод Николаевич закончил гимназию с золотой медалью и

проучился три года на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. Не чужды ему были и начинания на ниве искусства. С другой стороны, Меркулов имел опыт службы в органах госбезопасности с 1921 г. и неоднократно награждался за конкретные результаты в служебной деятельности. Сочетание хорошего образования и опыта практической работы в органах госбезопасности сделало его нужным человеком в окружении Л.П. Берии.

-
- ¹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 296–297.
- ² Политбюро и дело Берия. Сборник документов. М., 2012. С. 355.
- ³ Жирнов Е. Театр одного наркома // Коммерсант Власть. 2001. 26 июня.
- ⁴ Политбюро и дело Берия... С. 355.
- ⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Материалы партийного учета В.Н. Меркулова.
- ⁶ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 296–297.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. Материалы партийного учета В.Н. Меркулова.
- ⁸ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 296–297.
- ⁹ РГАСПИ. Ф. Материалы партийного учета В.Н. Меркулова; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 296–297.
- ¹⁰ Политбюро и дело Берия... С. 355.
- ¹¹ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 296–297.
- ¹² Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. М., 2002. С. 231.
- ¹³ Политбюро и дело Берия... С. 368–369.
- ¹⁴ Берия С. Мой отец Берия. В коридорах сталинской власти. С. 244.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ «Хочется проклясть день и час моего знакомства с Берия» // Источник. 2002. № 4. С. 101.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Политбюро и дело Берия... С. 127.
- ¹⁹ «Хочется проклясть день и час моего знакомства с Берия». С. 100–101.
- ²⁰ *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Указ. соч. С. 296–297.
- ²¹ Жирнов Е. Театр одного наркома.
- ²² Правительственная связь СССР: Сборник документов. Т. 1. 1931–1941. М., 1997. С. 166–182.
- ²³ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог: В 2 т. М., 2015. Т. 1. С. 77.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 17. Л. 223; Оборона Ленинграда. 1941–1945: Документы и материалы. М., 2019. С. 430.
- ²⁵ План «Д». Т. 1. 1941 год. План специальных мероприятий, проводимых во время Отечественной войны по общегородским объектам гор. Ленинграда. СПб., 2005. С. 31–33.

²⁶ Там же. С. 37–38.

²⁷ Там же. С. 51–52.

²⁸ План «Д». Т. 1. 1941 год. С. 137.

²⁹ *Меркулов В.Н. Инженер Сергеев: Пьеса в 3 д.* 2-е изд. Тбилиси, 1942.

³⁰ *Рокк В.Н. Инженер Сергеев: Пьеса в 3 д.* М., 1943; *Он же. Инженер Сергеев: Пьеса в 3 д.* Москва: Всесоюз. упр. по охране авторских прав. Отд. распространения, 1943.

³¹ *Леонидов А. Майор Пронин и другие. Как в СССР боролись со шпионами в литературе, на театральных сценах и киноэкране // ФСБ: за и против: издание Общественного совета при Федеральной службе безопасности Российской Федерации.* М., 2022. № 1 (77). С. 70–79.

³² Цит. по: *Леонидов А. Майор Пронин и другие.* С. 70–79.

³³ Там же.

³⁴ *Кино на войне: Документы и свидетельства.* М., 2005. С. 631.

³⁵ *Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД.* С. 296–297.

С. Г. Бандурин
г. Москва

**«Моя работа в Экономическом управлении является
форменным истязанием нервов...»**

Просопографические исследования руководящего состава отечественных органов государственной безопасности свидетельствуют, что для 1920–1930-х гг. весьма характерной была ротация руководителей по вертикали и горизонтали и, как следствие, отсутствие их узкой специализации.

Данный тезис ярко иллюстрирует судьба одного из высокопоставленных руководителей органов госбезопасности З. Б. Кацнельсона, который в ноябре 1935 г. стал комиссаром государственной безопасности 2-го ранга (это специальное звание соответствовало воинскому званию командарму 2-го ранга, позже – генерал-полковника). В 1937 г. был уволен в 45-летнем возрасте с должности заместителя начальника Главного управления лагерей (ГУЛАГ) НКВД СССР – начальника строительства канала Волга–Москва – начальника Дмитровского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) НКВД СССР и арестован.

Отдельные биографические данные З.Б. Кацнельсона представлены в экспозиции Центрального пограничного музея (ЦПМ) ФСБ России и некоторых книгах¹.

Интересные факты жизни З.Б. Кацнельсона удалось установить в ряде документов, содержащихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) (Ф. 17. Оп. 99. Учетно-партийные документы; Ф.17. Оп.100. Д.151406. Дополнение к личному листку по учету кадров и автобиография З.Б. Кацнельсона) и Центральном архиве ФСБ России (Архивно-следственное дело (АСД) № Р-8467. Сводка за ноябрь 1924 г. Л.3; АСД № Р-8467. Послужной список З.Б. Кацнельсона. Л.1–7, 35).

Жизненные перипетии чекиста Кацнельсона были довольно характерны для представителей его поколения: поиск своего места в революционных событиях начала XX в., Первая мировая и

Гражданская войны, период НЭПа, первые пятилетки и Большой террор.

Родился Зиновий Борисович в Бобруйске 24 ноября 1892 г. в семье ремесленника (мелкого комиcсионера). Сразу же после рождения ребенка родители развелись, отец уехал в Баку, а мать – в Юрьев. По свидетельству З.Б. Кацнельсона, оба его родителя происходили из бедных мещан. Мать после окончания акушерских курсов некоторое время работала по специальности в земской больнице Смоленской губернии, а затем уехала в Москву, где с 1903 г. с ней жил и Зиновий. Со временем они стали жить довольно-таки безбедно, хотя и экономно. Общаясь со студентами, которые жили в сдаваемых матерью комнатах, в 13 лет Зиновий стал участником социал-демократического кружка, разносил листовки. После января 1905 г. Кацнельсон попал под влияние студентов-кавказцев, анархистов-индивидуалистов, усиленно занимался изучением анархистских доктрин. Тяга к знаниям позволили Зиновию окончить гимназию с золотой медалью и поступить на юридический факультет Московского государственного университета. В студенческие годы участвовал в студенческих забастовках и демонстрациях, за что временно исключался из МГУ в 1910 г.

В 1916 г. был призван в армию. В октябре 1917 г. окончил 2-ю Московскую школу прапорщиков (где было много большевиков, левых эсеров и социал-демократов-интернационалистов), хотя начинал учебу в 3-й школе прапорщиков (костяк которой составляли георгиевские кавалеры и ударники).

По личному признанию З.Б. Кацнельсона, имел склонность к банковской сфере, т.к. всегда интересовался финансовыми дисциплинами, и к дипломатии, т.к. по окончании Лазаревского института иностранных языков мечтал работать на Востоке. Свободно владел немецким, французским и еврейским языками ².

С октября 1917 по июнь 1918 г. являлся комиссаром для поступлений штаба Московского военного округа и Московского окружного военкомата.

В июне 1918 г. 26-летний Зиновий становится одним из сотрудников ВЧК (следователем), которых впоследствии нарекут «чекистами дзержинского призыва». В чекистских органах уже с

января 1919 г. состоял на руководящих должностях в особых от-делах ВЧК.

Не обошла стороной З.Б. Кацнельсона практика того време-ни, когда один человек одновременно занимал несколько должно-стей. Так, в 1922–1925 гг. Зиновий Борисович становится по сов-местительству начальником Экономического управления ГПУ–ОГПУ СССР и начальником административно-хозяйственного управ-ления ВСНХ СССР. В эти же годы непродолжительное вре-мя возглавлял Управление уголовного розыска Республики.

С ноября 1925 г. по май 1929 г. Кацнельсон являлся главным инспектором войск, начальником Пограничной охраны ОГПУ СССР и начальником Высшей пограничной школы ОГПУ СССР; начальником Главного управления пограничной и внутренней охраны и начальником Высшей пограничной школы ОГПУ СССР.

С февраля по декабрь 1930 г. работал вне системы органов безопасности, являясь членом правления Госбанка СССР.

В 1930–1937 гг. служил на различных руководящих должностях в органах безопасности Украинской ССР, пока не стал в апре-ле 1937 г. заместителем начальника ГУЛАГ НКВД СССР, явля-ясь одновременно заместителем начальника строительства канала Волга – Москва – начальником Дмитровского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) НКВД СССР.

Даже такое пунктирное перечисление должностных позиций свидетельствует о постоянной смене им линий чекистской работы (контрразведывательное обеспечение Красной армии, экономиче-ская безопасность, организация работы трудовых лагерей, погра-ничная и образовательная деятельность) и мест службы (Москва и Московская область, Северный край (ныне Архангельская об-ласть), Северо-Кавказский край, Украина). О данных фактах можно говорить, как о достаточно распространенном феномене того времени. Вспомнить хотя бы биографию Ф.Э. Дзержинского и его соратников по партии.

При этом, если частая ротация объективно не способствова-ла закреплению руководящих кадров на определенных позициях, то положительным моментом, что очевидно, стало приобретение отдельными руководителями широкого делового и чекистского кругозора и умения выстраивать отношения в различных сферах деятельности.

Кадровые назначения З.Б. Кацнельсона свидетельствуют, что целому ряду назначений способствовали его знания и опыт предыдущей работы, а также политическая целесообразность, что явственно проявлялось в кадровой политике 1920–1930-х гг.

Так, назначению Зиновия Борисовича главой пограничного ведомства предшествовала его чекистская деятельность в Северной области (крае), где он с января 1920 г. совмещал должность начальника Особого отдела охраны Северной границы (Особого отдела 12-й армии до декабря 1920 г.) с должностями председателя Архангельской ГубЧК и полпреда ВЧК по Северному краю (01.1920–03.1922). Именно в эти годы ведущая роль в охране границ (в оперативном отношении) возлагалась на Особый отдел ВЧК.

В этот период З.Б. Кацнельсон характеризовался как человек, знающий дело и достойный более высокого поста. Подчеркивалось, что он один из тех редких людей, которые сумели сохранить свои нервы в порядке, несмотря на все пережитое³.

Предложение руководства в 1922 г. возглавить Экономическое управление ГПУ-ОГПУ СССР тоже не было случайным – еще со студенческих лет Зиновий Борисович интересовался банковской сферой и экономикой. А в условиях осуществления с 1921 г. новой экономической политики (НЭП) обладание такими компетенциями вкупе с партийной лояльностью и чекистским опытом были весьма востребованы. Неудивительно, что параллельно на Кацнельсона были возложены функции по руководству административно-хозяйственным управлением ВСНХ СССР и уголовным розыском, о чем упоминалось выше.

Это было время выхода страны из политico-экономической изоляции после Гражданской войны и установления государственной монополии во внешней торговле, очередным этапом борьбы с экономической контрабандой и преступностью, которые предполагали комплексное решение текущих проблем. Поэтому комплексно подходили и к работе с кадрами, работающими на важнейших направлениях. И пример З.Б. Кацнельсона в этом отношении показателен.

Но судьба Кацнельсона имеет и другую сторону медали. Напряженный ритм работы по трем предметно близким, но все же организационно и деятельности разным направлениям, дал о

себе знать – у Зиновия Борисовича стали сдавать нервы. Иначе как можно объяснить полное отчаяния письмо заместителю Председателя ОГПУ И.С. Уншлихту от 5 февраля 1923 г. с просьбой снять его с должности начальника Экономического управления.

В частности, З.Б. Кацнельсон писал: «Прошу освободить от должности начальника ЭКУ, дать два месяца отпуска и откомандировать в ЦК РКП. В случае невозможности – в экономическую разведку за границу (к Трилиссеру).

Эта работа меня очень расстраивает. Ибо при ней я не буду иметь подчиненных и не буду постоянно волноваться за их ошибки. Вы сами видите, что мои нервы никуда не годятся, что я совершеннейший неврастеник.

...Моя работа в ЭКУ является форменным истязанием нервов. Находиться в постоянном нервном напряжении днем и ночью, на службе и дома, постоянно ожидать какого-нибудь скандала, инцидента, неприятности, волноваться от каждого телефонного звонка, от каждого вызова, ждать всегда только чего-либо плохого – это знаете ли нечто...

Объясняется это не только моей «истеричностью», но и, конечно, ненормальным, бесправным положением ЭКУ, его незаконнорожденностью, его положением приживальщика на задворках. Для этого достаточно познакомиться с отношением РКИ и Прокуратуры. ЭКУ держится только лишь за счет авторитета Дзержинского.

...Прошу Вас освободить ЭКУ от «интеллигента» Кацнельсона, а Кацнельсона освободить от «затычки ГПУ» Экономупра. Я, конечно, вижу, что Вы усмехаетесь и еще раз хронически цедите – «истеричный интеллигент», но все же я из ряда работников ГПУ не маленьких слыхал мнение, что надо быть большим дураком, чтобы взяться руководить в теперешних условиях и без достаточного авторитета таким Управлением, как экономическое.

Не хочу казаться большим дураком, чем есть на самом деле.

Мою нервозность Вы знаете, т.к. я уже неоднократно, забыв дисциплину, впадал в Вашем присутствии в буйство, вообразите же себе, как я распоясываюсь у себя в Управлении, где я и царь, и бог, и земский начальник. Мне нужно переходить на спокойную

работу, без подчиненных, иначе я кончу плохо, пансионером Канатчиковой дачи»⁴.

Здесь обращает на себя внимание и неопределенность правового положения ЭКУ, и желание сменить обстановку (лучше на заграничную), и самокритичное признание личной несдержанности по отношению к подчиненным, и нарастающие проблемы со здоровьем, и отсутствие авторитета, как у Дзержинского.

Чуть позже, 3 марта 1923 г., в рапорте И.С. Уншлихту о направлении в Персию, Афганистан или Китай З.Б. Кацнельсон писал: «Гарантирую, что в течение года я сумею стать ценным работником для ГПУ, изучив не только язык и политико-экономическую жизнь края, но и методы работы контрреволюционных группировок в данной стране»⁵. На рапорте имелась резолюция Уншлихта: «Полагаю возможным удовлетворить просьбу т. Кацнельсона». Но это назначение не состоялось. Зиновий Борисович остался служить в центральном аппарате Лубянки. Позже он возглавил Пограничную охрану ОГПУ СССР, где подчинялось ему людей намного больше, чем в Экономическом управлении, которой он руководил чуть больше трех лет.

В данной ситуации была применена формула «Незаменимых людей нет, но замену им сразу найти невозможно».

Дальнейшая судьба Зиновия Борисовича сложилась трагически. 17 июля 1937 г. комиссар государственной безопасности 2-го ранга З.Б. Кацнельсон был арестован и 10 марта 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания (расстрелу). Только в 1950-е гг. родственникам было объявлено, что он умер 21 ноября 1939 г., отбывая наказание.

Не спасли З.Б. Кацнельсона от репрессий ни былые заслуги, ни высокие награды: орден Красного Знамени (1927); знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» (1927); знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (1932), почетное боевое оружие (1927). К 10-летию ВЧК-ОГПУ был награжден грамотой от Коллегии ОГПУ и «Маузером» с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Примечательно, что из 20 чел., которым было присвоено специальное звание комиссар государственной безопасности 2-го ранга, 18 были расстреляны или репрессированы.

Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 9

июля 1957 г. приговор был отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления, а З. Б. Кацнельсон – реабилитирован.

¹ Пограничная служба России: энциклопедия : биографии / Г. Н. Симаков и др. М., 2008. С. 332, 337; На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий очерк / В. И. Боярский, В. И. Борискин, В. И. Бурдужук и др. М., 1998. С.593–594.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп. 100. Д. 151406. Автобиография З.Б. Кацнельсона.

³ Центральный архив (ЦА) ФСБ России. АСД №Р-8467. Л. 44.

⁴ Там же. Л.106.

⁵ Там же. Л.108.

Н.С. Кирмель
г. Москва

Генерал Федотов – начальник советской контрразведки

7 ноября 2023 г. на территории Юсуповского дворца в ялтинском поселке Кореиз состоялось открытие бюста легендарного контрразведчика, генерал-лейтенанта Петра Васильевича Федотова, который возглавлял контрразведку в самые тяжёлые военные годы. Под его руководством 2-е управление НКГБ СССР обеспечило контрразведывательное сопровождение Тегеранской (ноябрь – декабрь 1943 г.), Ялтинской (февраль 1945 г.) и Потсдамской (июль – август 1945 г.) конференций «Большой тройки»¹.

Петр Федотов родился 18 декабря 1901 г. (по другим данным – 1900 г.²) в Петербурге. Его отец, Василий Федотович, был родом из крестьян Новгородской губернии. Мать, Пелагея Ивановна, также происходила из новгородских крестьян. Она всю жизнь занималась хозяйством и воспитывала четверых детей: трех дочерей и сына³.

Петр закончил начальное училище и четырехклассное городское училище имени Менделеева. В 1915 г. начал работать в газетной экспедиции Петроградского почтамта в качестве раскидчика и упаковщика газет.

В начале 1919 г. добровольно вступил в Красную армию рядовым бойцом 1-й Петроградской коммунистической бригады. В июле – сентябре 1919 г. Петр – курсант политкурсов при политуправлении Южного фронта. После их окончания получил назначение в 1-й Революционный, дисциплинарный полк 8-й армии на должность политрука роты. В составе этого полка Федотов принимал участие в боях на Восточном, Южном и Кавказском фронтах, а также в Дагестане и Чечне.

В 1920 г. Федотов переведен на работу в особый отдел 8-й армии цензором-контролером. С этого времени на долгие годы судьба связала Петра Васильевича органами госбезопасности.

В январе 1925 г. он получает назначение на должность помощника начальника контрразведывательного отдела, а через год

– уполномоченным Особого отдела. С февраля 1927 г. служит в ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю уполномоченным информационно-регистрационного отдела, а с октября – начальником, временно исполняющим должность начальника 3-го отделения контрразведывательного отдела (КРО)⁴. Здесь он ведал борьбой с политическим бандитизмом. Регулярно выезжал в служебные командировки в Чечню и Дагестан, где вместе с другими чекистами добивал остатки вооруженных националистических банд. Его работа получила высокую оценку руководства: «Весьма добросовестный, честный и преданный работник. Свою работу знает хорошо, проявляет в ней большую инициативу. В выполнении заданий медлителен, что окупается чрезвычайной тщательностью работы и продуманностью подхода к ней»⁵.

Способный, инициативный работник продолжает восхождение по карьерной лестнице в ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В октябре 1930 г. он возглавил 6-е отделение информационного отдела, в ноябре 1931 г. – 2-е отделение Секретно-политического отдела (СПО), а с июля 1933 г. – 3-е отделение. В январе 1934 г. Петр Васильевич вновь возглавил 2-е отделение СПО.

В 1937 г. после волны арестов в органах госбезопасности потребность в кадрах в центральном аппарате была высокой. Видимо, данное обстоятельство способствовало переводу Федотова в Москву. Некоторое время он находился в распоряжении отдела кадров НКВД СССР, а затем получил назначение начальником 7-го (восточного) отделения 4-го (секретно-политического) отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД. В июле 1938 г. Федотов становится заместителем начальника, а в сентябре 1939 г. возглавил СПО⁶.

«...справедливости ради, следует отметить, что, став руководителем СПО, центрального органа тайной политической полиции, Федотов просто не мог не оказаться причастным к действиям, названным позже незаконными массовыми политическими репрессиями, – пишут исследователи О.К. Матвеев и В.М. Мерзляков. – И, несмотря на то, что к тому моменту их пик уже миновал, на постановлениях на арест многих невинных людей осталась его подпись»⁷.

С марта 1939 г., Петр Васильевич по совместительству возглавлял предметно-методическую комиссию Высшей школы НКВД СССР и являлся лектором по агентурно-оперативной работе⁸.

В этот период его наградили орденом «Знак Почета» (апрель 1940 г.) вместе с группой чекистов «за выполнение заданий правительства»⁹.

В сентябре 1940 г. комиссар госбезопасности 3-го ранга Федотов назначен начальником 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД, спустя полгода преобразованного во 2-е управление нового наркомата государственной безопасности (НКГБ), которое занималось контрразведкой.

Назначение Федотова руководителем советской контрразведки совпало с началом разработки гитлеровской Германией оперативных планов вторжения в СССР, получивших впоследствии кодовое название «Барбаросса». Данное действие сопровождалось активной работой немецких разведчиков в Москве по сбору секретной информации. Поэтому своей первостепенной задачей новый руководитель 2-го управления НКГБ видел в том, чтобы максимально затруднить разведдеятельность сотрудникам германского посольства в Москве.

Под его руководством была проведена одна из самых дерзких операций НКГБ против посольств Германии и ее союзников.

В апреле 1941 г. контрразведчики под видом ремонтников прорыли подземный ход в подвал особняка военного атташе Германии Э. Кестринга, являвшегося по совместительству руководителем военной разведки под дипломатическим прикрытием. В результате германский военный атташат фактически работал под контролем советской контрразведки, а руководство СССР получило важную стратегическую информацию о военных планах Германии¹⁰.

Свидетельством тому является стенограмма беседы Кестринга со своими помощниками 15 мая 1941 г., где обращала на себя внимание фраза, произнесенная генералом: «То дело, о котором мы говорили, должно оставаться в абсолютной тайне. Эти две недели должны быть решающими... Природные богатства! Это будут наши естественные завоевания, о которых мы заявили во всеуслышание в международных кругах... Я убежден, что в этом

деле мы выйдем победителями – прокатимся по этому Союзу. Мы будем вести войну до тех пор, пока, по крайней мере, не захватим Украину. То дело, о котором мы говорили, должно оставаться в абсолютной тайне»¹¹. Результаты прослушивания регулярно докладывались И.В. Сталину. Проанализировав спецсообщения контрразведки, он сделал вывод о том, что Гитлер вынашивает планы нападения на нашу страну и только ждет подходящего предлога.

Результативную работу 2-е управление НКГБ проводило также в отношении дипломатических миссий Великобритании, Ирана, Финляндии, Турции и других стран.

Начавшаяся 22 июня Великая Отечественная война поставила перед советскими органами госбезопасности новые задачи: учет и разработка германских разведорганов и осуществление контрразведывательных операций; выявление, разработка и ликвидация агентуры спецслужб противника в Москве; оперативная работа в лагерях военнопленных и интернированных; наблюдение и контроль за разработками местных органов НКВД; учет и оперативный розыск агентуры противника, предателей и пособников фашистских оккупантов; охрана дипломатического корпуса¹². Когда Красная армия перешла в наступление, органы контрразведки очищали освобожденную от оккупантов территорию от оставленной агентуры противника.

Осенью 1941 г. враг стоял у ворот Москвы. Сотрудники органов госбезопасности, в том числе и подчиненные Федотова, на случай оставления города, создали в нем мощное подполье, которое помимо чекистов, было укомплектовано негласными помощниками и патриотами из местного населения. В Москве и области заблаговременно были подготовлены явочные квартиры, склады с оружием, боеприпасами, взрывчатыми и зажигательными веществами, горючим, продовольствием, а также созданы явочные пункты под видом мелких мастерских, магазинов, парикмахерских, в которых должна была ремонтироваться радиоаппаратура, оружие и изготавливаться спецсредства для оперативных групп. Возглавить подполье было поручено комиссару госбезопасности 3-го ранга П.В. Федотову. На него возлагалась координация деятельность оставленных в столице агентурных групп¹³.

В 1941–1943 гг. 2-м управлением и территориальными органами безопасности активно велись радиоигры с противником, которые сыграли определенную роль в разгроме войск противника. По данным исследователя В.Г. Макарова, накануне Сталинградской битвы контрразведчики провели 18 радиоигр, основной целью которых являлась передача ложных сведений противнику о переброске Красной армией резервов с востока на северо-западном и центральном направлениях¹⁴.

В Вологодской области в 1943–1944 гг. проводилась радиоигра «Подрывники», в ходе которой было выведено на советскую территорию 22 агента германской разведки¹⁵.

Среди мероприятий, проведенных сотрудниками 2-го Управления НКГБ особняком стоит работа по контрразведывательному обеспечению конференций глав правительств союзных держав – СССР, США и Великобритании в Тегеране (ноябрь – декабрь 1943 г.), Ялте (февраль 1945 г.) и Потсдаме (июль – август 1945 г.).

Особенно трудные испытания выпали на долю Федотова и его подчиненных в Тегеране, где нашим контрразведчикам удалось оградить делегации союзников от террористических актов со стороны германских спецслужб, возможность осуществления которых стала известна заранее благодаря деятельности советской разведки.

Несмотря на то, что подготовка к конференции в Ялте держалась в глубоком секрете, германская разведка все же получила информацию о том, что встреча И.В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля будет в Крыму. Чтобы установить точную дату и место предстоящей конференции, немцы забросили две разведгруппы, которые были ликвидированы советскими органами госбезопасности.

Сбор информации осуществлялся и в период работы самой конференции. В этих целях активизировалась деятельность «агентов», «источников» и «осведомителей», предусматривались меры по «слуховому контролю» – использованию скрытых микрофонов и передатчиков. Кроме этого, во время работы конференции предполагался сбор информации во время контактов лиц, обеспечивавших охрану и обслуживание встречи в верхах.

Деятельность советской делегации на Ялтинской конференции 1945 г. завершилась несомненным успехом. И.В. Сталин

остался доволен ее результатами и дал указание наркому внутренних дел Л.П. Берии щедро наградить тех, кто осуществлял подготовку встречи в верхах: к орденам и медалям были представлены 1021 человек¹⁶. П.В. Федотова наградили орденом Кутузова I степени¹⁷.

За время войны Федотов был награжден 2 орденами Ленина (1943, 1945), 2 орденами Красного Знамени (1944, 1945), орденами Красной Звезды и Кутузова 1-й степени (1945), знаком «Заслуженный работник НКВД» (1942).

После Великой Отечественной войны генерал продолжал руководить контрразведкой. В марте 1946 г. после преобразования наркоматов в министерства генерал Федотов был утвержден начальником 2-го управления (с мая того же года – 2-го Главного управления) МГБ, но уже 7 сентября 1946 г. освобожден от этой должности. В тот же день он был назначен заместителем министра и (по совместительству) начальником ПГУ (внешняя разведка) МГБ СССР¹⁸.

30 мая 1947 г. Совет Министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете Министров СССР, на который возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. В результате разведывательные службы Министерства государственной безопасности и Министерства обороны были слиты в единый орган, который возглавил В.М. Молотов. Заместителем руководителя КИ по внешней разведке стал 47-летний генерал-лейтенант П. В. Федотов¹⁹. Выбор кандидатуры Петра Васильевича был продиктован не только тем, что в органах госбезопасности он считался одним из крупнейших аналитиков. Дело объяснялось еще и тем, что в послевоенное время во внешней разведке органов госбезопасности и Генштаба Вооруженных сил СССР произошел ряд провалов. В частности, в Канаде стал на путь изменения шифровальщик военной резидентуры Гузенко, который выдал противнику ряд агентов не только военной, но и политической разведки. В США изменила помощница агента-групповода «Звука» Элизабет Бентли, выдавшая ФБР практически всю агентурную сеть советской нелегальной разведки в этой стране. Для ликвидации последствий этих провалов требовался новый, независимый человек, не связанный с органа-

ми разведки и имеющий опыт чекистской работы. Таким человеком, по мнению И.В. Сталина, и был П.В. Федотов²⁰.

После ухода В.М. Молотова с поста министра иностранных дел Комитет был передан под эгиду МИД СССР, а его руководителем стал новый министр иностранных дел А.Я. Вышинский. В сентябре того же года председателем Комитета информации был назначен заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин. П.Ф. Федотов остался одним из заместителей председателя КИ и продолжал заниматься оперативной деятельностью внешней разведки²¹.

Вклад Федотова в развитие отечественной разведслужбы характеризуют по военному сухие, но достаточно емкие строки из его служебной аттестации за 1951 г. «...Приложил много усилий в деле укрепления заграничного разведаппарата, в частности, в деле подбора и пополнения его соответствующими работниками, а также по отработке практических задач по организации разведработы в каждой отдельной стране. Провел целый ряд мероприятий, направленный на укрепление центрального аппарата и улучшения его работы»²².

В феврале 1952 г. Комитет информации был упразднен, а генерал-лейтенант Федотов выведен за штат. После смерти И.В. Сталина Министерство государственной безопасности влилось в Министерство внутренних дел, которое вновь возглавил Л.П. Берия. Генерал П.В. Федотов возглавил контрразведывательное управление нового ведомства. Арест Берия не отразился на дальнейшей судьбе нашего героя. Он продолжал руководить контрразведкой МВД, а затем и Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. По предположению некоторых исследователей, не попасть в число «заговорщиков Берия» Федотову помог В.М. Молотов, под чьим руководством он работал в Комитете информации²³.

Успешная карьера Петра Васильевича пошла вниз в 1956 г. после разоблачения культа личности Сталина на XX съезде партии: он был снят с поста руководителя 2-го Главного управления КГБ и назначен в Высшую школу КГБ заместителем начальника редакционно-издательского отдела.

Следует отметить, что по тем временам это был не самый худший вариант. Более печальная участь постигла генералов-

чекистов – участников Великой Отечественной войны. Например, бывший руководитель 4-го управления НКВД генерал-лейтенант П. А. Судоплатов и его заместитель генерал-майор Н.И. Эйтингон, находились под следствием в тюрьме по обвинению в «пособничестве английскому шпиону и врагу народа Берии», а бывший начальник внешней разведки П.М. Фитин заведовал фотографатель в центре Москвы²⁴.

Однако через два года ситуация для Федотова изменилась в худшую сторону. В марте 1959 г. он был уволен из органов госбезопасности по служебному несоответствию, в мае лишен звания генерал-лейтенант «за грубые нарушения законности в период массовых репрессий, в ноябре исключен из КПСС²⁵. Возможно, некоторую роль сыграло то обстоятельство, что перед войной Федотов возглавлял секретно-политический отдел и оставил свои подписи на делах «неблагонадежных» людей, которые сохранились в архиве. Во-вторых, в вину генералу поставили некие «чистки» в Армении в 1937 г. руководство работой «ложного кордона» в 1941 г.²⁶

После разжалования Петр Васильевич прожил всего четыре года. Скончался он 29 сентября 1963 г. в Москве.

¹ В Ялте открыли бюст легендарного советского контрразведчика Федотова // РИА Новости. URL:<https://crimea.ria.ru/20231107/v-yalte-otryli-byust-legendarnogo-sovetskogo-kontrrazvedchika-fedotova-1132624571.html> (дата обращения: 21.11.2023).

² Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб; М., 2002. С. 483; Федотов Петр Васильевич // Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/kto/biogr/gb503.htm> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Матвеев О.К., Мерзляков В.М. «Профессор контрразведки» // Тайная стража. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М., 2017. С. 503.

⁴ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Указ. соч. С. 484.

⁵ Матвеев О.К., Мерзляков В.М. Указ. соч. С. 505.

⁶ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Указ. соч. С. 484.

⁷ Матвеев О.К., Мерзляков В.М. Указ. соч. С. 506.

⁸ Абрамов В. Контрразведка. Щит и меч против Абвера и ЦРУ. URL: <http://istorya.ru/book/kontrrazvedka/05.php> (дата обращения: 22.11.2023).

⁹ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Указ. соч. С. 485.

-
- ¹⁰ Петр Федотов. Оправданный риск. URL: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201707281825-lbq7.htm/201712191024-6ac1.htm> (дата обращения: 22.11.2023).
- ¹¹ Холодов С. Как Шелленберг и Кестринг сказки сочиняли // Историк. URL: <https://историк.рф/index.php/news/665> (дата обращения: 22.11.2023).
- ¹² Абрамов В. Указ. соч. URL: <https://history.wikireading.ru/89187> (дата обращения: 22.11.2023).
- ¹³ Матвеев О.К., Мерзляков В.М. Указ. соч. С. 509.
- ¹⁴ Макаров В.Г. Радиоигры контрразведки СМЕРШ. Апрель 1943 – май 1945. М., 2023. С. 48.
- ¹⁵ Тарасов Д.П. Большая игра. М., 1997. URL: http://militera.lib.ru/h/tarasov_dp/06.html (дата обращения: 22.11.2023).
- ¹⁶ Юрченко С. Советская делегация на Ялтинской конференции 1945 г.: слагаемые успеха // Перспективы: сетевое издание. URL: https://www.perspektivy.info/osobaya_tema/1945-2020-alta/sovetskaja_delegacija_na_jaltinskoj_konferencii_1945_g__slagajemye_uspeha_2020-08-17.htm (дата обращения: 25.11.2023).
- ¹⁷ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Указ. соч. С. 485.
- ¹⁸ Федотов Петро Васильевич // Служба внешней разведки Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://svr.gov.ru/history/person/fedotov.htm> (дата обращения: 22.11.2023).
- ¹⁹ История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. Т. В. 1945–1965 годы. М., 2014. С.7–8.
- ²⁰ Антонов В.С. Начальники советской внешней разведки. URL: <https://military.wikireading.ru/47635> (дата обращения: 22.11.2023).
- ²¹ История российской внешней разведки... С.8.
- ²² Цит. по: Антонов В.С. Указ. соч. URL: <https://military.wikireading.ru/47635> (дата обращения: 22.11.2023).
- ²³ Матвеев О.К., Мерзляков В.М. Указ. соч. С. 511.
- ²⁴ Там же. С. 512
- ²⁵ Колпакиди А.И., Серяков М.Л. Указ. соч. С. 484–485.
- ²⁶ Новик М. Создатель ловушек для шпионов. За что Хрущёв ненавидел генерала контрразведки Петра Федотова. URL: https://life.ru/p/1337307?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 22.11.2023).

А.Ю. Попов
г. Москва

**Особист, партизан, нарком... Генерал Бельченко в годы
Великой Отечественной войны**

Войну С.С. Бельченко встретил в должности начальника Управления НКГБ по Белостокской области. В ночь на 22 июня 1941 г. оперативники НКГБ по Белостокской области захватили группу вражеских диверсантов при попытке перехода государственной границы, которые на допросе сообщили, что утром начнется массированное наступление немецко-фашистских войск. Лазутчики были переодеты в красноармейскую форму и имели задание: вместе с отходящими частями Красной армии продвигаться вглубь территории СССР, совершая при этом диверсии – выводить из строя линии связи, взрывать мосты и дороги, уничтожать лиц комсостава, а также сеять панические слухи.

Имея данные о вторжении фашистов, С.С. Бельченко за несколько часов до начала войны сформировал две разведывательно-диверсионные группы во главе со своими заместителями – старшими лейтенантами госбезопасности Юриным и Сотиковым. Задача этих групп состояла в том, чтобы заниматься разведкой и диверсиями на вражеских коммуникациях до контрнаступления Красной армии. Вскоре эти группы превратились в партизанские отряды.

По приказу первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко С.С. Бельченко явился на военный совет в Могилев, где получил новое назначение. Он стал заместителем начальника Особого отдела Западного фронта.

Сергей Саввич с самого начала участвовал в битве за Москву. Лично выполнял ответственные поручения командования, в том числе и Г. К. Жукова, с которым был хорошо знаком. Последний, в своих мемуарах, отметил С.С. Бельченко как выдающегося организатора партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Сам Бельченко об особых отделах говорил так: «Военной контрразведка – особая тема, и, к сожалению, о ее людях очень мало и скромно написано. Скажу одно: военные чекисты провели

огромную работу по обнаружению и разоблачению шпионов, засыпаемых в большом количестве в действующую армию и ее тылы. Совместно с территориальными органами НКВД чекисты ликвидировали немало диверсантов, засыпаемых в глубокий тыл, оградили штабы и другие службы действующей армии от шпионов и диверсантов, обеспечив секретность замыслов командования. Нужно сказать, что военные чекисты внесли весомый вклад в нашу Великую Победу»¹.

В декабре 1941 года Г.К. Жуков вызвал С. С. Бельченко к себе и сказал, что командующий кавалерийским корпусом генерал П.А. Белов, который действовал в тылу врага, в районе Вязьмы, жалуется на наших летчиков, которые перестали прикрывать его с воздуха, а противник, используя это, систематически бомбит корпус и наносит большие потери. В тоже время командир авиадивизии докладывал из Тулы, где она базировалась, что его истребители непрерывно прикрывают корпус Белова.

Жуков приказал Бельченко немедленно отправляться в Тулу и провести тщательное расследование, узнать, кто обманывает. Вскоре документальная проверка и личные опросы летчиков подтвердили, что приказ точно выполнялся. Но, учитывая, что корпус Белова все время был в маневре и удалялся все глубже в тыл врага, расстояние от аэродрома и обратно увеличивалось. Поэтому летчики, опасаясь нехватки горючего на обратный путь, сокращали время на прикрытие конницы, возвращаясь на аэродром значительно быстрее.

По телефону спецсвязи из Калуги Бельченко все подробно доложил Жукову. Георгий Константинович приказал полковнику, командира авиадивизии, привезти к нему, что Сергей Саввич и выполнил. Жуков снял его в должности. Авиадивизия передислоцировалась в Калугу, и прикрытие корпуса Белова с воздуха стало намного эффективнее².

За это выполненное задание Бельченко был награжден орденом Красного Знамени 26 декабря 1941 г. Узнал Сергей Саввич о своем награждении от самого Георгия Константиновича. Он его вызвал и поинтересовался, читает ли он фронтовые газеты. Бельченко ответил, что если есть время, то, конечно, читает. «Ну, значит, вы слишком занятой человек, коль не соизволили прочитать даже о своем награждении», – сказал командующий фронтом. Тут же

достал орден и вручил его Сергею Саввичу.

Постановлением Государственного комитета обороны 30 мая 1942 г. был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного главнокомандования³. Начальником его был назначен П. К. Пономаренко, генерал-лейтенант, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии. В сентябре – ноябре были и главнокомандующий партизанским движением К. Е. Ворошилов. ЦШПД в оперативном отношении были подчинены республиканские, фронтовые и областные штабы партизанского движения. Тогда же были назначены и начальники штабов. С.С. Бельченко возглавил штаб партизанского движения Западного фронта.

ЦШПД был мозговым центром партизанской борьбы, координировал деятельность партизанских отрядов, действовавших на оккупированной гитлеровцами советской территории.

Первой задачей ЦШПД был поиск путей связи с партизанами за линией фронта. Радиостанций тогда было очень мало. Связь поддерживалась через связных, посыпавшихся через линию фронта.

В результате контузии, полученной на фронте, С.С. Бельченко оказался в госпитале, а после выздоровления получил новое назначение – представителем ЦШПД, членом Военного совета Калининского фронта.

В марте 1943 г. С.С. Бельченко отзвали в Москву и назначили заместителем начальника ЦШПД. В Центральном штабе он напрямую стал работать с П.К. Пономаренко. Сергею Саввичу импонировали его всесторонняя образованность, блестящая память, неиссякаемая работоспособность, широкий кругозор, умение выслушать собеседника и быстро войти в суть вопроса.

Партизаны не только уничтожали живую силу и технику врага. Они вели активную разведку, добывая важнейшие сведения о противнике. Вот здесь и пригодился богатый чекистский опыт С.С. Бельченко по совершенствованию агентурной разведки партизан. Так, в плане разведотдела ЦШПД, утвержденным Сергеем Саввичем, обращалось внимание на недостаточно высокий уровень ведения агентурной разведки, на то, что передаваемые сведения не всегда были достаточно точны и полны, на редкую еще практику проверки и уточнения данных войсковой разведки агентурной и со-

держались рекомендации по преодолению имеющихся недостатков.

С.С. Бельченко принял непосредственное участие в организации «рельсовой войны» – такое было кодовое название крупнейшей партизанской операции, проведенной 3 августа – 15 сентября 1943 г. на оккупированной территории РСФСР, Украины и Белоруссии для оказания помощи частям Красной армии в завершении разгрома фашистских войск в Курской битве. ЦШПД привлек к этой операции 167 партизанских бригад и отрядов, действовавших в тыловых районах групп армий Вермахта «Центр» и «Север». Общий план был разработан в Центральном штабе.

В самом начале знаменитой операции по освобождению Белоруссии «Багратион» С.С. Бельченко возглавил республиканский Наркомат внутренних дел, оставаясь заместителем начальника ЦШПД.

По мере освобождения Белоруссии в тылу советских войск стали появляться и активно действовать банды, подготовленные и оставленные гитлеровскими спецслужбами для подрывной работы. К середине 1947 г. практически все вооруженные банды, в том числе и уголовные, были ликвидированы. В этом есть несомненная заслуга С.С. Бельченко.

В марте 1953 г. возглавил 3-й спецотдел союзного министерства внутренних дел. В конце 1953 г. С.С. Бельченко назначили начальником Ленинградского пограничного округа. Но командовать пограничниками довелось недолго. В апреле 1954 г. Сергею Саввичу позвонил председатель созданного Комитета государственной безопасности И.А. Серов и сообщил, что его назначили начальником Управления КГБ по Ленинградской области.

Сформировав областное управление госбезопасности, С.С. Бельченко проработал его начальником до начала 1956 года. Деятельность ленинградских чекистов в этот период времени была высоко оценена руководством органов государственной безопасности, что, видимо, повлияло на его новое назначение – заместителем председателя КГБ при Совете Министров СССР.

В 1956–1957 гг. С.С. Бельченко находился в Венгрии как представитель КГБ и лично отчитывался перед И.А. Серовым о происходящих там событиях. В этой командировке Сергей Саввич познакомился с Ю.В. Андроповым. Во время одной из бесед в них стрелял снайпер из соседнего дома и, будь он точнее, одним выстрелом мог убить

обоих. Во время этой командировки С.С. Бельченко познакомился, а потом и подружился с руководителями Венгерской Народной Республики Я. Кадаром и Ф. Мюнихом. Продолжительное время переписывался с ними.

После XX съезда партии, в связи с массовыми беспорядками в Тбилиси и Грозном, С.С. Бельченко командировался в указанные города для ликвидации последствий этих негативных явлений.

В июле 1959 г. С.С. Бельченко ушел в запас по болезни, проработав в пограничных войсках и органах госбезопасности около 40 лет.

Сергей Саввич Бельченко с 1925 член ВКП (б). В 1950–1954 гг. являлся депутатом Верховного Совета СССР; Верховного Совета РСФСР, БССР. Награжден четырьмя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, орденом Дружбы; 27 медалями; знаками Заслуженного работника НКВД, МВД и Почетного сотрудника госбезопасности. В 1999 г. награжден орденом Жукова.

Сергей Саввич Бельченко умер 9 января 2002 г. в возрасте 99 лет. Похоронен на Кунцевском кладбище в городе Москве.

¹ Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 134.

² Там же. С. 145.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 507.

Ю.Н. Платонов
г. Москва

Штрихи биографии генерала Коваленко

В 2017 г. в издательстве «Новый хронограф» опубликованы заметки о жизни бывшего заместителя начальника 2-го Главного управления КГБ СССР генерал-майора Анатолия Григорьевича Коваленко. Как в большинстве мемуаров, его оценки – субъективны, не бесспорны, иногда ядовиты, но отражают весьма интересные факты и нравы того времени, выразительные подробности из чекистской жизни¹.

Обратимся к некоторым малоизвестным страницам биографии А.Г. Коваленко, которые подтверждены другими источниками.

Его детство и юность прошли в Полтавской губернии, Сумах и Запорожье. С началом войны семья эвакуирована в Ставрополь, затем – в Омск. Оттуда в октябре 1942 г., будучи студентом первого курса Омского автодорожного института, отказавшись от имевшейся брони, Анатолий обратился в военкомат с просьбой отправить на фронт. Ему предложили пройти курс обучения в разведывательно-диверсионной школе и отправили в прифронтовую Орловскую область.

Обучение проходило в течение 3 месяцев в городе Елец «по линии 4-го Управления НКВД (потом – НКГБ) СССР», которое занималось «зафронтовой разведкой» под руководством заместителя начальника спецшколы подполковника Г.М. Брянцева Оно сводилось к стрельбе из пистолета, изучению боевых свойств взрывчатых веществ, к топографии и ориентировке на местности, поведению в условиях оккупированного города под прикрытием документов,

На заключительном этапе обучения стало известно, что часть слушателей готовят для совершения террористического акта над командующим 2-й танковой армией вермахта генералом Х. Гудерианом, штаб-квартира которого находилась в городе Орле.

После окончания школы А.Г.Коваленко был назначен оперативным уполномоченного 4-го отдела УНКВД Орловской области.

После освобождения Орла он ходил с товарищем на место, с которого должны были производиться выстрелы по Гудериану.

«...С тротуара хорошо просматривалась значительная часть двора одноэтажного дома, где Гудериан каждое утро совершал пятнадцатиминутный мюцион.... Мы должны были в строго определенное время идти друг за другом на расстоянии пятнадцати-двадцати метров и в подходящий момент произвести выстрелы... Далее – рывок к Оке, и бегом по льду на другой берег. Там нас должна ждать подвода с партизанской базы. На ней мы уходим как можно дальше от города и скрываемся в лесном массиве.

Когда мы оценили обстановку, стало ясно, что в лучшем случае мы, возможно, успели бы добежать по льду до середины реки. Охрана Гудериана, стреляя с высокого берега ... успела бы сделать из нас решето»².

«Первое оперативное поручение заключалось в подготовке агентурной группы «Подруги» к выброске в город Орел под соответствующим прикрытием. В состав группы входили две девушки – разведчица и радиостка. Каждый день занимались по заранее составленной программе подготовки, изучали карту Орла, оперативную обстановку в городе, заучивали на память нужные адреса, условия связи, места дислокации немецких воинских частей, штабов, разведорганов и жандармерии.

«Подруги» вскоре были засланы в Орел, удачно легализовались и регулярно выходили на связь. Их работой начальство было довольно, а часть славы перепадала и мне, хотя нашел «Подруг» и определил их пригодность к разведывательной работе другой оперативный сотрудник.

Незадолго до освобождения Орла они передали сигнал тревоги и им был отдан приказ в эфир временно не выходить. Девушки заметили неподалеку от их жилища две подозрительные автомашины с направленными антеннами и предупредили центр о подстерегающей их опасности. Судя по всему, радио «Подруг» за-пеленговала армейская разведка немцев.

Успехе «Подруг» вызвал начальства ко мне. Началась моя подготовка как оперативного работника к самостоятельным действиям в тылу противника. Я почувствовал уверенность в себе, более-менее точно оценил свои возможности в новом деле, в котором доминировало творческое начало и нестандартные решения...»³.

В декабре 1942 г. А.Г. Коваленко заброшен в тыл противника для обеспечения наступления советских войск под командованием генерала К.К. Рокоссовского. Задание у группы численностью 12 человек, сформированной из спортсменов-лыжников, заключалось в диверсиях на железнодорожной трассе Брянск – Орел и в течение десяти дней не пропустить к линии фронта ни одного воинского эшелона.

«...при переходе линии фронта в тыл немцев нарвались на минное поле. Видимо, армейская разведка дала неточные сведения о месте безопасного перехода или поле было заминировано недавно. Пришлось задержаться на три дня, пока связывались по радио с Центром и ждали указания о месте нового перехода и где нам оставить раненого. Вторично линию фронта переходили в районе железнодорожной станции Сухиничи в Смоленской области.

Группа была вооружена новейшими автоматами ППШ, этим гордились, но оказалось, что нужно иметь еще две-три винтовки, для поражения дальней цели. После выполнения задания хочется побыстрее добраться домой, но надо день переждать в укрытии, чтобы не быть обнаруженными немецкими патрулями и русскими полицейскими. Всех одолевает желание – согреться, но и надо терпеть... Выбирается небольшое углубление на ровной местности, в котором группа размещается, занимая одновременно круговую оборону. С близкого расстояния ее не видно, но с возвышения в степи, которое расположено в трехстах-четырехстах метрах, просматривается хорошо и на фоне снега каждый человек как на ладони. Внезапно на возвышении появились два полицая и бьют по нам из винтовок. Вероятно, получили извещение о наших возможных путях отхода, выследили, запросили подмогу... Появился раненый. Наш прицельный огонь из автоматов эффективен на расстоянии до сорока метров. Только вечерняя

мгла спасла нас от своеобразного расстрела, да и стрелки из по-лицаев были паршивыми...»⁴.

Осенью 1943 г. в Орел, спустя месяц после освобождения города от немецких захватчиков, специальным поездом, в составе которого была платформа с длинным черным «паккардом» прибыл один из руководителей Совнаркома СССР А.И. Микоян, который провел служебное совещание с партийным и хозяйственным активом. Он разместился в скромном одноэтажном здании. Охрану несли сотрудники 4-го отдела УНКВД, в том числе в составе подвижных постов, разъезжающих по городу с целью выявления подозрительных лиц. Содержание и манера речи А.И. Микояна произвела особое впечатление на молодого чекиста.

В том же году Коваленко – оперуполномоченный 4-го Управления НКГБ Украинской ССР. В Киев переведен по подсказке Г.М. Брянцева. Управлением руководил полковник И.Д. Сидоров, бывший до этого начальником 4-го отдела УНКГБ Орловской области.

А.Н. Коваленко поручили грамотно оформить литерное дело, на Организацию украинских националистов (ОУН), которую возглавлял находившийся в Германии А.А. Мельник. «Я аккуратно, подшивал поступающие ко мне документы, отвечал на различные запросы, выдавал справки и готовил аналитические документы по заказам начальства и оперативного состава. По моим представлениям, оно было в идеальном порядке и, когда в Киев прибыл народный комиссар государственной безопасности Меркулов В.Н., я понес к нему дело в абсолютной уверенности, что заслужу похвалу.

Он стал медленно его перелистывать, задавал уточняющие вопросы, ...вдруг впился в какую-то страницу... перевернул дело, затем возвратил его в нормальное положение, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Я похолодел: стало ясно, что одну из страниц я подшил вверх ногами.... Закончив чтение, возвращая дело, спокойно произнес: «Вы свободны!» Я покинул кабинет в полной уверенности, что ... буду свободным, но только от службы. Однако ничего не произошло, и мое начальство никак не прореагировало. ...После этого случая я старался быть предельно внимательным в любом поручении, и эта привычка сохранилась на всю жизнь. Да и самоуверенности поубавилось»⁵.

В начале 1944 г. А. Коваленко был вновь заброшен за линию фронта на базу партизанского отряда, действовавшего в Польше, а затем в Словакии. Там, за две тысячи километров от линии фронта, скопились и регулярные немецкие войска, и предатели власовцы, и бывшие сотрудники словацких спецслужб, сотрудничавшие.

Оперативная группа НКГБ УССР «Радуга», которой предстояло действовать на базе партизанского отряда имени Железняка, состояла из двух оперативных сотрудников: майора А.П. Святогорова, который будет работать под псевдонимом «Зорич», капитан Коваленко становится «Гурским».

В предстоящей разведывательно-диверсионной операции под кодовым названием «Люблин» ей предстояло:

- с учетом участившихся в этом отряде провалов ранее намеченных операций найти и обезвредить возможно имеющихся там немецких агентов;

- установить разведшколу в районе польского города Люблин и уничтожить ее, а в дальнейшем организовывать проникновение своей агентуры в разведывательные органы противника и в гестапо;

- ликвидировать рейхскомиссара Украины и гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха (после неудавшейся попытки его уничтожения разведчиком партизанского отряда «Победители» Н. И. Кузнецовым).

При помощи оперативной комбинации выявили и разоблачили группу агентов гитлеровских спецслужб, а также перевербовали одного из них⁶.

Удалось также выследить точное местонахождение Коха и запланировать его похищение или ликвидацию. Один из наших агентов заложил взрывчатку в подвале краковского замка Вавель (под кабинетом бывшего рейхскомиссара Украины). Но подвело предательство другого нашего помощника, который сообщил в гестапо о готовящемся покушении⁷.

Задача в дальнейшем образовавшегося спецотряда в Словакии (где Коваленко заменил погибшего командира) заключалась в проникновении на подземные заводы по производству ракет ФАУ-1 и ФАУ-2 в районе Лядце-на-Гроне». Десять человек, перевезенные различными способами в Словакию, составили ко-

стяк отряда. Пополнение набирали из местных жителей и военнопленных, бежавших из фашистских концлагерей. Отряд был многонациональный – русские, украинцы, белорусы, словаки, поляки, венгры и югославы. Радистка отряда О. Лисянская стала женой. Коваленко. За голову капитана «Гурского» объявили награду в сто тысяч крон, но никто из словаков не выдал командира.

С 1946 г. Коваленко работал в УМГБ Украинской ССР по Запорожской области, с 1948 г. – в центральном аппарате МГБ СССР. Организовывал контрразведывательную работу на канале временно находившихся в СССР иностранных граждан, занимая различные должности, в том числе заместителя, а затем и начальника 7-го отдела 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР.

В то время страны Запада активно забрасывали по легальным каналам свою агентуру, которая стремилась проникнуть в «закрытые» районы. Отсюда уходы с туристских трасс, заборы воды, взятие проб почвы, другие действия, исполнители которых являлись шпионами и об их поимке были сообщения в прессе. Таких разведчиков было задержано более пятнадцати человек. За организацию их поимки и разоблачение А.Г. Коваленко был награжден орденом Красного Знамени.

В 1964 г. в КГБ при СМ СССР произошло чрезвычайное происшествие. Заместитель начальника 7-го отдела 2-го Главного управления КГБ майор Ю. И. Носенко, направленный в краткосрочную загранкомандировку в Женеву, попросил политического убежища.

Приказом КГБ при СМ СССР от 20 мая 1964 г. за безответственность при решении вопроса о командировке своего заместителя за границу А.Г. Коваленко был отстранен от должности начальника отдела с использованием на работе в органах госбезопасности с понижением. При этом он оставлен на работе в этом же отделе, а с 1968 г. вновь становится его начальником.

Видимо, с учетом вышеуказанного психологического шока, личностных особенностей и иных качеств у него появилась подозрительность к сослуживцам. Это обстоятельство отметил его заместитель В.Е. Кеворков, который в то время по поручению Ю.В. Андропова организовывал секретный канал связи между

высшим руководством СССР и ФРГ. Назревавший серьезнейший конфликт был разрешен весьма оригинально – присвоением в октябре 1972 г. обоим фигурантам высших воинских званий генерал-майор. Вскоре отделу, начальником которого был назначен Кеворков, изменили функциональные обязанности, а Коваленко перемещен на другой участок – с 1973 г. он становится начальником 16-го отдела 2-го Главного управления КГБ при СМ СССР (в 1981–1982 гг. – заместителем начальника 2-го Главного управления КГБ СССР).

В течение десяти лет он занимался в контрразведывательном плане такими сложными в оперативном и политическом отношении странами, как Китай, Корея, Тайвань, Вьетнам, Япония, Индонезия, Индия, Пакистан, государствами Азии и Дальнего Востока.

По его мнению, в контрразведывательной работе против спецслужб Китая было много парадоксальных ситуаций, которые не укладывались в наработанные представления о логике поведения агентуры противника. Совсем иной мир, другая психология, образ жизни и представления о ценностях.

На протяжении многих лет А.Г. Коваленко поддерживал дружеские отношения с фронтовым сослуживцем Г.М. Брянцевым, ставшим известным писателем. Под его влиянием он стал консультантом широко известных фильмов - «По тонкому льду», «Таинственный монах», «Адъютант Его Превосходительства», «Вечный зов», «Эмиссар заграничной службы», «Время не властно», «Фронт в тылу врага» (под псевдонимом Орехов) и других, внес, как признают мастера кинематографа, немалые усилия в организацию их выход на экран, в переделку сценариев и режиссуру.

Вспоминает супруга режиссера Е. И. Ташкова Т. А. Ташкова: «Адъютанта его превосходительства» комиссия не хотела выпускать... заявляли: «Белогвардейское отребье будет ликовать от восторга, увидев эту картину!» Тогда муж обратился к генералу КГБ Анатолию Григорьевичу Коваленко. Тот пришел с другими генералами, их было человек пятнадцать. Посмотрели и сказали: «Эта картина выйдет на экраны»⁸.

За Анатолием Григорьевичем установилась репутация специалиста по художественным, документальным и специальным

(служебным) фильмам. Он строго оценивал предлагаемые сценарии, отказывался от некоторых из них, что вызывало непонимание со стороны ряда руководителей ведомства, стремившихся активно участвовать в данном процессе.

В 1982 г. неожиданно был назначен заместителем руководителя Представительства КГБ при МВД Болгарии и занимал эту должность до 1986 г. Такое назначение он посчитал формой почетной ссылки.

В 1990 г. – после 48 лет службы – Коваленко был уволен из органов госбезопасности. Награжден орденами Красного Знамени (29 сентября 1970 г.), Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями, орденом «Виртути Милитари» (ПНР), орденом «Военный крест 1939 г.» и 2 медалями (ЧССР), орденом МНР⁹.

В этом возрасте Анатолий Григорьевич стал философом, коллекционировал высказывания о спецслужбах и предлагал свои, например:

- разведывательной службе опасно «вариться в собственном соку»;
- в разведке существует правило: отбросов нет - есть только резервы.

- КГБ не имеет права на ошибку. Организация, в которой «нет» так же важно, как и «да». Надо предельно реально и точно оценивать обстановку, без подстройки под чье-либо мнение. ...Разумеется, при этом нередко требуется опровергать мнение авторитетного и очень уважаемого начальника¹⁰.

Фрагменты воспоминаний А.Г.Коваленко, его богатый профессиональный опыт и круг общения, «стремление к правде», консультативная работа над кинофильмами, которые оценили миллионы зрителей, на наш взгляд, представляют значительный интерес для историков отечественных спецслужб.

¹ Коваленко А.Г. Наедине с собой : [воспоминания. Из записных книжек. Письма]. М., 2017.

² Там же. С.104–107.

³ Там же. С. 112–114.

⁴ Там же. С.105–107.

⁵ Там же. С119–121.

-
- ⁶ Терещенко А., Шидловский Д. Отряды зафронтовой заброски. М., 2020. С. 243–250.
- ⁷ Терещенко А. Щит и меч «майора Зорича». М., 2017. С 132–133; 163–166.
- ⁸ Ташкова Т. Свет погасших звезд //Алтайская правда. 2013. 12 июля.
- ⁹ Петров Н.В. Время Андропова. М., 2023; Баев Й. КГБ в България: сътрудничеството между съветските и българските тайни служби, 1944–1991. [София], 2009.
- ¹⁰ Коваленко А.Г. Указ. соч. С 286–289.

А.М. Демидов
г. Москва

Генерал Питовранов: становление руководителя органов государственной безопасности, призванного по партийному набору (1938–1942 гг.)

В служебной биографии Евгения Петровича Питовранова особый интерес вызывает период его становления как руководителя органов государственной безопасности: будучи призванным на службу 23-летним лейтенантом, уже через 4 года он возглавил Управление НКВД по Кировской области, и вскоре ему присваивают специальное звание «комиссар государственной безопасности», которое приравнивалось к воинскому званию «генерал-майор». На карьеру Е.П. Питовранова в начале службы существенно повлияло одно обстоятельство. Дело в том, что на службу в органы государственной безопасности он был направлен по партийному набору.

В истории советского государства партийные наборы практиковались неоднократно, когда требовалось укрепить и/или обновить кадры органов государственной безопасности. Так было в годы Гражданской войны и в период НЭПа. Так поступили и во второй половине 1938 г. К этому времени партийный набор уже был испытанным и оправдавшим себя способом быстрого решения кадровой проблемы. После репрессий 1937 г. и первой половины 1938 г. карательная политика государства менялась в сторону смягчения. Нужны были новые кадры, способные заменить тех руководителей и сотрудников, которые участвовали в массовых необоснованных репрессиях и допускали нарушения социалистической законности.

22 августа 1938 г. на укрепление высшего руководства НКВД СССР был направлен 1-й секретарь ЦК КП(б) Грузинской ССР Л.П. Берия, которого назначили первым заместителем народного комиссара внутренних дел СССР Н.И. Ежова с ближайшей перспективой его замены на этом посту. С 29 сентября 1938 г. комиссар государственной безопасности 1 ранга Берия Л.П. одно-

временно возглавил Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Именно в это время по решению ЦК ВКП(б) студент 5-го курса Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта Евгений Питовранов в числе других молодых коммунистов был рекомендован на работу в органы госбезопасности и 5 ноября 1938 г. прибыл на стажировку в должности оперативного уполномоченного 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР. Первый инструктаж стажеров провел лично Берия в присутствии Ежова, понимавшего, что его дни в НКВД сочтены.

В начале беседы Берия отметил, что за 1937–1938 гг. органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистке СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров из троцкистов, бухаринцев, эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов, белогвардейцев, беглых кулаков и уголовников. Все они в совокупности представляли собой серьезную вербовочную базу в СССР для иностранных разведок, в особенности Германии, Польши, Великобритании, Франции и Японии. Далее комиссар госбезопасности 1 ранга подчеркнул, что в эти годы органы НКВД проделали большую работу по разгрому шпионско-диверсионных резидентур иностранных разведок и по пресечению преступной деятельности большого количества их агентов, заброшенных в СССР под видом политэмигрантов и перебежчиков из европейских стран. Берия подытожил, что очистка страны от диверсионных, повстанческих и шпионских кадров иностранных разведок сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства.

Однако Берия тут же предупредил молодых сотрудников, что очистка СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов еще не окончена. Задача в настоящее время заключается в том, чтобы, продолжая и впредь беспощадную борьбу со всеми врагами народов Советского Союза, организовать эту борьбу при помощи совершенных и надежных методов...

На подобные беседы со стажерами и молодыми сотрудниками Л.П. Берия времени не жалел и после того, как 25 ноября 1938 г. сменил Н.И. Ежова на посту наркома внутренних дел СССР, со-

хранив за собой непосредственное руководство ГУГБ НКВД СССР. Эти молодые люди должны были стать опорой нового наркома в реализации задач, которые онставил перед сотрудниками наркомата¹. В первую очередь он потребовал немедленно прекратить массовые аресты и выселения без предварительного и всестороннего рассмотрения в индивидуальном порядке всех имеющихся на каждого обвинительных материалов. В дополнение к этому необходимо было отменить практику составления так называемых справок или меморандумов на арест. Берия подчеркивал, что на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР можно было направлять дела только с заключением прокурора в тех исключительных случаях, когда в судебном порядке невозможно использовать доказательства, изобличающие обвиняемого, в то время как его вина установлена в результате следствия и сомнения не вызывает. 15 декабря 1938 г. краткосрочная стажировка закончилась.

Лейтенанту госбезопасности Питовранову Берия объявил об откомандировании его в Управление НКВД СССР по Горьковской области (ныне – Нижегородской области) для дальнейшего прохождения службы сначала в должности исполняющего обязанности начальника контрразведывательного отделения. Нарком посоветовал поговорить с предшественником, много лет руководившим этим подразделением, арестованным как враг народа и на данный момент находившимся в следственном изоляторе управления. Цель беседы заключалась в том, во-первых, чтобы получить от него полную информацию об особенностях оперативной обстановки по линии работы контрразведывательного отделения; во-вторых, чтобы разобраться в обоснованности ареста этого опытного сотрудника.

Сразу же по прибытии в Горький и назначении на должность лейтенант ходатайствовал перед начальником управления и получил его согласие на беседу с арестованным. По этому факту спустя десятилетия Е.П. Питовранов напишет: «Тогда, уже на первой встрече с подследственным коллегой, я понял, насколько уязвим сам чекист, всегда по долгу и характеру своей службы находящийся на самом острье политического противоборства, или, как тогда определяли, «классовой борьбы». Тот или иной его ход, практически любое действие, продиктованное конкретными

обстоятельствами, могло, да и сейчас может, трактоваться очень произвольно, и нередко – в угоду политической или служебной конъюнктуре. Долгий разговор, проходивший, как того требовала процедура, в присутствии следователя, меня убедил не только в полной его невиновности, но, наоборот, – в глубоком осознании своего служебного долга, творческом отношении к делу и в святой вере в коммунистическую идею»².

По результатам беседы Е.П. Питовранов составил докладную записку на имя начальника управления с выводом о целесообразности прекращения следствия. Заключенного освободили, но отправили в отставку, и он дожил до глубокой старости благодаря честности, смелости и порядочности молодого лейтенанта госбезопасности. Признаем, что одной беседы для оправдательного решения по серьезному обвинению было бы недостаточно, но признаем также и то, что, зная статус этого лейтенанта, кто в управлении, включая самого начальника, решился бы в тех условиях опровергнуть его мнение. Так, с первых дней своей службы Е.П. Питовранов включился в работу по пересмотру дел на некоторых лиц, необоснованно обвиненных в контрреволюционных преступлениях³.

Через несколько недель службы на новом месте, в феврале 1939 г., Е.П. Питовранов назначен начальником 1-го отделения Экономического отдела управления, а в июне – начальником 2-го отделения этого же отдела. Перемещение «по горизонтали» – распространенная практика повышения квалификации молодых руководящих кадров, освоения ими различных участков служебной деятельности, приобретения знаний, навыков и умений, необходимых для выдвижения в пределах управления. Благодаря таким перемещениям Е.П. Питовранов в короткий срок изучил оперативную обстановку по линии контрразведывательной работы, а также на особо важных объектах военной промышленности, включая авиационный завод №21, автомобильный завод, завод «Красное Сормово», машиностроительный завод №92 и др.

31 мая 1940 г. Л.П. Берия, посчитав, что старший лейтенант госбезопасности Е.П. Питовранов в достаточной степени изучил оперативную обстановку и вполне освоился как руководящий работник, сразу, минуя должность начальника отдела, назначил его заместителем начальника УНКВД СССР по Горьковской об-

ласти. В этой должности он прослужил до реорганизации органов НКВД СССР, которая началась во исполнение решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1941 г. о создании нового Наркомата государственной безопасности и о передаче в его подчинение из НКВД СССР оперативных подразделений. Наркомом внутренних дел остался Л.П. Берия, а НКГБ возглавил В.Н. Меркулов. Наиболее надежных и перспективных руководителей Берия оставил в своем ведомстве. В их число попал и его «крестник» капитан госбезопасности Питовранов, которого 26 февраля 1941 г. Берия назначил начальником Управления НКВД СССР по Горьковской области.

Вскоре началась Великая Отечественная война. В общем процессе централизации органов государственного управления 20 июля 1941 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин и секретарь Президиума Верховного Совета СССР А.Ф. Горкин подписали указ, который по своему содержанию был краток: «В связи с переходом от мирного времени на военные условия работы признать целесообразным объединение Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел»⁴. Во исполнение названного указа последовало слияние территориальных управлений и очередная реорганизация органов государственной безопасности на местах. Капитан Питовранов был назначен заместителем начальника объединенного Управления НКВД СССР по Горьковской области, которое возглавил В.С. Рясной. Тогда Л.П. Берия, видимо, посчитал, что 26-летний Питовранов еще недостаточно опытен, чтобы руководить объединенным управлением в чрезвычайных условиях военного времени. Однако деятельность своего выдвиженца нарком из поля зрения не выпускал. Именно его Берия в сентябре 1941 г. откомандировал в свое временное распоряжение, чтобы направить в числе представителей наркомата участвовать в организации и контроле за ходом работ по строительству оборонительных сооружений на подступах к Москве.

Отнюдь не случайно выбор пал на заместителя начальника управления НКВД СССР по Горьковской области. Некоторые военачальники спустя несколько десятилетий писали о своей полной уверенности в начале осени 1941 г. в том, что столицу ни в коем

случае врагу не сдадут. Однако тогда даже у высшего военно-политического руководства страны такой уверенности не было. Кроме того, благодаря советской разведке И.В. Сталин в общих чертах знал о наличии германского плана молниеносной войны против СССР, ставшего позже известным как план «Барбаросса», согласно которому конечной целью военных действий являлся выход войск вермахта на линию Архангельск – река Волга – Астрахань. Поэтому в сентябре 1941 г. оборонительные сооружения начали строить на подступах к Москве, тогда же планировали это делать и в глубоком тылу на подходах к рубежам важных промышленных городов восточнее столицы до Волги. С учетом такой перспективы Е.П. Питовранов в сентябре 1941 г. был откомандирован в Москву и в составе оперативной группы НКВД при штабе обороны города принял участие в создании вокруг столицы особого укрепленного района. Эта работа стала для него своеобразной стажировкой и приобретением нового опыта, который следовало использовать по возвращении в Горький.

В октябре 1941 г. Горьковский городской комитет обороны принял решение о начале строительства оборонительного рубежа на дальних подступах к городу. Его запланированная протяженность первоначально составляла 700 км. 30 октября 1941 г. городской комитет обороны утвердил вернувшегося из командировки Е.П. Питовранова руководителем оборонительного строительства. В этом качестве он решал ряд сложных организационных и иных задач. Огромный объем строительных работ порождал проблему нехватки автомашин и другой техники, подвод, лопат, ломов, а также взрывчатки, капсюлей-детонаторов, бикфордова и детонирующего шнуро. Обеспечение всем этим строительства Е.П. Питовранов держал под своим контролем. Однако наиболее острой проблемой была нехватка рабочих рук. Обсуждение всех этих проблемных вопросов велось практически на всех заседаниях партийных комитетов. Например, 16 ноября 1941 г. состоялся пленум Горьковского городского комитета ВКП(б) с повесткой дня «О мероприятиях по выполнению указаний тов. Сталина в докладе от 6-го ноября 1941 года». В своих выступлениях члены горкома касались, естественно, и строительства оборонительного рубежа. Наиболее радикально выступил секретарь Ждановского райкома ВКП (б) Олонов, который сообщил, что на закрепленном

за районом участке стройки из 3000 осталось всего 1600 человек. «Мы не сумеем успешно закончить работу, – заявил далее партийный секретарь, – если не будем применять репрессивные меры к дезертирам. Суд и прокуратура по привлечению дезертиров работают очень плохо. Мы до сего времени не имеем ни одного факта, чтобы осудили по той статье, какая полагается в этих случаях. Эта статья дает право осуждать виновных от 6 месяцев и до расстрела»⁵.

Таким образом, высокопоставленный партийный работник Олонов на заседании пленума горкома партии побуждал правоохранительные органы самим подыскать подходящую статью в УК РСФСР и наказывать лиц, самовольно покидающих строительство оборонительного рубежа, как за уголовное преступление.

В таком случае нарушения социалистической законности были бы неизбежны, и это в полной мере осознал присутствовавший на пленуме член городского комитета ВКП(б) Е.П. Питовранов. Он решительно возразил: «Дело не в суде и не в прокуратуре, товарищ Олонов. Здесь надо работать с народом. Когда со стройки уходят тысячи человек, сколько бы вы не репрессировали, никакого толка не получится». А дальше последовала критика и в адрес самого Олонова: «Надо больше работать с людьми, больше о них заботиться. Тогда люди будут считать за дело чести работать на стройке, и никто не будет уходить оттуда»⁶.

Столь решительно, несмотря на свою молодость, 26-летний Е.П. Питовранов смог выступить потому, что обладал полной информацией о причинах массового ухода людей с того участка стройки, который был закреплен за Ждановским районом Горького. Дело в том, что на строительстве работали в основном женщины. Их туда направили из областного центра, из всех близлежащих городов, поселков и из сельской местности. Перед отправкой представители местной власти оповестили, что надо взять с собой продукты питания на трое суток. Однако работать пришлось гораздо дольше, но на месте строительных работ ответственные чиновники Ждановского района питание организовали крайне плохо. В условиях суворой осени и ранних заморозков в ряде мест даже не удосужились снабжать работающих ки-

пятком. Поэтому почти половина мобилизованных на строительство женщин самовольно возвратились в свои семьи.

Работа Е.П. Питовранова на строительстве оборонительных сооружений под Москвой и Горьким была высоко оценена правительством: 28 ноября 1941 г. его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

К началу 1942 г. во всей остроте стала ощущаться проблема обеспечения воюющей Красной армии продукцией военно-промышленного производства. При довоенных темпах производства только для восполнения боевых потерь в самолётах, понесённых СССР в первые три военные недели, понадобилось бы не менее пяти месяцев, в артиллерийских орудиях – свыше девяти месяцев, в танках и миномётах – более 21 месяца. Такие сроки были, разумеется, совершенно неприемлемы. Стало ясно, что для победы над врагом потребуется максимальная концентрация духовных и физических сил всего народа. На мобилизацию всех резервов тыла была направлена деятельность центральных и местных чрезвычайных, партийных и государственных органов. К августу 1941 г. положение в промышленности было настолько сложным, что оперативный состав вновь созданных экономических отделов НКВД-УНКВД немедленно включался в решение проблем промышленного производства. О напряжении, с которым приходилось работать оперативному составу в первые военные месяцы, говорит следующий факт: в Экономический отдел (ЭКО) Управления НКВД по Горьковской области из Наркомата внутренних дел в среднем каждые трое суток поступала очередная телеграмма с требованиями о принятии самых решительных мер по вопросам промышленного производства и транспортировки грузов. Аналогичные просьбы из территориальных органов госбезопасности поступали в ещё большем количестве.

На совещании руководящего состава УНКВД по Горьковской области в январе 1942 г. Е.П. Питовранов отмечал: «Если в мирное время недостатки в деятельности наших предприятий изучались, анализировались, а потом через сигнализацию вышестоящим органам принимались меры, то теперь оказалось необходимо, вскрывая саботажников, вредителей, тормозящих работу заводов, сочетать это с личным вмешательством наших работников по выполнению государственных заданий». По инициативе Е.П. Питовранова в УНКВД

по Горьковской области стало практиковаться прикрепление оперативных работников к заводам и промышленным объектам, закрепление ответственных за производство отдельных видов продукции, а также создание специальных оперативных групп, чтобы в срок и полностью обеспечить выполнение заданий ГКО. От органов госбезопасности требовалось безотлагательно «обрушиться всеми средствами» и добиться скорейшего устранения помех в работе тыла. Довольно быстро пришло общее убеждение, что непосредственно занимаясь промышленным производством, сотрудники органов госбезопасности решают тем самым задачу повышения обороноспособности страны. И оперативные работники под руководством Е.П. Питовранова смело вмешивались в производство, по несколько суток находились в цехах, где изготавливались танки, самолёты и миноносцы, занимались продвижением вагонов и эшелонов. Недостаточно энергичная работа в сфере экономики вызывала острую критику со стороны Е.П. Питовранова и других руководителей УНКВД и становилась предметом строгой взыскательности. В случае производственных срывов на каком-либо предприятии деятельность оперативника или подразделения, осуществлявшего его оперативное обеспечение, оценивалась также отрицательно.

Содержание распоряжений, направленных на места от членов ГКО с угрозами уголовных репрессий, показывает, что использование органов государственной безопасности в решении экономических проблем в тех условиях было закономерным и неизбежным. Для иллюстрации можно привести одну из телеграмм, поступившую в Горький: «В то время как фронт нуждается в самолётах, на заводе 21 по вине директора завода Гостинцева, партсекретаря Агуреева, военпреда Шишкина и при попустительстве секретаря обкома партии Родионова систематически накапливается большое количество готовых самолётов. Так, на 1 декабря 1941 года скопилось 139 самолётов ЛаГГ-3. Государственный Комитет Обороны обязывает вас немедленно покончить с таким преступным отношением к делу обороны страны, принять меры к тому, чтобы до 5 декабря 1941 года все готовые самолёты были отправлены с завода в части ВВС и впредь обеспечить своевременную отправку готовых самолётов с завода. Виновные в задержке готовых самолётов подлежат уголовной ответственности.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин. 2 декабря 1941 года⁷.

Выполняя соответствующие приказы и установки руководства, в том числе и Е.П. Питовранова, оперативный состав был вынужден вмешиваться в производство. «Можно ли было остаться в стороне, – рассуждал Козлов далее, – когда завод «Красное Сормово» в течение трёх месяцев срывал график выпуска танков? В течение трёх месяцев такой большой завод с хорошим рабочим классом не дал ни одного танка». В последние дни 1941 г. завод «Красное Сормово» снова сорвал производство танков, так как кончились радиаторы. Одним из виновников такого положения стал Сормовский горотдел УНКВД, который, по мнению Е.П. Питовранова, был обязан дать прогноз не за пять дней до полного использования запаса радиаторов, как это имело место, а гораздо раньше, чтобы через партийные и правительственные органы своевременно принять соответствующие меры. Схожие проблемы возникали и на других объектах.

На совещании по итогам 1941 г. в пример другим поставили сотрудников Автозаводского горотдела: когда на Горьковском автозаводе оказался сорван выпуск миномётов, Берия приказал закрепить там «сколько угодно чекистов», но таких, которые могли бы любым способом «вытащить» производственную программу, и сотрудники отдела указания наркома выполнили. В другом случае они предотвратили срыв производства лёгких танков Т-60: по указанию Е.П. Питовранова навстречу транспортным грузовикам с остродефицитными деталями направили легковые автомашины и на них часть деталей срочно доставили прямо в сборочные цеха. Благодаря этому ежедневный график выпуска танков был обеспечен.

Пока фронт не получил некоторой передышки, качество боевой техники и вооружения военных волновало менее, чем количества. Но уже в первые месяцы 1942 г. из воинских частей пошёл поток рекламаций. Например, в связи с одним из таких потоков в феврале 1942 г. Наркомат госконтроля СССР проверил производственную деятельность Горьковского авиационного завода № 21. Проверка вскрыла, что большинство подготовленных к отправке на фронт самолётов имело от 25 до 60 крупных дефектов, исправление которых требовало затрат времени до 12 часов на самолёт⁸. Когда по отдельным видам военной продукции полу-

жение стало нетерпимым, выяснилась позиция И.В. Сталина по данной проблеме. Авиаконструктор А.С. Яковлев в своих воспоминаниях рассказал о страшном сталинском гневе, вызванном информацией о массовых заводских дефектах обшивки истребителей, вскрытых лишь на фронтовых аэродромах: «Враг не нанес бы нам большего ущерба, не придумал бы ничего худшего. Это работа на Гитлера! Вы знаете, какую услугу оказали Гитлеру?! Вы гитлеровцы»⁹.

В предотвращении производственного брака с учётом создавшегося положения были использованы органы государственной безопасности. Им ставилась задача активно выявлять среди бракоделов лиц, которые пользуются моментом и под видом производственного брака ведут «большую вредительскую работу». Со второго квартала 1942 г. органы госбезопасности приступили к интенсивной проверке сотрудников ОТК и в плотную занялись выявлением и расследованием фактов отправки на фронт бракованной продукции. Так, на горьковском заводе № 92 Наркомата вооружения, где главным конструктором был В.Г. Грабин, уже в апреле 1942 г. были арестованы начальник ОТК Пономарёв и ряд других работников этого же отдела. Поводом для вмешательства органов госбезопасности послужило неудачное испытание на заводском полигоне новой пушки УСВ, в связи с чем задерживалось принятие её на вооружение и ухудшились производственные показатели завода. Заводская комиссия попыталась вину за проишествие возложить на работников артиллерийского полигона, которые, по её мнению, совершили диверсионный акт. Однако проверка, проведенная сотрудниками УНКВД, показала, что большинство изготовленных на заводе пушек имели умышленно пропущенные аппаратом ОТК дефекты, которые подлежали обязательному устраниению до отправки продукции на фронт. В ходе следствия в качестве доказательств были использованы также рекламации, поступившие из действующей армии или с танко-строительных заводов, на артиллерийские системы.

Все приведенные выше примеры показывают, что сотрудники Управления НКВД по Горьковской области выполняли функции государственного контроля за производством продукции для фронта. Эту задачу они решали эффективно, и в этом видится большая заслуга руководителей управления, в том числе Е.П. Пи-

товоранова. 3 июня 1942 г. он был удостоен второй высокой правительской награды – ордена «Знак Почёта» – за производство и освоение новых видов вооружения. В первую очередь это было освоение производства танков Т-34 заводом «Красное Сормово», запуск в серийное производство истребителей ЛаГГ-3 и переход на выпуск истребителя Ла-5 на горьковском авиазаводе № 21, артиллерийской системы ЗИС-3 конструктора В.Г. Грабина горьковским машиностроительным заводом № 92.

Следует отметить, что как первым, так и вторым орденом Е.П. Питовранов был награжден в то время, когда ситуация на фронтах была тяжелой, и советское правительство довольно редко, неохотно и скромно отмечало государственными наградами даже подвиги на полях сражений. Это обстоятельство ещё более повышает значение личного вклада Е.П. Питовранова в достижение Победы.

Таким образом, к концу 1942 г. пришедший со студенческой скамьи в органы государственной безопасности года по партийному набору Е.П. Питовранов приобрел опыт оперативной работы, а также личностные и деловые качества, необходимые руководителю самостоятельного органа государственной безопасности. 25 декабря 1942 г. он был назначен на должность начальника Управления НКВД по Кировской области.

Дальнейшая успешная служба Е.П. Питовранова на других руководящих должностях показала, что его отбор на службу в органах госбезопасности оказался правильным, а благодаря сложным условиям оперативной обстановки предвоенного и военного времени его становление как будущего видного руководителя прошло в кратчайшие сроки – всего за четыре года.

¹ Эти задачи были сформулированы в приказе НКВД СССР № 00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.», который Берия подписал 26 ноября 1938 г., т.е. на следующий день после своего назначения на должность наркома внутренних дел (См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Т. 1. Кн. 1. С. 16–20).

² Цит. по: Терещенко А. Смерш в бою. URL: <http://www.otvoyna.ru/rasskaz52.htm> (дата обращения 10.10.2023 г.).

³ В 1939 г. всего по СССР было освобождено 327,4 тыс. необоснованно осуждённых человек: из лагерей – 223,6 тыс., из колоний – 103,8 тыс. человек (примечание автора).

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т. 2. Кн. 1. С. 372.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 497. Л. 152.

⁶ Там же. Л. 157.

⁷ Центральный государственный архив Нижегородской области (ЦГАНО). Ф. 2066. Оп. 6. Д. 738. Л. 65.

⁸ Там же. Ф. 2066. Оп. 6. Д. 706. Л. 5; Оп. 7. Д. 3. Л. 54.

⁹ Яковлев А.С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. 5-е изд., перераб. и доп. М., 1987. С. 285.

Т.В. Иванова
г. Москва

**Реализация государственной пограничной политики
Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже
XIX – XX вв.**

На рубеже XIX – XX вв. государственная политика России на Дальнем Востоке формировалась в условиях острого соперничества между Германией, Англией, Францией и Россией за экономическое преобладание в Китае. Наивысшего влияния в Китае Россия достигла в конце XIX в. Однако, экономическое, политическое и военное проникновение в Северо-Восточный Китай обострило ее взаимоотношение с Японией. Русско-японские противоречия вызвали в 1904 г. войну между государствами, в которой военные действия сложились не в пользу Российской империи. По условиям мирного договора, заключенного в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 г., Россия уступила свои права в Южной Маньчжурии, аренду Порт-Артура, Талиенвана, прилегающих территорий и территориальных вод. К Японии переходил Южный Сахалин. В результате Россия потеряла территории и свое влияние в регионе, увеличились объемы расхищения иностранными государствами, в том числе Японией, ее морских богатств на Дальнем Востоке. В числе многочисленных проблем на первый план вышли проблемы обеспечения экономической безопасности в дальневосточном регионе.

Юридическое оформление русско-китайской границы в начале XX в. завершило длительный процесс присоединение к Российской империи Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1911 г. по Цицикарскому протоколу 7 (20) декабря была подтверждена и уточнена пограничная линия по реке Аргунь и к западу от нее до горы Тарбаган-Даху. К недостаткам разграничения, осуществленного во исполнение Айгунского и Пекинского договоров, следует отнести то обстоятельство, что не была определена принадлежность многих речных островов на реках Амур и Уссури¹. Таким образом, в административном отношении Восточная Сибирь и Дальний Восток составляли в начале XX века Иркутское гене-

рал-губернаторство (Енисейская губерния, Иркутская губерния, Забайкальская и Якутская области) и Приамурское генерал-губернаторство (Амурская, Камчатская, Приморская, Сахалинская области).

Охрана сухопутных границ на Дальнем Востоке осуществлялась забайкальскими, амурскими, уссурийскими казачьими войсками. С 1897 г. границы по рекам Амур, Уссури и по озеру Ханка охраняла Амуро-Уссурийская флотилия. На Сахалине службу несли Тимовская и Александровская местные команды. В Приморской области насчитывалось 12 верст береговой линии по морям и Тихому океану, однако побережье Чукотки и Камчатки не охранялось, морские границы оставались открытыми.

Заамурский округ ОКПС был создан в 1901 г. на базе Охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) по особому штату: штаб округа, 4 бригады со штабами, 12 отрядов со штабами, 110 пеших и конных сотен с 24 учебными командами, 6 пеше-конных батарей. Всего в составе округа насчитывалось 495 генералов, штаб- и обер-офицеров, 25 тыс. нижних чинов. Структура и штат формировались с учетом обстановки в этом регионе, удаленностью центра округа от границ империи и важностью решаемых задач². 1 сентября 1903 г. для усиления охраны КВЖД была сформирована Заамурская железнодорожная бригада погранстражи, которую распоряжением правительства передали в ведение Минфина с подчинением ее на месте на правах неотдельного корпуса администрации КВЖД³.

После заключения Портсмутского договора Россия оказалась в сложном международном положении и стремилась закрепить свое влияние на Дальнем Востоке, обеспечить надежную охрану границ, защитить свои экономические интересы. Япония требовала неограниченной свободы рыбной ловли на дальневосточных побережьях России, свободного судоходства по рекам Амуру и Сунгари, льготного провоза своих товаров в Сибири и др. Такие требования вызывали беспокойство в правительственные кругах Российской империи. В 1906 г. начала строиться Амурская железная дорога. В том же году Особое совещание при Совете государственной обороны постановило создать Амурсскую военную флотилию.

Вопросы, касающиеся управления областями Дальнего Востока и защиты его экономических богатств, неоднократно рассматривались Советом министров. На очередных заседаниях 7 апреля и 7 мая 1908 г. Совет министров обозначил, что переустройство Приморской области представляется наиболее важной проблемой. На первый план выдвигаются задачи по защите территории от постепенного захвата иностранцами. Наиболее заброшенными являются северные области и Камчатка, на которые в последнее время «все сильнее надвигаются японские рыбопромышленники», стремясь проникнуть до хищнического лова рыбы. Отмечалось, что дальнейшее проникновение японцев угрожает жизненным интересам России. Предлагалось усилить охрану северо-восточных территорий России от экономического грабежа Японии⁴.

В адрес российского правительства неоднократно поступали сообщения о том, что японцы нарушают Рыболовную конвенцию 1907 г. и расхищают рыбные богатства.

В июне 1908 г. морской министр направил П.А. Столыпину отношение командира Владивостокского порта контр-адмирала Матусевича, в котором тот сообщал о попытках японцев, занявших рыболовные участки, различными подачками привлекать на свою сторону местных жителей. О хищническом лове рыбы японцами в Приамурье неоднократно сообщал генерал-губернатор П. Унтербергер. Он придавал немаловажное значение сохранению рыбных богатств Амура и стремился сдерживать капитализацию рыбопромышленности. Одновременно генерал-губернатор Приамурья выражал беспокойство в связи с попытками иностранцев захватить земли края.

Япония усиленно укреплялась на рынках Дальнего Востока. Процветала контрабанда и спекуляция. Внешнеторговый баланс был явно не в пользу России. Так, например, по таможенной статистике во Владивосток прибыло 956 кораблей, из них под русским флагом 292; всего было ввезено 114 млн. пудов грузов, а вывезено 29 млн. пудов⁵.

В тоже время речь шла не только об экономической экспансии, в частности, в газете «Новое время» в 1909 г. освещались факты проведения съемок Охотско-Камчатского края японскими военными кораблями⁶. Предпринимаемые российским правитель-

ством меры не давали ощутимых результатов. Русский посол в Токио Малевский-Малевич в секретном донесении сообщал: «По моему мнению, бороться с проникновением японского влияния на наш север едва ли возможно запретными мерами. Успешно противостоять укреплению экономического преобладания японцев в северных уездах Приморской области мы могли бы лишь усилением нашего берегового надзора и поднятием культурных условий этой отдаленной окраины»⁷.

Специальное заседание Совета министров 18 марта 1908 г. постановило усилить охрану дальневосточного побережья России. Военное министерство выдвинуло свой план, направленный на усиление вооруженных сил на Дальнем Востоке. Беспокойство о судьбе края выражали и другие министерства Российской империи.

Обстановка, обусловленная усилением экономической и территориальной экспансии со стороны Японии и других иностранных государств, контрабандной деятельности требовала экстренных мер по организации надежной системы защиты и охраны дальневосточной границы, что было важно в политическом и экономическом отношении.

Вопрос о положении России на Дальнем Востоке рассматривался в ноябре 1909 года Советом министров, который постановил:

- 1) немедленно приступить к укреплению Владивостока;
- 2) построить необходимое количество кораблей для обороны города;
- 3) решить вопрос о постройке мелких военных судов во Владивостокском доке и др.

В январе 1910 г. было принято решение о выделении на строительство судов 22,6 млн. руб. и 6млн. руб. на улучшение оборудования военных портов Владивостокского и Николаевска-на-Амуре.

По линии сухопутных границ, кроме увеличения контингента вооруженных сил, других мероприятий не планировалось.

Активное участие в формировании пограничной политики России на Дальнем Востоке принимала Государственная дума. Депутаты неоднократно поднимали проблемы по обеспечению экономической безопасности региона, а также вопросы о необхо-

димости увеличения финансирования мероприятий по защите и охране государственной границы на Дальнем Востоке. Для борьбы с контрабандой предлагалось принятие серьезных мер по усилению таможенного надзора, укреплению пограничной стражи, а на отдельных участках привлечение войск.

Государство придавало существенное значение введению на дальневосточной границе таможенного надзора в целях пресечения развития контрабандной деятельности. Таможенный надзор оправдал себя в условиях Дальнего Востока, где не было обустроенных границ и пограничной стражи.

С 1909 г. на Дальнем Востоке установили постоянную цепь таможенных учреждений. По границе с Забайкальской областью: Танхойская таможенная застава на станции Танхой Забайкальской железной дороги контролировала все грузовое и пассажирское сообщение с востока и осуществляла проверку грузов, идущих с запада в Забайкалье. Байкальская таможенная застава в селе Лиственничном предупреждала нелегальный ввоз в пределы Иркутской губернии из Забайкалья иностранных товаров, попавших туда беспошлинно. Видринский таможенный участок был расположен по линии Забайкальской железной дороги между станциями Култуком и Танхоем, имел в подчинении три поста, где производили пассажирский досмотр и контроль за грузовым движением по железной дороге с востока. Кретинский таможенный участок, расположенный на границе Иркутской области с Забайкальской областью, состоял из шести постов, из них: Онгуренский пост охранял единственный в зимнее время транспортный путь на реку Лену, Курецкий пост охранял тыловые дороги к четырем береговым постам и дорогу, проходившую через рогатку поста, ведущую на Якутский тракт. По границе с Якутской областью: Нохтуйская таможенная застава осуществляла наблюдение и контролировала товары из Якутской области в пределы Иркутской губернии, в зимнее время по таможенным дорогам и по льду рек, в летнее время – по реке Лене. Весь транспорт из Якутска и следовавшие по реке Лене пароходы, баржи, плоты подвергались таможенному досмотру. Бодайбинская таможенная застава имела двойное значение: ограждать город Бодайбо (административный центр золотых приисков Ленско-Витимского горного округа) от контрабандного ввоза иностранных товаров из Якутской области

и контролировать товары, идущие в Иркутскую губернию из Забайкалья, где скапливались беспошлинные иностранные товары, особенно в летнее время, во время навигации по реке Витим. По границе с Монголией: Ханганская таможенная застава, в ее составе четыре поста, расположенные в пределах 50-верстной пограничной полосы, осуществляли надзор за товарами из упомянутой полосы и из Забайкальской области. На границе с Маньчжурией: Маньчжурская таможня располагалась на станции Маньчжурия. В 1909 г. была усиlena личным составом. Образован пост надзора в составе 16 досмотрщиков, в том числе 8 конных. Их цель – действовать в полосе отчуждения КВЖД и пределах Забайкальской области. По Амуру и Уссури дислоцировались таможенные учреждения: Покровская таможенная застава, Благовещенская, Екатериногорско-Никольская, Хабаровская заставы. Иманский переходный пункт, Николаевская таможня. На сухопутной и морской границах Приморской области: Платоно-Александровский переходный пункт на западном берегу озера Ханка, пограничный переходный пункт возле станции Пограничной КВЖД, пограничная таможенная застава, Полтавский переходный пункт на станции Полтавка. Владивостокская таможня, Посытская и Хансинская заставы, семь таможенных постов.

В 1909 г. вводятся новые таможенные заставы в поселке Св. Ольги, в устье реки Терней, в Императорской гавани и заливе Де-Кастри. Одновременно организационные мероприятия по созданию таможенного надзора подкреплялись нормативными правовыми документами. Министр финансов 18 февраля 1910 г. утвердил «Инструкцию о действиях таможенных застав и таможенных постов, расположенных по побережью и заливам Тихого океана». В инструкции содержались правила и порядок досмотра иностранных судов, взимания корабельного сбора, технология таможенного досмотра, действия таможенных чинов. Особым примечанием были выделены положения по досмотру японских судов, который проводился на основе 7 протокола Рыболовной конвенции, заключенной Россией с Японией 15 июля 1907 г.

Для усиления охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморской областях Управление Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС) в помощь таможенным учреждениям выделяло силы и средства из состава Заамурского

округа ОКПС. Введение таможенного надзора особенно заметно повысило качество борьбы с экономическими преступлениями на дальневосточной границе.

Таким образом, усиление защиты и охраны дальневосточных окраин России на рубеже XIX – XX вв. диктовалась с одной стороны необходимостью противодействовать территориальной экспансии иностранных государств, с другой – потребностью обеспечения экономической безопасности Российской империи.

Дальний Восток был и остается сегодня стратегическим приоритетом в государственной политике Российской Федерации, что подтверждается намерениями государства уделять развитию Дальневосточного региона особое внимание и для этого есть целый ряд оснований. Нет сомнения, насколько актуален в наши дни исторический опыт Российской империи по устойчивому развитию национальной экономики и ее защите от экспансионистских устремлений иностранных государств. В этой связи чрезвычайно важными на современном этапе становятся исследования в области изучения отечественного исторического опыта реализации государственной политики по развитию Дальнего Востока.

¹ Дьякова Н.А., Чепелкин М.А. Границы России в XVII-XX веках. М., 1995. С. 106–107.

² Шахновский И.К. Очерки деятельности Заамурского отдельного округа ОКПС в период русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб, 1906. С. 2–10.

³ Ежуков Е.Л. Становление и развитие пограничной охраны России (XV – начале XX вв.). М., 1991. С. 243.

⁴ Кисловский И.Ю. От политики «Drang nach Osten» к доктрине «открытых дверей». Экспансия против России на рубеже XIX – XX вв. М., 2002. С.125.

⁵ Кисловский И.Ю. Экономическая безопасность России в прошлом и настоящем. М., 1998. С.52.

⁶ Кисловский И.Ю. От политики «Drang nach Osten» к доктрине «открытых дверей». С.127.

⁷ Российский государственный исторический архив. Ф.1276. Оп. 3. Д. 32. Л. 20.

В.А. Западный
г. Москва

Разведочное отделение Главного штаба – первое подразделение отечественной военной контрразведки (историографические аспекты проблемы)

Отечественная история контрразведывательной деятельности насчитывает несколько столетий. Замысел создания государственной структуры с функцией борьбы с разведывательной деятельностью иностранных спецслужб и военным шпионажем возник на особом совещании при Главном штабе Военного министерства 5 июля 1882 г. в присутствии представителей Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел и Министерства финансов России. В ходе совещания было высказано мнение о том, что «предложенные меры принесут некоторую пользу, если ныне же учрежден будет постоянный полицейский надзор за военными и консульскими агентами с целью выяснения лиц, с которыми они находятся в постоянных сношениях, и мер, ими принимаемых для сбора секретных сведений»¹. Однако реализация принятого решения осуществлена не была.

К рассмотрению данного вопроса удалось вернуться только в начале XX в. Среди прочих обстоятельств, которые обусловили значимость создания контрразведывательного подразделения, следует выделить активизацию разведывательной деятельности (военного «шпионства») против России иностранных спецслужб ведущих стран Европы (Австро-Венгрии, Англии, Германии, Франции), а также Японии. При этом Министерство внутренних дел России ошибочно считало угрозу самодержавию со стороны революционного движения более приоритетной, нежели вероятную агрессию иностранных государств. Решающим фактором, определившим необходимость специального подразделения по борьбе со шпионажем, стало разоблачение в 1902 г. старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа подполковника А.Н. Гrimма как германского и австрийского шпиона.

План организации контрразведывательного органа был сформулирован в докладной записке военного министра России

А.Н. Куропаткина на имя императора Николая II от 20 января 1903 г. В документе высказана крайняя озабоченность наличием в стране «государственных преступлений военного характера», в основе которых – передача секретных сведений чиновниками, в том числе Военного ведомства, иностранным разведкам. Поскольку подобная ситуация «грозит существенной опасностью государству в случае войны», автором сделано предложение о создании специального подразделения под названием «разведочное отделение». Задача создаваемого органа, отметил в докладной записке А.Н. Куропаткин, должна была заключаться в «установлении негласного надзора за путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов, конечными пунктами – лиц, состоящих на нашей государственной службе и занимающихся преступною деятельностью и связующими звенями между ними – иногда целый ряд агентов и посредников в передаче сведений»².

Руководителем разведочного отделения Главного штаба Военного министерства был назначен ротмистр Отдельного корпуса жандармов В.Н. Лавров, исполнявший до этого должность помощника начальника Тифлисского губернского жандармского управления. Как подчеркнула в своей публикации Е.И. Щербакова, это был «мастер, владеющий всеми тонкостями работы с агентурой, ... наблюдательный, дотошный, умеющий разбираться в людях и быстро находить выход из самых затруднительных ситуаций». «Именно на поприще политического розыска Лавров приобрел те навыки, которые оказались незаменимыми в его контрреволюционной деятельности»³.

В целях соблюдения строжайшей секретности сотрудники разведочного отделения, «состоящие в распоряжении начальника Главного штаба», в его официальной структуре отсутствовали. В публикации Л.С. Яковлева об истории контрразведки России подчеркнуто, что данное подразделение «было задумано как негласное учреждение, так как считалось, что иначе терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, а именно – тайна его существования»⁴.

Первый секретный отчет о результатах деятельности разведочного отделения В. Н. Лавровым был составлен в декабре 1903 г. Из документа следует, что работа отделения началась в июне,

организационные мероприятия по утверждению штатов завершились в августе и к концу 1903 г. в его составе числилось 22 сотрудника: начальник, «старший наблюдательный агент», шесть «наружных наблюдательных агентов», «агент-посыльный», два агента «для собрания справок и сведений и для установок», которым поручалось «выяснение фамилий лиц, взятых по наблюдению», девять «внутренних агентов» и два «почтальона», занятых перлюстрацией корреспонденции⁵.

С первых дней деятельности Разведочного отделения «прежде всего было приступлено к организации наружной агентуры ... из преданных и рекомендованных местными охранными учреждениями» лиц. Одновременно велась работа и по подбору кандидатов для внутренней агентуры. При этом было установлено, что «наружные агенты работают на улице, а внутренние на квартирах, в разных правительственные учреждениях и общественных заведениях, «наблюдают за действиями и сношениями лиц, которые не могут быть замечены наружными агентами».

Чрезвычайная закрытость разведочного отделения сказалась на отсутствии каких-либо конкретных сведений о нем в российской досоветской историографии. На данное обстоятельство обратил внимание и российский историк Б.А. Старков, который в предисловии к своей книге подчеркнул, что «долгое время ... подлинная история» отечественной контрразведки «находилась под плотной завесой строгой секретности»⁶.

Только в последние несколько десятилетий появились научные труды и публикации, авторы которых с использованием, в том числе, архивных материалов исследуют подробности противостояния российских контрразведчиков начала XX в. попыткам иностранных спецслужб и разведывательных органов вести шпионскую деятельность против Российской империи.

Уже за первое полугодие работы разведочного отделения под наблюдением его сотрудников оказались и были нейтрализованы австро-венгерский военный агент, князь Г. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст и его помощник поручик А. Лостер; германский военный атташе (агент), барон фон Лютвиц; японский кадровый офицер, военный атташе в России М. Акаси, который был «занят преимущественно ознакомлением с общественно-политическим положением в стране и поиском контактов с российской оппози-

цией», сбором разведывательной информации с помощью соотечественников; служащий Департамента торговли и мануфактур, коллежский секретарь С. Васильев, продававший иностранной державе чертежи и документы из Главного артиллерийского управления; начальник 9-го отделения Главного интендантского управления, действительный статский советник П. Есипов, передававший секретные сведения в Австрию⁷.

Помимо этого, одним из первых подчиненными В.Н. Лаврова в декабре 1903 г. – феврале 1904 г. был разоблачен и арестован штаб-офицер по особым поручениям при Главном интенданте Военного министерства ротмистр Н.И. Ивков. Оперативным путем было установлено, что он встречался в г. Санкт-Петербурге с военным атташе Японии подполковником М. Акаси и сотрудником японской миссии капитаном Тано, которым «передавал сведения военного характера, частью из мобилизационного плана, частью составленные по случайным данным и собственному соображению...». Одновременно Н. Ивков поддерживал связи с французским разведчиком полковником Мулэном и германским военным атташе фон Лютвицем, а также вел преступные сношения с австрийским военным представителем в России⁸.

Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. и после ее завершения особое внимание сотрудников российской контрразведки было сосредоточено на выявлении и нейтрализации агентов японской разведки в г. Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке страны⁹.

Наиболее значимая операция В.Н. Лавровым и его подчиненными была осуществлена в 1909–1910 гг., когда была пресечена шпионская деятельность военного представителя австрийского посольства в г. Санкт-Петербурге графа Спанокки. Совместно с немецкой дипломатической службой он вступил в конспиративный контакт с приставом Государственной Думы бароном Э.П. Унгерн фон Штернбергом, который продал дипломатам копии секретных докладов комиссии по государственной обороне Государственной Думы по законопроектам военного министра о контингенте новобранцев призывов 1909 и 1910 гг.¹⁰ За разоблачение шпионской деятельности столь высокого представителя иностранной разведки полковник В.Н. Лавров был удостоен ордена

Святого Владимира IV степени и произведен в генерал-майоры по Отдельному корпусу жандармов.

В августе 1910 г. В.Н. Лавров сдал дела своему преемнику, подполковнику Отдельного корпуса жандармов В.А. Ерандакову, вышел в отставку и поселился во Франции, где руководил первой организацией агентурной разведки в Западной Европе, действовавшей против Германии. Связь с Главным управлением Генерального штаба (ГУГШ) он поддерживал через российских военных агентов во Франции. Последние сведения о В.Н. Лаврове относятся к 1917 г., дальнейшая его судьба неизвестна. Д.В. Викторов считает, что «более чем справедливо» причисление первого начальника разведочного отделения «к одному из главных действующих лиц отечественной контрразведки», «в скрижали «классической» контрразведки»¹¹.

В 1910 г., разведочное отделение было преобразовано в Санкт-Петербургское городское контрразведывательное отделение, в 1914 г. – в контрразведывательное отделение ГУГШ.

Основные принципы идеологии разведывательных и контрразведывательных органов, организационные основы строительства российской разведки и контрразведки были заложены и развиты с использованием сочинений В.Н. Клембовского и Н.С. Батюшина, фундаментального научного труда по теории и истории разведки и контрразведки П.Ф. Рябикова, работы П.И. Измельцева, публикаций А.С. Резанова, Ф.Г. Чернозубова (из цикла «Служба Генерального Штаба»)¹², а также современных исследователей истории российских спецслужб.

В заключение необходимо отметить следующее. Создание разведочного отделения было обусловлено рядом объективных факторов. Основными из них явились активизация работы на рубеже XIX–XX вв. иностранных разведывательных организаций и спецслужб в г. Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке и в других регионах страны; увеличение в России числа преступлений, связанных с военным шпионством.

Анализ опубликованных трудов и публикаций свидетельствует о том, что ряд авторов достаточно высоко оценили личные и профессиональные качества В.Н. Лаврова, а также признали определенные успехи разведочного отделения по поиску и обез-

вреживанию отдельных представителей иностранных разведок и их агентов из числа российских подданных.

Тем не менее, накопленный за достаточно короткий временной период (1903–1910 гг.) положительный опыт работы разведывательного отделения был использован накануне и в период Первой мировой войны в интересах повышения уровня контрразведывательной деятельности Военного министерства и Министерства внутренних дел, обеспечения государственной безопасности Российской империи.

¹ Контрразведка России. Очерки истории. От Руси до начала Великой Отечественной войны. М., 2023. С. 41–42.

² Линдер И.Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 311–313.

³ Щербакова Е.И. Владимир Николаевич Лавров: путь в контрразведку // Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М., 2003. С. 118–120.

⁴ Яковлев Л.С. Российской контрразведке – 100 лет // Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М., 2003. С. 91, 102.

⁵ Линдер И.Б., Чуркин С.А. Указ. соч. С. 311–313; Алексеев М.Н. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 104–105.

⁶ Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи. 1903–1914. СПб., 2006. С. 65–74

⁷ Ставицкий В. Ротмистр Лавров и его «Разведочное отделение» / Легион «Белой смерти». М., 2009. С. 1–4; Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг.: Документы / Сост. И.В. Деревянко. М., 1993. С. 15.

⁸ Старков Б.А. Указ. соч. С. 65–74.

⁹ Бостан А.А. Японский след в Первой русской революции // Тайная стража России. Очерки истории отечественных органов госбезопасности. М., 2017.

¹⁰ Зверев В.О. Иностранный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М., 2016.

¹¹ Викторов Д.В. Владимир Николаевич Лавров: Светлый образ контрразведчика // Контрразведка России. Очерки истории. От Руси до начала Великой Отечественной войны. С. 149–152.

¹² Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство). СПб., 1892; Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. София, 1939; Рябиков П.Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время. Ч. 1–2. Томск, 1919; Измествьев П.И. Значение военного секрета и скрытности (из заметок офицера Генерального штаба). Варшава, 1906; Резанов А.С. Понятие шпионство по иностранным законодательствам (1810–1911 гг.) // Военный сборник. 1911. № 9. С. 123–134; Чернозубов Ф.Г. Японские тайные разведчики до войны // Военный сборник. 1914 № 2.

С.В. Медведев
г. Москва

**«Я готов служить по какому угодно ведомству...»: попытки
устройства на службу в Департамент полиции в годы Первой
революции в России**

Департамент полиции (ДП) за всю историю своего существования (1880–1917) привлекал большое количество разных людей в качестве места для службы. Стимулом для устройства в политическую полицию можно назвать: бесперебойное жалование, возможность карьерного роста, желание послужить в охранных структурах в сложное для страны время. В то же время были и минусы. Революционеры порой устраивали настоящую охоту за агентами полиции, угрожали их семьям, пытались дискредитировать перед знакомыми и друзьями, следили за ними и раскрывали их статус.

Так как служба секретным агентом или филёром была сопряжена с опасностями, многие соискатели места в полиции стремились устроиться на беспроблемную, на первый взгляд, должность писца. Как правило, если отец соискателя обладал авторитетом в чиновничьем мире, он мог обратиться к известному политику или военному, а уже тот, в свою очередь, брал на себя труд писать лично директору Департамента полиции. Несмотря на кажущуюся «беспрогрышность» этой схемы, архивные документы содержат многочисленные отказы в приеме на работу в департамент.

28 июля 1906 г. командир Кавалергардского полка Ее Величества государыни императрицы Марии Федоровны полк князь Ф.Ф. Юсупов писал директору ДП М.И. Трусевичу: «Вверенного мне полка коллежский регистратор Ольсейко обратился ко мне с просьбой о содействии к определению сына его, Петра Сильвестрова Ольсейко, на какую-либо должность по письменной части при вверенном вам Департаменте полиции. Ввиду долголетней усердной службы чиновника Ольсейко обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в принятии Петра Ольсейко в Департамент полиции писцом»¹. Интересно, что никакого ответа на письмо Юсупова не последовало;

2 сентября 1906 г. он продублировал содержание письма от 28 июля. На второе письмо Юсупов также никакого ответа не получил.

23 января 1908 г. уже сам С.А. Ольсейко обращался в Департамент полиции: «Обремененный большим семейством, которое приходится содержать на маленькое содержание, получаемое мной от казны, я, заранее озабочиваясь о будущности своего сына, Петра Ольсейко, являющегося единственным моим помощником, прошу ваше превосходительство оказать возможность определить его на должность писца в одно из вверенных вам учреждений, присовокупляя, что первое прошение было подано в августе месяце 1906 года. Прослужа в полку 37 лет, позволяю себе надеяться, что мое полковое начальство, в случае надобности, не откажет дать обо мне и моем семействе лестные отзывы»². К письму была приложена очередная записка от князя Юсупова с той же «покорнейшей просьбой». Петр Ольсейко на этот раз был вызван на собеседование и его результаты оказались неутешительными. Сотрудники 1-го делопроизводства Департамента полиции отправили на имя директора следующую информацию: «...ему 21 год от роду, получил домашнее образование, нигде не служил и ничем не занимается. Петра Ольсейко никто из служащих в Департаменте не знает. По произведеному испытанию оказалось: Петр Ольсейко обладает слабым почерком, на машине (так в тексте – С.М.) не работает, с канцелярским делом совершенно не знаком, для работы в Регистрационном отделе непригоден»³.

Среди соискателей встречались экзальтированно настроенные граждане. Как правило, в первом письме они пытались доказать свою полезность, делясь с важной, на их взгляд, информацией. Важной чертой посланий в полицию от лиц, рассчитывающих стать сотрудниками, можно назвать демонстрацию верноподданнических патриотических чувств. 12 августа 1906 г. было совершено покушение на министра внутренних дел и председателя Совета министров П.А. Столыпина – эсеры-максималисты взорвали его дачу на Аптекарском острове. А. Панченко, уроженец Полтавы, оперативно откликнулся на это трагическое событие, написав самому Столыпину 19 сентября 1906 г.: «Последнее злодеяние, произведенное на даче вашего высокопревосходительства, воз-

мutilo все здравомыслящее общество, всех истинно преданных русских людей царю и Родине. Негодная, продажная, жидовствующая часть населения России все время кричит со страниц своих газет и подпольных листков: «Долой смертную казнь!»⁴. Панченко, наоборот, в своем обращении к Столыпину требовал более широко применять смертную казнь, организовать применение этой меры без суда, если обстоятельства дела не требуют доказательств. Далее в письме следовала информативная часть, призванная доказать премьеру его, Панченко, полезность стране в целом и органам политического сыска в частности: «Уроженец Полтавы доктор Герасимович, директор какого-то приюта нянь в Петербурге или вблизи его. Приют этот находится под покровительством государыни императрицы. Все родственники этого доктора революционным духом пропитаны до мозга костей; его два брата уже сидели в тюрьме; старший редактировал и издавал в Полтаве революционную газету «Колокол», которую, слава Богу, закрыли, а самого редактора посадили в тюрьму, но приехал брат доктор и на освобождение внес залог. Он защищал всех бомбистов анархистов и прочих жидов и жидовствующих негодяев, говоря, что эти «передовые люди» делают добро потомству. Я готов служить по какому угодно ведомству, по каким угодно отделениям и канцеляриям, лишь бы быть полезным на службе, на каковой уже служил беспорочно четырнадцать лет, не пропустив ни одного дня. Я не многосемейный – жена, да дочь, получаю в Полтавском земельном банке в должности помощника бухгалтера 1200 рублей в год, что для меня вполне достаточно, значит мной руководит не материальный расчет, а ревностное желание служить там, где больше грозит опасность царским слугам от различных негодяев-бомбистов»⁵. К письму Панченко прилагалось свидетельство о благонадежности от полтавского губернатора. Письмо было прочитано не Столыпиным, а сотрудниками Департамента полиции, которые и предложили Панченко определиться с «ведомством», в котором он хотел бы служить. Панченко ответил, что хотел бы быть сотрудником Департамента полиции. Через некоторое время, 7 декабря 1906 г., 1-е делопроизводство департамента было вынуждено отказать соискателю, так как «за замещением всех вакансий в Департаменте полиции, ходатай-

ство его об определении на службу в означенный Департамент не может подлежать удовлетворению»⁶.

В то же время, как демонстрируют архивные документы, органы политической полиции далеко не всегда могли установить твердое заключение о благонадежности/неблагонадежности человека. К примеру, канцелярия минского губернатора пыталась установить благонадежность интерна Минской еврейской больницы Г.Я. Лифшиц, которая до июля 1905 г. проживала за границей, а чем занималась последующие революционные месяцы было неизвестно. Департамент полиции ответил канцелярии очень приблизительно: «В делах Департамента имеются негласные, не-проверенные формальным порядком сведения, относящиеся к мещанке Гите Яковлевой Лифшиц, свидетельствующие о причастности ее к одной из существующих в Минской губернии противоправительственных организаций. Относятся ли эти сведения к женщине-врачу Гите Яковлевой Лифшиц, установить по делам Департамента представляется затруднительным»⁷.

Представляется, что и информация о кандидатах, претендующих на службу в ДП, не отличалась точностью и содержательностью. Подобная история произошла в 1909 г., когда начальник дворцовой полиции столицы за 10 дней до торжеств, посвященных 200-летию Полтавской битвы, решил выяснить о благонадежности семидесяти лиц, командированных в дворцовую полицию: «Покорнейше прошу Департамент полиции уведомить, не имеется ли каких-либо неблагоприятных сведений о политической благонадежности лиц, поименованных в прилагаемых при сем списках. Все поименованные в списке лица приняты на службу при высочайшем дворе на время полтавских торжеств, а потому просимые сведения необходимо получить не позже 20 июня, при чем для ускорения дела утром 20 июня будет командирован от Дворцовой полиции нарочный для получения пакета»⁸.

Сжатые сроки проверки могли привести исключительно к формальным результатам. Между тем, политическая благонадежность некоторых представителей охранных структур вызывала вопросы. Так, начальник Екатеринославского охранного отделения жаловался екатеринославскому губернатору: «Имею честь покорнейше просить, если ваше превосходительство признаете возможным усилить воинскую охрану в полосе отчуждения же-

лезных дорог, так как на существующую охрану железных дорог стражниками полагаться нельзя ввиду того, что большинство предполагаемых грабежей в полосе отчуждения делаются именно этими стражниками...»⁹. Начальник Воронежского отделения Воронежского жандармско-полицейского управления также сообщал о том, что люди, занимающиеся охраной железных дорог, нарушают закон: «Команда имеет негативы порнографических карточек, к которым приделывает головки высочайших особ, а затем продаёт карточки в аптекарский магазин. У команды продаются фотографии Победоносцева с императрицей Марией Федоровной, Трепова с Елизаветой Федоровной, государь император, едущий на осле»¹⁰.

В таких условиях неудивительно, что Департамент полиции подозрительно относился к соискателям на различные должности и отказывал даже на первый взгляд благонадежным лицам. Подобная история произошла с уроженцем Прибалтийского края, потомственным почетным гражданином С. П. Журавским. 26 августа 1905 г. он написал в ДП прошение: «В Рижском вестнике № 183 от 26 августа пропечатано о командировке Департаментом полиции в разные места Лифляндской губернии особо уполномоченных лиц для выяснения на месте причин бывших там беспорядков. Я русский, родился в Лифляндской губернии в семье священника, образование получил в Витебской духовной семинарии, 22 года прослужил по разным уездам в Лифляндской губернии в должности псаломщика – учителя и приходского сельского священника; из-за разных интриг, в которых активную роль играли побочные лица из латышей, добровольно вышел из духовного звания, получил право государственной службы, знаю лифляндские порядки и латышский язык в совершенстве, глубоко предан существующему государственному строю, трезвый, безусловно честный, желая послужить начальству в деле выяснения истинных причин лифляндских беспорядков, покорнейше прошу принять меня на службу, в числе командируемых лиц в Лифляндскую губернию в должности присяжного переводчика или помощника делопроизводителя. Я служу в Риге, в Государственном контроле Риго-Орловской железной дороги, состою негласным агентом Лифляндского губернского жандармского управления» (ГЖУ)¹¹.

19 сентября 1905 г. начальник Лифляндского ГЖУ сообщил в Департамент полиции о том, что Журавский несмотря на то, что человек нравственный и производит здравое впечатление, «характера неуживчивого... и несколько нервно расстроен... Должности вынуждает его искать нужда, так как ему трудно с женой, сыном и дочерью существовать на 50 рублей в месяц жалованья, получаемого на службе по вольному найму в конторе Риго-Орловской железной дороги, а правительственной службы в районе Рижской епархии он не может получить, как уволенный из духовного ведомства. Журавский агентом вверенного мне управления не состоит, но предлагал в этом смысле свои услуги, но его просьба была отклонена, так как он ничего общего не имеет с революционной средой и, следовательно, не мог бы принести и пользы»¹². 1 ноября 1905 г. Журавскому было отказано в устройстве на службу в Департамент полиции.

Иногда соискатели подписывали свои прошения об устройстве на службу весьма оригинально. Так, Н. Белых, обладавший опытом работы на «пишущих машинах» систем «Ремингтон» и «Ундервуд», подписался «сыном умершего служителя Двора Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича»¹³, а А.Н. Челюсткин, сотрудник почтового ведомства, уволившийся из-за забастовки своих коллег, аттестовался «прибывшим с Дальнего Востока чиновником III ранга»¹⁴.

Мировой судья 10-го участка Юрьево-Веррорского округа коллежский асессор Ф.А. Преображенский рассчитывал на должность начальника охранного отделения: «Ссылаясь на рекомендацию господина вице-директора Департамента полиции Н.П. Харламова, покорнейше прошу о предоставлении мне должности начальника отделения или чиновника особых поручений 5 класса при вверенном вашему превосходительству Департаменте»¹⁵, а штабс-капитан армейской пехоты А.И. Ладо почему-то думал, что расстроенное здоровье может повысить его шансы на устройство в полицию: «В настоящее время, уходя по расстроенному здоровью в отставку, я бы желал продолжить службу в полиции, но так как по состоянию здоровья я не могу служить ни в наружной полиции, ни в войсках, между тем голова и руки мои способны еще хорошо работать, то я осмеливаюсь просить ваше превосходительство о предоставлении мне пока частных занятий в под-

ведомственном вам департаменте, принимая во внимание мою бесспорочную 27-летнюю службу, семейное положение, труды, понесенные на Дальнем Востоке, и мое недостаточное материальное обеспечение пенсиею при уходе в отставку»¹⁶.

Протекцию при устройстве на службу в ДП пытались оказать: корнет лейб-гвардии Конного полка П. П. Дурново, ходатайствовавший за студента Горного института И.Ф. Калинина, за «политическую благонадежность и нравственные качества которого» он лично ручался¹⁷; начальник штаба Отдельного корпуса жандармов полковник Саввич, ходатайствующий за «окончившего курс Императорского Московского университета с дипломом 1 степени Николая Паркова, состоящего на военной службе прапорщиком и заведывающим в настоящее время хозяйством в 40 Сибирском военно-санитарном поезде, подлежащем расформированию в недалеком будущем»¹⁸,

Русский народный союз имени Михаила Архангела, в лице товарища председателя главной палаты, члена Государственной Думы В.М. Пуришкевича, ходатайствовал за сына крестьянина Гродненской губернии В. А. Шульжинского. В увесистом конверте с прошением содержались документы Шульжинского, программа и устав Русского народного союза имени Михаила Архангела¹⁹. Горячая поддержка монархистов не помогла Шульжинскому. Департамент полиции получил информацию от начальника Ломжинского ГЖУ о том, что бывший писец Ломжинского губернского по крестьянским делам присутствия Шульжинский «за неаккуратность и пристрастие к спиртным напиткам по предложению начальства уволился из помянутого присутствия»²⁰.

Документы Департамента полиции содержат очень эмоциональные письма граждан, стремящихся продолжить карьеру в охранных учреждениях Российской империи. К примеру, дочь покойного штабс-капитана роты дворцовых гренадеров Е. М. Скворцова написала прошение на имя министра внутренних дел П.А. Столыпина. Так как этот эмоциональный документ ярко передает атмосферу постреволюционного периода, в которой приходилось осуществлять свою деятельность полицейским структурам, позволим себе привести его целиком: «Мне бы хотелось, чтобы вы приняли меня на службу в Департамент полиции. Знаю, что вы скажете, что нет мест для женщин. А как же госпожа В...?

(фамилия неразборчива – С.М.). А женушка г-на Вуича, бывшего начальника и директора Департамента полиции? Если она теперь, быть может, не служит, так служила, и я смогу послужить, быть может, там и не хотят, чтобы я служила, так как мое прошение лежит там, а ответа я не имею. Если теперь не хотят брать женщин туда, так я не причем. Чиновники сами сделали большую оплошность, рекомендую девиц с улицы... Рекомендовать людей вообще надо очень осмотрительно, а в особенности в наше время... Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич, нельзя же браковать всех женщин России! Не так ли? Прощение за признание и нет помилования за утайку – говорил не раз царь Петр Великий. Глубокоуважаемый Петр Аркадьевич, простите мне великодушно мою искренность, я хочу служить, хочу именно этой службы, мне она нравится... Была я не раз в охранном, но та служба, которую мне предлагали, мне не нравится. Затраты огромных сил и здоровья и скучное вознаграждение. Я бы хотела быть вашими глазами и ушами. На мой взгляд, министр должен не только все знать и видеть, но и предвидеть»²¹. Дерзкое письмо Скворцовой было оставлено без последствий. В дальнейшем Евдокия Меркурьевна написала еще несколько писем Столыпину, которые были переданы в Департамент полиции.

В архиве хранятся многочисленные просьбы граждан об устройстве на службу в Департамент полиции. Большая часть просителей находила уместным ссылаться на неблагоприятное материальное положение и большое количество детей, описывать проблемы со здоровьем. Эта категория соискателей относилась к Департаменту полиции, как к социальному учреждению, призванному помогать людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. «Приискание места» посредством обращений в Департамент полиции в революционный и постреволюционный периоды становится распространенным занятием представителей разных сословий и профессий. В Департамент полиции пытались устроиться студенты, музыканты, отставные военные, домохозяйки, бывшие судьи, палачи, земские начальники и многие другие. Иногда прошения напоминали челобитные с мольбой о помощи; они могли содержать обещания молить Бога за директора Департамента полиции («за столь милостивое внимание вашего превосходительства ко мне я вечно буду молить Бога о вашем

драгоценном здравии»²² – писал дворянин И. Пржерадский руководителю политической полиции). Дальнейшие исследования прошений людей, пытающихся устроиться в полицию, подсчет их количества и составление таблиц, в которых было бы отражено процентное соотношение соискателей по сословному и профессиональному признакам, могут подвергнуть сомнению распространенный и недостаточно подкрепленный источниками тезис о том, что российское общество в 1900-е гг. преимущественно негативно относилось к сотрудникам полицейских учреждений страны.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Д-3. Оп. 105. Д. 29 т. 2. Л. 17.

² Там же. Л. 23.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 42–43.

⁶ Там же. Л. 58.

⁷ Там же. Оп. 107. Д. 26 ч. 4. Л. 50.

⁸ Там же. Д. 62 Т. 3. Л. 781.

⁹ Там же. Оп. 238. Д. 3 ч. 5. Л. 66.

¹⁰ Там же. Д. 3 ч. л. А. Л. 40.

¹¹ Там же. Д-3. Оп. 105. Д. 29 т. 2. Л. 1.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Оп. 103. Д. 29 т. 1. Л. 32.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Л. 154.

¹⁶ Там же. Л. 165.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 10.

¹⁹ Там же. Оп. 106. Д. 29 т. 2. Л. 294–301. Дело Шульгинского датируется более поздним периодом: 1909–1910 гг.

²⁰ Там же. Л. 306.

²¹ Там же. Л. 110. Дело Скворцовой относится к 1908 году.

²² Там же. Оп. 103. Д. 29 т. 1. Л. 51.

С.И. Ефремов
г. Москва

**Опыт ведения разведки чинами пограничной стражи на
фронтах Первой мировой войны (1914–1918 гг.)**

Агрессивный внешнеполитический курс Германии в начале XX в., связанный с фактическим неучастием государства в разделе колониального мира, в совокупности с внутренне подогреваемыми милитаристскими настроениями, привели к ухудшению дипломатических отношений между ведущими европейскими странами. Образовавшиеся военные союзы, Тройственный и Антанта, еще более укрепляли предвоенные настроения и приготовления потенциальных участников конфликта. Когда одна противоборствующая сторона настроена на эскалацию противоречий, зачастую необходим лишь повод для перехода из дипломатической плоскости к самой острой форме противостояния – войне. Этим толчком послужило убийство сербской террористической организацией 28 июня 1914 г. в Сараево австрийского престолонаследника Франца Фердинанда. Австро-Венгрия, являвшаяся членом Тройственного союза, подстрекаемая Германией предъявила Сербии 23 июля заведомо невыполнимый ультиматум и 28 июля 1914 г. начала военные действия. Так началась Первая мировая война. Судьба Европы и всего мира зависела от её итогов.

Огромная протяженность фронтов, многомиллионные армии, технологический скачок в науке, позволивший усложнить и разнообразить средства и методы ведения войны – все это давало колоссальный разрушительный потенциал, который был сполна реализован воюющими сторонами. 1 августа 1914 г. Россия вступила в войну. В этих условиях грамотное использование ресурса собственной разведывательной деятельности в российской армии получило особое значение. Эффективная работа разведки, особенно в условиях массового сосредоточения сил и средств противника, позволяла получать актуальную информацию о расположении неприятельских войск, их передвижении, позициях артиллерийских орудий, боевом духе вражеских солдат, настроениях местных жителей и многое другое. Что в свою очередь сокра-

щало потенциальные потери российской армии и обеспечивало ее превосходство путем наиболее эффективного осуществления стратегического и тактического планирования действиями русских войск. Но что представляла собой разведывательная и контрразведывательная служба Российской империи накануне войны?

К началу XX в. в России не произошло кардинальных перемен по налаживанию системы по борьбе с вражеским шпионажем. Борьбой со шпионами занимались III отделение Департамента полиции МВД, МИД и Отдельный корпус пограничной стражи (ОКПС). В стране не было мощной контрразведывательной структуры. Однако предпринимались шаги к ее созданию. 20 января 1903 г. было создано Разведочное отделение Главного штаба Военного министерства. Оно имело ограниченный штат сотрудников. Борьбой со шпионажем в основной своей массе занимался Департамент полиции. Им же разрабатывались особые рекомендации для борьбы со шпионажем, использовавшиеся и в ОКПС. Система контрразведки в России была создана на основании «Положения о контрразведывательном отделении», утвержденным 8 июня 1911 г. военным министром В.А. Сухомлиновым¹.

Накануне Первой мировой войны, ведущие европейские державы вели активную разведку на территории Российской империи. Чины ОКПС вели собственную разведывательную деятельность и противодействовали вражескому шпионажу. Так, начиная с конца 1908 г. действовала «Инструкция чинам Отдельного корпуса пограничной стражи для работы по разведке в пограничных иностранных государствах», утвержденная начальником ОКПС 23 октября 1908 г.² В брошюре М.П. Чернушевича «Приемы военного шпионства и шпионы» раскрывались основные понятия разведывательной деятельности, говорилось о том, как шпионы стремятся получить секретные сведения, под каким видом работают, как заводят знакомства с чинами стражи, напоминалось, что «солдат не должен быть болтливым», обязан был помнить о присяге и наказаниях за ее нарушение³.

18 июля 1914 г. были мобилизованы I, II, III, IV и V пограничные округа. Чины ОКПС перешли в полное ведение военного ведомства⁴. Вслед за этим, в течение всей войны чины пограничной

стражи несли не только повседневную службу в местах своего текущего расквартирования, где в силу их географического положения плотных боевых действий не было, но и активно воевали. Разведчики ОКПС эффективно работали и выполняли боевые задачи на фронтах Первой мировой войны.

Пограничная разведка делилась на войсковую, применявшуюся в тесном сотрудничестве с другими родами войск, и агентурную. Для проведения войсковой разведки широко использовались конные разъезды и пешие пограничные подразделения. Конные разъезды обладали высокой степенью мобильности и применялись для проведения стремительных вылазок, зачастую ведя диверсионные методы работы, а также организовывали специальные «линии летучей почты», позволявшие в целях оперативного использования разведданных о противнике обеспечивать беспрерывную связь между летучими конными разъездами и передовыми подразделениями войск⁵. Так, например, 12 августа 1914 г. младший офицер Полангенского наблюдательного участка поручик Иллюкевич получил сведения, о том что у деревни Имерзат в Пруссии на расстоянии 3 километров от Полангена, появились неприятельские малые конные части. Поручик Иллюкевич, решил проверить полученное сведение, чтобы своевременно оповестить пограничные сотни о противнике, выступил с 6 конными и 6 пешими нижними чинами на разведку. Дойдя до деревни Имерзат, разъезд обнаружил впереди себя, в 1000 шагах 30 конных человек, которые скрывшись в лесу, открыли огонь с двух сторон дороги. Появившиеся из леса пешие подкрепления, также открыли огонь по разъезду. Попытка идентифицировать вражеские войска не удалась, так как за дальностью расстояния одежда вражеских солдат была неразличима. Спешившись и рассыпавшись в цепь, разъезд стал отступать при этом отстреливаясь. Неприятель их не преследовал. При отступлении команда Иллюкевича встретила по дороге две подводы, нагруженные домашними вещами, которые были захвачены с собой. Подводчики успели скрыться в лесу. Проходя через деревню Имерзат, разъезд зашел на почтовую станцию, где сорвал и поломал 3 телефонных аппарата, при этом местные чиновники разбежались. В этой же деревне владельцы двух корчм, вынесли на блюде стаканы с пивом и открыто говорили, что ждут русских, подарок был отвергнут. Во время пере-

стрелки нижние чины не пострадали. Подводы с лошадьми и ве-щами были сданы в Либавскую городскую управу, где все было продано с аукционного торга⁶.

Разведдеятельность осуществлялась предельно скрытно, ча-сто сталкиваясь с умелым противодействием противника. В рабо-те часто применялись хитрости, что требовало особой бдительно-сти, так, например, противник «закладывал фугасы и подвешивал бомбы» в домах брошенных жителями, которые взрывались при открывании дверей. При таких обстоятельствах был убит развед-чик пограничного Проскуровского полка⁷. Чины пограничной стражи, в свою очередь, использовали различные ухищрения. Так, например, на фронте 22-го Туркестанского полка неприя-тельская артиллерия периодически обстреливала чучела, выстав-ленные пограничными разведчиками⁸.

Неприятельские войска применяли разные способы полу-чения свежих разведданных на войне. Так, например, австрийцы в район расположения российских войск высыпали «большое коли-чество мальчиков, которым было приказано приставать под тем или иным предлогом к нашим частям, а затем при удобном случае бежать к противнику и дать там все собранные сведения»⁹. Стали применяться и новые способы получения информации, использо-валась техническая разведка. Так, на фронтах противник приме-нял впереди российских окопов «железные стержни с идущими в свою сторону изолированными проводниками», тем самым пере-хватывая разговоры в окопах. И путем ведения «прослушки» кор-ректировал свои действия, ведя более точную артиллерийскую стрельбу¹⁰.

Отличительной особенностью сражений Первой мировой войны стало ведение плотной позиционной обороны с обеих сто-рон. Хорошо укрепленные вражеские позиции, имевшие несколь-ко рядов окопов, многочисленные проволочные заграждения, за-минированные подходы, пулеметные точки и пристрелянные ар-тиллерийские сектора представляли нетривиальную задачу для их скрытного преодоления. В этих условиях пограничная разведка велась регулярно, как днем, так и ночью. Причем, как в приказ-ном порядке, так и по собственному желанию, таких людей назы-вали «охотниками», то есть добровольцами. Так, например, 17 августа 1916 г. рядовой 12-й роты 1-го Заамурского пограничного

пехотного полка А. Тамазникарев, вызвавшись охотником, попросил у командира роты три бомбы и в 2 часа отправился для снятия неприятельского секрета, напротив участка роты. Подкравшись картофельным полем к секрету он бросил туда три бомбы, но не одна из них не попала в противника. Все же решив любой ценой снять этот секрет, Тамазникарев зашел ему в тыл и окопался. Затем заняв относительно врага командующий бугорок, рядовой с дистанции 20 шагов открыл по секрету стрельбу. Австрийцы, видя себя обойденными, подняли руки. «Охотник», увидев, что их шесть человек сделал вид что зовет остальных своих товарищей, а австрийцам сделал знак рукой следовать к российским окопам, что они беспрекословно исполнили. Взрывы бомб и стрельба вызвали стрельбу со всех сторон. Несмотря на ожесточенный обстрел пленные были доставлены командиру роты. Шестеро мадьяр 60-го Венгерского пехотного полка, в тот же день были отправлены в дивизию. За проявленный подвиг рядовой Тамазникарев был поощрен начальником полка 25 рублями наградных денег, произведен начальником дивизии в младшие унтер-офицеры, а командир корпуса наградил его Георгиевским крестом¹¹.

Разведчики, совместно с другими чинами пограничной стражи, нередко участвовали в стремительных атаках. Так, например, в ночь с 24-го на 25-е августа 5-й Заамурский пограничный пехотный полк получил приказание произвести демонстрацию переправы через реку Серет с целью воспрепятствовать перегруппировке неприятеля, потесненного на правом фланге. Выполнение задачи было возложено на полуроту 3-й роты под командой прапорщика Иванова, полуроту 4-й роты под командой прапорщика Лестникова и на команду разведчиков.

В 4 часа утра полуроты, набрав нужный материал, спустились к берегу у деревни Монастырек и начали производить наводку моста. Неприятель, услышав работу, открыл из леса плотный огонь по долине. Заметив на слух место расположения пулемета на горе против брода, прапорщик Иванов приказал 1-му взводу переправиться через реку и произвести разведку. Взвод разделился на 4 группы, и по пояс в воде быстро двинулся к противоположному берегу, где подобрался к пулемету. С криком «Ура» заамурцы бросились на пулеметную команду, переколов штыками

10 пулеметчиков и находящегося с ними офицера - лейтенанта Верле. В 6 часов утра прaporщик Иванов и его люди возвращались с трофеями победы. Пулемет в разобранном виде и коробки с патронами тащили на плечах, а с боку шагала серая фигура, взятого в плен единственного пленного¹².

Наряду с войсковой разведкой чинами ОКПС активно использовалась агентурная разведка, традиционно применяемая в пограничной службе. Особенно эффективно агентурный аппарат работал в местах расположения пограничных округов в условиях сохранения прочных связей с местным населением. Налаживание подобных связей происходило еще до начала Первой мировой войны, а в условиях военного времени получило особое значение. Близкое знакомство пограничных чинов с местным населением, активное использование специальных «агентурных денег» как платы за получение сведений, давали необходимый результат. Так, например, 26 сентября 1915 г. по достоверным агентурным сведениям стало известно, что в занятой противником части Курляндской губернии, германцы отбирали паспорта у местных жителей и снабжали ими своих шпионов, отправляя их в тыл российских войск не только с разведывательными целями, но и с диверсионными задачами: по поджогу заводов, фабрик, складов и других сооружений, обслуживающих армию¹³. Подобная тактика действий использовалась обеими воюющими сторонами. Стоит отметить, что пограничные разведчики также периодически использовали переодевание в гражданскую одежду, отправляясь на задание. Так, например, в 4-й пешей пограничной Таурогенской сотне 2 солдата «переодетые в вольную одежду» вернулись с разведки и передали сведения о расположении противника своему командиру¹⁴.

При ведении работы возникали свои сложности, разведчики сталкивались с противодействием собственных солдат, которые при обнаружении подозрительных лиц не веря их «легенде» и документам, могли отобрать деньги, поместить их под продолжительный арест и даже применить методы физического воздействия. Так, например, 14 июля 1915 г. была задержана Ю. Секлинская, состоящая на службе агентом-разведчиком. Ее задержали на русской стороне при попытке перехода на австрийскую сторону. В результате чего «она в дождливый холодный день,

босая и полуодетая, просидела около штаба на дворе под забором половину дня и всю ночь, сопровождающие ее солдаты заявили на протесты Юзефы, что имеющийся у нее пропуск без печати и не имеет никакого значения»¹⁵. После проведения процедуры опознания офицером выдавшим пропуск, агент Секлинская преболела длительное время и вернулась к выполнению своих обязанностей лишь через несколько недель. В результате подобных инцидентов снижалось качество проведения общей разведки, что вкупе со встречающимися случаями пропажи без вести партий пограничных разведчиков, часто связанных с ненадлежащим качеством отбора личного состава (подбор часто осуществлялся из неопытных солдат, незнакомых с разведывательным делом, а, зачастую, и друг с другом)¹⁶ добавляло сложности в работе.

Систематическая разведка неприятельских боевых позиций на фронтах Первой мировой войны позволяла пограничным чинам держать вражеские войска в постоянном напряжении. Противник периодически укреплял свои позиции, бдительно охраняя их полевыми караулами, и при малейшем подозрительном шорохе – открывал огонь¹⁷. Подобные меры предосторожности диктовались текущей ситуацией, так как регулярные вылазки во вражеские окопы, например, с целью захвата пленных и их последующего допроса, нервировали врага и доставляли ему известные неудобства. Так, например, 29 февраля 1916 г. в час ночи была выслана партия сотенных разведчиков 6-го Заамурского конного полка, под командой унтер-офицера Мишечкова, с целью захвата или уничтожения неприятельского часового¹⁸. Разведчикам удалось подойти незамеченными к линии неприятельского охранения. Вражеских часовых оказалось трое, были брошены 3 ручные гранаты, в результате чего остался лишь один часовой. После этого неприятель поднял шум, посыпались осветительные ракеты, к врагу побежало подкрепление, а пограничные разведчики без потерь вернулись в свои окопы¹⁹.

В то время как на фронтах Первой мировой шли напряженные бои, отдельные пограничные части оставались в местах своего довоенного расположения, например части 1-го Петроградского пограничного округа, несли службу берегового охранения в условиях военного времени, обеспечивая охрану Петрограда и патрулируя границу с Финляндией. В случае воз-

мокного появления вражеского флота и высадки вражеского десанта пограничные посты, расположенные на побережье, превращались в разведзаставы. Наблюдая за движением неприятеля, при высадки небольших сил врага, посты должны были постараться сбросить его в море. А в случае превосходящих сил неприятеля, пост превращался в разведзаставу, устанавливая надежную связь по фронту и в глубину. Отходя, пограничные посты уничтожали все, что могло быть использовано врагами: телеграф, телефон, станции, пристани, мосты, запасы, скот, тем самым всячески затрудняя его продвижение вглубь России²⁰.

Каким же образом выглядела подготовка пограничных разведчиков? На этот вопрос поможет ответить уникальный документ из Российского государственного военно-исторического архива «Расписание занятий команды разведчиков 2-го пограничного Петроградского конного дивизиона, 1916 года»²¹. Согласно ему, утро команды разведчиков начиналось в 5.30. Непременно, один час отводился на уборку, после этого, в зависимости от дня недели, следовали занятия по манежной езде, взводному или солтенному учению, рубке лозы, топографии, гимнастике, полевому уставу, вольтажировке, черчению, уставу гарнизонной службы. Во второй половине дня, в зависимости от дня недели, проводились либо занятия по пассивной гимнастике, топографии, различным уставам, действиям в пешем строю, владением оружием, черчению, экстерьеру лошади, чтению карт, выходу в поле. Суббота была банным днем, включающим в себя купание в море, бани, уборку, чистку оружия, уход за лошадьми и выход в поле. Каждый день заканчивался уборкой, и в 9 вечера поверкой с отбоем²². Подготовка разведчиков велась интенсивно и разносторонне, позволяла выполнять особые задачи, была востребована как при ведении активных боевых действий, так в условиях позиционной войны.

В Первой мировой войне 1914–1918 гг. разведывательная деятельность пограничных чинов применялась в рамках агентурой работы, активно функционировала на передовой: проводилась оценка неприятельских позиций, его живой силы, артиллерийских возможностей, осуществлялся захват вражеских пленных, стремительные атаки конных разъездов, организовывалась летучая почта, происходили столкновения с разведчиками врага, по-

лучила боевое крещение и успешно решала поставленные задачи в сложнейших фронтовых условиях, в том числе, при ведении затяжной позиционной войны. Пограничники своей самоотверженной службой, зачастую отдавая жизни на фронтах, покрыли себя неувядаемой славой и вписали свои имена в отечественную историю, дав надежный ориентир следующим поколениям защитников Российской государства.

¹ Плеханов А.А., Плеханов А.М. Отдельный корпус пограничной стражи имперской России (1893–1917). Исторический очерк. М., 2003. С.184.

² На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т.3. М., 2000. С.61.

³ Чернушевич М.П. Приёмы военного шпионства и шпионы. Наставление для низких чинов // Приложение к журналу Страж. СПб.,1914.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 16315. Оп.1. Д. 44. Л. 184.

⁵ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т.3. М., 2000. С.61.

⁶ РГВИА. Ф.4969. Оп.1. Д.3. Л. 64об.

⁷ Там же. Д. 2. Л.149.

⁸ Там же. Ф. 4896. Оп. 2. Д. 99. Л. 54.

⁹ Там же. Л. 45.

¹⁰ Там же. Ф. 5000. Оп.1. Д. 16. Л. 5.

¹¹ Там же. Ф. 4945. Оп.1. Д.106. Л.168об.,170 об.

¹² Там же. Ф. 4897. Оп. 2. Д. 94. Л. 8, 8об.

¹³ Там же. Ф. 3531. Оп. 1. Д. 96. Л. 203.

¹⁴ Там же. Ф. 4971. Оп. 1. Д. 21. Л. 28.

¹⁵ Там же. Ф. 4896. Оп. 2. Д. 90. Л. 399–400.

¹⁶ Там же. Л. 535.

¹⁷ Там же. Ф. 5005. Оп. 2. Д. 35. Л. 8.

¹⁸ Там же. Д. 37. Л.15.

¹⁹ Там же. Л. 15об.

²⁰ РГВИА, Ф. 4929. Оп.1. Д. 1. Л. 304–304об.

²¹ Там же. Ф. 5008. Оп. 1. Д .66. Л. 547.

²² Там же.

В. В. Синиченко
г. Москва

**История одной мистификации и введение в заблуждение
руководства штаба Заамурского округа отдельного корпуса
пограничной стражи в годы Первой мировой войны**

После окончания русско-японской войны 1904–1905 гг., российскими властями были предприняты все меры по усилению разведывательной и контрразведывательной деятельности Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), который в то время подчинялся Министерству финансов. Донесения разведки ОКПС Заамурского округа (действовала на территории Китая в Маньчжурии, прикрывая принадлежавшую Российской империи Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) за 1907 г. показывают, что агентура занималась выявлением всех видов преступлений (как государственной, так и общеуголовной направленности) в российском приграничье в целом и русско-китайской границы в частности.

Так, ОКПС Заамурского округа передала в ведение жандармско-полицейских управлений КВЖД и Уссурийской железной дороги информацию о функционировании японских разведывательных бюро в полосе отчуждения этих коммуникационных линий¹.

Разведка от 12 июня 1909 г. за № 27 сообщала: «Установлено, что Куаченцское отделение старается всеми силами собрать точные сведения: 1) об организации, численности и личном составе нашей полиции в полосе отчуждения; 2) то же о судебных учреждениях»².

С созданием в середине декабря 1911 г. региональных контрразведывательных отделов, ориентированных на работу в регионе (Иркутского и Хабаровского контрразведывательных отделений) ОКПС стала взаимодействовать и с армейской контрразведкой, которая также находилась в ведении двух органов государственной власти Российской империи: министерства внутренних дел (Отдельного корпуса жандармов) и военного министерства. В этом направлении наиболее интенсивно шла работа по проверкам японских домов терпимости в приграничной зоне. Так, на стан-

ции Маньчжурия действовал публичный дом Накамуры Оки. Он представлял из себя тайное место для свиданий японских разведчиков перед отправкой в Россию³.

В фондах Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) (Фонд Китайский стол. Опись 491. Дело 3162) содержаться отпечатанные в типографии штаба Заамурского округа пограничной стражи секретные бюллетени «Разведка Заамурского округа пограничной стражи» за 1910–1917 гг. Эти бюллетени представляют собой сводную аналитическую записку по поступившим агентурным сообщениям. Содержание бюллетеня позволяет понять на какой объект была нацелена агентура штаба Заамурского пограничного округа в тот или иной период времени.

Бюллетень от 4 января 1910 г. «Мероприятия китайского правительства в Монголии»⁴; от 15 января 1910 г. «Китайские войска»⁵; от 6 февраля 1910 г. «Китайские войска»⁶; от 11 марта 1914 г. «Войска Мукденской провинции»⁷; от 19 марта 1914 г. «Хунхузы за время с 14 ноября 1913 г. по 25 февраля 1914 г.»⁸; от 21 марта 1914 г. «Политическое и хунхузское брожение в Южной Маньчжурии»⁹; от 22 марта 1914 г. «Хулунбуирский округ. Перечень концессий горных, рыбных и лесных богатств в Хулунбуирском округе к 20 января 1914 г. по официальным данным Хайларского амбаня»¹⁰; от 26 мая 1916 г. «Поездка монгольского посольства в Пекин»¹¹.

Как мы видим, штаб Заамурского округа пограничной стражи интересовали различные задачи военно-политического и правоохранительного содержания.

Однако речь в настоящей статье пойдет не о достижениях разведки штаба Заамурского округа пограничной стражи, которые несомненно были, а о том, как агентурная сеть Отдельного корпуса пограничной стражи, равно как и жандармско-полицейского управления КВЖД, стала жертвой одной крупной политической мистификации в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.).

Шифрованная телеграмма из Харбина от начальника Заамурского округа на имя командира Корпуса за №1058, поданная 21 октября 1915 г. в 4 ч. 58 минут пополудни, полученная на второй год мировой войны – 22 октября 1915 г. в 3 часа 45 минут пополудня содержала следующие сведения: «От гуна Бубуджаба получены сведения о появлении партии германцев силой 100 человек,

направляющихся из Пекина через ставку Хошун Цзунь Хгинь к линии дороги, охрана усиlena, высланы конные разъезды окрестностях Хингана, Хайлара и Фуляэрди. Дешифровал Переверзев»¹².

В условиях Первой мировой войны лидер монгольских повстанцев из Внутренней Монголии – Бабучжаб – попытался под предлогом противодействия совместным операциям будто бы германцев и китайцев заручиться поддержкой российских властей, распространяя слухи о своем вооружённом конфликте с германцами.

Так, в секретной телеграмме вице-консульства в Хайларе от 1 ноября 1915 г. № 214 говорилось, что по сведениям от Бабучжаба немецкий разъезд в княжестве Абаганар был встречен его разведывательным отрядом, который подвергся обстрелу немцев, причем убито было семь монголов. Немецкий отряд был численностью более ста человек; из них 70 немцев, остальные китайские солдаты. После этого немцы повернули на Калган. Вслед за ними на Калганской дороге появился большой китайский отряд, который по соединению с китайскими отрядами из Линьсяня и Таонаньфу напал на Бабучжаба 19 октября 1915 г. В происшедшем сражении будто бы было убито около трехсот китайцев, потери же монголов, со слов Бабучжаба, были незначительны. Бабучжаб убедительно просил российские власти снабдить его патронами трехлинейных винтовок, которых у него было около пяти тысяч¹³.

9 ноября 1915 г. в 4 часа пополудня в Петроград из Харбина (здесь находилось управление КВЖД и штаб Заамурского округа пограничной стражи) была направлена шифрованная телеграмма, получена и дешифрована 10 ноября 1915 г. 1 час пополудня. Телеграмма эта шла от начальника Заамурского округа пограничной стражи на имя командира корпуса пограничной стражи за № 1108: «Дополнение телеграммы № 1058 доношу: гун Бабуджаб сообщил появление княжестве Абаганском немецкого отряда силой 100 человек, из которых немцев 70. После перестрелки с солдатами Бабуджаба немцы повернули на Калган, вслед за немцами подошел к ставке Бабуджаба китайский отряд, в перестрелки с ним убито монгол 20, китайцев 300. Бабуджаб едет в Хайлар просит помочь ему патронами. Из запаса в пулеметных взводах воз-

можно дать ему несколько тысяч под видом возмещения израсходованных в стычке с немцами»¹⁴.

По поводу боевых действий Бабучжаба против германского отряда, секретная агентура ОКПС сообщала, что отряд Бабучжаба действительно имел столкновение с партией в 40 иностранцев неизвестной национальности, причем было убито 11 монголов. Германская экспедиция затем будто бы пошла на север по направлению к Хайлару или Маньчжурии¹⁵.

Главное управление Генерального штаба (ГУГШ), 2-е обер-квартирмейстерство 15 ноября 1915 г. за № 11336 сообщало в 4-й политический отдел (Дальний Восток) МИД Российской империи, что так как Бабуджаб столкнулся с немецким отрядом, который направлялся, по-видимому, к линии российской железной дороги (КВЖД), а также имея ввиду, что означенный Бабуджаб уже ранее оказал России услугу, не допустив партию германского военного агента фон Паппенгейма в российские пределы (ликвидировав германского военного агента в Китае, когда тот решил посетить территорию Монголии), со своей стороны ГУГШ не видел препятствий к отпуску из запасов Военного ведомства России 25 000 патронов, если бы МИД России со своей стороны признало полезным оказать поддержку Бабуджабу. Подписал письмо генерал-майор Леонтьев¹⁶.

Военное ведомство решило поддержать Бабучжаба по инициативе Министерства финансов, а именно Отдельного корпуса пограничной стражи. Так, «спешное секретное письмо» начальника Штаба ОКПС от 10 ноября 1915 г. за №600 в ГУГШ содержало просьбу о передаче 25 000 патронов «гуну Бабуджабу»¹⁷.

Эти сведения о будто бы случившемся боестолкновении монгольского и германского отряда привели к тому, что появилось даже «доверительное письмо» от 27 ноября 1915 г. за №145720 министра внутренних дел (А.Н. Хвостова) к министру иностранных дел (С.Д. Сазонову). Получено и зарегистрировано от 4 декабря 1915 г. В нем говорилось: «По поступившим в мое распоряжение сведениям в монгольском княжестве Абогунар 19 минувшего октября произошла перестрелка монголов с соединенным отрядом германцев и китайцев, а затем бой с отрядом одних китайцев при следующих обстоятельствах. Монгольский князь Бабуджаб, получив сведения о появлении в названном выше кня-

жестве немецкого отряда, 19 октября выслал разведочный отряд из монгол, который действительно встретил отряд состоящий из 70 немцев и 30 китайцев и подвергся со стороны последнего обстрелу, причем монголы заставили немцев отойти на Калагунскую дорогу, с потерей семи человек убитыми. Вслед за отступившим немецким отрядом на стороне Калагунской дороги появился большой отряд китайских войск, с которым и вступил в бой прибывший на место сам князь Бабуджаб. В этом бою китайцы потеряли 300 человек убитыми, у монгола же убыль оказалась незначительной. По имеющимся сведениям, появившийся в Монголии германский отряд сформирован немцами с целью порчи полотна и сооружений Китайской восточной железной дороги»¹⁸.

Однако против инициативы вице-консула в Хайларе, Заамурского округа ОКПС и Военного министерства выступил посланник России в Пекине.

В секретной телеграмме В.Н. Крупенского заведующему МИД – А. А. Нератову отправлено из Пекина 18 ноября 1915 г. за №396 говорилось: «Я не преминул проверить в Пекине насколько справедливы сведения Бабужаба о присутствии во Внутренней Монголии германского отряда, как-то доносил, со слов названного монгола, императорский вице-консул в Хайларе. Вместе с тем, мной для этой цели были посланы с нарочитым письмом к заслуживающим доверия монголам с просьбой проверить этот слух. По получении ответов на оные можно будет составить определенное мнение на этот счет, и я не замедлю сообщить Вам такое. Пока же, насколько можно судить из собранных здесь данных, сообщение Бабучжаба не подтверждается и можно скорее предполагать, что оно является вымысленным, причем оно вероятно имело целью побудить нас к снабжению его оружием для истребления, по прежнему примеру, немцев, между тем как на самом деле таковое послужило бы ему для его борьбы с китайцами»¹⁹.

Как свидетельствует рапорт полицейского надзирателя Н. Подопригора на имя помощника начальника 1-го отделения полицейского надзора ЖПУ КВЖД от 2 декабря 1916 г. проводила расследование этого дела и жандармско-полицейское управление КВЖД, которое, к сожалению, тоже ограничилось поверхностным опросом заинтересованных лиц.

Полицейский надзиратель, был командирован распоряжением начальника 1-го отделения полицейского надзора ЖПУ КВЖД «...для розыска похищенного у концессионера Шевченко 80 лошадей и их похитителей, а также для установления присутствия в Монголии германцев и этапов бежавших военнопленных».

Выехав 20 октября 1916 г. из Хайлара в Монголию, Н. Подопригора следов похищенных лошадей там не обнаружил, но в Халхе встретился с хайларскими купцами Побержанским, Мироновичами: Моисеем и Абрамом и Евсевием Зоттом, гнавшими в Россию гурт скота. Один из них, а, именно Зотт, сообщил полицейскому надзирателю, что он, будучи в Белине Сумане от Халхи верстах в 250 слышал от монгольских солдат, что где-то в Монголии путешествовали немцы под видом китайских купцов и что они направлялись в Хулуньбуирский округ. Получив эти сведения, полицейский решил их проверить. Прибыв в Белин Суман он нашел там штаб войск Бабучжаба и узнал там от монгол следующее:

- район Бандит Гегена в 850-900 верстах от Хайлара находиться будто бы отряд китайских войск в 80 человек, меж ними 30 человек германцев;

- в октябре 1916 г. другой отряд германцев в числе 70 человек двигался к линии железной дороги через большой Узумчин на Халху, но наткнувшись на разъезд войск Бабучжаба в районе Дархан хошуна и после перестрелки с ним вернулся и направился в обход по направлению к Цицикару под прикрытием китайских войск. Германцы эти в отряде китайских войск следовали под видом китайских маркитантов, но были основательно вооружены. Правильность этих сведений, помимо монгола, Н. Подопригоре засвидетельствовали четыре японских офицера, находившихся в отряде Бабучжаба.

Временный заместитель Бабучжаба Цаган-ноен сообщил полицейскому, что он по прошлому примеру и по завету убитого к этому времени Бабучжаба принимает все меры к поимке находящихся в Монголии германцев, которые вредят русским и их железной дороге и что за вышеуказанными германцами наблюдает его отряд в 100 человек.

Японцев в отряде Бабучжаба находилось, по показаниям Н. Подопригоры, 4 офицера и 30 нижних чинов – топографов и фо-

тографов. Они обслуживали артиллерию отряда – четыре 3-дюймовые пушки. Отряд Бабаучжаба в целом состоял из 5–6 тыс. монгол, вооружённых винтовками разных систем и ручными бомбами. В то время они планировали передвинуться на стоянку в Старом Хайларе, о чём якобы вели переговоры с Ургинским правительством Внешней Монголии.

При этом Цаган-ноен утверждал, что его поддерживают многие монгольские князья, в частности Югозырь прислал в отряд 300 своих солдат, и даже китайские монархисты. Так, по утверждению монгола китайский отряд войск в 30 000 чел. под началом генерала Лю-Чжан-гуды в местности Дурботы хошун поддержал восстание Бабуджаба.

Что касается бежавших через территорию Монголии в Китай германских военнопленных, то по мнению Цаган-ноена им помогал живший в 40 верстах к юго-востоку от Хайлара зажиточный Доли-Сурен который, по словам монгольского инсургента, к русским относился враждебно²⁰.

Однако впоследствии в секретной телеграмме посланника в Пекине от 21 декабря 1916 г. за №814 говорилось, что по сообщению как монгольских агентов, так и источника завербованного в руководстве китайской армии (совершенно секретного агента) при проверке сведений о китайском карательном отряде во Внутренней Монголии и о появлении во Внутренней Монголии немецкого отряда «...по наведенным им справкам известие это оказалось вымыщенным и никаких немцев во Внутренней Монголии не было: по-видимому, слух этот был умышленнопущен Бабучжабом в надежде получить от нас оружие». Копия секретного агентурного сообщения была сообщена начальнику Управления КВЖД генерал-лейтенанту Д. Л. Хорвату²¹.

Таким образом на протяжении нескольких месяцев ни жандармско-полицейское управление КВЖД, ни штаб Заамурского округа пограничной стражи не могли долгое время перепроверить сведения о боестолкновении монгол и германского отряда осенью 1915 г. и доводили до сведения военного министра и министра внутренних дел Российской империи непроверенные сведения о германских диверсантах на линии КВЖД.

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 5.

² РГВИА. Ф. 4888. Оп. 2. Д. 26. Л. 77.

³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 11. Д. 10. Л. 222.

⁴ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. 1910. Д.3162. Л.2.

⁵ Там же. Л.3.

⁶ Там же. Л.4.

⁷ Там же. Л.7.

⁸ Там же. Л.8.

⁹ Там же. Л.10.

¹⁰ Там же. Л.11.

¹¹ Там же. Л.16.

¹² Там же. Д. 3105. Л. 8.

¹³ Там же. Л.10.

¹⁴ Там же. Л.17.

¹⁵ Там же. Л. 45.

¹⁶ Там же. Л.21.

¹⁷ Там же. Л.22.

¹⁸ Там же. Л. 50.

¹⁹ Там же. Л.27.

²⁰ Там же. Д. 3124. Л. 292.

²¹ Там же. Д. 3105. Л. 80.

Д.А. Евстигнеев
г. Москва

**Формирование и развитие системы архивных фондов и
оперативных учетов ВЧК-ОГПУ (1918–1934 гг.)**

Формирование и создание архива советских органов безопасности началось уже в первые месяцы работы Всероссийской чрезвычайной комиссии. На организационном заседании коллегии ВЧК 18 марта 1918 г., после переезда правительственные учреждения в Москву, были уточнены функции основных подразделений ВЧК. Кроме оперативных отделов, был создан общий отдел, а в его структуре – канцелярия по обслуживанию Президиума ВЧК (3–5 членов Коллегии для решения текущих вопросов) и его отделов. Уже 31 марта 1918 г. Президиумом ВЧК была утверждена первая Инструкция по делопроизводству¹.

Оперативная и административно-хозяйственная деятельность начала фиксироваться в протоколах, справках, записках, переписке, которые откладывались в канцелярии и следственных делах отделов чрезвычайных комиссий. Справочное бюро общего отдела выдавало для служебной необходимости сведения об арестованных и делах, находящихся в ВЧК.

Большой проблемой для ВЧК была организация делопроизводства из-за отсутствия сплошной нумерации документов ВЧК. Как результат Комиссия выдавала справки, не соответствующие действительности. Более того, имели место случаи, когда присылаемые в распоряжение Президиума ВЧК дела не имели должного оформления: без нумерации, не подшитые, без описи находящихся в деле материалов².

В Положении о конструкции губернских, уездных чрезвычайных комиссий и ее отделов, принятом на I Всероссийской конференции ЧК 13 июня 1918 г. и дополненном в августе 1918 г. ино-городним отделом ВЧК, предусматривалось наличие канцелярии в губернских и уездных ЧК.

Кроме того, каждый из отделов ВЧК имел свою канцелярию, возглавляемую заведующим делами отдела, он же являлся заве-

дующим архивом отдела. Заведующим канцелярией и архивом ВЧК был назначен Н.Н. Мещеряков.

В губернской и уездной ЧК предусматривалась общая канцелярия со специальными «столами» (контрреволюционный, спекулятивный, иногородний, железнодорожный) и общий архив. Заведующий делами отдела ВЧК принимал дела, подлежащие сдаче в архив отдела, сдавал дела в архив общей Комиссии ВЧК. Сначала архив ВЧК хранился в отделе хранилищ хозяйственного отдела ВЧК вместе с «конфискатом».

9 июля 1918 г. Коллегия приняла решение об отделении архива ВЧК от хранилища «конфиската». Этот день считается датой образования архива ВЧК как комплекса архивных материалов центрального аппарата. С 15 ноября 1918 г. архив становится самостоятельным структурным подразделением ВЧК. В связи с отсутствием номенклатуры дел, для общей регистрации оперативно-следственных материалов и переписки 1 сентября 1918 г. был создан регистрационно-справочный отдел во главе с В.Э. Кингисеппом.

Сначала были заведены журналы регистрации следственных дел и оперативных документов по оперативным отделам ВЧК. Их регистрация проводилась централизовано по всей ВЧК в регистрационно-справочном отделе. Тут же учитывались арестованные и выдавались справки по делам.

На II Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий в ноябре 1918 г. была утверждена инструкция «О новой постановке канцелярского дела». Местным чрезвычайным комиссиям рекомендовали журнальный учет регистрации документов. Канцелярии отделов ВЧК должны были завести делопроизводительные журналы регистрации документов, рассыльные книги для курьеров, книги-описи по делам. Для регистрации документов предусматривалась также карточная система, для уездных ЧК – алфавитные книги.³

Сроки сдачи дел в архив не оговаривались. В архив сдавались документы, которые формировались в дела. Инструкция предписывала: «Лучше не жалеть лишней обложки и по каждому вопросу заводить отдельные дела». Для быстрого поиска по годам рекомендовалось на каждый год заказывать обложки разных цветов: «Тогда уже по одному внешнему виду можно отличить дела одно-

го года от другого и такое дело при раскладке в архиве не должно попасть не на свое место»⁴.

Формирование единицы хранения предлагалось осуществлять «в порядке истории дела», т.е. с соблюдением хронологии и предметно-вопросной последовательности. Фотоматериалы можно было хранить в альбомах. В соотношении с карточной системой регистрации дел (документов) такой архив приобретал функциональность⁵.

3 января 1919 г., для оптимизации документооборота, Президиум ВЧК объединил канцелярии отделов ВЧК. Таким образом, архивы отделов также объединились. Отдельным оставался только архив особых отделов ВЧК. В центральном аппарате особого отдела ВЧК было создано регистрационное отделение, где предусматривались «столы архивариусов и делопроизводителей». Они собирали, регистрировали и систематизировали документы, формировали «текущий архив» из материалов особых отделов воинских подразделений. Регистрационное отделение возглавил Я.П. Роцен. С 25 июля 1919 г. он стал начальником регистрационно-статистического отдела ВЧК. С 19 июля 1919 г. в его состав вошел архив ВЧК на правах отделения. В губернских чрезвычайных комиссиях также была создана регистрационно-статистическая часть, в состав которой входил архив⁶.

Президиум ВЧК 31 июля 1919 г. принял постановление «О сосредоточении архивных дел в одном месте»⁷. В архив начали поступать документальные материалы из общей канцелярии. Оперативно-следственные дела отделов ВЧК, кроме особого отдела, концентрировались в секретно-оперативном отделе. В губернской чрезвычайной комиссии законченные дела оперативных подразделений согласно Инструкции по организации работы местных органов ВЧК, принятой 3 февраля 1920 г. на IV конференции чрезвычайных комиссий, передавались на хранение в архив регистрационно-статистической части губЧК. Архивом заведовал сотрудник, подчинявшийся заведующему регистрационным отделом губЧК⁸.

Во время очередной административной реорганизации ВЧК, 14 сентября 1920 г. было создано Управление делами (УД) ВЧК. В его состав на правах отдела вошел учетно-регистрационный отдел с архивом. 1 декабря 1920 г. также в состав Управления дела-

ми ВЧК вошли, некогда самостоятельные, управления делами особого и транспортного отделов. Таким образом, при ВЧК был создан единый документооборот подразделений.

На 1 января 1921 г. в состав регистрационно-статистического отделения ВЧК входили: бюро регистрации, бюро розыска, бюро статистики, архив и справочное бюро⁹.

В июле 1921 г. в инструкции о структуре, внутреннем распорядке работы органов ВЧК и внутренней переписке впервые упоминается словосочетание «Центральный архив ВЧК» как подразделение центрального аппарата.

Согласно требованиям инструкции законченные дела следовало сдавать в текущие архивы отделов. По истечению необходимости в практическом использовании, подшитые дела с внутренней описью дела сдавались на хранение в центральный архив¹⁰.

30 марта 1922 г. Центральный архив ВЧК вошел в состав Отдела центральной регистрацией (ОЦР), созданного на основе регистрационно-статистического отделения Оперативного отдела. ОЦР возглавил прежний начальник отделения Я.П. Роцен, с 6 июня 1922 г. – А. М. Шанин¹¹.

ОЦР находилось в составе Секретно-оперативного управления (СОУ) ГПУ. Положение об архиве отдела центральной регистрации СОУ ГПУ от 13 апреля 1923 г. подтвердило, что он является центральным хранилищем материалов центрального аппарата и местных органов государственной безопасности.

Структура аппарата территориальных органов государственной безопасности повторяла структуру центрального аппарата. В приказе ГПУ № 62 от 20 февраля 1923 г. были объявлены штаты местных органов ГПУ. Архивная работа была возложена на регистрационно-статистическое отделение (отдел) секретно-оперативной части полномочного представительства ГПУ.

Руководство ГПУ-ОГПУ проводило принцип концентрации наиболее важных архивных дел в центральном архиве. Только проблемы нехватки помещений и стоимости пересылки часто останавливали этот процесс¹².

Материалы архива были условно поделены на две группы: «важные» и «мелкие». В группах дела получали валовую нумерацию. На каждое дело выписывалась соответствующая карточка, которая направлялась в центральную картотеку архива ОЦР СОУ

ГПУ. В группе «важных» существовали также «тематические» дела, которые, независимо от количества томов, имели один архивный номер.

В 1925 г. началась массовая передача архивных материалов в Центральный архив ОГПУ. В феврале 1925 г. приказом №46 коллегии ОГПУ Военный архив ОГПУ (документы о деятельности войск ВЧК-ГПУ-ОГПУ) был передан в центральный архив ОЦР¹³.

В ноябре 1925 г. была предпринята очередная попытка сконцентрировать в Центре наиболее интересные архивные документы из территориальных аппаратов. Приказом ОГПУ от 5 ноября 1925 г. при Коллегии ОГПУ была создана часть секретного хранения архивных фондов для «объединения и сосредоточения в ОГПУ документов и материалов секретного, исторического и особо важного характера, утративших оперативное значение для текущей работы». Полномочным представительствам и губернским отделам предоставили три месяца для отбора и отправки документов¹⁴. При этом в условиях начавшейся административно-территориальной реформы (перехода от трехступенчатой формы губерния-уезд-район к двухступенчатой округ-район) была серьезная опасность элементарной потери документов. На территории бывшей губернии формировалось несколько округов. Соответственно, каждый округ имел свой окружной отдел ОГПУ. Было непонятно, как делить архив губернского отдела ОГПУ.

Местные аппараты ОГПУ начали быстро сдавать свои архивы. В большинстве, это были необработанные дела, иногда насыпью, не все из них представляли историческую ценность и были необходимы для обобщения опыта работы советских органов госбезопасности. Практическая работа по приему и обработке поступающего материала легла на сотрудников ОЦР ОГПУ.

Начальник архива ОГПУ Е.Е. Солонович в декабре 1926 г. подготовил докладную записку в Коллегию ОГПУ. По его мнению, «архив должен быть хранилищем, накапливающим опыт работы ОГПУ, а не складом разрозненных материалов». Он предложил усовершенствовать делопроизводство в структуре ОГПУ, создать типовой перечень для составления номенклатуры дел секретного производства¹⁵. В таком случае заведующие канцеляриями и архивов центрального и местного аппаратов будут осве-

домлены о перечне документов, предназначенных для хранения, сроках хранения, параметрах оформления архивного дела.

Также существовал так называемый «текущий архив» центрального аппарата ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР № 247/117/С от 5 ноября 1925 г. была организована «часть секретного хранения архивных фондов ОГПУ»¹⁶.

В связи с реорганизацией отделов КРО, ОО, ПК, ИНФО и Оперотдела секретно-оперативного управления, в структуре СОУ ОГПУ по состоянию на август 1931 г. остались только секретно-политический отдел и отдел центральной регистрации.

Поэтому 4 декабря 1931 г. Коллегия ОГПУ приняла решение о реорганизации ОЦР. Уже 10 февраля 1932 г. был оглашен приказ № 117/с о создании учетно-статистического отдела (УСО) ОГПУ в составе 1-го отделения (учетное), 2-го отделения (судебное), 3-го отделения (оперативно-справочное), 4-го отделения (статистическое), 5-го отделения (архив)¹⁷.

После ликвидации СОУ ОГПУ с 16 апреля 1932 г., в соответствии с приказом ОГПУ № 415/с от 4 мая, УСО было напрямую подчинено председателю и Коллегии ОГПУ. По приказу ОГПУ № 00313 от 9 сентября 1933 г. на УСО, помимо учета различных категорий политически неблагонадежных граждан, возлагался учет всех исключенных из ВКП(б) в результате партийных чисток¹⁸.

При реорганизации 10 июля 1934 г. ОГПУ учетно-статистический отдел вошел в состав Главного управления государственной безопасности НКВД СССР на правах самостоятельного отдела¹⁹.

В феврале 1934 г. в центральном архиве на хранении находилось около 825 тыс. дел, половину из них составляли архивно-уголовные дела. Другие фонды включали оперативные материалы, личные дела сотрудников, делопроизводство войск ВЧК-ОГПУ и учетные дела бывших белых офицеров. Номенклатурные дела подразделений ВЧК-ОГПУ с материалами секретного делопроизводства назывались «канцелярией» и насчитывали около 20 тыс. томов. Неучтенные, не разобранные дела составляли около 100 тыс. единиц хранения. Большинство дел, особенно 1918–1919 гг., были «растрапаны», «слабо прошиты», «в рваных обложках», «трудно читаемые». Начальник УСО ОГПУ Я.М. Ген-

кин в записке Г.Г. Ягоде писал, что делам «требуется срочный ремонт, снятие копий и фотографирование ценных документов». Он также жаловался на отсутствие квалифицированных работников, которые могли бы выявить и тематически описать дела. 18 марта 1934 г. Г.Г. Ягода дал указание в течение года привести архив в образцовый порядок и поручил секретарю Коллегии ОГПУ П.П. Буланову вместе с Я.М. Генкиным разработать план материально-технического обеспечения архива. При встрече с Я.М. Генкиным 1 июня 1934 г. Г.Г. Ягода «дал указание о создании единого архива всех материалов ВЧК-ОГПУ, поставил задачу создания книгохранилища с комплексом материалов по нелегальным организациям и партиям»²⁰. Работы должны быть выполнены на протяжении 5 лет.

Уже 5 июня 1934 г. был подписан приказ ОГПУ № 1220 о порядке оформления следственных дел. Были заказаны типовые обложки для переплета дел. Только для территориальных органов ОГПУ было заказано около 300 тыс. обложек. Архивные материалы должны были систематизироваться «по линиям» работы ОГПУ (меньшевики, троцкисты, правые и т.д.). Проведенная работа стала основой для будущих фальсифицированных дел в 1937–1938 гг. о деятельности «троцкистских», «меньшевистских», «правых» центров.

Следственные материалы, справки, обвинительные заключения, вещественные доказательства (литература, листовки, плакаты, фотоматериалы), не приобщенные к делам, должны были сформированы в отдельные дела. Для тематической разработки дел привлекались 2–3 высококвалифицированных оперативных сотрудника уровня начальника отделения центрального аппарата. Они должны были провести тематическое описание материалов «политически важных дел» (их было около тысячи) в соответствии с утвержденным начальником УСО ОГПУ особым перечнем. Информация записывалась на тематическую карточку: архивный номер, дела, тема, подтема, название организации, группы, партии, банды и т.д., наименование органа и отдела, когда и кем вынесено решение по делу, фамилия с инициалами 1–2 главных фигурантов дела, количество лиц, проходящих по делу, наличие при деле документов.

Сотрудниками архива было создано несколько видов карточных каталогов (картоек). В картотеке «Контрреволюционных организаций крупных дел» была проведена систематизация по названиям организаций («по каждому делу заполняется столько карточек, сколько слов в названии дела») и персоналиям (карточки раскладывались в алфавитном порядке).

Картотека «Тематического учета дел» велась по разделам: состав преступления, год ликвидации организации, орган НКВД, который вел дело.

Также были созданы картотеки «Тематического учета документов» (речь шла о документах, приобщенных к делам), «учета многотиражных экземпляров обвинительных заключений по следственным делам». Тиражированные на ротаторе или типографским способом процессуальные документы рассыпались территориальным органам государственной безопасности для ориентировки оперативных сотрудников. Постоянно формировалась картотека (по номерам) всех следственных дел, которые хранились в архиве и учеты на граждан, проходящих обвиняемыми по делам²¹.

В борьбе со шпионажем и антисоветскими настроениями граждан большое значение придавалось учету (регистрации), как составной части наблюдения за политическими противниками власти и уголовными преступниками. В апреле 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) одобрило предложение ВЧК о регистрации всех ответственных советских служащих, «дабы бороться с проникающим жулем»²².

В принятом 24 мая 1922 г. «Положении о регистрационной службе в органах ГПУ» основной задачей регистрационной службы был определен учет персональных сведений о лицах, уличенных или подозреваемых в причастности к тем или иным преступлениям, политическим группировкам антисоветского или антикоммунистического направления. В Положении подчеркивалось, что регистрация является технической основой оперативной работы ГПУ. Ей подлежали лица, принадлежавшие к контрреволюционным организациям и подозреваемые в причастности или содействии последним, члены революционно-демократических партий, ведущие антисоветскую агитацию, все офицеры и гражданские чины белогвардейских правительств, участники мятежей

и повстанческого движения, административно-хозяйственный состав предприятий и транспорта, замеченный в нарушении экономических интересов государства²³.

Территориальные чекистские органы старались придать регистрационной работе наиболее приемлемую систему и выработать некоторые дополнения в порядок ее проведения. Весь негласный учет, подлежащий разработке по линии КРО был сосредоточен уполномоченными в рамках трех категорий:

- 1) монархисты, шпионы и провокаторы, семьи и близкие родственники лиц, бежавших за границу, а также имеющие связь с заграницей; крупные чины царского и Временного правительства;
- 2) бывшие помещики, заводчики, фабриканты, купцы, крупные земские деятели, разные лица, как военные, так и гражданские, побывавшие во враждебных войсках;
- 3) бывшие чины охранки, жандармы (вплоть до нижних чинов), чины полиции (вплоть до урядников), земские начальники, волостные старшины.

Для выявления этих лиц уполномоченным было предложено использовать все имевшиеся возможности, проводя первоначальное выявление путем просмотра документов и материалов: архивных дел, анкет, списков служащих и др.

9 августа 1923 г. в связи с изменениями в организационной структуре органов ГПУ были внесены некоторые уточнения в инструкцию о специальной регистрации. В нее включили: членов антисоветских партий, заподозренных в принадлежности к ним, содействующих и сочувствующих этим партиям; судившихся и привлекавшихся к ответственности при советской власти за антисоветскую деятельность и лиц, враждебно относящихся к власти, партийность которых не выявлена; бывших офицеров старой армии, находившихся на территории, занятой «белыми» армиями в период Гражданской войны; бывших жандармов, полицейских и сотрудников охранных отделений; тех, кто заподозрен в уголовных преступлениях и осужден за них. Все зарегистрированные были разбиты на группы: правые эсеры, левые эсеры, меньшевики, анархисты, кадеты, народные социалисты, монархисты (с включением подгрупп бывших жандармов, полицейских и охранников), члены националистических партий, бывшие «белые» офицеры и офицеры царской армии, находившиеся на тер-

ритории «белых»; антисоветские элементы, бывшие коммунисты, судившиеся при советской власти за уголовные и другие (кроме политических) преступления; заподозренные в таком преступлении.

В последующем в перечень лиц, подлежащих оперативному учету, были внесены некоторые уточнения. К началу 1930-х гг. оперативному учету подлежали бывшие дворяне, помещики, фабриканты, купцы, офицеры и военные чиновники, члены антисоветских партий и группировок, служители культа, лица, ранее имевшие судимость, уличенные и заподозренные в преступных деяниях, неблагонадежный в политическом отношении административный и руководящий персонал в государственных учреждениях, на промышленных предприятиях, а также лица из среды командного и административно-хозяйственного состава Красной армии.

Под особым контролем находились бывшие офицеры «белых» армий. Практиковался тайный надзор даже за снятыми с учета. Но по мере укрепления советской власти число находившихся на учете снижалось. Уже 12 декабря 1924 г. постановлением Президиума ЦИК СССР за безупречную службу в рядах РККА, РККФ и гражданских учреждениях, проявленный героизм и преданность советской власти были сняты с особого учета с распространением на них всех прав и преимуществ военнослужащих и военнообязанных бывшие «белые» офицеры, награжденные орденами Трудового и Красного Знамени и продолжавшие службу. В 1926 г. на особом учете состояло 63 836 чел., в 1928 г. – по всей стране оставалось 5 946 офицеров и чиновников, 8 987 репатриантов, 15 бывших царских контрразведчиков, 1 051 служивших карателями. Из всех категорий, состоявших на учете – 5 221 числилось на гласном учете, остальные – на негласном.²⁴

Таким образом, оперативные учеты и использование систематизированных материалов архивных фондов позволяли держать в поле зрения тех лиц, которые участвовали в вооруженной борьбе с властью и могли снова взяться за оружие.

В органах ВЧК – ГПУ – ОГПУ концентрировалась обширная информация о самых разных сторонах жизни общества. Сотрудники госбезопасности оперативно получали материал, анализировали его и составляли следующие документы: сводки, бюлле-

тени, обзоры, доклады и т.п., которые направлялись в партийные и советские инстанции. Все эти материалы требовали систематизации и учета, для использования их в дальнейшей оперативной деятельности.

Сформированные в тяжелейших условиях органы госбезопасности обеспечили, в числе других факторов, выживание Советской республики в Гражданской войне и в период становления нового государства. Структурный состав подразделений ВЧК – ОГПУ позволил осуществить разностороннюю и широкую деятельность и установить контроль на всех стратегически важных направлениях жизнедеятельности страны. Наряду с оперативными и силовыми линиями работы чекистов, большое значение придавалось регистрации, учету и хранению оперативных материалов. Формирование и развитие соответствующих структур в системе органа безопасности государства позволило создать систему взаимодействия оперативных подразделений для успешного решения поставленных перед ними задач.

¹ Архив ВЧК: Сборник документов. М., 2007. С. 5.

² Попов А.Ю., Соколов А.С. Щит и меч власти большевиков. Очерки истории ВЧК. М., 2022. С. 75.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 5.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. М., 2003. С. 355.

⁹ Там же. С.189.

¹⁰ Архив ВЧК... С.9

¹¹ Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М., 1999. С. 440.

¹² Архив ВЧК... С.15–16.

¹³ Там же. С.14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. ... С.39, 476–477.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ Там же. С. 57.

¹⁹ Там же. С. 545–546.

²⁰ Архив ВЧК... С.17.

²¹ Там же. С.17–18.

²² Государственная безопасность России: История и современность. М., 2004. С.457.

²³ Там же. С. 457–458.

²⁴ Государственная безопасность России... С.546

А.И. Хрисанов
г. Москва

Становление системы образовательных учреждений органов государственной безопасности РСФСР в 1918–1922 гг.

Эффективность работы органов государственной безопасности напрямую зависит от профессионализма их личного состава, а достичь высоких результатов в деле подготовки сотрудников-профессионалов возможно лишь имея в своем распоряжении хорошо отлаженную ведомственную систему подготовки кадров. Рассмотрение ведомственной системы подготовки кадров необходимо начинать с анализа задач, под которые она создается.

Первым советским органом государственной безопасности являлась Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК), созданная при Совете народных комиссаров РСФСР 20 декабря 1917 г. в качестве временного, чрезвычайного органа государственной власти. Комиссия создавалась на особый период времени для подавления контрреволюционных действий, саботажа, ликвидации вооруженных мятежей, антисоветских заговоров и восстаний, организованных внешней и внутренней контрреволюцией¹. В связи со своим особым статусом ВЧК была наделена широкими полномочиями и имела определенную независимость в принятии решений от других органов государственной власти Республики, таких как Народный комиссариат юстиции, Народный комиссариат внутренних дел, Совет Труда и Обороны и других ведомств.

Первоначально круг и масштаб задач, возлагаемых руководством страны на новый орган безопасности, читался в самом его наименовании. Во-первых, из названия явно следовало, что комиссия создавалась как всероссийская, т.е. ее решения распространялись на всю территорию страны. Во-вторых, она являлась чрезвычайной, так как характер ее деятельности соответствовал чрезвычайным задачам, для решения которых она была создана. Необходимо отметить, что комиссия создавалась непосредственно для борьбы с контрреволюцией и саботажем, что значительно расширяло границы ее компетенции как органа государственной власти, так, как саботаж, а тем более контрреволюция — это

очень широкие понятия. Задачи и полномочия комиссии, прописанные в постановлении СНК о ее создании, также были весьма обширными: «1) пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они не исходили. 2) предания суду Ревтрибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. 3) комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения»². Таким образом, можно сделать вывод, что ВЧК, на момент создания, представляла собой временный особый (чрезвычайный) государственный орган исполнительной власти для борьбы с контрреволюцией и саботажем.

Рассматривая структуру ВЧК, стоит отметить, что общее руководство комиссией осуществлялось Президиумом ВЧК во главе с председателем. Аппарат ВЧК первоначально состоял из трех структурных подразделений (отделов) с различными функциональными обязанностями: Информационный отдел осуществлял сбор политической и оперативной информации; Организационный отдел занимался организацией борьбы с контрреволюцией на всей территории страны, впоследствии он был преобразован в Иногородний отдел; Отдел борьбы с контрреволюцией и саботажем занимался организацией и ведением этой борьбы. Позднее были созданы отделы по борьбе со спекуляцией и преступлениями по должности и т.д.

Исходя из структуры ВЧК можно определить ее основные направления деятельности и задачи, возлагаемые на нее советским правительством, что в свою очередь позволяет нам соотнести их с угрозами государственной безопасности в конкретный исторический период. Все это помогает понять логику действий руководства ВЧК по становлению органов государственной безопасности и созданию сети ведомственных образовательных учреждений.

В сложных условиях внешнеполитической нестабильности, Гражданской войны и начавшейся военной иностранной интервенции на органы государственной безопасности легла огромная ответственность за само существование молодой советской Республики. В этих условиях, испытывая возрастающую потребность органов государственной безопасности в подготовленных

сотрудниках, коллегия ВЧК принимает решение о создании в Москве в 1918 г. первого ведомственного образовательного учреждения по подготовке кадров – Инструкторских курсов при ВЧК. Согласно Положению об Инструкторских курсах целью их создания была подготовка работников для Чрезвычайных комиссий в качестве заведующих отделами, следователей, комиссаров, разведчиков и организаторов инструкторов³.

Рассматривая вопрос комплектования ВЧК кадрами, необходимо учитывать тот факт, что до середины 1918 г. в состав комиссии входили не только коммунисты, но и представители партии левых эсеров. Однако уже со второй половины 1918 г. органы ВЧК комплектовалась как правило членами РКП(б). Таким образом, для зачисления на Инструкторские курсы при ВЧК всем кандидатам на обучение требовалось иметь рекомендации именно партийных органов РКП(б). В этой связи, к будущим слушателям ведомственного образовательного учреждения мандатной комиссией курсов предъявлялись специальные требования. Также, кандидаты на обучение должны были иметь хорошее здоровье и быть физически развитыми. Кроме того, для зачисления на обучения был установлен определенный образовательный ценз. Все это свидетельствует о том, что ведомственная система подготовки кадров с первых дней своего существования устанавливала специальные специфические требования к поступающим на обучение.

Инструкторские курсы при ВЧК, являясь первым ведомственным образовательным учреждением, были призваны решить важную задачу, стоящую перед органами государственной безопасности в конкретный исторический период, а именно максимально быстро в условиях военного положения подготовить сотрудников для работы в органах ВЧК. Однако, одному учебному заведению, было не под силу обеспечить квалифицированными кадрами все структурные подразделения ВЧК. Тем более, что направить на профессиональную подготовку одновременно всех действующих сотрудников было попросту невозможно, так как, исходя из условий оперативной обстановки работа органов ВЧК не могла остановиться ни на минуту и на счету был каждый сотрудник.

К концу 1918 г. спектр угроз государственной безопасности для молодой советской республики заметно расширился, что

незамедлительно отразилось на организационной структуре органов ВЧК. Возросшее число задач, возлагаемых в этот период на органы государственной безопасности, требовало от руководства ВЧК принятия новых организационных решений, что привело к существенному структурному преобразованию комиссии. Так, в период 1918–1920 гг. были образованы следующие отделы ВЧК: Экономический, борющийся с экономическими преступлениями; Секретный, занимающийся подавлением антисоветской деятельности различных партий, групп, религиозных организаций и сект; Иностранный, организующий работу по линии внешней разведки; Особый, организующий военную контрразведку в РККА; Следственный, занимающийся следственной работой; Железнодорожный, обеспечивающий бесперебойную работу и безопасность советского транспорта и т.д.

Увеличение числа структурных подразделений ВЧК закономерно влекло за собой и всё большую потребность ведомства в профессионально подготовленных кадрах. Опыт создания первых Инструкторских курсов при ВЧК оказался вполне успешным и руководство комиссии приступило к проработке вопроса о создании новых ведомственных образовательных учреждений. Так, летом 1919 г. на Президиуме ВЧК было принято решение о создании в Москве к 1 августа 1919 г. двухмесячных курсов для подготовки следователей, разведчиков и комиссаров для органов ВЧК. А спустя год – 30 января 1920 г., с целью подготовки личного состава непосредственно для особых отделов при ВЧК, в Москве, были открыты курсы военного контроля и разведки. В 1921 г. были открыты трехмесячные курсы ВЧК для подготовки чекистских кадров, как для центрального аппарата ВЧК, так и для региональных подразделений⁴.

В первые послереволюционные месяцы значительно усилились проявления саботажа служащих и рабочих на железнодорожном транспорте, участились нападения на железнодорожные составы и склады продовольствия, расположенные на железнодорожных станциях и прилегающих к ним территориях. По всей сети железных дорог бесчинствовали различные преступные элементы, дезертиры, мародеры, вооруженные банды налетчиков, а также всевозможные диверсионные группы. Важно отметить, что в этих условиях, в связи с продлением, введенного

Советом рабочей и крестьянской обороны (СРКО) РСФСР в 1918 г., военного положения на железных дорогах, за органами ВЧК было сохранено право применения высшей меры наказания.

В связи с созданием железнодорожных отделов все другие государственные органы, такие как губернские и уездные следственные чрезвычайные и железнодорожные чрезвычайные комиссии, до этого наравне с ВЧК участвовавшие в борьбе с контрреволюцией и спекуляцией на железнодорожном транспорте, подлежали упразднению. Штатные сотрудники железнодорожных подразделений ВЧК именовались агентами охраны общественного порядка и в своей служебной деятельности пользовались «Особой инструкцией», утвержденной на совещании ВЧК 4 августа 1918 г.

Учитывая сложившуюся военную обстановку, ВЦИК РСФСР 21 февраля 1919 г. принял Постановление «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны», в соответствии с которым охрана порядка на железнодорожном транспорте переходила в ведение Наркомата внутренних дел РСФСР⁵. С этого момента деятельность железнодорожных подразделений ВЧК должна была регламентироваться специальными инструкциями, разработанными совместно с органами НКВД РСФСР. В соответствии с этим же Постановлением представителям военизованных структур, работающим на железнодорожном транспорте по линиям: железнодорожной милиции, уголовного розыска, военной охраны и железнодорожных отделов ВЧК, запрещалось вмешиваться в административно-техническую деятельность Наркомата путей сообщения, касающуюся управления железнодорожным транспортом.

Постановлением СРКО РСФСР от 2 марта 1919 г. «О мероприятиях по урегулированию взаимоотношений между ВЧК, железнодорожными чрезвычайными комиссиями и комиссариатом путей сообщения» в состав Железнодорожного отдела ВЧК были введены: представитель Комиссариата по военным делам и член коллегии Наркомата путей сообщения. С этого момента органам железнодорожного отдела ВЧК вменялось в обязанность контролировать на железнодорожных станциях сроки разгрузки и отправки грузов различными органами и организациями. Необходимо отметить, что военные грузы железнодорожному от-

делу ВЧК предписывалось контролировать совместно с комендантами железнодорожных станций⁶.

С окончанием Гражданской войны и иностранной военной интервенции страна постепенно переходила к новой, мирной жизни. От руководства РСФСР требовались новые решения для преобразования политической и экономической сфер государства. Учитывая необходимость экономических преобразований, в целях восстановления народного хозяйства РСФСР, в марте 1921 г., на X съезде РКП(б), было принято решение о переходе страны к Новой экономической политике (НЭП). А 15 апреля 1921 г., по предложению председателя СНК РСФСР В.И. Ленина, наркомом путей сообщения Республики был назначен председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский. Данное решение диктовалось необходимостью скорейшего восстановления инфраструктуры путей сообщения и обеспечения функционирования железнодорожного транспорта⁷. Все это в итоге привело к существенным изменениям в работе органов государственной безопасности, в результате которых Всероссийская чрезвычайная комиссия как государственный орган была упразднена и на её основе 6 февраля 1922 г. было создано Государственное политическое управление при НКВД РСФСР⁸. Теперь ГПУ являлось составной частью Наркомата внутренних дел РСФСР.

С переходом страны к НЭП и с назначением Ф.Э. Дзержинского наркомом путей сообщения, одной из важнейших сфер деятельности ГПУ становится экономическая деятельность РСФСР и ее транспорт. Госполитуправлению от упразднённой ВЧК были переданы функции по обеспечению железнодорожного и водного транспорта Республики, в связи с чем, 13 марта 1922 г., в соответствии с «Положением о транспортных органах...», в ГПУ был создан Транспортный отдел (ТО). Организационная структура ТО ГПУ соответствовала построению органов Наркомата путей сообщения. На железнодорожном транспорте создавались окружные, дорожные и линейные транспортные отделы ГПУ, их отделения и оперативные пункты. На водном транспорте создавались областные и районные транспортные отделы ГПУ и их оперативные пункты.

Для подготовки сотрудников транспортных органов ГПУ 3 апреля 1922 г. был издан приказ «О создании школ транспорт-

ного отдела ...», специальную подготовку в которых должны были пройти все, как вновь прибывшие сотрудники, так и действующие агенты транспортных органов ГПУ. Важно отметить, что личный состав школ ТО ГПУ являлся резервом Частей охраны общественного порядка окружных и дорожных транспортных отделов и в случае необходимости привлекался ими для оперативных нужд.

Опыт работы школ ТО ГПУ по подготовке агентов, также был признан положительным, хотя и выявил ряд существенных недостатков. Негативными факторами в деятельности школ Транспортного отдела ГПУ были следующие: отсутствие постоянных штатов школ, различные формы и методы преподавания в них, разнородные учебные планы и программы, а также нехватка в некоторых школах необходимых служебных помещений. Стоит отметить, что в достаточно короткие сроки руководством ГПУ были сделаны необходимые организационные выводы и 11 декабря 1922 г. в ГПУ был издан приказ «О реорганизации школ транспортного отдела».

Еще одним важным направлением в работе отечественных органов государственной безопасности была охрана государственной границы РСФСР. После реформы органов государственной безопасности 27 сентября 1922 г. Совет труда и обороны РСФСР принял Постановление о передаче охраны государственных границ Республики в ведение Госполитуправления НКВД. Для решения задач по охране госграниц был образован Отдельный пограничный корпус войск ГПУ. В связи с особой спецификой пограничной деятельности от руководства органов государственной безопасности требовалось безотлагательно решить задачи по организации подготовки кадров соответствующего (пограничного) профиля. Так, по всей территории Республики при всех пограничных округах были созданы соответствующие пограничные курсы по подготовке личного состава.

В целом, в рассматриваемый период, завершился процесс структурного оформления ведомственной системы подготовки кадров, характерной особенностью которой стало умелое использование опыта практических подразделений. В связи с отсутствием штатных преподавателей специальных дисциплин сложилась устойчивая практика привлечения к занятиям в качестве лекто-

ров—преподавателей руководителей и сотрудников подразделений органов и войск государственной безопасности.

Таким образом, можно констатировать, что в период становления ведомственной системы подготовки кадров, в условиях изменения угроз государственной безопасности и задач по ее обеспечению были заложены основные принципы деятельности образовательных учреждений отечественных органов государственной безопасности. Первые курсы и школы ВЧК – ГПУ создавались под конкретные целевые, профильные задачи органов и войск ведомства. В самих профильных образовательных учреждениях последовательно проводилась модернизация образовательных программ и направлений подготовки кадров. Также в этот период были заложены основные принципы организации отбора слушателей и курсантов в ведомственные образовательные учреждения.

¹ Из истории ВЧК 1917–1921 гг.: Сборник документов. М., 1958. С. 78–79.

² Там же. С. 78–79.

³ Постников Л.А. Краткий очерк истории Высшей школы КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. М., 1990. С. 6.

⁴ Плеханов А.М. ВЧК – ОГПУ в годы Новой экономической политики (1921–1928 гг.). М., С. 249.

⁵ Из истории ВЧК 1917–1921 гг... С. 261.

⁶ Там же. С. 262.

⁷ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. М., 2008. С. 133.

⁸ Из истории ВЧК 1917–1921 гг... С. 471.

А.В. Лиманский
г. Москва

**Кадровая политика в советских пограничных войсках:
основные субъекты (1922 г.)**

Во исполнение решений IX Съезда Советов (декабрь 1921 г.) об упразднении ВЧК в январе 1922 г. комиссия Каменева-Стилина представила предложение о создании в составе НКВД Государственного политического управления (ГПУ). 6 февраля 1922 г. был издан декрет ВЦИК об упразднении ВЧК и о создании ГПУ при НКВД одной из задач учреждаемого ведомства являлась политическая охрана границ РСФСР, войсковую охрану границы продолжало осуществлять военное ведомство¹.

Передача войсковой охраны государственной границы в октябре 1921 г. в ведение Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) позволила в короткое время разгромить крупные вооруженные закордонные банды. Но враги Советской власти вовсе не отказывались от планов борьбы против первого в мире социалистического государства. Они лишь изменили тактику и методы враждебных действий, переходили к шпионажу, диверсиям и подрыву экономики². Двойственное подчинение войск по охране границы отрицательно сказывалось на организации борьбы с контрабандой, шпионажем и другой подрывной деятельностью врагов против молодого Советского государства. В представлениях ГПУ и Наркомвнешторга (НКВТ) Совету Труда и Обороны (СТО) отмечалось, что полевое командование Красной армии не может обеспечить надежную охрану границы, и обосновывалась необходимость создания пограничных войск ГПУ³.

Переход пограничных войск из ВЧК в военное ведомство вызвал поток нареканий не только со стороны органов безопасности, но и ряда других ведомств. Так, замнаркома Рабоче-крестьянской инспекции В.А. Аванесов 22 марта 1922 г. писал в СНК: «В настоящий момент охрана границ не стоит на должной высоте, экономические и даже политические интересы Республики совершенно не защищены. Контрабанда, не встречая препятствий, развилаась до небывалых размеров...». В записке подчер-

кивалось, что в связи с развивающейся внешней торговлей и перспективой установления торговых связей со всеми странами поток контрабанды, хлынувшей в Россию, грозит разрастись до необычайных размеров и тем принести колоссальный ущерб интересам Республики. «С задачей пресечения контрабанды ныне существующая на границе охрана справиться не может, так как по своей организации и подготовке она для этого не подходит. Охрана границ требует специальной подготовки, опыта борьбы с контрабандой, знания местности и ее особенностей». В записке предлагалось организовать пограничную охрану в полном подчинении НКВД «Охрану эту необходимо навербовать из вольнонаемных лиц, укомплектовав ее на первое время военнообязанными, установив для нее особую форму, снабдив всеми видами вооружения и присвоив ей наименование «Пограничной стражи»⁴.

Постановление Политбюро ЦК РКП (б) от 15 февраля 1922 г. обязывало возложить личную ответственность на А.С. Енукидзе за то, чтобы ни один вопрос, связанный с ГПУ, не поступал на разрешение Президиума ВЦИКа без предварительного согласования с Политбюро⁵. Данное решение Политбюро явилось основополагающим для деятельности органов и войск государственной безопасности на весь период существования Советского государства. Все решения о направлениях оперативной деятельности, существенных реорганизациях, по вопросам кадровой политики, начиная с февраля 1922 г., первоначально принимались на заседаниях Политбюро, а затем утверждались решениями высших законодательных и исполнительных органов. В предложен-ной ЦК форме партийный контроль просуществовал многие годы. Решения Политбюро ЦК были окончательными: ВЦИК, а в последующем и ЦИК СССР лишь юридически оформляли решения Политбюро. С этого времени в отношении органов и войск госбезопасности сохранялась и поддерживалась установка на то, что они «созданы существуют и работают лишь как прямые органы партии по ее директивам и под ее контролем»⁶.

На заседании Пленума ЦК РКП (б) от 8 августа 1922 г. в постановлении «О Красной Армии», определялось сократить численность РККА до 800 тыс. чел., повысить оклады командному составу РККА, увеличить красноармейский продпак, подгото-

вить предложения о сокращении пограничной охраны и войск ГПУ⁷. Заседавшая в тот же день военная комиссия, выделенная ЦК РКП (б), помимо мер, намеченных пленумом ЦК, приняла решение ходатайствовать через ВЦИК и ЦИК других советских республик о принятии необходимых мер к улучшению жилищно-бытовых условий воинских частей и военнослужащих и т. д.⁸

СТО вопрос об охране границ рассматривал на заседаниях 22 марта, 5 апреля и 5 мая 1922 г., и каждый раз не было единой точки зрения по этому вопросу. 19 мая 1922 г. было решено оставить охрану границ в прежнем виде до 1 сентября, одновременно усилив оперативную работу на границе органов ГПУ⁹. 10 мая 1922 г. Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело вопрос об охране границ. Принятым решением поручалось ГПУ ввести должность особоуполномоченного для Петроградского военного округа, а также предусматривалось усиление войск пограничной охраны, в том числе коммунистами, и улучшение их снабжения¹⁰.

27 сентября 1922 г. СТО принял решение о передаче охраны границ в ведение ГПУ «для чего создать Отдельный пограничный корпус»¹¹ (ОПК). Для формирования ОПК войск ГПУ Постановление предлагало военному ведомству передать в распоряжение ГПУ весь личный состав и сторожевые суда, выделенные для охраны границ, с доведением их до установленной численности. Передаваемые войска предписывалось полностью снабдить вооружением, снаряжением, обмундированием, всем положенным по штату имуществом и необходимыми средствами. К 1 января 1923 г. войска ГПУ, в том числе и ОПК, должны были быть переведены на самостоятельное снабжение, для чего в ГПУ создавался специальный аппарат снабжения¹². За РВСР сохранялось право инспектирования войск корпуса в отношении его боевой и мобилизационной готовности. Передачу войск было определено закончить к 1 ноября 1922 г.¹³

Укомплектование людьми и конским составом, снабжение всем необходимым корпуса было вновь поручено военному ведомству. ОПК должен был комплектоваться за счет состоящих на действительной военной службе возрастов и добровольцев, на общих основаниях с прочими войсками ГПУ, через штаб войск ГПУ. Численность Корпуса определялась в 50 тыс. чел., из них шестая часть должна была служить в кавалерийских дивизио-

нах¹⁴. Но на 1 октября 1922 г. численность пограничных войск составляла лишь 32 977 чел.¹⁵

25 октября 1922 г. на заседании СТО было принято Положение об Отдельном пограничном корпусе войск ГПУ. В нем говорилось: «В целях наилучшего обеспечения охраны границ в отношении политическом, военном и экономическом учреждается несменяемая и не отвлекаемая никакими иными назначениями из районов погранполосы погранохрана в виде Отдельного пограничного корпуса и достаточного количества судов...»¹⁶. В Положении определялись вопросы подчинённости, управления, состав, порядок комплектования, снабжения и т. д. ОПК¹⁷.

Тем не менее, на заседании Центральной Комиссии по борьбе с контрабандой 27 ноября 1922 г. при рассмотрении вопроса «О ходе организации Погранохраны» отмечалось: «Дело организации пограничного корпуса идет слабо. Организационный аппарат еще не наложен. Отсутствуют квалификационные работники по организации Погранохраны и невозможно привлечь таковых за отсутствием средств к достаточному их материальному обеспечению... ГПУ до сих пор не только не организовала Погранохраны, но не установила еще структуры и принципов организации таковой». В постановлении заседания Комиссии предлагалось: «Признать желательным принятие НКВТ и НКФ шефства над Пограничной охраной, освободившись от шефства над другими частями». В протоколе заседания Комиссии № 19 от 18 декабря 1922 г. отмечено, что Коллегия НКФ отклонила принятие шефства над ОПК и предложила Бюджетному управлению лишь в сметном порядке увеличить отпуск средств на его содержание¹⁸.

Решением Политбюро РКП (б) от 16 ноября 1922 г. численность Пограничной стражи предлагалось установить в 25 000 чел. Пленум ЦК РКП (б) 8 декабря 1922 г. рассмотрел вопрос о РККА. В принятом Постановлении было подтверждено решение Политбюро о сокращении численности армии к 1 февраля до 600 тыс. чел., войск ГПУ – до 20 тыс. чел., пограничной охраны – до 25 тыс. «при обязательном повышении качественного состава всех этих войск и с созданием соответственных материальных условий, обеспечивающих повышение качественного состава». Срок для этого сокращения определялся к 1 февраля 1923 г.¹⁹

Непосредственно Ф. Э. Дзержинский занимался подбором руководящих кадров органов и войск ГПУ, отвечающих за охрану границы. Так, 6 июля 1922 г. Ф.Э. Дзержинский обратился к секретарю ЦК РКП (б) В. В. Куйбышеву с просьбой об откомандировании на должность начальника Управления войск ГПУ Э. С. Кадомцева: «Тов. Кадомцев, как никто, справится с имеющей быть возложенной на него задачей, так как имеет громадный опыт, военный стаж – как в старой, так и в нашей Красной армии, особенно войсках ГПУ, где тов. Кадомцев был довольно долгое время нач. войск ГПУ Туркестанского округа»²⁰.

Руководство ГПУ также понимало, что результаты службы по охране границы во многом зависели от социальной защищенности кадрового состава. Так, в своем докладе 7 сентября 1922 г. начальник войск ГПУ Э. С. Кадомцев отмечал: «Войска и штаб ГПУ могут быть работоспособными лишь в том случае, когда условия их работы будут обставлены с материальной, технической и моральной стороны не только наравне с Красной Армией (оклады, паек, квартирный вопрос, обеспечение семей, квалификация службы), но и выше». Штаб предполагалось комплектовать высококвалифицированными военными специалистами «по различным отраслям военной техники...», кроме того, руководство войск ГПУ и сотрудники штабов должны были отлично разбираться в вопросах военно-политической обстановки в мире и социально-экономической обстановки в стране²¹. Все это в полной мере относилось к войскам пограничной охраны. Часть предложений Э.С. Кадомцева была принята вскоре, другая часть получила реализацию в последующие годы.

Начиная с середины 1922 г. в стране постоянно происходило сокращение расходов на содержание органов и войск ГПУ. 7 сентября 1922 г. в своей записке В. Р. Менжинскому и Г. Г. Ягоде Ф. Э. Дзержинский, высказывая свою озабоченность тяжелым финансовым положением страны и низкой из-за этого зарплатой рабочих, предложил максимально сократить аппарат ГПУ, как «орган непроизводительный», а также «...раскассировать штабы наших войск (центр и округа), политсекретариат, предельно уменьшить в губерниях и ГПУ нестроевой состав... переложить тяжесть содержания погранвойск на доход от контрабанды...»²². Еще 19 мая 1922 г. на заседании СТО было принято решение для

усиления борьбы с контрабандой предоставлять впредь 70 % задержанной контрабанды для выдачи в виде премий, НКВТ необходимо было «немедленно передать 20 % пойманной контрабанды в деньгах или натурой ГПУ и военному ведомству по принадлежности»²³.

Постановлением СНК СССР от 21 октября 1922 г. была введена 50 % надбавка к основному окладу содержания кадрового состава.

На основании постановления СНК СССР от 17 ноября 1921 г. и циркуляра Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД от 24 декабря 1921 г. № 552 «Об улучшении жилищных условий военнослужащих» был издан приказ РВСР, НКВД и Народного комиссариата юстиции от 21 апреля 1922 г. № 1000, которым определялся механизм реализации льготного порядка обеспечения жильем военнослужащих. Это положение было также распространено на войска ГПУ и милицию²⁴. Стоит отметить, что данные законодательные акты в целом не решали жилищную проблему личного состава, проходящего службу по охране границы. Нередко командиры и рядовые пограничники жили по два-три человека в арендуемых крестьянских избах вместе с хозяевами, в заброшенных поместьях имениях, а там, где граница проходила через леса, – в землянках, шалаших. На границе в Закавказье и Средней Азии под жилье использовались пещеры²⁵.

В 1922 г. для улучшения обеспечения войск ГПУ, в соответствии с приказами Реввоенсовета Республики, было организовано движение шефской помощи. Каждая воинская часть была приписана к шефской организации (подбором шефов на местах занимались соответствующие комиссии при губисполкомах). Помощь шефов выражалась в оборудовании казарм, выдаче продовольствия и обмундирования, оборудовании починочных мастерских и др. «Введение института шефства полностью не могло удовлетворить даже самой насущной потребности войск, хотя помощь со стороны таковых в значительной мере и оказывалась... Продовольственное снабжение частей за 1922 г. стояло приблизительно на одинаковом уровне. Части снабжались продуктами своевременно, за исключением табака, спичек, мыла, сахара и

мяса, в получении которых был перебой иногда по два месяца (все округа) ...»²⁶.

С конца 1922 г. впервые вводятся свои ведомственные наградные знаки, которые послужили началом формирования ведомственной наградной системы, в том числе и для награждения пограничников. В частности, пограничники руководящего звена (И. С. Киборт и Я. Д. Берзин) наряду с сотрудниками органов государственной безопасности были награждены почетным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ»²⁷.

Вопросами формирования и реализации кадровой политики в частях и подразделениях, осуществляющих охрану границы, постоянно занимался не только ЦК партии, но и местные партийные органы.

В феврале 1922 г. ЦК КП Украины принимает решение улучшить материальное положение войск ГПУ, а в сентябре – пересмотреть и пополнить состав работников ГПУ. В июле 1922 г. на заседании ЦК КП Белоруссии совместно с представителями ГПУ и РВС Западного фронта принимается постановление, обязующее обеспечить пограничные войска до 100 % всеми видами довольствия и жилыми помещениями. Рассматривался вопрос об усилении охраны границы, были выработаны меры по дальнейшему повышению боеготовности пограничных подразделений, усилинию воспитательной работы. Предусматривалась значительная помощь пограничным частям со стороны республиканских и местных организаций. А главное, намечено немедленно очистить органы и войска ГПУ республики от лиц, исключенных из партии, и послать на их место местных работников. В августе 1922 г. были опубликованы в местной печати директивы Среднеазиатского бюро ЦК о постановке во главе органов ГПУ работников с опытом и стажем чекистской деятельности, освободив тех, кто этими качествами не обладал; о строгой проверке состава всего аппарата органов ГПУ и очистке их от негодных и уголовно-преступных элементов; о подготовке национальных кадров ГПУ выделении ряда ответственных парработников для направления в Москву и прохождения там курсов ОГПУ²⁸.

Еще в 1920–1921 гг. были учреждены ордена в советских республиках: «Красное Знамя» – в Грузинской, «Серебряная Звезда» и «Красная Звезда» – в Армянской, «Красное Знамя» – в Азер-

байджанской, «Красное Знамя» – в Хорезмской и «Красная Звезда» – в Бухарской советских республиках и другие награды. Правительства этих республик награждало орденами пограничников за отличие в борьбе с интервентами, белогвардейцами, бандами и басмачами²⁹. Так, 22 ноября 1922 г. командир взвода 3-го отдельного батальона пограничной охраны Н. И. Гришин за мужество и отвагу, проявленные в боях с бандитами, был представлен к награждению орденом «Красная Звезда» 3-й степени ЦИК Бухарской Народной Советской Республики³⁰. 4 сентября 1922 г. экономический совет Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики принял шефство над войсками ГПУ в Туркестане и наградил их шефским Красным Знаменем³¹.

Таким образом, 1922 г. стал решающим для пограничной охраны в плане подчинения ее органам безопасности практически на весь советский период. Партийно-государственные органы проводили достаточно эффективную кадровую политику, которая заключалась прежде всего в осуществлении мер по улучшению комплектования, повышению финансового и жилищного обеспечения, мотивации службы кадрового состава советской пограничной охраны и т. д. Важно отметить, что, начиная с 1922 г. ключевые кадровые вопросы, касающиеся органов и войск госбезопасности, рассматривались на заседаниях Политбюро ЦК партии.

¹ Политбюро и органы государственной безопасности. М., 2017. С. 26, 111.

² Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов. М., 1973. С.13.

³ Центральный пограничный архив (ЦПА) ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 340. Л. 40.

⁴ В.И. Ленин и охрана государственной границы СССР : сборник документов и статей. М., 1970. С. 136.

⁵ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина: документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 791.

⁶ Политбюро и органы государственной безопасности... С. 27.

⁷ Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП-ВКП (б) за 1918–1926 гг. // URL : <https://istmat.info/node/27056> (дата обращения 24.09.2021).

⁸ Берхин И. Б. Военная реформа в СССР (1924–1925 гг.) : монография. М., 1958. С. 45–46.

⁹ В.И. Ленин и охрана государственной границы... С. 136.

-
- ¹⁰ Летопись пограничных войск КГБ СССР / Кисловский Ю. Г. Безуглый М. М. Гайдук Н. В. и др. М., 1981. С. 68.
- ¹¹ Пограничные войска СССР 1918–1928... С. 198.
- ¹² В. И. Ленин и охрана государственной границы... С. 141–142.
- ¹³ Пограничные войска СССР 1918–1928... С. 13, 198–199.
- ¹⁴ В. И. Ленин и охрана государственной границы... С. 152.
- ¹⁵ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991... С. 31.
- ¹⁶ Ф. Э. Дзержинский и охрана границ советского государства : сборник документов и статей. М., 1977. С. 93–94.
- ¹⁷ В. И. Ленин и охрана государственной границы... С. 146–150.
- ¹⁸ Российский государственный архив экономики. Ф. 413. Оп. 1. Д. 72. Л. 27–28, 33.
- ¹⁹ Протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП–ВКП (б) за 1918–1926 гг. URL: <https://istmat.info/node/27056> (дата обращения 24.09.2021).
- ²⁰ Летопись пограничных войск... С. 52; *Тицков А.* Дзержинский. Серия ЖЗЛ. М., 1974. С. 312–313.
- ²¹ Штуттман С. М. Внутренние войска. История в лицах. URL: <https://history.wikireading.ru/308152> (дата обращения: 25.12.2020).
- ²² РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 305. Л. 3.
- ²³ В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР... С. 135–136.
- ²⁴ Пчелинцева Л.М., Пчелинцев С.В. Квартирное довольствие командного состава РККА после Гражданской войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 2. С. 40; Действующее жилищное законодательство РСФСР / Сост. Гурский В.Н. М., 1924. С. 183, 184, 192.
- ²⁵ На страже границ Отечества. История пограничной службы. Краткий исторический очерк. М., 1998. С. 315.
- ²⁶ Каряева Т.Ф. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства 1922–1941 гг. М., 1977. С. 153.
- ²⁷ Романов В. А. Наградная система отечественной пограничной службы (1893–2003 годы). Историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 79.
- ²⁸ Быстров С. А. Исторический опыт Советского государства по осуществлению кадровой политики в пограничных войсках СССР. 1918 – июнь 1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 33–34; Летопись пограничных войск... С. 69.
- ²⁹ Романов В. А. Наградная система отечественной пограничной службы... С. 62.
- ³⁰ Пограничные войска СССР 1918–1928... С. 586.
- ³¹ Летопись пограничных войск... С. 72.

С.А. Терехов
г. Москва

**Образование Крымского политического управления
(1922 г.)**

Начиная с 1918 г. в партийно-государственной сферах неоднократно дискутировался вопрос об упразднении ВЧК как временного, чрезвычайного аппарата революции. После окончания Гражданской войны этот вопрос вновь был поднят и требовал окончательного решения.

28 декабря 1921 г. на IX Всероссийской съезде Советов было принято Постановление о реорганизации ВЧК в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР.

В Крыму на сессии Крымского Центрального исполнительного комитета (КрымЦИК) рабочих, крестьянских, красноармейских и военно-морских депутатов, состоявшейся 2–4 марта 1922 г., народные избранники выбрали административную комиссию в составе депутатов Софу, Прокофьева, Роговина, Мартыненко, Израиловича, Ю.П. Гавена, Эйзенбрауна. Именно этой комиссии сессия поручила рассмотреть проект Положения о Крымском управлении и представить его на утверждение депутатов.

Итогом работы комиссии стало упразднение Крымской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при Совнаркому Крымской АССР и её местных органов.

Было решено, что для подавления открытых контрреволюционных выступлений, в т.ч. и бандитизма, принятия мер охраны и борьбы со шпионажем, охраны железнодорожных и водных путей сообщения, политической охраны границ Крымской АССР, борьбы с контрабандой и переходом границ республики без соответствующих разрешений, а также выполнения специальных поручений Президиума КрымЦИК и СНК Крымской АССР организуется при КрымЦИК политическое управление. Его планировалось назвать «Крымполитуправление».

По замыслу членов комиссии председатель Крымполитуправления назначается Госполитуправлением РСФСР и утверждается

КрымЦИК. Руководитель политуправления Крыма по соглашению с ГПУ РСФСР является полномочным представителем последнего на полуострове, и руководит деятельностью всех органов госбезопасности в Крыму. Было решено, что ему подчиняются «ведущие борьбу с преступлениями в армии и на транспорте на территории Крыма особые и транспортные отделы, а также войска ПУ Крыма в количестве, определяемом штабом войск ГПУ НКВД РСФСР».

Согласно принятому решению, сфера деятельности политуправления при КрымЦИК распространялась на всю территорию Крымской АССР. Коллегия Крымполитуправления формируется председателем и утверждается КрымЦИКом.

Комиссия предложила организовать в Севастополе политотдел при Севастопольском окружном исполнкоме, председатель которого назначается Политуправлением при КрымЦИК. В Евпаторийском, Керченском, Феодосийском, Красноармейском округах организуются пограничные особые отделения, сфера деятельности которых распространяется на всю территорию соответствующего округа. В Джанкойском округе и в Бахчисарайском, Белогорском районах Крымполитуправлением выделяются соответствующие уполномоченные.

Члены комиссии отметили в своем решении, что «при необходимости принятия мер пресечения в отношении лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, бандитизму, шпионажу, хищению на железных и военных путях сообщения, политуправлению и его местным органам предоставляется право производства обысков, выемки, ареста на следующих основаниях:

а) в отношении лиц, застигнутых на месте преступления, аресты, обыски или выемки агентами Политуправления или его местных органов могут быть произведены без специального постановления политуправления и без особого ордера с последующей санкцией председателя Политуправления или его местных органов в течение 48 часов после принятых мер пресечения;

б) во всех же остальных случаях арест, а также обыски и выемки допускаются не иначе, как по специальному постановлению политуправления и его местных органов за подписью председателя и по особым ордерам;

в) не позднее 2-х недель со дня ареста должно быть предъявлено обвинение арестованному;

г) не позднее 2-х месяцев со дня ареста политуправление освобождает арестованного или испрашивает у Президиума КрымЦИКа разрешение на дальнейшую изоляцию, если этого требуют особые обстоятельства дела, на срок, определяемый Президиумом ЦИК, или направляется дело в суд, зачисляя арестованного за ним;

д) общий надзор за выполнением данной статьи настоящего постановления возлагается на Наркомат юстиции Крыма»¹.

Выступая на сессии, Председатель КрымЦИК Ю. Гавен говорил: «Административная комиссия, выбранная сессией, утвердила проект постановления о ликвидации Крымской ЧК и образования Крымского политуправления. Сущность проекта в том, что функции политуправления будут сокращены по сравнению с ЧК, ибо функции борьбы со спекуляцией и преступлениями по должностям отпадают. С другой стороны, Политуправление, как отдел при КрымЦИКе, будет в большем подчинении местным властям, чем до сих пор была ЧК».

Через несколько дней после окончания сессии КрымЦИК, 7 марта 1922 г., председатель Политуправления при КрымЦИК А.И. Роттенберг и начальник административно-организационного отдела КрымПУ Я.П. Бирзгал подписали приказ по КрымЧК № 67 следующего содержания:

«§ 1. На основании постановления 2-й сессии КрымЦИК от 4 марта 1922 года КрымЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должностям с 6 марта с.г. объявляется расформированной.

§ 2. Вместо КрымЧК при КрымЦИКе организуется политуправление, в распоряжение которого переходит весь личный состав сотрудников, вое дела, денежные суммы и инвентарь как КрымЧК, так и ее местных органов по особым актам.

§ 3. В составе Крымского политуправления считать:

1) секретно-оперативный отдел с отделениями: а) политическое; б) информационное; в) экономическое; г) разведывательное; д) оперативное; е) регистрационно-статистическое.

Секретно-оперативному отделу также подчинялись непосредственно аппараты райуполномоченных (созданы вместо полит-

бюро) в Джанкое, Бахчисарае, Карасубазаре; особые отделения по особым штатам сохранялись в городах Керчи, Ялте, Феодосии, Евпатории. Севастопольская окружная ЧК была переименована в Севастопольский окружной отдел КрымПУ по особым штатам.

2) Особый отдел со спецотделениями: а) по охране границ и обслуживании РККА (охрана границы и обслуживание Красной армии); б) по борьбе со шпионажем; в) по борьбе с бандитизмом; г) военная группа (прикомандирована из информационного отдела).

3) Административно-организационный отдел.

4) Политический отдел.

5) Информационный отдел.

6) Общий отдел (из 4-х отделений): хозяйственно-финансовое – хозяйство, бухгалтерия и технические средства; административное – стол личного состава, кодификация приказов циркуляров; комендантское; секретариат – общая канцелярия и шифровальная.

Взамен политических бюро в Джанкое, Бахчисарае и Белогорске были образованы аппараты райуполномоченных и дополнительно аппарат райуполномоченного в Октябрьском с непосредственным подчинением их секретно-оперативному отделу Крымполитуправления.

Севастопольская окружная чрезвычайная комиссия была переименована в Севастопольский окружной отдел Крымполитуправления по особым штатам.

В городах Керчи, Ялте, Феодосии и Евпатории были сохранены пограничные особые отделения по особым штатам².

Эта структура центрального аппарата просуществовала недолго, 17 мая 1922 г. председатель ГПУ Ф.Э. Дзержинский подписал приказ за номером 77 «О штатах Крымполитуправления», согласно которому аппарат был перестроен применительно к структуре полномочных представительств.

Согласно этому приказу аппарат Крымского политуправления был разделен на 2 части: секретно-оперативную и общую.

В составе секретно-оперативной части находились: секретное отделение; особое отделение (по военным делам); контрразведывательное отделение (по шпионажу); отделение по охране границы и борьбе с контрабандой; экономическое отделение; отделение

по борьбе с бандитизмом; оперативное отделение; иностранное отделение; осведомительное отделение; агентурное отделение; регистрационно-статистическое отделение.

В общую часть вошли комендатура и связь, хозяйственная часть и сметно-отчетное отделение.

27 мая 1922 г. в Крымполитуправление поступила телеграмма, подписанная заместителем председателя ГПУ И.С. Уншлихта, следующего содержания: «Руководствуясь постановлением ВЦИК Советов от 06.02.1922 года и Положением о Госполитуправлении Крымское политуправление впредь именовать «Крымский отдел ГПУ».

Это было сделано в связи с необходимостью сохранить строгую централизацию и единообразие в деле управления структурой и работой органов ГПУ.

К этому времени в Крымском политуправлении, согласно доносению заместителя председателя КрымПУ Бирзгала, числилось 1500 сотрудников и 500 осведомителей (секретных сотрудников).

Однако с переименованием Крымполитуправления свое несогласие выразил Президиум КрымЦИКа. На состоявшемся 24 августа 1922 г. заседании Президиума КрымЦИК (протокол № 38) под председательством Ю. П. Гавена был рассмотрен вопрос «О переименовании Крымполитуправления в Крымский отдел ГПУ». В принятом постановлении говорилось:

1. Временно от переименования воздержаться;
2. Возбудить через товарища Дзержинского при условии его согласия ходатайство перед ВЦИКом об оставлении за Крымполитуправлением прежнего названия, ввиду особенностей Крыма как автономной пограничной республики.

По поручению Президиума председатель Крымского постоянного представительства при Наркомнаце РСФСР Ибрагимов направил за № 7071 телеграмму Наркому внутренних дел и Председателю ГПУ Ф.Э. Дзержинскому, где сообщал: «Президиум КрымЦИК считает необходимым воздержаться от переименования в силу целого ряда местных условий: в ведении Крымполитуправления имеется 4 пограничных особых отделения, политотдел губернского масштаба в г. Симферополе (для руководства ими необходимо сохранить коллегиальное управление), Крымполитуправление имеет авторитетное место среди других Наркоматов

Крымской ССР, согласно ее Конституции, которою за Крымполитуправлением сохранены права самостоятельного комиссариата при КрымЦИКе. Все это побуждает Президиум КрымЦИКа просить Вас войти с ходатайством перед ВЦИК Советов РСФСР об оставлении за Крымполитуправлением прежнего наименования, ввиду перечисленных особенностей Крыма, как автономной пограничной Республики».

Точку в этом вопросе поставило Политбюро ЦК РКП (б).

Из отдела бюро Секретариата ЦК РКП(б) поступило указание за № 0601/с от 24.08.1922 г. тов. Уншлихту, ЦК КП(б) Украины X. Раковскому, Крымский обком РКП(б) Израиловичу. Согласно выписки из протокола № 23 заседания Политбюро ЦК РКП (б) от 24 августа 1922 г.:

«Слушали: 13. О Крымском Полномочном Представительстве ГПУ (докл. Уншлихт). Постановили: 13. Принять следующие предложения Уншлихга: Крымполитуправление в административно-хозяйственном отношении подчинить Госполитуправлению Республики, а в оперативном – ГПУ Украины. Секретарь ЦК И. Сталин».

Реформа советских органов безопасности в Крыму была завершена к осени 1922 г. В истории крымских чекистов наступил новый период, время, когда отечественная контрразведка вышла на новый уровень профессионального мастерства и одновременно трансформируясь в репрессивный механизм, целью которого было обеспечение складывающейся административно-командной системы управления государством.

¹ Архив МВД России по Республике Крым. Оп. 85. Д.4. Л.24.

² Крымский щит России. Симферополь, 2019. С. 36.

Д.Ю. Гусельников
Московская область

**Эволюция взглядов руководителей советских органов
безопасности на сущность и содержание охраны границы
СССР в 1922–1939 гг.**

Советская власть, установившаяся в стране в октябре 1917 г., в вопросах понимания сущности государственных границ, их охраны и защиты руководствовалась положениями, разработанными В.И. Лениным, который рассматривал эту проблему под углом зрения интересов классовой борьбы пролетариата. На практике это означало, что завоевание политической власти пролетариатом имело первостепенное значение по отношению ко всем другим задачам, стоящим перед партией. В силу этого, определение линии прохождения государственной границы на местности в период становления советской власти не являлось фактором первостепенной важности¹.

Тем не менее, вопрос об охране границы социалистического государства встал весьма остро. Враги окружали советскую республику со всех сторон. Теоретические воззрения большевистского руководства на роль и значение границ в контексте перерастания социалистической революции в мировую с известным лозунгом «прочь границы» претерпели значительную трансформацию. События развивались в ином направлении. Мировая социалистическая революция не состоялась, и надо было думать о защите и охране границ советского государства.

В широком смысле слова охрана государственной границы представляла собой сложную систему мероприятий, проводимых социалистическим государством в социально–политической, экономической, духовной и собственно военной области, направленной на то, чтобы предотвратить попытки империализма и других антисоциалистических сил противодействовать успешному строительству социализма и коммунизма. Исходя из этого, в охране государственной границы СССР принимали прямое или опосредованное участие различные ведомства и организации, на каждое из которых возлагались вполне определенные задачи².

Одновременно осуществлялся поиск эффективной государственной структуры, которая реализовала бы эту функцию. В обстановке гражданской войны и иностранной военной интервенции, отсутствия оформленных и закрепленных двусторонними договорами границ окончательно вопрос не был решен. Лишь после завершения военного противостояния социальных структур и классов, из трех основных государственных органов – финансово-экономического, военного и безопасности, непосредственно связанных с границей, в силу политico-идеологической природы советской республики и полного враждебного внешнего окружения, выбор пал на органы и войска института государственной безопасности, в структуре которого были особо выделены Пограничные войска (до 1938 г. – Пограничная охрана)³.

За пять лет существования РСФСР 6 раз менялась ведомственная принадлежность пограничной охраны, при этом 4 раза эта смена сопровождалась полной или частичной заменой войск на границе. Все это, безусловно, отрицательно сказывалось на качестве сторожевой службы и состоянии всех структурных элементов охраны границы.

В целом же можно констатировать, что период 1917–1922 гг. являлся, пожалуй, самым сложным во всей истории существования пограничных войск СССР. Линия границы была подвижной и не всегда установленной законодательно, а порой просто отсутствовала. В пограничной полосе активно действовали различные политические и вооруженные силы, борьба с которыми требовала не только надежной войсковой охраны границы, но и хорошо налаженной агентурной работы, а не редко и вооруженной защиты.

В этой ситуации новое политическое устройство государства вызвало к жизни необходимость разрешения новых задач в деле охраны границы. На первый план выдвинулась задача организации охраны границы в политico-военном отношении, что обусловило передачу охраны границы в ведомство, отвечающее за государственную безопасность советской республики. Для укрепления границы нужны были войска со специальной подготовкой, которые обладали бы знаниями и навыками борьбы с квалифицированными разведчиками, их агентами и контрабанди-

стами, умело пресекали попытки перехода государственной границы, а также были обучены боевым действиям против малочисленных, но хорошо подготовленных групп противника.

Это отлично понимали и высшие руководители Советского государства. Так, уже 12 мая 1922 г. состоялось совещание заинтересованных в охране границы ведомств, посвященное «вопросу об охране границ и об активной разведке»⁴.

Заслушав выступление о несении пограничной охраны, совещание постановило: «1. Признать несение пограничной охраны исключительно агентурным путем на ближайшее время невозможным. 2. Признать необходимым для несения пограничной охраны создание специального корпуса, который должен находиться в ведении ГПУ. 3. Окончательную разработку вопроса о порядке формирования Пограничного корпуса по охране границ, а так же об обеспечении при формировании интересов военного ведомства в случае боевых действий, поставить дополнительно на решение ГПУ и РВС»⁵.

Здесь, по мнению автора, необходимо остановиться на той политической ситуации, которая сложилась на границе и вокруг нее к концу 1921 г. Происходило столкновение интересов и взглядов внутри советского правительства, кому из трех ведомств – военному, ГПУ и Народному комиссариату внешней торговли (НКВТ) – отвечать за охрану границ. Персонально столкнулись две концепции охраны: одну представлял НКВТ и поддерживал Л.Д. Троцкий, вторую – ГПУ, ее основателем был Ф.Э. Дзержинский. В первом случае «основанием охраны границы являлись таможенно-пограничные учреждения, подчиненные НКВТ. Они постоянны и укомплектовываются квалифицированными сотрудниками, хорошо знающими местные условия и условия контрабандного промысла. Они и будут заведовать пограничной охраной (сначала полевыми войсками, а затем организуют вольнонаемную охрану) после чего произойдет их дальнейшая реорганизация в смысле придания им военных специалистов и сотрудников ОО ВЧК»⁶.

Другой взгляд на охрану границы предполагал сосредоточение всей полноты ответственности за агентурно-осведомительную работу и войсковую охрану границы в органах государственной безопасности. В данной концепции политиче-

ская и экономическая охрана границы в мирное время не отделялась от борьбы с контрреволюцией и бандами, где система агентуры занимала ведущие место, а сама охрана границы не могла быть надежной без привлечения в помощь пограничным органам и войскам широких слоев местного населения пограничной полосы.

Окончательно вопрос о порядке охраны границы был решен постановлением СТО от 27 сентября 1922 г., в котором указывалось о передаче охраны сухопутной и морской границы в ведение ГПУ и о создании Отдельного пограничного корпуса войск ГПУ⁷. Немаловажную роль в принятие такого решения сыграло обещание руководства ГПУ решить вопрос с контрабандой. Создание корпуса позволило устраниТЬ основной недостаток пограничной службы, разделение оперативной работы и войсковой охраны. Начиная с данного времени и пограничные органы, и пограничные войска находились в распоряжении единого начальника полностью ответственного за охрану государственной границы.

Считая охрану границ Советской Республики неотъемлемой составной частью борьбы партии и правительства за охрану государственной безопасности социалистического государства, Ф.Э. Дзержинский писал: «Охрану границ в мирное время нельзя оторвать от борьбы с контрреволюцией и бандами ...»⁸.

Ф.Э. Дзержинский придавал большое значение вопросу завоевания пограничниками симпатий и доверия населения. Он неоднократно напоминал, что «лозунг партии «лицом к деревне» должен быть наиболее полно осуществлен в пограничной полосе и это в большей мере ложится на погранохрану».

Свою мировоззренческую позицию в отношении охраны границ Феликс Эдмундович постоянно отстаивал в спорах с другими руководителями различных ведомств, отражал в нормативных и правовых документах, разрабатываемых под его руководством, и последовательно претворял в жизнь в общении с единомышленниками и подчиненными ему сотрудниками.

Целостному пониманию системы или концепции охраны границ по Дзержинскому способствовали личные беседы Феликса Эдмундовича с руководящими сотрудниками, направляемыми на государственную границу.

Показателен в отношении мировоззренческой позиции Ф.Э. Дзержинского разговор, который состоялся в Харькове в 1923 г. между ним, председателем ВУЧК–ГПУ Украины В.Н. Манцевым и С.В. Дзержинской. В нем Феликс Эдмундович откровенно разъяснил основные пункты своего понимания охраны границы: «В дореволюционные времена получение пошлин и проведение таможенной политики было делом пограничной службы. ... С возникновением нового, социалистического государства функции пограничников в корне изменились. Это закономерно. Мы охраняем границы нового общества от посягательств капиталистических государств, ведущих против нас яростную, ожесточенную борьбу, в которой не брезгуют никакими средствами. А это значит, что пограничники должны быть всегда начеку, всегда в боевой готовности.

Чтобы победить в этой борьбе, нужна высокая революционная бдительность, железная стойкость и активная идеяная убежденность каждого бойца. Пограничникам надо досконально знать и уважать обычаи местных жителей, учитывать в своей службе политическую обстановку и национальные особенности каждой республики. Борьба за нерушимость границ – это максимальная осведомленность о готовящихся провокациях и тайных замыслах реакционно настроенных элементов: кулаков, баев, другого контрреволюционного «отребья», проживающего на территории наших республик.

Пограничники консолидируют передовые силы на границе, активизируют бедняцко–середняцкие слои и всех сочувствующих Советской власти, тем самым они цементируют единство народа, укрепляют наш строй, нашу Советскую власть на важном для нас стратегическом участке ...»⁹.

Другим направлением программного воздействия на руководителей пограничной охраны были письма, обращения и выступления Ф.Э. Дзержинского с 1922 по 1925 гг. Например, на всесоюзных совещаниях начальников частей пограничной охраны ОГПУ, съездах политработников войск ГПУ, обращение и письмо к первому и второму выпуску Высшей пограничной школы и др.

Анализ его выступлений и обращений позволяет нам кратко отразить сущность этих документов, определяющих основные

задачи, стоящие перед пограничниками и пути их решения в сложившейся обстановке. Так, можно констатировать, что основной задачей Феликс Эдмундович видел надежное прикрытие государственной границы, – «Граница СССР должна быть закрыта для контрреволюционеров и контрабандистов во чтобы то ни стало»¹⁰.

Далее он подробно останавливается на том, как это можно сделать. Сначала воспитание. «Главной и основной нашей задачей является выработка форм и методов специальной работы по чекистскому воспитанию войск. Путем специальных кружков, сближения с органами ЧК и при их содействии необходимо достигнуть того, чтобы каждый красноармеец и политработник в любой момент был чекистом»¹¹.

Научиться и подготовить своих подчиненных. «Чекист–командир и политработник, служащий примером преданности делу рабочего класса, передающий свои знания младшим товарищам, неустанно пополняющий собственные знания, чтобы лучше справиться с порученным делом, помнящий всегда, что он слуга рабочего класса и представитель боевого органа диктатуры пролетариата ...»¹².

В последующем добиться того, чтобы «... войска ГПУ должны быть школой будущих активных работников ГПУ и рассадником идейных, сплоченных и квалифицированных сил для борьбы с еще не выдохнувшейся контрреволюцией ...»¹³. Но и не только этого, Дзержинский предполагал, что по прежнему существует опасность открытого вооруженного нападения на нашу страну. В данной ситуации «... Пограничная охрана Советского Союза должна быть готова дать должный отпор, если этот поход выльется в вооруженное столкновение. ... Ближайшая задача – дать надлежащий отпор попыткам диверсионной работы, что явится уроком для наших врагов»¹⁴. «Особо следует подчеркнуть, – говорил Феликс Эдмундович, – завоевание симпатий и доверия местного населения, ... завоевывая симпатии населения, вы будете иметь лучших помощников в деле охраны границ ...»¹⁵.

Все рассмотренное и проанализированное позволяет нам сделать вывод о том, что система охраны государственной границы Ф.Э. Дзержинского включала в себя три обязательных основных

компоненты: оперативный, войсковой, помощь местного населения.

Такой же точки зрения придерживались единомышленники и подчиненные председателя ВЧК–ГПУ. Еще 16–19 декабря 1921 г., когда в Москве проходило 1-е Всероссийское совещание военкомов и начальников политсекретариатов войск ВЧК округов и окраин, с докладом о задачах партийно-политической работы в воспитании воинов–чекистов выступил член президиума и заместитель председателя ВЧК И.С. Уншлихт. Он указал, что каждый красноармеец должен быть бойцом и чекистом, а для того, чтобы быть хорошим чекистом, нужно больше чем кому–либо другому разбираться в вопросах нашей коммунистической политики, знать формы и методы подрывной работы контрреволюции¹⁶.

Очень активную позицию в дискуссии по вопросу оперативного руководства охраной границы между ГПУ и другими заинтересованными ведомствами (НКВТ, РККА, НКФ) занимал назначенный в июле 1922 г. начальник вновь созданного отделения по охране границ в составе КРО ГПУ В.А. Розанов. Он настаивал на необходимости подчинения пограничного корпуса – КРО ГПУ. В разработанных Розановым в январе 1922 г. «Сообщениях об охране границ Р.С.Ф.С.Р.», он, проведя краткий анализ состояния охраны границ с момента образования советского государства и выявив слабые места этой охраны, писал: «Следует заметить, что различные ведомства рассматривают пограничную охрану каждое со своей точки зрения. Придавая ей окраску ведомственных интересов. Но, несомненно, в решении этого вопроса, независимо от тех или иных ведомственных взглядов, должна лежать государственная точка зрения на нормальную пограничную охрану, которая заключается в следующем:

А) пограничная охрана должна быть одна и осуществлять защиту всех пограничных интересов, различных ведомств, а не строиться от каждого заинтересованного на границе ведомства.

Б) «неразборчиво».

В) при национализации внешней торговли, пограничная охрана должна осуществлять на границе задачи НКВТ, состоящие в том, чтобы не допускать внешнего товарообмена помимо таможенных органов НКВТ.

Г) в условиях настоящей политической борьбы, когда в Советское Государство направлены силы и средства Российской и Международной контрреволюции пограничная охрана должна особенно надежно обеспечить безопасность наших границ в политическом отношении.

Д) пограничная охрана, органы особых отделов и таможенный надзор должны представлять, из себя единый аппарат пограничного надзора»¹⁷, – подчеркивая, что необходимо сохранить преемственность в охране границы, объединить усилия всех ведомств для ее защиты под руководством ведомства государственной безопасности с использованием специальных присущих этому учреждению методов.

Продолжая полемику с противниками данной концепции, он в своем докладе в феврале 1922 г. на имя непосредственных начальников Артузова и Ульриха, отмечал: «В условиях настоящей политической борьбы **она** (охрана границы – выделено автором) должна быть непременно подчинена ГПУ, на ответственность которого возложена охрана границы в политическом и экономическом отношениях. Пока эти положения не будут осознаны всеми Наркоматами, до тех пор с охраной границ у нас не будет благополучия»¹⁸.

Данный проект предусматривал создание невидимой чекистской пограничной охраны, где вместо количества должно быть качество, из расчета 1 разведчик на «версту» границы, дислоцирующейся по 30–40 человек в приграничных населенных пунктах и по 6–12 человек на кордонах вдоль границы, снабженные лошадьми и лыжами, комплектуемые боеспособными работниками из командиров пограничников и чекистов. Войсковые же силы должны были располагаться вглубь на 15 верст, служить «вторым барьером» охраны границы и для помощи вооруженной силой.

Кроме того, существовали и другие предложения по реорганизации охраны границы на условиях подчинения во всех отношениях пограничных войск военному командованию. С таким предложением в октябре 1922 г., направленным Военному совету Народно–революционной армии и флота Дальневосточной республики (ДВР), главнокомандующему всеми вооруженными силами ДВР и начальнику военного отдела ГПО (госполитохраны) ДВР выступил военный командир погранвойск республики Ба-

рандохин: «... современное положение на границах настоятельно рекомендует погранвойскам, помимо их прямых заданий, – экономической охраны границ – борьбы с контрабандой, нести назначение линейной охраны, быть как бы сторожевым охранением полевых частей, принимая на себя, прежде всех те или иные удары вооруженного противника, ибо всякий бандитизм при современном положении, прежде всего, оперирует на границе»¹⁹.

Но, как показало исследование, не смотря на различные предложения и проекты, в руководстве ОГПУ существовала достаточно твердая позиция в отношении строительства пограничной охраны и собственно охраны границ. Она базировалась на концепции Ф.Э. Дзержинского и полностью поддерживалась его заместителями. Как, например, видно из письма Г. Ягоды – И.С. Уншлихту, в котором в связи с уходом в отпуск в декабре 1922 г., он достаточно откровенно высказывает свое мнение относительно организации охраны границ СССР. Особый интерес вызывает понимание того, что руководство Отдельным пограничным корпусом ГПУ изначально планировалось «чисто номинальным», а в реальности создавались две структуры, оперативная и войсковая под руководством специалистов именно разведывательного – Артузов и военного профиля – Ефимов²⁰. Возможно, это делалось для удобства строительства пограничной охраны на переходный период, во время передачи охраны границы от военного ведомства в ведение ГПУ, чтобы затем, учитя практические особенности охраны границы и наработанный опыт, провести новую реорганизацию. Которая и была постепенно проведена в 1923–1924 гг.

Так, уже 11–13 апреля 1924 г. в резолюции состоявшегося всесоюзного совещания начальников пограничных частей, старших инспекторов и их помощников по политической и строевой части, было выражено общее мнение о правильности начавшейся реорганизации, объединении в едином комплексе оперативной ивойской компоненты, начале организованного содействия трудащегося населения пограничной полосы в охране границы. Особо подчеркнуто, «что основной задачей политработы и охраны границы является подготовка из красноармейцев пограничных войск воинов чекистов, вполне сознательно относящихся к своим служебным обязанностям, активных борцов пролетарской дикта-

туры, обладающих чекистскими навыками в разоблачении и обезвреживании агентуры империалистических разведок и внутренней контрреволюции»²¹.

Следующее Всесоюзное совещание начальников частей пограничной охраны ОГПУ состоялось в апреле 1925 г. На нем участники совещания обсудили вопросы борьбы с контрабандой, организации оперативной работы на границе, партполитработы и политического воспитания пограничников, работы с местным населением, комплектования войск и подготовки командных кадров, строительства, снабжения и некоторые другие²². Заслушав доклад о задачах и методах погранохраны, совещание единогласно установило, что за прошедший год произошло значительное улучшение «... выработки и укрепления методов работы, комбинируя наружную охрану с агентурно-осведомительной»²³.

«В особенности было отмечено, что проведенная приказом ОГПУ № 122/44 реорганизация охраны границы на основах объединения пограничных органов и войск является своевременной и единственно целесообразной мерой поднятия пограничной охраны и уже оправдала себя положительными результатами»²⁴.

Комбинированная система охраны государственной границы еще не оперативно-войсковая, но уже представляющая собой взаимообусловленное сочетание и соединение различных компонентов для реализации определенного замысла, в нашем случае – надежной защиты и охраны государственной границы. На совещание были освещены и другие элементы системы: привлечение местного населения, партийных и советских организаций, «военная коопération пограничной полосы», «планомерное вовлечение в секретную работу партийного и добровольческого состава пограничной охраны, однако после индивидуальной предварительной проверки в каждом отдельном случае».

Единое мнение было выработано и по вопросу структурирования оперативной работы и сторожевой охраны границы.

Все вышеназванное указывало на формирование именно оперативно-войсковой охраны уже на уровне взглядов и действий «руководителей охраны границ».

В 1930-е гг. И.В. Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти, делает вывод о возможности победы социализма в отдельно взятой стране. На практике вывод И. В. Сталина

означал, что строить социализм придется с опорой на собственные силы в окружении враждебных государств. Это обстоятельство требовало создания такой системы охраны и защиты государственной границы, которая была непроницаема для врагов.

Кроме того, в это же время И.В. Сталин делает вывод об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Развернувшаяся борьба с троцкистами и другими «врагами народа» также потребовала усиления охраны государственной границы²⁵. В сложившейся ситуации было необходимо улучшение комплексного применения оперативного и войскового компонентов, тесного взаимодействия с местными жителями, советскими партийными и общественными организациями.

Программные установки И.В. Сталина на усиление охраны границы нашли отражение во взглядах руководителей пограничников. Начальник погранохраны и войск ОГПУ Украины Н.М. Быстрых, на первой окружной партийной конференции 5 июля 1931 г., в своем выступлении охарактеризовал обстановку на границе как «резко обострившуюся» под влиянием «... бегства кулачества за кордон, активизацией работы в погранполосе со стороны антисоветских и контрреволюционных элементов, активизацией шпионской, разведывательной и диверсионной работы со стороны противника, возросшим количеством квалифицированных контингентов нарушителей ...»²⁶.

Анализ показывает, что для этого существовала такая же специальная чекистско-боевая или называемая по-другому оперативно-боевая подготовка, регламентируемая рядом документов: «Руководством по оперативно-боевой подготовке», «Методикой составления оперативных и чекистских боевых занятий», «Наставлением по оперативно-боевому использованию пограничной и внутренней охраны». В свою очередь оперативно-служебная деятельность регламентировалась Временным уставом службы пограничной охраны ОГПУ 1924 г. и 1927 г. выпуска.

Оперативно-войсковое направление развитие системы охраны границы в исследуемый период подтверждают взгляды руководства ГУПВ и ВОГПУ, основное содержание которых отражено в «Справке об организации охраны границы и функциях подразделений пограничной охраны», подготовленной 1 марта 1933 г. В ней говорится: «Основной задачей пограничной охраны яв-

ляется своевременное раскрытие подготавляемых нарушений границы и в случае нарушений границы своевременная ликвидация их»²⁷. Далее раскрывается, как это необходимо делать: «... работой осведомительной сети и службой пограничного сторожевого охранения». Мы видим, что на первом месте по-прежнему находится оперативная работа по добыванию информации о готовящемся нарушении.

Этот факт в справке рассматривался в разрезе того, что первичным звеном пограничной охраны, ведущим оперативную работу и непосредственно охранявшим границу, являлась застава, отвечающая в лице начальника «... в пределах своего участка за политическую и экономическую охрану границы, борьбу со всяческого рода проявлениями диверсионного и внутреннего бандитизма и за обеспечение революционного порядка»²⁸.

Обязанностью начальника заставы при построении охраны границы являлось обеспечение непрерывности охраны вверенного ему участка «как во времени, так и в пространстве», что могло быть достигнуто только основываясь на данных оперативной обстановки, которая складывалась из следующих элементов: «а) данных оперативной работы и полученных от местного населения; б) политических экономических и топографических особенностях участка и их влияния на обстановку; в) времени года и суток и их влияния на изменения обстановки; г) наличия людей, консостава, техсредств, и пр. на каждой данной заставе»²⁹.

Для выполнения указанного, по мнению разработчиков справки, начальник заставы имел все необходимые силы и средства – прикрепленную лично к нему общую осведомительную сеть, которая могла работать по специальной пограничной линии или по линии секретно политического отдела. Помощь добровольных членов «базы содействия», состоящих из партийно-комсомольской прослойки и преданной Советской власти части пограничного населения, путем представления информации и непосредственного участия в охране границы под руководством пограничников или даже самостоятельно в местах проживания и проведения различных работ. Силы и средства пограничной заставы. На азиатских границах, кроме того, некоторые начальники застав использовались для закордонной работы, в основном, как агенты связи.

Анализируя имеющиеся данные, а также информацию, полученную из комендатуры и пограничного отряда, начальник заставы ежедневно составлял план сторожевого охранения границы, где указывал время, место и состав соответствующих сторожевых нарядов (часовой, секрет, засада, дозор, заслон, наблюдатель и пр.) выставляемых как на самой границе, так и в тылу участка.

Следующим звеном являлась пограничная комендатура, которая отвечала и осуществляла руководство оперативной работой начальников и сторожевой службой застав, расположенных на ее участке, путем корректирования суточных планов, живого руководства, показа и проверки бдительности наряда³⁰.

Для этого комендатура в своем составе имела специальный оперативный аппарат, с помощью которого вела всю оперативную работу в 22-километровой пограничной полосе на своем участке.

Комендатура обслуживала через «насаждаемое» ею осведомление населенные пункты своего участка, в том числе и те населенные пункты, которые входили в оперативное обслуживание заставы. Допускалась комендатура и к ведению закордонной работы по сопредельной погранохране и политico-экономическому освещению закордонной погранполосы. На некоторые комендатуры (на азиатских границах) было возложено так же ведение особистского обслуживания входящих в них подразделений³¹.

В свою очередь комендатура подчинялась пограничному отряду, имеющему в своем составе специальный оперативный аппарат во главе с помощником начальника отряда по оперативной части, который и осуществлял руководство оперативной работой и сторожевой охраной всех входящих в отряд комендатур и непосредственно обслуживал территорию не входящую в обслуживание комендатур.

Оперчасть отряда обрабатывала все поступающие из комендатур материалы сети, вела агентурные разработки и следственное дело-производство. Обобщала материалы войскового наблюдения и сторожевой охраны, анализировала данные, поступающие от средств технической разведки (контрольных станций), взаимодействующих органов, советских партийных и общественных организаций, местного населения.

Кроме того, задачей отрядов являлось непосредственное ведение закордонной разведки, а по линии особистского обслуживания, оперчасть отряда обслуживала все входящие в него подразделения, на азиатских границах привлекая для этого и комендатуры.

В целом, по мнению разработчиков документа из числа руководства ГУПВ и ВОГПУ, на своем участке отрядом осуществлялась «общая система мероприятий по охране границы, включающая в себя всю оперативно-чекистскую работу, и общее руководство службой сторожевого охранения границы в полном объеме»³².

Эти же идеи развивались Главным управлением пограничной и внутренней охраны НКВД, которое в 1934 г. в своих предложениях «Об улучшении руководства охраной границы» отмечало, что «Охрана государственной границы слагается из: а) агентурной разведывательной и контрразведывательной работы за кордоном и в своей пограничной полосе; б) службы сторожевой охраны границ; в) деятельности организаций местного населения, содействующих пограничной охране; г) поддержания и обеспечения пограничного режима; д) применения средств технического усиления охраны.

Все эти элементы должны находиться в тесном органическом взаимодействии, взаимно дополняя друг друга. Агентурные мероприятия, направленные к основной цели – своевременному выявлению готовящихся нарушений границы, являются основным ведущим элементом охраны границы, обуславливающим применение всех других элементов.

Эти положения, являющиеся основой охраны государственной границы, предопределяют необходимость единого руководства, организации взаимодействия всех элементов одним оперативным начальником»³³.

Таким образом, характеризуя мнения руководящего состава ВЧК–ОГПУ–НКВД в исследуемый период, а также высказывания командиров пограничных частей и штабных работников можно с уверенностью констатировать, что с 1922 по 1939 гг. в данной среде сформировалось и окрепло убеждение, включающее в себя следующие положения: политическая сущность защиты и охраны границ Советского государства; понимание характера внешних и

внутренних угроз, концентрирующихся на границе; необходимость получения информации о любом готовящемся нарушении границы, сочетание работы осведомительной сети и службы пограничного сторожевого охранения; необходимость постоянной опоры на активную помощь местного населения, инженерно-техническое оборудование государственной границы; организацию взаимодействия всех имеющихся сил и средств в интересах охраны границы единым старшим оперативным начальником.

¹ Ежуков Е.Л. Концепция охраны границ Советского государства. М., 2010. С. 10.

² Сальников В.А. Государственные границы: история и современность. М., 1990. С. 39.

³ Ежуков Е.Л. Указ. соч. С. 13.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 51. С. 10.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 12.

⁷ Пограничные войска СССР. 1918–1928. Сборник документов и материалов. М., 1973. С. 198.

⁸ Гайдук Н.В. Ф.Э. Дзержинский и пограничные войска СССР. Учебное пособие. Алма-Ата, 1976. С. 54–55.

⁹ Пограничник. 1972. № 18. С. 16–17.

¹⁰ Гайдук Н.В. Ф.Э. Дзержинский и пограничные войска СССР. Учебное пособие. Алма-Ата, 1976. С. 73.

¹¹ Пограничник. 1972. № 16. С. 36.

¹² Дзержинский Ф.Э. Избранные статьи и речи. М., 1947. С. 178–179.

¹³ Гайдук Н.В. Указ. соч. С. 74.

¹⁴ Пограничные войска СССР 1918–1928... С. 220.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦПА ФСБ РФ. Ф. 585. Оп. 7658. Д. 19. Л. 86.

¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 51. С. 13–17.

¹⁸ Там же. С. 19–23.

¹⁹ Из истории войск ВЧК и пограничной охраны. Документы и материалы. 1917–1921. М., 1958. С. 508.

²⁰ ЦА ФСБ России Ф. 1. Оп. 6. Д. 51. С. 139–142.

²¹ Центральный пограничный музей (ЦПМ) ФСБ России. Ф. 14. Оп. 7662. Д. 12. Л. 26–33.

²² Боевой путь советских пограничных войск. Краткий очерк. М., 1967.

С. 75.

²³ ЦПМ ФСБ России. Ф. 14. Оп. 7662. Д. 12. Л. 34–35.

²⁴ Там же.

²⁵ Ежуков Е.Л. Указ. соч. С. 13.

²⁶ Из истории советских пограничных войск (1928–1934 гг.). Документы и материалы. М., 1971. С. 378.

²⁷ Там же. С. 540.

²⁸ Там же. С. 541.

²⁹ Там же. С. 542.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 541.

³² Там же. С. 543.

³³ Там же. С. 745.

Л.В. Лукьянчикова
г. Москва

**Материальное обеспечение сотрудника советских органов госбезопасности как направление кадровой политики
ГПУ- ОГПУ СССР в 1920-е – 1930-е гг.**

К середине 1920-х гг. переход к мирной жизни и введение НЭПа стали для всей правоохранительной системы серьезной нагрузкой, так как ее функционал существенно возрос по числу и сложности. Новые задачи в условиях НЭПа вели к значительному расширению штатов ВЧК. При этом, из-за кадрового дефицита численность сотрудников от заявленных по штатам заметно отставала, особенно в Экономическом управлении, Иностранным и Особом отделах. В результате на 1921 г. работа данных подразделений была крайне незначительной, либо вообще не велась. В этой связи, было принято решение о восполнении кадрового дефицита в ЧК, в том числе, путем возвращения на службу сотрудников, уволенных в запас¹.

Материальное положение сотрудников ВЧК в данный период было плачевным. Его сотрудники получали продукты по остаточному принципу через военное ведомство; средний заработка сотрудника исчислялся от оклада служащих последней группы и составлял 18–34 млн. руб. при прожиточном минимуме 50 млн. руб. К тому же, по решению собраний чекистов до 50 % продовольствия они отдавали в пользу голодающих пострадавших районов².

Упразднение ВЧК и учреждение ГПУ при НКВД РСФСР 6 февраля 1922 г. не улучшило положение – штат сотрудников в этот период оставался на том же уровне, что был и в ВЧК. Также, после проведения реформы материальное положение сотрудников органов государственной безопасности не улучшилось. Оно оставалось таким же тяжелым, как и в период деятельности ВЧК. Кроме нравственных причин разложения сотрудников на почве материальной необеспеченности отмечалась их безучастность к работе³.

Безучастность и потерянность была обусловлена, в том числе, и тем, что большинство чекистского аппарата за годы Гражданской войны выработало соответствующие качества: решительность, твердость, жесткость, непримиримость, «красно-белое» видение мира и др. Поэтому часть чекистов не поняла новой экономической политики. НЭП, повлекший за собой денационализацию многих предприятий и легализацию частного капитала, совершил в их умах хаотический переворот. Неудивительно, что многие работники ОГПУ восприняли этот факт, как отход от революционных принципов, от завоеваний революции. И как следствие – увеличилось число самоубийств среди сотрудников⁴.

Сложная, сопряженная, зачастую с опасностью деятельность в органах ОГПУ – НКВД требовала от советского руководства в сжатые сроки оптимизировать кадровую политику советских органов госбезопасности, которая проходила сразу по нескольким направлениям, одним из которых являлось повышение материального обеспечения сотрудников.

В начале 20-х гг. ХХ в. каких-либо кардинальных шагов по материальному обеспечению сотрудников ГПУ принято не было, наоборот, в связи с отсутствием средств, произошло сокращение их заработной платы⁵. Руководство ОГПУ неоднократно обращалось в органы государственной власти с просьбой о введении государственного социального обеспечения для своих сотрудников на уровне военнослужащих Красной армии. Военнослужащим и членам их семей в середине 1920-х гг. было установлено государственное социальное обеспечение, предусмотренные «Кодексом законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей» 1924 г. (далее – Кодекс), а также пенсионное обеспечение, регулируемое «Положением о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА» 1926 г. (далее – Положение). В результате 13 августа 1927 г. Совет Труда и Обороны (СТО) СССР принял решение о распространении действия Кодекса и Положения на личный состав ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР от 5 октября 1927 г. № 195 на личный состав ОГПУ с 1 октября того же года получило распространение действия Кодекса и Положения⁶.

В исследовании Р.Р. Бухарина на основании Кодекса и Положения 1924 и 1926 гг. соответственно, подробным образом рас-

смотрены льготы сотрудникам ОГПУ и членам их семей в области здравоохранения, образования, выплаты денежных пособий, пенсионного обеспечения. Также имеются отдельные сведения о льготах в области жилья, землепользования и сельского хозяйства, налогообложения⁷.

Специальным Постановлением ЦИК и СНК СССР от 23 апреля 1930 г. был введен в действие новый «Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской красной армии и их семей», в котором в примечании ст.1 к военнослужащим Рабоче-крестьянской Красной армии были отнесены и военнослужащие войск Объединенного государственного политического управления, а также войска конвойной стражи Союза ССР⁸.

Основные позиции Кодекса 1930 г. во многом сохранили преемство с Кодексом 1924 г. в отношении льгот военнослужащих, в том числе сотрудников ОГПУ в сфере проезда и перевозок, здравоохранения, образования и т.д. Вместе с тем, на отдельные виды льгот в области сельского хозяйства, по налогам и сборам, а также в области жилья, предусмотренные данным Кодексом хотелось бы остановиться подробнее. Если к концу Гражданской войны среди оперативных работников ВЧК доминирующей социальной группой оставались служащие, то после ее окончания, органы ВЧК-ГПУ-ОГПУ в первой половине 1920-х гг. массово пополнялись демобилизованными красноармейцами, многие из которых до призыва были рабочими и крестьянами⁹, что не могло не учитываться законодателем.

Так, в условиях проводимой в СССР колLECTIVизации сельского хозяйства, батракам и беднякам из числа военнослужащих для уплаты взносов в колхозы ссуды выдавались в первую очередь и на наибольшие сроки (ст. 17 Кодекса)¹⁰. Это являлось хорошим подспорьем для семьи военнослужащего, так как по данным комиссии СНК СССР, в 1927 г. в советской деревне целая треть всех хозяйств приходилась на бедняцкие (22%) и пролетарско-крестьянские (11%)¹¹.

Единоличным хозяйствам, в состав которых входили военнослужащие, всякие целевые ссуды выдавались в первую очередь перед другими единоличными хозяйствами с таким же имущественным положением. Вне районов сплошной колLECTIVизации малоземельные и безземельные хозяйства, в состав которых вхо-

дили военнослужащие, имели право преимущественно перед всеми другими единоличными хозяйствами получить в трудовое пользование землю из государственного земельного запаса и из свободных земель, состоящих в распоряжении земельных обществ. Также на более выгодных условиях и в первую очередь, единоличные хозяйства, в состав которых входил военнослужащий, получали семенную ссуду. Кроме того, отпускался в первую очередь на льготных условиях, вплоть до бесплатности лес и лесные материалы (включая лесные сенокосы, сбор валежника и т. п.) на удовлетворение хозяйственных нужд; выдавались целевые ссуды на покупку строевых лошадей из специально образованного для этой цели фонда (ст. 18–20, 23–24). При этом, за пользование прокатными, зерноочистительными и случными пунктами с данных хозяйств взималась пониженная плата (ст. 22)¹².

Кроме того, в разделе «Льготы по налогам и сборам» Кодекса 1930 г. для военнослужащих, в том числе сотрудников ОГПУ, предусматривался широкий перечень льгот. Так, в отношении единого сельскохозяйственного налога расчеты по его исчислению в отношении хозяйств военнослужащих производились по специальной таблице, которая устанавливала градацию выплаты налога от 5% до полного от него освобождения. Так, налог до 10 руб. военнослужащий и его семья не выплачивали, даже если в хозяйстве были другие трудоспособные мужчины (см. ст. 69)¹³:

Согласно вышеуказанным данным, очевидными представляются значительные налоговые преференции для семей военнослужащих, особенно в том случае, если в хозяйстве больше не имелось других трудоспособных мужчин.

Кроме того, с хозяйства военнослужащего, в течение двух лет после вступления его в колхоз (за исключением районов сплошной коллективизации), не взимался налог с облагаемого дохода. Также не подлежали обложению налогом все виды довольствия, получаемые военнослужащими по службе (ст. 73, 75).

В отношении других льгот следует отметить освобождение от налога семья военнослужащего со строений, если строения заняты самими военнослужащими и их семьями без сдачи в наем квартир или комнат. Также она освобождалась от взимания ренты с городских земельных участков под жилыми строениями, если

эти строения не сдаются в наем полностью; и с городских земельных участков сельскохозяйственного пользования, если эти участки обрабатывались без применения наемного труда и не облагались единым сельскохозяйственным налогом. Кроме того, военнослужащие и их семьи освобождались от налога с транспортных средств за одну лошадь, если лошадь используется исключительно для обслуживания домашнего хозяйства, и за один велосипед; от налога со скота в городских поселениях за одну голову крупного и три головы мелкого скота (ст. 85–88).

Особенное внимание заслуживает перечень льгот, предусмотренных данным Кодексом в отношении жилья военнослужащих и их семей. Так, военнослужащие имели право получить для себя и для совместно проживающих с ними членов семьи жилую площадь из общего жилищного фонда местных советов наравне с рабочими (то же касалось уволенных в долгосрочный отпуск, в запас или вовсе от службы в течении шести месяцев со дня увольнения), а также жилую площадь из особого жилищного фонда, бронируемого для этой цели местными советами.

Если военнослужащий вселялся на жилую площадь своей семьи, проживающей отдельно от него, то он имел право получить для себя жилую площадь в первую очередь перед всеми другими жильцами того же дома, в случае освобождения в нем площади. Та же льгота предоставлялась военнослужащим по увольнении в долгосрочный отпуск, в запас или вовсе от службы при условии, если они вселились на жилую площадь семьи в течение шести месяцев со дня увольнения (ст. 92, 94–95).

В отношении квартирной платы, военнослужащие и их семьи, находящиеся на их иждивении, приравнивались к рабочим. При этом квартирная плата исчислялась только с основного оклада жалования военнослужащего. Если в составе семьи военнослужащего не имелось лиц, имеющих самостоятельный постоянный заработок, то квартирная плата взималась в размере с рабочими, имеющими наименьший месячный заработок (ст. 98–99).

Следует особенно отметить ст. 100, которой предусматривалось право выделения дополнительной комнаты или дополнительной жилой площади военнослужащим кадрового начальствующего состава, отнесенным к 9 и выше категориям, командирам и комиссарам отдельных воинских частей, а также препода-

вателям военно-учебных заведений по специальным военным и военно-политическим предметам¹⁴.

В отношении преимуществ и значимости данных льгот, следует пояснить отдельные аспекты советской жилищной политики в 1920-е – 1930-е гг. С первых дней своего существования советским руководством был установлен административный контроль за всем жилищным фондом страны. Процесс наделения жилой площадью советских граждан, добавочным помещением, возмездным отчуждением недвижимого имущества, либо уплотнением жилой площади или ее лишением в годы НЭПа был обеспечен рядом правовых актов, закрепившим общие нормы для всех советских граждан¹⁵.

К 1927 г. объем жилищного строительства в СССР перестал поспевать за бурным ростом городского населения, во многом спровоцированным форсированной индустриализацией и насилиственной коллективизацией. В городах стал остро ощущаться жилищный кризис. Несмотря на то, что в СССР в 1920-е – 1930-е гг. проектировались и строились различные типы домов с предполагаемым поквартирным заселением (то есть по одной семье в каждую квартиру), фактически они заселялись по одной семье в каждую комнату, все больше закрепляя феномен «коммунальной квартиры». Права владения, управления, распоряжения жилищем контролировались органами НКВД¹⁶.

Поощрение в виде дополнительных метров жилплощади в условиях ее острейшего дефицита было одним из наиболее желанных доказательств заслуг перед властью. В 1928 г. в совместном постановлении ЦИК и СНК СССР «О жилищной политике» указывалось, что «в деле индустриализации страны» первостепенное значение придается увеличение жилой площади для рабочих промышленности и транспорта¹⁷. В дальнейшем принцип целесообразности в жилищной политике только укреплялся. Специальным Постановлением ЦИК и СНК РСФСР 1929 г. вводились нормы по ограничению проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах, а также нормы о выселении бывших домовладельцев из национализированных и муниципализированных домов¹⁸. Уже в июле 1929 г. людям, подлежащим выселению, вручили извещения о необходимости освободить жилплощадь. В случае неподчинения

выселение происходило административным путем, что нередко приобретало трагический оттенок. По результатам кампании по выселению, жилищные условия многих горожан значительно ухудшились. Подобные притеснения, разумеется, раздражали людей. В секретных сводках ленинградского ОГПУ, поступивших в 1929 г. в обком ВКП(б), была отмечена возросшая враждебность «самоуплотняемых лишенцев». «Бывших» особенно активно преследовали за так называемые «излишки», то есть наличие жилой площади, превышающей установленную норму¹⁹.

Тогда как отдельные категории советских трудящихся пользовались неоспоримым преимуществом, о чем свидетельствует совместное Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. «О праве пользования дополнительной жилой площадью»²⁰. Возможностью иметь дополнительную комнату и даже отдельную квартиру наделялись рабочие, служащие, интеллигенция, ветераны войны и труда, ученые, чиновники аппарата и советской администрации. Согласно данного положения, а также Кодекса «О льготах ...» 1930 г. сюда же относились и сотрудники ОГПУ.

Наконец, следует указать особые льготы сотрудников ОГПУ по службе в отдаленных местностях Союза ССР. Перечень отдаленных местностей (ст. 146), служба в которых давала право на особые, льготы, устанавливался Народным комиссариатом по военным и морским делам по соглашению с Объединенным государственным политическим управлением и Народным комиссариатом финансов Союза ССР. Военнослужащие кадрового начальствующего состава (кроме младшего), получали суточные и подъемные в двойном размере и двойное жалование (двойные основной и дополнительный оклады) в течение первых трех месяцев службы в новом месте, если назначение или перевод связанны с переездом на расстояние свыше 1000 километров по железной дороге или свыше 500 километров по другим путям сообщения из неотдаленной местности в отдаленную или в пределах отдаленных местностей. Теми же льготами при тех же условиях пользовались и военнослужащие кадрового рядового и младшего начальствующего состава, принятые на сверхсрочную службу или состоящие на сверхсрочной службе и переводимые в другую часть. В примечании ст. 146 значилось, что расстояния, при кото-

рых военнослужащие войск ОГПУ имели право на льготы, указанные в настоящей статье, устанавливались самим ОГПУ.

Также состоящим на службе в отдаленных местностях военнослужащим полагалось единовременное дополнительное вознаграждение (ст. 151): а) за каждый год службы без перерыва в отдаленных местностях – в размере жалования за один месяц; б) за каждые три года службы без перерыва в отдаленных местностях – в размере жалования за два месяца. Военнослужащие, прослужившие в отдаленных местностях шесть лет без перерыва, а в местностях с исключительно тяжелыми условиями службы – четыре года без перерыва, имели право на перевод в другие военные округа по их выбору, с выдачей им суточных и подъемных в двойном размере (ст. 152) и т.п.²¹

Таким образом, материальное обеспечение сотрудника ГПУ–ОГПУ в 1920-е – 1930-е гг. явилось одним из стимулирующих направлений советской кадровой политики. Учитывая критическое состояние чекистских органов после Гражданской войны, советским руководством в течение десятилетия был проведен комплекс мероприятий, направленных на внушительное число льгот и социальных гарантий, а также продовольственного и денежного обеспечения сотрудников советских спецслужб.

Следует отметить, что правительством, в этой связи, брались в расчет многие нюансы проводимого в Советской России, затем в Союзе ССР внутреннего курса. Очевидными представляются широкие намерения законодателя по поднятию уровня жизни сотрудников органов ГПУ–ОГПУ и престижа службы в особенно сложный для государства период – проведения индустриализации и коллективизации. Вместе с тем, данные меры в условиях складывания в стране авторитарного режима, в равной степени были направлены на повышение лояльности сотрудников советских органов безопасности к его негативным проявлениям.

¹ Капчинский О.И. ВЧК: организационная структура и кадровый состав: автореферат дис... канд. ист. наук. М., 2005. С. 17.

² Бухарин Р.Р. Социально-экономическое положение сотрудников ВЧК-ГПУ-ОГПУ в 1920-х годах // Вестник Военного университета. 2011. № 3 (27). С. 147.

³ Мозохин О.Б. Финансовое обеспечение деятельности Государственного политического управления – Объединенного государственного политического управления СССР // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 25.

⁴ Круподер О. В. Кадровая политика органов госбезопасности в 1923–1934 гг. (на материалах хакасского аппарата ОГПУ) // Известия АлтГУ. 2008. № 4. С. 137–138.

⁵ Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 37.

⁶ Бухарин Р.Р. Указ. соч. С. 147–151.

⁷ Там же.

⁸ Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской красной армии и их семей. Принят Постановлением ЦИК и СНК 23 апреля 1930 года // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org> (дата обращения 23.09.2023).

⁹ Капчинский О.И. Указ. соч. С. 20.

¹⁰ Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской красной армии и их семей...

¹¹ Муравьевева Л.А. Массовая коллективизация: задачи, методы, практика // Финансы и кредит. 2003. № 10. С. 83.

¹² Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской красной армии и их семей...

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения: Декрет СНК № 227 от 25 мая 1920 г.; О предоставлении собственникам не муниципализированных строений права возмездного отчуждения недвижимого имущества, Об управлении домами: Декреты СНК № 410 и № 411 от 8 августа 1921 г. // Исторические материалы: URL: <https://istmat.org> (дата обращения: 15.12.2023).

¹⁶ Меерович М. Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-zhilische-zhilischnaya-politika-v-sssr-v-1917-1940-godah> (дата обращения: 18.12.2023).

¹⁷ О жилищной политике: Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: libussr.ru (дата обращения: 15.12. 2023).

¹⁸ Об ограничении проживания лиц нетрудовых категорий в муниципализированных и национализированных домах и о выселении бывших домовладельцев из национализированных и муниципализированных домов: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства, издаваемое народным комиссариатом юстиции. 1929. 11 мая. Отд. I. Ст.339.

¹⁹ Лебина Н.Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. 104–105.

²⁰ О праве пользования дополнительной жилой площадью: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. // Исторические материалы: <https://istmat.org> (дата обращения: 15.12.2023).

²¹ Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской красной армии и их семей. Принят Постановлением ЦИК и СНК 23 апреля 1930 года // Исторические материалы <https://istmat.org> (дата обращения 23.09.2023).

Л.М. Сорокина
г. Москва

**Роль ГПУ-ОГПУ в осуществлении деятельности НКО
в 1920-е – начале 1930-х гг.: историко-правовой аспект**

Эпоха новой экономической политики (НЭП), начавшаяся в Советской России 1921 г., вместе с оживлением рыночных товарно-денежных отношений, послужила активизацией деятельности имеющихся в стране различных общественных организаций, в том числе, общественных некоммерческих организаций (НКО). Учитывая то, что вместе с либерализацией экономических отношений во времена НЭПа, наметилось «потепление» и политического режима, многие политические партии, оппозиционные РКП(б), удачно маскируясь под НКО, занимались контрреволюционной деятельностью. В этой связи, органам ГПУ предстояла непростая задача в выявлении тех НКО, которые могли угрожать безопасности молодому советскому государству.

В дореволюционной России регистрация различных обществ и союзов возлагалась на Министерство внутренних дел, в Советской России те же задачи осуществлял Народный комиссариат внутренних дел. В условиях активизации законодательной деятельности начала 1920-х гг., а также роста обращений в отношении создания общественных организаций, появилась потребность в обновлении норм, регламентирующих деятельность различных обществ и союзов, включая НКО.

В этой связи по указанию НКВД РСФСР в 1920 г. все губернские отделы издали постановления об обязательной регистрации религиозных групп, общин, разных обществ с последующей передачей сведений о них в народный комиссариат внутренних дел, в котором с 14 мая 1921 г. был создан подотдел административного надзора¹.

По вопросу общественных объединений, включая НКО, на данный подотдел возлагалась выдача разрешений на созыв разного рода съездов и собраний, частных и национальных организаций и объединений, а также систематизация сводок и справок с регионов об их деятельности. В свою очередь, на местах выдача

разрешений осуществлялось органами ГПУ при НКВД РСФСР, образованными 6 февраля 1922 г. Также органы ГПУ непосредственно занимались наблюдением за общественными организациями на предмет любых контрреволюционных проявлений.

Особенно это стало значимым после подавления Кронштадтского мятежа, когда было принято решение о взятии на учет представителей политической оппозиции, в первую очередь, меньшевиков и эсеров, которые активно занимались формированием антисоветских настроений в обществе. В силу нехватки сотрудников ГПУ, переживших серьезное сокращение в начале 1920-х гг., в марте 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) принял постановление о создании специальных Бюро содействия, которые должны были оказывать помощь сотрудникам ГПУ в выявлении оппозиционных элементов в государственных органах и общественных организациях, например наркомата труда, хозяйственных, профсоюзных, кооперативных².

Бюро содействия были своего рода некой специальной структурой, образованной для оказания помощи органам госбезопасности в агентурно-осведомительной работе в государственных учреждениях, государственных предприятиях, общественных организациях, в том числе обществах, союзах и ряде некоммерческих организаций. Формировались исключительно из коммунистов – руководителей и членов партбюро данного учреждения в составе трех человек. При этом их партийный стаж должен был быть не менее двух лет и еще одно условие: членами Бюро не могли быть коммунисты, состоявшие после 1917 г. в партии эсеров или меньшевиков. В задачи Бюро входило изучение политической благонадежности и профессиональных качеств всех категорий сотрудников, выявление антисоветских элементов, а также информирование органов ГПУ по всем интересующим их вопросам, в том числе предоставление систематической информации «об эсера-меньшевистских проявлениях».

В связи с увеличением количества обращений и разновидностью целей каждого из обществ, прописанных в уставе, встал вопрос о необходимости закрепления отдельных положений касающиеся деятельности именно НКО, как отдельного вида общественно-правового образования. Поэтому ВЦИК и СНК РСФСР принимали

ет Постановление от 3 августа 1922 г. «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целью извлечения прибыли, и порядке надзора за ними»³, которое можно считать первым документом в отечественном праве, регулирующим деятельность некоммерческих организаций.

В данном постановлении указывалось, что регистрацией занимается не только НКВД, но вопрос об утверждении уставов должен согласовываться с теми наркоматами и ведомствами, к компетенции которых относится область деятельности обществ. Обычно такие консультации и согласования проводились с Народными комиссариатами просвещения, юстиции, земледелия, здравоохранения, отдельными профсоюзами и общественными организациями.

Следует обратить внимание, что Постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» 1922 г. было достаточно либеральным и допускало фактически любую общественную деятельность, что побудило граждан к созданию большого количества организаций и объединений. Спустя пару лет, в связи с образованием СССР, были разработаны нормы деятельности для общесоюзных общественных объединений, которые нашли отражение в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 9 мая 1924 г. «О порядке утверждения уставов и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и о надзоре за ними»⁴. Этот документ закреплял разрешительный принцип создания ассоциаций. Регистрация обществ и надзор за ними осуществлялся НКВД союзных республик. Прежде чем получить разрешение на деятельность, необходимо было предоставить проект устава на утверждение в СНК.

При этом причиной отказа для регистрации могли стать не только сомнительные функции и задачи такой организации, которые должны быть прописаны в уставе, но и социальный состав учредителей. Например, не были утверждены уставы Русского историко-художественного и археологического общества «ввиду наличия компрометирующего материала на учредителей общества». Такие меры были направлены на обеспечение безопасности

и целостности государства, ведь именно благодаря авторитету таких учредителей, общественные организации могли предпринять попытки осуществлять незаконную деятельность.

Подтверждением этого служит секретная инструкция ВЦИК № 203/с от 4 августа 1922 г.⁵ В ней было изложено, что одним из обязательных требований является «предварительное согласование с органами ОГПУ вопросов об утверждении уставов и регистрации объединений, не преследующих цели извлечения прибыли, а также выдачи разрешений на созыв съездов, совещаний и конференций».

Помимо зарегистрированных обществ, в стране продолжали действовать организации, которые осуществляли свою деятельность еще до революции. При этом, учредительные документы данных организаций не обновлялись с царских времен. Тем более, требования осуществить перерегистрацию таковых в соответствии с новым Положением 1922 и 1924 гг. не было. Такие организации безусловно находились под пристальным вниманием органов госбезопасности, потому что в большинстве своем члены таких обществ были сторонниками антисоветской идеологии, которую активно распространяли в массы.

Так, «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова», существовавшее с 1883 г., в ноябре получило заключение ГПУ о невозможности осуществления своей деятельности, так как не несет в себе практической значимости. Действительно, помимо медицинских вопросов на своих съездах, члены Пироговского общества рассматривали и обсуждали политические вопросы, осуждая тем самым Октябрьский переворот, что побудило сотрудников ГПУ в 1922 г. считать эту организацию нежелательной на территории советского государства.

Не менее громким было «Дело Геолкома», в расследовании которого так же приняли участие органы ОГПУ. Данная организация, в качестве НКО вела свою деятельность еще с конца XIX в. и осуществляла комплексное изучение недр и составление геологических карт. На основании возможных фактов осуществления членами «Геолкома» разведки в пользу иностранных государств, в 1928 г. сотрудниками ОГПУ было возбуждено уголовное дело, вошедшее в историю как «Дело Геолкома». Согласно оператив-

ным материалам, инженеры и геологи данной НКО, которые занимались не просто изучением природных богатств, а занимались разведкой нефтяных и угольных месторождений на территории СССР с последующей их передачей сотрудникам иностранных спецслужб. Интересным представляется то, что изначально у сотрудников советских спецслужб вызвал подозрение профессиональный состав «Геолкома». Вместе с опытными геологами, в данной организации работала балерина. Данное обстоятельство послужило основанием для более тщательного наблюдения ГПУ за данной организацией, в результате чего и была выявлена «вредительская» деятельность данного НКО. По «Делу Геолкома» проходило 32 человека, 15 из которых приговорены к различным мерам наказания за передачу сведений горно-экономического характера за границу⁶.

В связи с образованием СССР вопрос о противодействии НКО, осуществляющих контрреволюционную деятельность, был в числе значимых в ОГПУ. В процессе осуществления своих полномочий отделы ОГПУ рассматривали в основном два вопроса при принятии решения о допустимости деятельности общественного объединения. Во-первых, о возможности утверждения уставов организаций и во-вторых, о ликвидации уже существующих. Однако главным объектом наблюдения ОГПУ были не любые организации, а те руководители негосударственных объединений, которые осуществляя свою деятельность, в скором времени становились «врагами народа».

Вся деятельность органов ГПУ-ОГПУ осуществлялась в соответствии с требованиями закона и под контролем органов прокуратуры. Так во всех отделах ОГПУ имелись специально назначенные младшие помощники Прокурора Верховного Суда СССР, работавшие под непосредственным наблюдением и руководством помощника Прокурора Верховного Суда СССР по надзору за ОГПУ. Однако с целью устранения недостатков такого контроля и преодоления противоречий, директивой высших партийных органов было установлено, что органы ОГПУ работают в особых условиях и все их полномочия необходимы и целесообразны, даже если находятся в противоречии с формальными требованиями закона⁷.

Получить разрешение на осуществление деятельности общественной организации от полномочных на то органов было достаточно непросто. Зачастую соблюдение формальных и обязательных требований не гарантировало утверждения их уставов. Даже сам факт регистрации НКВД союзных республик не избавлял общественные организации от непредвиденных санкций. Ведь органы ОГПУ участвовали не только в решении о даче разрешения на регистрацию, но и осуществляли контроль за уже существующими НКО и своевременно предотвращали их подрывную деятельность.

Разработка нового законодательного документа об обществах и союзах началась в 1927 г., хотя предварительная работа велась и раньше. Проект НКВД, предложенный в 1927 г., вызвал ряд возражений в народных комиссариатах, приобщенных к его рассмотрению. В своих заключениях данных наркоматов отмечалось, что этот документ сильно затруднит возникновение новых общественных организаций. Так же предлагалось отказаться от некоторых положений документа, в частности, о том, что в создании общества может быть отказано, если уже существует аналогичное. Однако эти возражения не были приняты.

6 февраля 1928 г. вступило в действие «Положение об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР⁸. Ранее принятые документы – Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 августа 1922 г., Инструкция ВЦИК от 10 августа 1922 г., ведомственные и межведомственные распоряжения органов РСФСР – отменялись.

В положении 1928 г. содержались общие нормы, регламентирующие порядок утверждения уставов и порядок регистрации обществ и союзов, включая НКО. Новый порядок утверждения уставов обязывал НКВД согласовывать вопрос об утверждении устава того или иного общества с компетентными органами или учреждениями. В этой связи был особо оговорен вопрос о руководителях организаций: в случае получения заключения о необходимости замены некоторых учредителей, НКВД обязан был, не отказывая в утверждении устава, заявить отвод против этих лиц и предложить ввести вместо них новых членов.

Складывается впечатление, что «Положение» 1928 г. было разработано с одной единственной целью – получить законное основание для «наведения порядка» в общественной сфере, уменьшения количества негосударственных организаций. Объявленная в связи с принятием «Положения» 1928 г. перерегистрация существующих обществ и союзов стала далеко не формальным мероприятием, она была проведена с размахом и серьезными для всей системы общественных организаций последствиями.

Так органами ГПУ при НКВД РСФСР была осуществлена единовременная проверка деятельности уже существующих, на предмет закрытия тех из них, которые, в своей деятельности уклоняются от своих уставов и в целом представляются бесполезными. Так же в справках ОГПУ отмечалось, что деятельность таких организаций обременяет государственные органы и их существование является нецелесообразным.

В условиях проведения в СССР политики индустриализации и начавшейся коллективизации, усилившей напряжение в обществе, деятельность антисоветских элементов, состоявших во многих обществах и союзах, в том числе в НКО, вызывала вполне оправданную обеспокоенность со стороны сотрудников ОГПУ. Особенно это касалось тех НКО, которые пользовались активной поддержкой государства. Показательным примером этого являются «Шахтинский», «Железнодорожный» и другие процессы, которые состоялись благодаря активному участию сотрудников ОГПУ.

В рамках «Шахтинского дела» проходила Всероссийская ассоциация инженеров. В первые годы Советской власти данная ассоциация, используя доверие советского руководства и имея доступ к передовым инженерным разработкам, активно взаимодействовала с различными научными институтами и лабораториями. Согласно оперативным материалам ОГПУ, члены данной ассоциации активной критикой советской власти и пропагандой идеалов капитализма. В 1929 г. была объявлена «последним оплотом буржуазного инженерства, вредительства, псевдонаучности»⁹, обвинена в отрыве от рабочих и техников, в корпоративности, элитарности, «пособничестве вредительству» и затем упразднена.

Кроме антисоветской пропаганды и вредительства, ликвидация общественных объединений осуществлялась и по иным ос-

нованиям. Например, со стороны советских спецслужб ставился вопрос о закрытии НКО «Всероссийский союз поэтов». В данном случае основанием для его закрытия являлось членство в данном НКО поэтов всех направлений в том числе и людей, имеющих отдаленное отношение к социалистическому строительству. Так же отмечалось, что «Всероссийский союз поэтов» не имеет социалистической идеологической платформы. 25 августа 1930 г. органами НКВД было принято решение о его закрытии.

Таким образом, новая экономическая политика открыла широкие возможности не только для развития рыночных отношений, но и для создания большого количества различных общественных организаций, в том числе некоммерческих. В дореволюционной России уже имелся опыт правового регулирования организаций и деятельности таких объединений, включая НКО. Так же в Российской империи был отложен устойчивый механизм контроля со стороны органов безопасности, возглавляемым Министерством внутренних дел. Советским руководством сохранилось преемство как в организации функционирования общественных организаций, так и их контроля, который в заваленный период осуществляли органы ГПУ при НКВД – ОГПУ при СНК СССР. При этом следует отметить, что именно на данном этапе происходит выделение НКО в качестве отдельного вида общественных организаций с принятием соответствующего законодательства о порядке их формирования и деятельности. Залогом реализации последней является неукоснительное следование нормам, прописанных в законе. Несмотря на либеральные перемены, связанные с введением НЭПа, общественным организациям предстояло развиваться в условиях формирования партийно-государственного режима, разрушения политического и общественного плюрализма. Благодаря созданному правовому механизму надзора и контроля, а также важнейшей роли органов ГПУ-ОГПУ, деятельность подрывных некоммерческих и иных общественных организаций в большинстве своем своевременно пресекалась.

¹ Иванова Г.М. Профсоюзы: независимость или огосударствление // Формирование административно-командной системы, 20–30-е гг. Сб. ст. М., 1992.

² Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... С.23.

³ Постановление ВЦИК и СНК «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними». 3 августа 1922 г. //Известия. 1922. 12 августа. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/73262-postanovlenie-vtsik-i-snk-o-poryadke-utverzhdeniya-i-registratsii-obschestv-i-soyuzov-ne-presleduyuschih-tselenizvlecheniya-pribyli-i-poryadke-nadzora-za-nimi-3-avgusta-1922-g>. (дата обращения: 19.12.2023).

⁴ Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О порядке утверждения уставов и регистрации уставов обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и распространяющих свою деятельность на территорию всего Союза ССР, и надзоре за ними». 9 мая 1924 г. // Известия. 1924. 13 мая. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74340> (дата обращения: 19.12.2023).

⁵ Цит. по: Ильина И.Н. Общественные организации в 1920-е годы. М., 2001. С. 80.

⁶ Заблоцкий Е.М. «Дело Геолкома: Репрессированные геологи». 3-е изд., испр. и доп. М.-СПб., 1999. С. 398–403

⁷ Камалова Г.Т. Подразделения ВЧК-ГПУ-ОГПУ в системе органов государственной власти // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. т. 11, № 2. С. 127–132.

⁸ Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об утверждении Положения об обществах и союзах, не преследующих целей извлечения прибыли. 6 февраля 1928 г. // Рассубликовано в № 51 Известий Ц.И.К. Союза С.С.Р. и В.Ц.И.К. от 29 февраля 1928 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/390295> (дата обращения: 19.12.2023).

⁹ Цит. по: Ильина И.Н. Указ. соч. С. 80.

И.С. Мамаев
г. Москва

**Спирионова в документах органов
государственной безопасности**

Одним из наиболее ярких политических деятелей России первой четверти XX века была лидер партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) М.А. Спирионова – террористка и каторжанка во времена Российской империи, влиятельный политический деятель в 1917 г., арестантка и ссыльная в 1918–1941 гг. Судьба ее была типичной для многих российских социалистов, проигравших политическую борьбу большевикам. Все они платились не только политической карьерой, но и жизнью.

В Центральном архиве ФСБ России сохранились документы, раскрывающие трагическую судьбу революционерки – «самой популярной в свое время женщины России». Часть из них была опубликована в сборнике «Левые эсеры и ВЧК»¹.

М. А. Спирионова родилась 16 октября 1884 г. в Тамбове. Ее отец имел чин коллежского секретаря в губернском учреждении. Мать вела домашнее хозяйство и занималась воспитанием детей².

Первые шаги в революцию Спирионова сделала еще в 1900–1901 гг. Будучи ученицей 6-го класса она примкнула к тамбовской эсеровской организации, а затем стала членом боевой дружины. Одним из организаторов эсеровского движения в Тамбовской губернии был В.М. Чернов – будущий теоретик и руководитель партии социалистов-революционеров (эсеров), отбывавший там ссылку³.

Первый раз Мария была арестована за участие в демонстрации молодежи в Тамбове 24 марта 1905 г. После непродолжительного разбирательства в полиции ее отпустили. В 1906 г. Спирионова смертельно ранила жандармского полковника советника Г.Н. Луженовского, за что вновь была арестована и жестоко избита. Дело Спирионовой получило международную огласку и имело заметный общественный резонанс. Выездная сессия Московского окружного военного суда 12 марта 1906 г. приговорила

Спиридонову к смертной казни через повешение. Однако смертная казнь была заменена бессрочной каторгой⁴.

Спиридонову освободили по распоряжению министра юстиции Временного правительства А.Ф. Керенского 3 марта 1917 г. Оказавшись уже 8 марта в Чите, она приступила к активной политической деятельности, а 31 мая появилась на заседании III съезда партии эсеров в Москве. Почти сразу она начинает играть одну из ключевых ролей в левоэсеровской оппозиции и довольно быстро стала популярной в партийной среде⁵.

Осенью 1917 г. Спиридонова, хотя и не принимала тактики большевиков, тем не менее осознавала необходимость сотрудничества с ними. Став лидером самостоятельной партии левых эсеров⁶, она во многом разделяла политику, проводимую большевиками⁷.

Однако после подписания Брестского мирного договора и выхода левых эсеров из состава Совета народных комиссаров (СНК), начиная с апреля 1918 г. Спиридонова резко меняет свою позицию и переходит в лагерь политических противников большевиков. Так, в июне, выступая на митингах, она резко критиковала Брестский мир. 24 июня ЦК ПЛСР принял решение о разрыве мирного договора путем организации террористических актов «против виднейших представителей германского империализма». Спиридонова была назначена главным организатором покушения на германского посла в Москве В. Мирбаха. Она лично инструктировала одного из его убийц Я.Г. Блюмкина и принимала участие в инсценировке покушения. Во всяком случае, она сама заявила об этом 10 июля Следственной комиссии и, тем самым, отвела подозрения следствия от других членов ЦК ПЛСР⁸.

После подавления восстания 13 левых эсеров, в том числе и их лидер, были арестованы и отправлены в Кремлевскую гауптвахту. В.И. Ленин распорядился, чтобы Спиридонова содержалась в хороших условиях. Ей выделили две добротные комнаты, пищу приносили с кухни Совнаркома, доставляли папиросы и книги. Но Спиридонова была недовольна таким вниманием к своей персоне.

Вначале ревтрибунал при ВЦИК приговорил М.А. Спиридову и члена ЦК ПЛСР Ю.В. Саблина к тюремному заключению

сроком на один год «принимая во внимание их особые прежние заслуги перед революцией». Однако уже 29 ноября Президиум ВЦИК постановил применить к ним амнистию и освободить из заключения. Таким образом, в начале декабря Спиридонова оказалась на свободе и сразу же включилась в активную политическую работу⁹.

1 февраля 1919 г. М.А. Спиридонова в течение трех часов выступала на рабочем митинге в Москве. Ее выступление было зафиксировано в докладе разведчика секретно-оперативного отдела ВЧК Х. Мускейта, направленного члену Коллегии ВЧК С.Г. Уралову.

Характеризуя внешнеполитическое положение Советской России, Спиридонова подчеркнула, что «мы окружены империалистами всех стран железным кольцом», с которыми нелегко бороться. Однако «самый злой, самый опасный для рабочего класса» враг, по мнению выступающей, находится внутри нас – это партия большевиков. Она отметила, что все, кто состоит в партии большевиков – «хулиганы, бандиты, шпионы и царские палачи». Все большевики, занимающие ответственные руководящие должности, по ее словам, разъезжают на автомобилях, ведут «самую развратную и разгульную жизнь по ночным трактам и клубам, растрачивая награбленные у крестьян и рабочих деньги, заработанные в поте лица». Кроме того, во время выборов в Петроградский Совет большевики осуществляли подкуп рабочих Путиловского завода. Чтобы проголосовали за коммунистов им обещали полтора пуда муки. Аналогичная ситуация была зафиксирована и в Брянске¹⁰.

Реакция властей не заставила долго ждать. Уже 10 февраля был выписан ордер Московской чрезвычайной комиссии (МЧК) за подписью С.А. Мессинга, в котором поручалось произвести «объиск, ревизию, выемку документов и книг» следователю МЧК Б.А. Бердичевскому по адресу: улица Арбат, дом 4, квартиры 17 и 38, а также «задержать гражд.[анку] Марию Спиридовну и всех находящихся в кв.[артире], реквизировать или конфисковать ее товары и оружие»¹¹.

Согласно протокола, составленного Бердичевским, в тот же день был произведен обыск, в ходе которого конфискованы и до-

ставлены в МЧК: одна кобура от револьвера, 10 патронов от маленького браунинга, одна обойма, разная переписка, брошюры, прокламации и другие запрещенные материалы. 18 февраля Спиридонову вновь арестовали¹².

Находясь под арестом в Кремле, Спиридонова не прекращала антибольшевистскую пропаганду. Она вызывала «на разговор» охранника и, по его словам, «без всяких данных фактов грязнила большевиков, партию коммунистов», а также ее лидеров – В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Из ее «разговора и намеков» охранник понял, что Спиридонова пытается привлечь на свою сторону всех охраняющих ее часовых. Отчасти ей это удалось. Так, курсант Борисов обещал лидеру левых эсеров стать посредником между ней и партией. Охранник, сославшись на свою «преданность» партии левых эсеров, также обещал «оказывать ей помощь». Эта информация была зафиксирована в докладе охранника Спиридоновой, который он направил в ВЧК¹³.

Спустя четыре дня охранник вновь встретился с Спиридоновой. Она попросила его достать ей мыло, бумагу и конверты. Эта просьба была передана в МЧК и по приказу начальника охраны председателя СНК РСФСР А.Я. Беленького была удовлетворена¹⁴.

В дальнейшем охранник «играл роль связника» между Спиридоновой и левоэсеровской партией. Через него она передавала письма, адресованные своей партии. В записках, написанных лично охраннику, Спиридонова писала, что «большевики загадили всю страну, дальше так жить невозможно», поэтому необходимо «свергнуть власть ее главарями». Свои надежды она наивно возлагала на помочь курсантов и часовых Кремля. Все эти письма вначале доставлялись в ВЧК, копировались там, после чего передавались адресатам. Во время личных встреч Спиридонова неоднократно заявляла, что необходимо «организовать побольше курсантов», снабдить их левоэсеровской литературой и как можно скорее, «пока люди страдают от голода ... захватить Кремль»¹⁵.

24 февраля Московский ревтрибунал, признав действительным обвинение Спиридоновой в контрреволюционной клевете на Советскую власть и принимая во внимание ее «болезненно-

истерическое состояние», постановил изолировать от политической и общественной деятельности на один год «посредством заключения ее в санаторий с предоставлением ей возможности здорового физического и умственного труда». Состояние здоровья Спиридоновой к тому времени резко ухудшилось, поэтому 9 марта ее поместили в Кремлевскую больницу¹⁶.

27 марта 1919 г. Центральный комитет ПЛСР принял решение об организации побега М.А. Спирионовой, мотивируя тем, что «здоровье т. [оварища] Спирионовой подвергается несомненной опасности»¹⁷. Постановление ЦК было приведено в исполнение 1–2 апреля. После своего побега она сразу же приступила к активной партийной работе¹⁸.

В 1919–1920 гг. Мария Александровна под чужой фамилией (Онуфриева) жила в Москве, иногда выезжала в регионы на встречи с крестьянами, в том числе и в родной Тамбов. Кроме того, она много писала для левоэсеровской печати. В ночь на 26 октября 1920 г. ее вновь арестовали. Учитывая болезненное состояние, женщину около месяца задержали под домашним арестом, а затем перевели в лазарет для чекистов в Варсонофьевском переулке¹⁹.

В заключении 5-го отделения секретного отдела ВЧК от 4 февраля 1921 г. зафиксировано, что врачебной комиссией М.А. Спирионова признана «опасно больной». Она страдает туберкулезом в активной форме и психическим расстройством. Врачи приняли решение о помещении ее в санаторий «с психическим режимом». Руководствуясь этим, помощник уполномоченного 5-го отделения секретного отдела ВЧК предложил освободить М.А. Спирионову из-под ареста и передать ее «для поправления здоровья» в один из санаториев Москвы. За Спирионову дали свои поручительства известные деятели ПЛСР Б.Д. Камков, А.А. Измайлович и И.К. Каховская²⁰.

Вопрос о Спирионовой решался на самых верхних эшелонах власти. 19 апреля 1921 г. председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский в своей записке начальнику секретного отдела ВЧК Т.П. Самсонову рекомендовал поместить Спирионову в психиатрический санаторий, но с тем условием, чтобы «оттуда ее не украли или, не сбежала»²¹.

5 июня 1921 г. М.А. Спиридонову накачали снотворным и на автомобиле перевезли из лазарета санчасти ВЧК в Пречистенскую психиатрическую лечебницу под фамилией Онуфриева. Опекуншей ее была назначена А.А. Измайлович. Недовольная таким насилием над собой, Спиридонова объявила голодовку. Как отмечается в рапорте уполномоченного 5-го отделения секретного отдела ВЧК, 7 июня Спиридонова перестала принимать пищу и воду. Уже на следующий день был созван консилиум из выдающихся советских психиатров, которые констатировали, что психическое заболевание Онуфриевой определяется как истерический психоз, поэтому необходимо немедленно приступить к искусственному питанию. Однако этому всячески препятствовала Измайлович, заявившая, что она не допустит «никакого насилиственного акта над больной»²². В общей сложности голодовка продолжалась 21 день²³.

Тем не менее, Спиридонова с опекуншой надеялись на скорое освобождение и предпринимали усилия в этом направлении. Так, в рапорте уполномоченного 5-го отделения секретного отдела ВЧК отмечается, что 8 июня Измайлович выбросила из окна больницы камешек, обмотанный тряпочкой, в котором находилось письмо, написанное на восьми убористых страницах с надписью на конверте передать его анархистам, максималистам, или левым эсерам. В письме Измайлович просит партийных товарищей путем «нажима на коммунистов» со стороны рабочих «добиться освобождения Маруси». Это письмо было перехвачено органами ВЧК²⁴.

Через 11 дней после начала голодания в лечебнице Спиридонова еще раз была подвергнута медицинскому освидетельствованию. В заключении врачей Пречистенской психиатрической больницы, подписанном главным врачом отмечается, что Онуфриева страдает истерическим психозом, поэтому единственным правильным терапевтическим мероприятием будет немедленный перевод ее «из тюремной больничной обстановки в другую или домашнюю», в противном случае будет трудно предотвратить самоубийство больной²⁵.

За освобождение Спиридоновой ходатайствовала и К. Цеткин, приехавшая в Москву на Международный женский конгресс. Она

вела переговоры с Л.Д. Троцким, просила его, чтобы власти разрешили лидеру ПЛСР выехать за границу. Троцкий ответил отказом, мотивируя тем, что «Спиридонова представляет опасность для Советской власти»²⁶.

Вопрос о Спирионовой рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) и ВЧК 13 и 15 сентября 1921 г. соответственно. Как отмечается в заключении секретного отдела ВЧК, согласно постановлений Политбюро и ВЧК, Спирионова 16 сентября была выписана из лечебницы и «сдана под поручительство» председателя Центрального оргбюро (ЦОБ) партии левых эсеров И.З. Штейнберга и секретаря ЦОБ И.Д. Баккала, но при одном условии – она никогда не будет заниматься политической деятельностью²⁷.

Выйдя на свободу, Спирионова поселилась на даче Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов в 20 верстах от Москвы. Там лидер ПЛСР проживала в течение двух лет и быстро поправилась. Все это время она находилась под негласным надзором органов ВЧК–ГПУ²⁸.

В меморандуме на заключенных, подписанном заместителем председателя ОГПУ Г.Г. Ягодой в декабре 1924 г. отмечается, что проживавшие вместе со Спирионовой на даче в Малаховке партийная опекунша А.А. Измайлович и будущий муж Спирионовой И.А. Майоров продолжали все это время вести «активную левоэсеровскую подпольную работу», руководя Московской и Ленинградской партийными организациями. Они также замышляли организацию побега Спирионовой за границу. К этому времени Штейнберг и Баккал уже больше года как находились за границей, поэтому она длительное время проживала на даче без поручителей²⁹. Более того, как следует из заключения начальника 5-го отделения секретного отдела ОГПУ Гельфера, Штейнберг за границей, развел кампанию по формированию общественного мнения на Западе о тяжелом положении заключенных – членов ПЛСР в СССР, а также готовил почву для их бегства из мест заключений и ссылки за пределы России. К тому же Измайлович обратилась в Красный Крест с письмом, в котором просила перевести Спирионову в Таганскую тюрьму «на казенное содержание».

ние»³⁰. Поэтому в ГПУ при НКВД РСФСР стали прорабатываться различные варианты изоляции указанных лиц.

Учитывая эти обстоятельства, 8 мая 1923 г. начальник 5-го отделения секретного отдела ГПУ Чистяков рекомендовал перевести Спиридонову со станции Малаховка «на одну из дач ГПУ под домашний надзор на 3 года». Это предложение было поддержано на заседании Коллегии ГПУ при НКВД РСФСР 10 мая 1923 г.³¹. Спиридонова была переведена на дачу, находящуюся в калужском совхозе-колонии «Воронцово» сроком на три года – до 16 мая 1926 г. По политическим соображениям в этот же самый совхоз были помещены А.А. Измайлович и И.А. Майоров³².

В октябре 1923 г. состоялось несколько вооруженных нападений на совхоз «Воронцово». Пострадали часовой и комендант совхоза. Руководство совхоза-колонии связывало эти события с попытками освобождения левоэсеровских лидеров. В протоколе допроса Спиридоновой от 8 декабря 1923 г. зафиксировано, что она категорически отрицает связь вооруженных нападений на совхоз со своим освобождением, так как это, по ее словам, могло бы привести к чьей-либо гибели, что противоречит традициям левоэсеровской партии³³.

Поэтому Особое Совещание при Коллегии ОГПУ 14 ноября 1924 г. принимает решение перевести Майорова, Измайлович и Спиридонову в Суздальский концлагерь, не изменяя прежнего режима³⁴. 19 ноября арестованные обратились с заявлением в ОГПУ, в котором отказываясь от поездки в Суздаль, просили «послать всех вместе в ссылку, или заключить в любой централ». Учитывая все обстоятельства, 12 декабря Особое совещание при Коллегии ОГПУ решило перевести их «в особый коридор Бутырской тюрьмы на оставшийся срок»³⁵. Однако и это решение арестованных не удовлетворило.

16 декабря 1924 г. Спиридонова, Измайлович и Майоров обратились в ОГПУ с новым заявлением, в котором выразили протест против перевода их в Бутырскую тюрьму и потребовали, под угрозой объявления голодовки, исполнения первоначального постановления ОГПУ «о высылке их в одно место». Свою угрозу арестанты привели в исполнение 20 декабря. С этого дня они перестали принимать пищу. Поэтому заместитель председателя

ОГПУ Г.Г. Ягода счел необходимым выслать «всех троих в один из городов Туркестана, не стоящих на железной дороге».³⁶ Таким образом, все они оказались в Самарканде.

В этом городе Спиридонова работала в одном из сельскохозяйственных учреждений. В ссылке она наконец-то устроила свою личную жизнь – вышла замуж за И.А. Майорова³⁷.

16 мая 1926 г. должен был закончиться срок ссылки Спиридоновой в Самарканд. Однако уполномоченный 3-го отделения секретного отдела ОГПУ Хорошкович в своем заключении от 21 апреля 1926 г. отметил, что свободное проживание по отбытии срока ссылки Спиридоновой предоставить нельзя. Он рекомендовал передать ее дело на рассмотрение Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, что и было сделано³⁸.

На заседании Особого Совещания при Коллегии ОГПУ 7 мая 1926 г. рассматривались дела М.А. Спиридоновой, И.А. Майорова и А.А. Измайлович. В результате было принято постановление – разрешить указанным лицам по отбытии срока наказания «свободное проживание в пределах Средней Азии»³⁹. ОГПУ предложило Спиридоновой поменять место ссылки. Однако она отказалась это сделать и ссылочные оставались в Самарканде до 1928 г. Ситуация изменилась после того, как ее уволили с работы и вместе с Каховской и Измайлович перевели в Ташкент⁴⁰.

Осенью 1929 г. обострилась болезнь Спиридоновой, поэтому врачи посоветовали ей поменять климат. Левые эсеры добились перевода ее в Москву. Однако московские врачи рекомендовали больной ехать в Крым. В Ялтинском туберкулезном институте она пробыла около года, проживала там как частное лицо, и сама оплачивала все расходы на свое содержание⁴¹.

В начале 1930-х гг. началась новая волна репрессий на левых эсеров. Спиридонову отзвали в Москву, 17 сентября 1930 г. арестовали и посадили в Бутырскую тюрьму ОГПУ. В протоколах допроса зафиксировано, что Спиридонова отрицала свое участие в «контрреволюционной деятельности», иногда вообще отказывалась отвечать на вопросы следователя. 3 января 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ принимает решение о высылке ее в столицу Башкирской АССР г. Уфу на три года, считая срок отбывания наказания с 17 сентября 1930 г.⁴² Туда же сослали и ее

подруг – Измайлович и Каховскую. Позднее срок пребывания ссыльной в столице Башкирской АССР был продлен еще на пять лет⁴³.

Находясь в Уфе, Мария Александровна работала экономистом в кредитно-плановом отделе Башкирской конторы и не представляла никакой политической угрозы для руководства страны.

13 ноября 1936 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал приказ «Об оперативной работе по социалистам-революционерам». Упоминалась в этом приказе и Спиридонова, руководившая якобы из Уфы вместе с Майоровым и Каховской левоэсеровским подпольем в стране. Нарком внутренних дел поставил задачу выявить все эсеровские группы и одиночек-террористов, внедряя в эсеровскую среду опытных агентов. Особое внимание в приказе уделялось ссыльным эсерам как наиболее опасным организаторам антисоветских акций⁴⁴.

Начались аресты бывших эсеров по всей стране. 8 февраля 1937 г. начальник Управления НКВД по Башкирской АССР подписал ордер на обыск и арест Спиридоновой. В тот же день лидер ПЛСР была арестована и помещена в камеру следственного корпуса Управления НКВД по Башкирской АССР⁴⁵. Ей инкриминировалось участие в контрреволюционной деятельности.

22 марта 1937 г. М.А. Спиридонова написала заявление на имя начальника Управления НКВД по Башкирской АССР Г.А. Лупекина для ознакомления и направления его в Москву в Главное управление государственной безопасности НКВД СССР, в случае ее «непредвиденного выбытия из числа живых». В своем заявлении лидер левых эсеров сообщала, что ни она, ни все ее заключенные товарищи по партии никакой контрреволюционной деятельностью не занимались и тайной переписки не вели. Новых группировок и боевых групп, по ее словам, она не создавала. Одновременно Спиридонова сообщила, что она снова объявила голодовку и уже четвертый день не принимает пищу⁴⁶.

Находясь под арестом лидер партии левых эсеров, как зафиксировано в рапорте начальника 4-го отделения 4-го отдела Управления НКВД по Башкирской АССР лейтенанта госбезопасности Михайлова, во время допросов отказывалась отвечать на

прямые вопросы по существу ее дела, наносила оскорблений в адрес следствия, обзывала его «балаганщиком и палачом», демонстративно вставала со стула и выходила из кабинета. При попытке нажима на Спиридову, она каждый раз бросала в адрес сотрудника НКВД следующие эпитеты: «хорек, фашист, контрразведчик, сволочь»⁴⁷.

Вскоре ее этапировали в Москву. 7 января 1938 г. на закрытом судебном заседании Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела дело по обвинению М.А. Спиридововой в преступлениях, предусмотренных статьями 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В приговоре суда отмечается, что предварительным и судебным следствием было установлено, что Спиридова до дня ареста входила в состав «объединенного эсеровского центра» и создала «эсеровские контрреволюционные террористические и вредительские группы» в Уфе, Горьком, Тобольске, Куйбышеве и других городах, а также непосредственно руководила до 1937 г. «контрреволюционной террористико-вредительской организацией эсеров» в Башкирии. Она систематически проводила «нелегальные сбороища» участников организации, на которых «обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и подготовка индивидуального террора против руководителей партии и правительства»⁴⁸.

Руководствуясь статьями 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила М.А. Спиридову к «тюремному заключению сроком на двадцать пять ... лет, с поражением политических прав на пять лет, с конфискацией всего принадлежащего лично ей имущества». Срок тюремного заключения исчислялся с 17 февраля 1937 г.⁴⁹ Отбывать срок ей предстояло сначала в Ярославской, а затем в Орловской тюрьме.

Однако через три с половиной года, незадолго до того, как в Орел вошли немецкие танки, Военная коллегия Верховного суда СССР 8 сентября 1941 г. изменила свое решение. В приговоре суда говорится, что осужденные в прошлом «за активную контрреволюционную шпионско-диверсионную, террористическую деятельность подсудимые отбывая наказание в Орловской тюрьме, проводили антисоветскую агитацию и распространяли клеветнические измышления о мероприятиях ВКП(б) и Советского

Правительства. С момента ... нападения фашистской Германии на Союз ССР антисоветская деятельность всех подсудимых приобрела организованный характер и каждый из них проводил злостную пораженную и изменническую агитацию, чем все они совершили преступления, предусмотренные статьей 58-10 части II УК РСФСР». Исходя из вышесказанного, М.А. Спиридонова была приговорена к «высшей мере наказания – расстрелу без конфискации имущества за отсутствием такового»⁵⁰. Приговор о расстреле М.А. Спиридоновой был приведен в исполнение в Орле 11 сентября 1941 г., что отражено в справке заместителя начальника 12-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР младшего лейтенанта госбезопасности Шевелева⁵¹. Так трагически закончилась жизнь некогда выдающегося политического деятеля России М.А. Спиридоновой.

После смерти И.В. Сталина начались реабилитации жертв политических репрессий. В 1958 г. гражданка И.К. Каховская обратилась к Главному военному прокурору по делу М.А. Спиридоновой с просьбой о ее реабилитации. Однако в 1958 г. лидер левых эсеров не была реабилитирована. Позднее ее дело еще дважды рассматривалось прокуратурой. В 1990 г. она была реабилитирована частично (только по делу 1941 г.), а в 1992 г. – полностью по всем остальным делам⁵².

Таким образом, архивные документы наглядно показывают трагическую судьбу женщины-революционерки, отдавшей себя полностью идеалам социализма, борьбе за светлое будущее российского крестьянства, да и всего человечества. Всю свою сознательную жизнь она провела в тюрьмах и ссылке. Но в то же время документы свидетельствуют, что она была революционером-романтиком, не всегда могла соотнести свои взгляды с реальной действительностью, была склонна к преувеличению и очень импульсивна. Все это сильно вредило ей и ее политической деятельности.

¹ Левые эсеры и ВЧК. Сборник документов. Казань, 1996.

² Безбрежьев С.В. Мария Александровна Спиридонова // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 335.

³ Безбрежьев С.В. Указ. соч. С. 336.

-
- ⁴ Там же. С. 336–340; Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. М., 1993. С. 300.
- ⁵ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 340–341.
- ⁶ Там же. С. 343–346.
- ⁷ Политические деятели России. ... С. 302.
- ⁸ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 347–348.; Красная книга ВЧК. Т. 1. 2-е изд. М., 1989. С. 268–269.
- ⁹ Там же. С. 348–350; Там же. С. 294–295.
- ¹⁰ Левые эсеры и ВЧК. С. 281.
- ¹¹ Там же. С. 347–348.
- ¹² Там же. С. 348.; *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 351.
- ¹³ Левые эсеры и ВЧК. С. 349.
- ¹⁴ Там же. С. 349–350.
- ¹⁵ Там же. С. 350–351.
- ¹⁶ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 351.
- ¹⁷ Левые эсеры и ВЧК. С. 352.
- ¹⁸ Там же. С. 352–353.
- ¹⁹ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 352–353.
- ²⁰ Левые эсеры и ВЧК. С. 354.
- ²¹ Там же. С. 356.
- ²² Там же. С. 357–358.
- ²³ Там же. С. 368.
- ²⁴ Левые эсеры и ВЧК. С. 358–359.
- ²⁵ Там же. С. 360–361.
- ²⁶ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 353.
- ²⁷ Левые эсеры и ВЧК. С. 361–362.
- ²⁸ Там же. С. 361–362.
- ²⁹ Левые эсеры и ВЧК. С. 368.
- ³⁰ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 353.
- ³¹ Левые эсеры и ВЧК. С. 361–362.
- ³² Там же. С. 368–369.
- ³³ Там же. С. 369.
- ³⁴ Там же. С. 363.
- ³⁵ Там же. С. 363, 369.
- ³⁶ Там же. С. 366, 370.
- ³⁷ Политические деятели России. С. 303.
- ³⁸ Левые эсеры и ВЧК. С. 370.
- ³⁹ Там же. С. 371.
- ⁴⁰ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 353.
- ⁴¹ Там же. С. 354.
- ⁴² Левые эсеры и ВЧК. С. 374.
- ⁴³ *Безбрежьев С.В.* Указ. соч. С. 354.
- ⁴⁴ Там же. С. 354–355.
- ⁴⁵ Левые эсеры и ВЧК. С. 375.

⁴⁶ Там же. С. 375–376.

⁴⁷ Там же. С. 376–377.

⁴⁸ Левые эсеры и ВЧК. С. 377–378.

⁴⁹ Там же. С. 377–378.

⁵⁰ Там же. С. 379.

⁵¹ Там же.

⁵² Политические деятели России. С. 303.

О.Б. Мозохин
г. Москва

Борьба органов ОГПУ с вредительством в микробиологии и ветеринарии

Провалы в социально-экономической политике вынудили партийное руководство искать виновных за срывы темпов колLECTИ-
визации. Документы свидетельствуют, что выявление вредительства в сельском хозяйстве началось с центральных учреждений – Народных комиссариатов земледелия СССР и УССР. В этой связи необходимо отметить, что эта борьба была организована не на пустом месте, такие факты были, однако раскрытие крупных контрреволюционных организаций, иногда даже со связями в других городах вызывает большие сомнения.

Из примеров фальсификации подобных организаций являются возбужденные дела в отношении микробиологов и ветеринаров.

Дело микробиологов. 11 ноября 1930 г. В.Р. Менжинский препровождал И.В. Сталину материал по делу контрреволюционной организации среди микробиологов, посчитал необходимым обратить его внимание на деятельность профессора Г. Цейсса, являвшегося резидентом Германской военной разведки в СССР, который принимал активное участие в деятельности этой организации. По его мнению, если арест по политическим соображениям Цейсса окажется нецелесообразным, то он предлагал выслать его по линии Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) в кратчайший срок из пределов СССР¹.

В приложении к докладной записке сообщалось, что следствие по делу Цейсса и контрреволюционной организации микробиологов установило, что реакционная часть научных работников имела контрреволюционную организацию, которая ставила себе задачу борьбы с Советской властью. В программу своих действий она ставила террор и диверсию в момент войны, имея в виду неизбежность интервенции.

Организация имела свой всесоюзный центр, в лице нелегально существующего «Национального комитета», а также ряда филиалов, разбросанных по Союзу. Возглавлял организацию дирек-

тор Мечниковского института в Москве профессор С.В. Коршун. Прослеживалась связь с реакционными кругами Германии, которая осуществлялась через Цейсса и представителя Рейхсвера в Москве – Нидермайера.

Ряд членов организации одновременно работали у Цейсса в качестве агентов военной разведки. Так, профессор С.М. Никаноров передал Г. Цейссу культуру бактерий «туларемии», а заместитель директора Химико-фармацевтического института Ф.Ф. Степпун передал секретные данные, касающиеся подготовки Красной Армии к химической войне.

Организация имела в ряде городов СССР свои секции по распространению и внедрению германского влияния.

В Саратовском бактериологическом институте организация имела военную секцию, во главе которой стоял директор института С.М. Никаноров. Она работала над вопросами практического применения бактериологии для диверсионных целей в момент интервенции. Организация проектировала в военное время создание искусственных очагов эпидемии, преимущественно чумы, как в тылу Красной армии, так и внутри Союза.

Она якобы проводила вредительскую работу, стремясь лишить Красную армию и страну возможности в момент войны борьбу с эпидемиями и инфекционными заболеваниями, а также защиты против применения противником средств бактериологической войны².

13 августа 1930 г. был арестован Коршун, затем последовали аресты еще 39 человек.

Одним из ответвлений в деле микробиологов стало дело «Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации» (дело «Весна»), по которому были арестованы тысячи военнослужащих. В ходе следствия по делу «Весна» выяснилось, что часть офицеров старой армии якобы была связана с «контрреволюционной вредительско-повстанческой организации микробиологов», которая охватывала города: Москву, Ленинград, Киев, Минск, Одессу, Харьков, Алма-Ату, Нижний Новгород, Казань, Саратов, Астрахань, Уральск, Республику немцев Поволжья.

Координирующим органом являлся совет общества естествоиспытателей в Саратове, подчинявшийся руководителям органи-

зации в Москве – директору московского Ветеринарно-бактериологического института профессору Н.А. Михину и директору московского, а затем харьковского бактериологического института профессору С.В. Коршуну. Подобная структура была типичной для фабриковавшихся дел о контрреволюционных организациях.

Компрометирующие будущих руководителей «организации» материалы публиковались в газете «Известия». Дело курировал Особый отдел ОГПУ. По мере раскручивания дела под каток репрессий попадали все новые категории специалистов. С сентября 1930 г. по этому и другим делам стали массово арестовывать бывших офицеров и ветеринарных врачей. Всего было арестовано 183 человека, в том числе 10 профессоров, 9 доцентов, 42 врача, 73 бывших офицеров, 17 бывших белых офицеров, 32 про-³чих³.

В записке ОГПУ И.В. Сталину по делу микробиологов от 7 декабря 1930 г. сообщалось, что Особый отдел ОГПУ раскрыл еще одно ответвление организации микробиологов среди ветеринаров-бактериологов. В задачи этой группы входило распространение искусственной эпизоотии сибирской язвы и прочих инфекционных заболеваний скота в районах крупного животноводства, в первую очередь в совхозах и колхозах.

Целевая установка организации сводилась к срыву партийных директив XVI съезда по скорейшему разрешению мясной и скотоводческой проблемы.

Вредительство проводилось через Московский ветеринарно-бактериологический институт, который снабжал ряд основных скотоводческих районов СССР сыворотками и вакцинами, зараженными живыми вирулентными культурами сибирской язвы и прочими инфекционными заболеваниями.

Из разных районов СССР были получены сведения о падеже скота и распространении сибирской язвы и «эмфизематозного фурункула» вследствие применения сывороток и вакцин, полученных из Московского ветеринарно-бактериологического института.

По сообщению председателя ГПУ УССР В.А. Балицкого, на Украине была самостоятельно раскрыта контрреволюционная

организация ветеринаров-бактериологов, проводящая работу по уничтожению скота и подготавлившая заражение населения инфекционными болезнями на случай интервенции⁴.

5 декабря 1930 г. он сообщил в Центр, что во главе этой организации стояли: профессор Н.Д. Агалли – директор института практической ветеринарии, А.Т. Степаненко – директор Харьковского ветеринарно-бактериологического института, Н.И. Самоделкин – профессор Харьковского ветеринарного института и Н.И. Веселовский – бывший заведующий ветеринарной частью Украинского ветеринарного управления. В организацию входили видные ветеринары-бактериологи в Харькове и на периферии⁵. Немного позже, в дополнение к вышеуказанной записке Балицкий сообщил, что обвиняемые Степаненко и Самоделкин сознались в рассадке патогенных микробов⁶.

В Москве арестованные по делу микробиологов стали давать признательные показания. Так, старший ветврач Московского ветеринарного бактериологического института Л.Ф. Ласточкин сообщил, что в институте существовал филиал контрреволюционной организации микробиологов. В эту организацию входил директор института Н.А. Михин, который и являлся руководителем этой организации в институте. Он был тесно связан с С.В. Коршуном, который, в свою очередь, являлся руководителем всей организации микробиологов в СССР.

По его словам, члены организации занимались вызыванием искусственной эпизоотии сибирской язвы в различных районах Союза. В результате удалось вызвать широкие эпизоотии в ряде животноводческих районах Союза, сопровождающиеся массовым падежом скота в особенности в совхозах и колхозах. В состав организации, кроме Ласточкина, входили Н.А. Михин, А.П. Беликов, Д.Г. Жидин, К.П. Чижов⁷.

Михин, в свою очередь, подтвердил, что в институте было сплоченное ядро антисоветских лиц, внутри которых господствовали контрреволюционные настроения. Признал, что организация, объединяла все антисоветские элементы из среды научных работников и то, что отдельные ее члены имели связь с организацией Коршуна. Констатировал, что целью вредительской деятельности организации являлось нанесение материального ущер-

ба государству в результате массового падежа скота по районам Союза⁸.

В течение года шло следствие по делу о микробиологах.

В марте 1931 г. Политбюро ЦК принимает решение, не прекращая следствия, выделить из них группу лиц, которых можно использовать «на работу для нас»⁹. Существует версия, что арестованным предложили участвовать в разработке бактериологического оружия для Красной армии.

Еще в начале 1920-х гг. в зарубежной прессе активно рассматривался вопрос о возможном использовании возбудителей инфекций, как единственного средства ведения войны. В связи с этим, в 1926 г. в СССР также начались систематические работы в этом направлении. В 1928 г. учрежден Институт химической обороны, а через два года создана специальная военная вакцино-сывороточная лаборатория¹⁰.

Член Президиума Высшего совета народного хозяйства РСФСР В.В. Куйбышев и председатель ОГПУ Г.Г. Ягода подписали циркуляр об использовании на производствах специалистов, осужденных за вредительство. Работы их должны были проходить в помещениях органов ОГПУ. Так сошлись интересы разных ведомств. Одним нужно было обезвредить классово чуждых «спецов-вредителей», другим они были еще нужнее, ибо иных просто не было¹¹.

16 января 1932 г. Политбюро поручило ОГПУ подготовить вопрос об окончании дела группы саратовских биологов и доложить на следующем заседании Политбюро¹².

На следующем заседании, Политбюро в отношении микробиологов приняло предложение ОГПУ¹³. Восемь главных обвиняемых, в том числе и С.В. Коршун, были приговорены к расстрелу с заменой, заключением на 10 лет. Прочие получили разные сроки заключения.

Те, кто согласился работать по военной тематике, содержались в Бутырской тюрьме до начала 1932 г., после чего были отправлены в специализированную тюрьму ОГПУ (шарашку), неподалеку от Сузdalского Покровского монастыря, где в обстановке строгой секретности были оборудованы лаборатории. Организация, разместившаяся в монастыре, именовавшаяся «Бюро особого

назначения», начала проводить работы по боевым бактериологическим средствам. Судьба С.В. Коршуна до конца не известна, в приговорных списках перед его фамилией стоит пометка красным карандашом «Р», что, вероятно, означает расстрел¹⁴.

В 1959 г. репрессированные микробиологи были реабилитированы.

Дело ветеринаров. 26 ноября 1932 г. председатель ОГПУ В.Р. Менжинский сообщил в ЦК ВКП(б) о контрреволюционной организации ветеринаров. ОГПУ в процессе тщательного наблюдения за деятельностью основных кадров ветеринарии, выявило организацию, ведущую работу по срыву планов социалистического животноводства. Занимая руководящее положение во всесоюзном Институте экспериментальной ветеринарии в Москве, она якобы, широко развернула свою деятельность не только в центре, но и в Ленинграде, в Средне-Волжском крае, Ивановской промышленной области и в Восточно-Сибирском крае.

Ее практическая работа велась по следующим основным направлениям: массовый забой скота под видом подозрительного по болезни; непринятие своевременных мер к изоляции больного скота от здорового; умышленно неправильное определение болезни и мер борьбы с нею; распространение эпизоотии среди скота путем производства поголовных прививок в благополучных районах; сознательное применение негодных и загрязненных биопрепараторов, приводящих к падежу скота; торможение и срыв научно-исследовательской работы в области ветеринарии и животноводства.

По СССР за 1931 г, по неполным данным Главного ветеринарного управления Народного комиссариата земледелия СССР, было забито выделенного как «повалочного» 76 186 голов скота. При чем, после забоя 40% из них патолого-анатомических показаний на «повалку» не дали.

Было установлено, что профессор А.В. Белицер, доценты В.А. Косарев и П.В. Тавельский – работники Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии умышленно срывали борьбу с менингитом среди конского поголовья. Скрывали возбудителя этой болезни и методы борьбы с заболеванием. На официальных совещаниях и консультациях сводили появление в Союзе менин-

гита к чрезмерной эксплуатации лошадей, к их плохому уходу и недостаточному кормлению.

В тоже время, беседуя о менингите с агентом ОГПУ В.А. Ко-сарев заявлял: «Вы ведь знаете, что точно также при столбняке бактерия локализуется в одном месте и отсюда действует на всю нервную систему. Вот почему и происходят такие нервные заболевания у лошадей. Но, конечно говорить им об этом не говорим, додуматься же до этого они еще не успели. Пусть, черт с ними, докопаются, а тем временем добрая половина лошадей подохнет. И так уже стали на многих местах пахать на коровах. Когда это было раньше, при царском режиме, видно. Это же позор! Так им и надо, додумались же они до своих колхозов и совхозов – так пусть же и платятся за это».

Примерно, в этом же духе говорил А.В. Белицер: «Разве мы бы допустили такую массовую гибель лошадей, если бы они не прогнали единоличника, а то ведь нет – загнали, хочешь не хочешь, в колхозы, а теперь нам говорят – спасай их».

В результате организованного срыва борьбы с менингитом за 1931 г. только по РСФСР от него пало 41535 лошадей.

Кроме того группировка этой организации принимала участие в распространении чумы. С этой целью она широко использовала в благополучных по чуме совхозах так называемый метод симультанных прививок, приведший почти везде к значительному отходу свинопоголовья.

Так, в Центрально-черноземной области от привитых симультанно 17837 голов, пало 6069 голов или 33% свиней. Отход по Средней Волге составлял 13%, по Нижней Волге – 11,5% и т.д. Имели место случаи, когда после прививок падеж доходил до 100%. По словам участников группировки, ими был взят курс на обострение положения в животноводческом секторе, путем более активных действий по уничтожению поголовья¹⁵.

В целях пресечения дальнейшей разрушительной работы организации, ОГПУ просило санкций на арест активных членов контрреволюционной организации ветеринаров.

5 декабря 1932 г. Полномочное представительство ОГПУ СКК и ДССР сообщило о ликвидированной вредительской группировке в Племсовхозе «Венцы заря», ставившей своей задачей отрав-

ление скота. Среди курсантов-нормировщиков хронометражистов были выявлены активные контрреволюционные настроения. Арестованные П. Казаченко и И. Усенко, в процессе следствия показали, что ими велась работа по созданию контрреволюционной организации из числа курсантов. Намечалось проведение вредительства в области сельского хозяйства путем отравления скота¹⁶.

11 декабря 1932 г. членам и кандидатам в члены Политбюро, по указанию И.В. Сталина, была направлена записка Г.Е. Прокопьевса и Л.Г. Миронова от 10 декабря 1932 г. о контрреволюционных организациях в системе животноводства. В которой сообщалось, что по ведущимся ОГПУ еще незаконченным агентурным разработкам добыты материалы, которые давали основание констатировать наличие крупных враждебных организаций.

Так, контрреволюционная организация в животноводстве состояла из квалифицированных ветеринарных врачей с руководящим составом во Всесоюзном Институте экспериментальной ветеринарии и с периферийными группировками на Средней и Нижней Волге, в Восточно-Сибирском крае, Ивановской промышленной области, Северо-Кавказского края, Ленинградской области, Закавказье и на Украине.

Организация ставила перед собой задачу уничтожения поголовья скота в совхозах и колхозах, с целью дезорганизации рабочего снабжения и дискредитации социалистического животноводства в глазах колхозного крестьянства.

Она проводила свою подрывную работу путем прямого заражения скота весьма опасными инфекционными болезнями.

Под видом ликвидации повалки в одном лишь Средне-Волжском крае под руководством организации забито 15 000 голов скота, из которого больных было не более 20–25%. В благополучном по тифу Панцыревском птицесовхозе была распространена инфекция тифа, приведшая к значительному отходу поголовья и др.

Всего по периферийным группировкам арестовано 39 чел., из которых 29 чел. в совершенных преступлениях сознались.

27 декабря 1932 г. всем членам ЦК и президиуму ЦКК ВКП(б), всем секретарям обкомов, крайкомов и национальным ЦК, всем членам–партийцам коллегий Наркомзема и Наркомсов-

хозов, всем Полпредствам ОГПУ были разосланы для сведения очередные записки Прокофьева и Миронова. Там сообщалось о новой контрреволюционной организации в животноводческом секторе сельского хозяйства, которая имела руководящий центр в Москве. В него входили видные научные и практические работники Ветеринарного управления Наркомзема СССР, бывшие скотоводообъединения и его ветеринарных научно-исследовательских институтов. На периферии организация имела свои группы в ряде областей.

Организация возникла на местах и в центре по инициативе и при непосредственном участии лиц, примыкавших к контрреволюционной организации микробиологов. Образование вновь возникшей организации в животноводстве и образование руководящего центра в Москве относилось к началу 1931 г.

В течение 1931 г. группировки, возникшие на местах, установили связь с центром и начали получать от него руководящие указания в отношении методов подрывной работы. В состав организации в центре и на местах входили квалифицированные специалисты ветеринарии и животноводства. Среди ее членов много выходцев из привилегированных сословий, членов антисоветских партий, сыновей служителей культа, участников активной борьбы против советской власти. В записке была отражена цель и тактика организации, ее подрывная работа¹⁷.

1 января 1933 г. членам и кандидатам в члены Политбюро по поручению И.В. Сталина была направлена записка Я.С. Агранова и А.И. Успенского о контрреволюционной вредительской организации среди врачей ветеринаров в Московской области. ОГПУ была выявлена группа ветеринарных врачей на Кашинцевской биофабрике (Щелковский район Московской области), выработавшей прививочные противочумные препараты.

Эти препараты, вызывали значительный падеж свиней, так как они изготавливались из недоброкачественных биопрепаратов и использовались с целью срыва планов животноводства в совхозах и колхозах. Собранный из разных мест СССР материал о падеже свиней после применения прививок из препаратов биофабрики подтвердил это.

Были арестованы технический директор биофабрики ветврач Н.П. Воскресенский, заведующий научно-производственным цехом ветврач П.П. Преображенский и заведующий вирусным цехом ветврач М.Л. Прозоровский.

Воскресенский дал показания, в которых признал факт существования контрреволюционной вредительской организации, охватывающей систему Ветеринарного управления Наркомзема СССР и Ветснабпрома, Свиноводобъединение и Моссвино-водреста, и указал на вредительскую работу, проводившуюся организацией на Кашинцевской и других биофабриках¹⁸.

Преображенский бывший заведующий лабораторией биофабрики показал, что в состав организации, он вошел в марте 1932 г. по предложению технического директора фабрики М.И. Березина. По его мнению, в условиях советского строя коллективизация была необходима, но ее темпы и пути взяты неправильно. Коллективизацию надо было начать с кулацкой и зажиточной части крестьянства, а уже затем к ним в колхозы влиять бедноту и середняков. Этим бы было сохранено имущество кулаков и единоличников, которые, не желая вступать в колхозы, разбазарили его. Такие коллективы обеспечили бы снабжение государства продовольствием т.к. производственный инвентарь кулацкой части, в объединении с трудом бедняцко-середняцкой части крестьянства при помощи государства дали бы крепкие производственные объединения.

Работая на Северном Кавказе до конца 1927 г. Преображенский в Ставропольском бактериологическом институте входил в существовавшую там контрреволюционную группу ветврачей. Вредительская работа выражалась в изготовлении и выпуске недоброкачественных биопрепараторов, применение которых вызывало опухоли у животных, заболевания, а в результате большой отход поголовья¹⁹.

15 января 1933 г. Я.С. Агранов сообщил И.В. Сталину, что по делу о вредительской организации в ветеринарии арестован бывший заместитель заведующего производственным отделом ветснабпрома Наркомзема СССР М.И. Березин, который сознался о своем участии в организации²⁰. Он рассказал, что был привлечен в организацию профессором Р.А. Ционом во время его работы на

Кашинцевской биофабрике. По его поручению возглавил вредительскую организацию на фабрике и постепенно втянул для участия по проведению вредительства в изготовлении биопрепаратов группу ветврачей.

По линии противочумных биофабрик практическая вредительская работа осуществлялась в выпуске малоактивных и загрязненных биопрепаратов. Выпускаемые противочумные биопрепараты направлялись в свиноводческие хозяйства и колхозы, где их применение вызвало повышенный отход подголовья²¹.

А.В. Благовещенский тоже честосердечно раскаялся перед Советской властью и признал себя виновным в том, что состоял членом контрреволюционной вредительской группы ветеринарных врачей, которая возглавлялась Н.П. Воскресенским. Организация ставила перед собой цель – проведение вредительских мероприятий, направленных на срыв развития животноводства в совхозах и колхозах СССР. По его мнению, замедление темпов коллективизации могло дать возможность развиваться индивидуальному крестьянскому хозяйству²².

Сам Воскресенский подчеркивал, что организация хотела вызвать недовольство в стране путем срыва государственных планов развития животноводства, рассчитывая при этом на поддержку кулачества, бывшей буржуазии и контрреволюционной интеллигенции²³.

В Средне-Волжском крае (СВК) также была раскрыта контрреволюционная вредительская организация в системе животноводческого хозяйства. Согласно выписки из протокола Комиссии по делам ОГПУ от 3 января 1933 г., в нее входили квалифицированные специалисты ветеринарии и животноводства, которые ставили своей целью, ни много, ни мало, как свержение Советской власти и реставрацию капиталистического строя. Ее вредительская деятельность выражалась в использовании ветеринарных мероприятий в целях умышленного распространения эпизоотий, прямом заражении скота и почвы в животноводческом хозяйстве, массовом забое здорового скота под видом заразнобольного. В результате вредительства было забито около 95000 голов и от распространения эпизоотии менингита пало 28500 лошадей. При производстве прививок против чумы производилось

заражение свиносовхозов чумой, в результате чего только по двум свиносовхозам пало свиней на 42000 рублей. По делу было арестовано 14 чел., 7 чел. предлагалось приговорить к высшей мере наказания²⁴.

16 января 1933 г. Политбюро ЦК заслушав сообщение комиссии по судебным делам принимает решение по делу животноводов-вредителей СВК считать целесообразным организацию суда. При этом, Г.Г. Ягоде и Н.В. Крыленко поручалось внести на следующее заседание Политбюро проект предложений по организации суда над животноводами-вредителями²⁵.

22 января Крыленко и Ягода доложили Сталину, что по состоянию следственного производства по контрреволюционной организации в животноводстве дело представляется в следующем виде:

1. Закончено и может слушаться с постановкой процесса не ранее чем через месяц дело о Самарской организации, охватившей своей работой Средне-Волжский край. По делу арестовано 14 человек, из которых 10 сознались. Обвиняемые дали показания о том, что Самарская организация является частью общесоюзной. Это может быть подтверждено фактами объективного характера — учетом павшего в действительности поголовья, актами экспертизы прививок и биопрепаратов.

2. Заканчивается и может быть поставлено в месячный срок дело о группе по Кашинцевской биофабрике Московской области, изготавлившей негодные биопрепараты. По делу арестовано 8 специалистов. Все сознались и дали показания о наличии руководящего центра организации из специалистов животноводческих и ветеринарных учреждений Наркомзема Союза. Это может быть также подтверждено документальными данными и вещественными доказательствами (негодные и зараженные биопрепараты).

3. Находятся в стадии следствия и незакончены дела об организациях, связанных с Москвой: в Ленинграде, Восточно-Сибирском крае, Ивановской и Западной областях.

4. Начато следствие на Украине, Урале, ЦЧО, Закавказье, Северном Кавказе и Нижне-Волжском крае. Дела находились в начальной стадии следствия.

На окончание следствия по делам в Ленинграде, в Сибирском крае, Ивановской области, Западной области, Украине, Урале, Центрально-Чернозёмной области, Закавказье, Северном Кавказе и в Нижне-Волжском крае потребуется не менее двух месяцев.

5. Находится в начальной стадии следствия дело о центральной контрреволюционной организации, руководившей вредительской работой периферии по всем отраслям животноводства. Дело может быть закончено в течении двух месяцев.

Таким образом, выяснилась возможность осуществления двух вариантов:

а) местные процессы в течение одного-двух месяцев провести по Средней Волге и в Кашинцевской биофабрике с привлечением руководящих участников организации из центральных животноводческих и ветеринарных учреждений;

б) постановки одного общего процесса с упором на вредительский центр с включением Самарской группы, Кашинцевской биофабрики и ряда других областей. В этом случае требовалось не менее двух месяцев для окончания следствия и передачи дела в суд.

Крыленко и Ягода предлагали остановиться на втором варианте, с определением количества обвиняемых, примерно в 20 человек с постановкой дела через два месяца в Верховном суде. Дела по остальным группам организаций слушать во внесудебном порядке. Ввиду чрезвычайного ущерба, нанесенного вредителями, предлагалось предрешить им меру наказания – расстрел²⁶. 31 января 1933 г. Политбюро ЦК согласилось с этим предложением²⁷.

7 февраля ОГПУ направило И.В. Сталину протоколы допросов членов контрреволюционной организации в животноводстве. Показаниями ее членов устанавливалось ведение активной работы, направленной на разрушение совхозно-колхозного животноводства, главным образом путем массового заражения скота различными болезнями и истребления совершенно здорового скота. Из арестованных по Москве 20 чел. 17 сознались в предъявленном обвинении²⁸.

22 апреля народный комиссар юстиции РСФРС Н.В. Крыленко напомнил И.В. Сталину, что Политбюро ЦК ВКП(б) было вы-

несено постановление о подготовке в 2-месячный срок судебного процесса по делу организации в животноводстве. ОГПУ проведена необходимая следственная работа, собраны вещественные доказательства, задокументированы вредительские акты в ряде областей Союза. В Москву из различных частей СССР были стянуты наиболее активные члены организации — участники процесса в числе 10 чел. По Москве и Московской области, кроме того, привлечено к ответственности 10 руководящих членов организации. Все арестованные были передопрошены заместителем прокурора страны Г.К. Рогинским, произведены очные ставки между обвиняемыми, проведена экспертиза, намечены свидетели по делу с периферии.

К 23 марта подготовка к процессу была полностью закончена. Крыленко ожидая указаний Сталина, лично считал нецелесообразным судебное рассмотрение этого дела и предложил поставить его для рассмотрения во внесудебном порядке²⁹. 23 апреля 1933 г. Политбюро ЦК (опросом членов ПБ) принимает несколько иное решение, чем планировалось ранее: дело о контрреволюционной организации в животноводстве было решено поставить на рассмотрение во внесудебном порядке и смертных приговоров не выносить³⁰.

Обстановка в стране в рассматриваемый период была сложной. Проводимые реформы сельского хозяйства привели к резкому падению уровня жизни населения. Кампания по борьбе с вредительством посредством фальсифицируемых показательных судебных процессов в зерновых регионах страны, инициированных Политбюро ЦК ВКП(б), преследовала цель — репрессионная, через страх отмобилизовать усилия других на развитие животноводческой отрасли сельского хозяйства СССР.

¹ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 390. Л. 6.

² Там же. Ф. 3. Оп. 58. Д. 390. Л. 2–4.

³ Ганин А. Трудные времена в тени «Весны» Бывшие офицеры под репрессиями начала 1930-х годов // Родина. 2014. № 6. С. 95–96.

⁴ ЦА ФСБ Ф. 2. Оп. 8. Д. 62. Л. 1.

⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 390. Л. 44.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Там же. Л. 48–49.

-
- ⁸ Там же. Л. 50–52.
- ⁹ Там же. Л. 60.
- ¹⁰ Чельный А. А. Микробиолог Степан Васильевич Коршун: судьба ученого и "дело микробиологов" М., 2016. С.112.
- ¹¹ Там же. С 133.
- ¹² РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 390. Л. 61.
- ¹³ Там же. Л. 62.
- ¹⁴ Журавлев В. А. Подвиг отечественных ученых (одна из трагических историй нашей науки). Исторические науки и археология. Отечественная история. 2018, № 8 (48). С. 4–9.
- ¹⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 390. Л. 83–89.
- ¹⁶ Там же. Л. 90–91.
- ¹⁷ Там же. Л. 147–149.
- ¹⁸ Там же. Л. 153–155.
- ¹⁹ Там же. Л. 174–179.
- ²⁰ Там же. Л. 4.
- ²¹ Там же. Л. 5–7.
- ²² Там же. Л. 8–10.
- ²³ Там же. Л. 17–19.
- ²⁴ Там же. Л. 23–25.
- ²⁵ Там же. Л. 22.
- ²⁶ Там же. Л. 27–29.
- ²⁷ Там же. Л. 26.
- ²⁸ Там же. Л. 30.
- ²⁹ Там же. Л. 2.
- ³⁰ Там же. Л. 1.

Н.А. Егоров
г. Москва

Советские органы госбезопасности против Братства русской правды в Шанхае (конец 1920-х – начало 1930-х гг.)

После окончания гражданской войны в России за рубежом в среде белой эмиграции стали формироваться различные военно-политические организации, в том числе в Маньчжурии и Китае. Ряд этих организаций продолжили борьбу с большевиками путем ведения разведывательной и диверсионно-террористической деятельности против СССР. На Дальнем Востоке существовали также филиалы наиболее крупных организаций, образованных белой эмиграцией в Европе. Самым активным из них, представлявшим серьезную угрозу безопасности Советского государства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг., стал Дальневосточный центр диверсионно-террористической организации Братство русской правды (БРП).

Белоэмигрантская организация БРП была создана в 1921 г. в Берлине и основной своей целью ставила борьбу против большевиков посредством организации разведывательно-подрывной работы в СССР. В связи с этим она была тайной и имела неофициальный статус в отличие от других белоэмигрантских организаций. В ее программных листовках указывалось: «БРП – независимая, тайная, русская, национальная, противокоммунистическая, пропагандистская и боевая организация. Цель БРП – свергнуть чуждую России по духу и по составу коммунистическую власть и заменить ее подлинным национальным русским правительством». БРП сразу избрало за основное направление деятельности именно работу на советской территории, а на вооружение взяло методы диверсии и террора. Освобождение России от власти большевиков БРП планировало провести путем насаждения агентуры и ячеек в СССР и захвата власти внутри страны. Инициатива в создании этой организации исходила от высшего офицерского состава Русской армии. Группирование сил Братства относится ко времени начала издания представителем врангелевской разведки в Германии генералом В.Г. Орловым журнала

«Русская правда», ставшим впоследствии центральным печатным органом БРП. Действовала организация с одобрения великого князя Николая Николаевича и с благословения первоиерарха Русской православной церкви за рубежом митрополита Антония (Храповицкого). Одной из основных причин, послуживших толчком к организации БРП, явилась неудовлетворенность части белоэмиграции деятельностью большинства эмигрантских организаций и «засоренность» их неустойчивым элементом. Проявлением активистских тенденций программа, задачи и тактика БРП вполне соответствовали, заключались они в построении организации на военно-боевых принципах. В «Инструкции» БРП указано, что «Деятельность Братства основана исключительно на самоотверженности членов, являющихся наиболее активными людьми из среды русской эмиграции и на строгой конспирации деятельности Братства, управляемого центром, личный состав коего остается никому неведомым»¹.

Деятельность БРП развивалась достаточно быстро и в сравнительно короткий промежуток времени охватила большинство западноевропейских государств, преимущественно граничащих с Советским Союзом. Она приобрела большую популярность, чему значительно способствовала развернутая агитационная работа, в результате которой сложилось мнение, что БРП наладило большие связи в СССР. Руководящим центром БРП являлся Верховный круг, находящийся в Германии. Возглавлял его «Брат № 1» – С.А. Соколов-Кречетов. Периферия БРП состояла из ряда местных, областных и боевых центров, автономных отделов и подотделов, групп и дружин, в зависимости от территории, возможностей и масштабу проводимой контрреволюционной работы. Все начальники и руководители филиалов БРП входили в т. н. «Основной Круг», имевший иерархический характер. Кандидаты на вступление в Братство проходили тщательную проверку, после чего подписывали клятвенное обязательство и получали удостоверение члена БРП. Всем членам организации присваивались определенные «братские номера» и псевдонимы. Как правило, каждый «братчик» должен был знать только своего непосредственного начальника, не зная вышестоящих и других членов

БРП. В переписке «братчики» пользовались шифрами, кодами, называя себя только по номерам или псевдонимам².

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в городах Маньчжурии и Китая были созданы различные структуры Дальневосточного центра БРП: автономные отделы, отделы, подотделы, группы и отдельные ячейки. Для засылки на территорию СССР с целью проведения разведки и диверсионно-террористических акций формировалась партизанские отряды и диверсионно-разведывательные группы, готовились эмиссары и агентура. В 1928 г. наместником (т.е. руководителем) БРП на Дальнем Востоке стал бывший колчаковский генерал-майор П.Г. Бурлин. Основными центрами для организации деятельности БРП на Дальнем Востоке стали Шанхай и Харбин. Кроме того, отделы и ячейки Братства создавались в других населенных пунктах Китая и Маньчжурии, в Корее и Японии, а также на территории СССР³.

Одним из наиболее активных и деятельных автономных отделов БРП на Дальнем Востоке являлся Шанхайский автономный отдел, который был создан в конце 1926 г. бывшим хорунжим Оренбургского казачьего войска Г. П. Ларином. Фактически Ларин был одним из тех, кто стоял у истоков образования структур Братства русской правды на Дальнем Востоке. Наместник БРП на Дальнем Востоке П.Г. Бурлин, проживая в Шанхае, находился в тесном контакте с Г.П. Ларином. В связи с этим фактическое руководство другими структурами Братства на Дальнем Востоке, связь и взаимодействие с ними, зачастую осуществлялись Бурлиным через Шанхайский автономный отдел. Связь с Европой и другими центрами БРП также поддерживалась в основном через отдел Ларина.

Сведения из протокола допроса органами МГБ обвиняемого Х.В. Попова (бывшего члена Шанхайского автономного отдела БРП и председателя Дальневосточного отдела Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) от 8 мая 1948 г.: «Мое знакомство с Ларином Георгием Павловичем началось примерно в 1932 г. в Шанхае, когда я являлся председателем Союза русской молодежи. О Ларине я слышал, как о человеке энергичном, большом националисте и непримиримом враге Советской власти и руководителе боевой работой БРП. При каких об-

стоятельствах я познакомился с Ларином припомнить не могу, но с первых же дней знакомства я убедился в том, что Ларин является солидным белоэмигрантским деятелем. Наши отношения с ним в скором времени вылились в близкое знакомство, основанное на доверии и уважении друг к другу»⁴.

«Правой рукой» руководителя Шанхайского автономного отдела БРП Г.П. Ларина (и его хорошим другом) был бывший хорунжий Уссурийского казачьего войска С.П. Судак. Судак проживал в Харбине, где имел своих людей и вел самостоятельную работу на территории СССР, при этом с Харбинскими отделами БРП он связан не был.

28 июня 1928 г. Ларин в своем личном дневнике сделал следующую запись: «Свой отдел БРП я разделил на 4 подотдела: пропаганды, финансовый, разведывательный и боевой»⁵. Шанхайский автономный отдел БРП также подразделялся на боевые подотделы, которые непосредственно осуществляли подрывную работу против СССР с территории Маньчжурии. Начальниками боевых подотделов являлись К.Е. Карманов, Н.И. Курочкин, И.А. Стрельников. Начальник боевого подотдела (находился в Харбине) К.Е. Карманов ведал переправочным пунктом всех разведчиков БРП, посыпаемых из Шанхая.

В «Справке о БРП», подготовленной в 1931 г. Особым отделом Полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю, было отмечено, что Шанхайский автономный отдел в сравнении с другими дальневосточными отделами БРП имел достаточные средства для развертывания своей работы. Основными источниками этих средств являлись членские взносы, доходы от продажи издаваемой литературы, различные виды сборов, пожертвований и субсидий. По данным чекистов, на начало 1931 г. Шанхайский автономный отдел БРП почти регулярно имел 2,5 тыс. долларов поступлений в месяц.

В январе 1933 г. Ларин в своем дневнике сделал запись: «В целях получения больших средств на борьбу с коммунизмом я задумал создать «Русское Общество Взаимного Кредита» с лозунгом «Благосостояние рождается предприимчивостью»⁶. Это Общество было организовано Ларином в поисках постоянных средств на боевую работу БРП, и наряду с обычными финансо-

выми операциями могло выделять часть средств для Братства. Поэтому членами правления Общества подбирались близкие к Ларину люди, для которых была известна его скрытая цель. Общество было официально зарегистрировано и быстро превратилось в банк (т.н. «Белый банк»), успешно проводивший свои финансовые операции. Какие средства из кассы Общества поступали для БРП, было неизвестно, т.к. в годовых отчетах каких-либо секретных расходов показано не было.

Разведывательно-подрывную деятельность Шанхайского автономного отдела БРП против СССР можно разделить на два направления: работа на территории Китая и Манчжурии; работа на территории СССР.

На территории Китая и Маньчжурии члены БРП вели разведку (агентурную и наружное наблюдение) против учреждений и граждан СССР, в том числе, имевших отношение к Коминтерну и советским разведорганам. «Братчики» пытались устраивать против них различные провокации, диверсии и террористические акты. Например, Шанхайским автономным отделом БРП несколько раз планировалось покушение на полпреда СССР в Китае Д.В. Богомолова. Так, в 1936 г. на основе полученных шанхайской резидентурой агентурных данных Иностранным отделом ГУГБ НКВД СССР было подготовлено и разослано в заинтересованные органы сообщение о подготовке Шанхайским отделом БРП провокаций и террористических актов против работников консульства СССР в Шанхае. Оно имело следующее содержание: «Находящиеся в Шанхае начальник Шанхайского отдела бело-эмигрантской террористической организации «Братство Русской Правды» Ларин, его помощник полковник Ключарев, член БРП доктор Богунский и фашисты Данилов, Карганов и Перлинов организовали группу для увоза советских работников с целью выкупа. Одновременно эта же группа ведет наблюдение за автомобилями консульства СССР для выявления удобного случая и совершения теракта. Группой также выпущена листовка с оскорбительными выпадами против полпреда СССР и ответственных работников консульства СССР». Органами госбезопасности были приняты все необходимые меры предосторожности и предупрежден полпред СССР в Китае⁷.

Путем публикации в печати руководящие члены БРП организовывали акции по разоблачению и компрометации советских работников и учреждений в Китае, имевших отношение к деятельности Коминтерна и советских спецслужб. Активный деятель ряда эмигрантских политических организаций в Шанхае и редактор литературно-художественного журнала «Парус» Д.И. Густов (В. В. Фетисов) был тесно связан с Шанхайским автономным отделом БРП. Одной из акций по компрометации советских разведывательных органов в Шанхае стала статья Густова «Работа ГПУ в Шанхае», опубликованная в редактируемом им журнале. В этой статье автор, обобщив все имеющиеся у него данные о работе советской разведки и приводя многочисленные примеры, постарался разоблачить ее деятельность в Шанхае и раскрыть методы работы⁸.

Работа БРП на территории СССР зачастую была тесно связана с деятельностью иностранных спецслужб. В силу географического положения, засылку агентуры и диверсионных отрядов в Советский Союз, поддержку связи с ячейками на советской территории Шанхайский автономный отдел БРП осуществлял через советско-маньчжурсскую границу. Эти действия могли согласовываться и совместно организовываться со структурами БРП в Харбине и на линиях КВЖД, но чаще проводились самостоятельно от них. Для этого в Харбине и других необходимых пунктах Маньчжурии у Шанхайского автономного отдела имелись свои люди. В основном подготовка отправки «братьчиков» из отдела Ларина осуществлялась через Харбин. Кроме того, связь с «братьчиками» в СССР и других странах поддерживалась через связников и курьеров, уходящих на морских судах из шанхайского порта.

В апреле 1928 г. руководитель боевого подотдела БРП С.П. Судак совместно с активным членом Братства бывшим подъесаулом белоказачьих войск и полковником китайской армии П.К. Рудь по поручению Шанхайского автономного отдела БРП приступили к организации военной и политической разведки и формированию ячеек в Приморье. В июне 1928 г. со ст. Пограничной на территорию Приморья П.К. Рудь отправил разведывательно-диверсионную группу в составе 6 чел. Диверсанты под

руководством Рябова получили задания по проведению диверсионных актов на советской территории и сбора разведанных по линии военной разведки для китайских войск. Благодаря имевшимся у приморских чекистов оперативным данным группа диверсантов была успешно задержана⁹.

Руководитель боевого подотдела И.А. Стрельников также осуществлял свою работу в Приморье с территории Маньчжурии. В 1929–1930 гг. эта работа заключалась в организации т.н. белопартизанского движения на территории Приморья и осуществлялась под прикрытием Особого военного отдела по борьбе с коммунизмом, возглавляемого Маньчжурским митрополитом Мефодием (так как структуры БРП были законспирированы и официально не раскрывались даже в среде белой эмиграции). На территорию Приморья Стрельниковым также забрасывались агентура и эмиссары для связи с существующими ячейками БРП и организации новых ячеек¹⁰.

На подобную активность «братьчиков» в попытках проведения подрывной работы на территории СССР оперативно реагировали советские органы госбезопасности. Так, в январе 1932 г. в Никольск-Уссурийске чекистами был арестован эмиссар БРП, бывший белый офицер И.А. Поляков, нелегально прибывший из Маньчжурии. Было установлено, что Поляков в 1930–1931 гг. совершил ряд нелегальных переходов через границу из Маньчжурии на территорию Дальневосточного края. Им был организован ряд ячеек и связей БРП. Полякову Братством были поставлены задачи по организации сети баз и явок для переброски агентов БРП, подготовки к повстанческим действиям. В задачи ячеек входил также сбор разведывательных сведений. А в сентябре 1932 г. в результате спецоперации чекистов на территории Маньчжурии был ликвидирован Стрельников¹¹.

1 января 1933 г. Г.П. Ларин в своем дневнике сделал запись: «В Приморье погибли Братья руководители боевого подотдела моего Отдела – Илья Стрельников и Иван Поляков с четырьмя братьями...»¹². Сопоставление дат позволяет сделать вывод, что данная информация до Ларина дошла с существенной задержкой.

В июне 1932 г. при нелегальном переходе границы советскими пограничниками были задержаны активные члены БРП Ше-

лемех и Козлов, командированные Шанхайским автономным отделом во Владивосток для связи с ячейкой БРП, а также сбора разведданных.

В 1933 г. в связи с гибелью И.А. Стрельникова руководителем подотдела на ст. Пограничную был направлен бывший подъесаул и подполковник китайской армии И.А. Вощило. Однако в связи с жесткой политикой японцев в отношении белоэмигрантских организаций в Маньчжурии, он был вынужден перевести всех своих «братьчиков» на японскую службу, а деятельность подотдела в интересах БРП постепенно прекратилась. Захватив в 1931 г. Маньчжурию, усилия японцев были направлены на установление контроля над всеми белоэмигрантскими организациями с целью – подчинить их деятельность своим интересам. Это коснулось и структур БРП в Маньчжурии.

Шанхайским автономным отделом БРП активно осуществлялась заброска по различным каналам антисоветской агитационной литературы на территорию СССР. Так, в 1926 г. журнал «Русская правда» в количестве нескольких сот экземпляров отправлялся из Шанхая во Владивосток практически на каждом пароходе Совторгфлота¹³.

Что касается Д.И. Густова, то советские органы госбезопасности отреагировали на его «издательскую активность» и организовали результативную операцию по его аресту. 2 января 1939 г. при помощи китайских коммунистов Густов был арестован в Шанхае и вывезен в Москву. На допросе во время следствия он отрицал свою принадлежность к БРП, а основную ответственность за организацию всей активной антисоветской работы в Шанхае пытался возложить на Ларина. 15 июня 1939 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу по обвинению в шпионаже и 17 июня он был расстрелян.

Шанхайский автономный отдел БРП в своей работе был связан с рядом иностранных спецслужб. Так, агентом контрразведки Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи «х-218» в своем донесении от 4 марта 1938 г. была представлена следующая информация: «белоэмигрантская организация Братство русской правды в лице своих главных работников на Даль-

нем Востоке тесно связана с английской разведкой «Интеллиженс сервис»¹⁴.

Подобная информация подтвердилась в ходе проведения в 1930-е гг. приморскими чекистами оперативной игры «Организаторы» против Дальневосточного центра БРП, отделы которого оказались связанны с органами японской разведки в Маньчжурии и Корее, французской и английской разведок в Китае. Представители Братства пытаясь создавать нелегальные подрывные структуры в Приморье, занимались сбором разведывательной информации на флоте и в армии. Чекистам удалось организовать легендированные организации Братства во Владивостоке и других населённых пунктах, внедрить в руководящие органы БРП в Харбине и Шанхае своих людей. До 1937 г. иностранные разведки получали от «братьев» на советской территории дезинформацию, которая готовилась советскими органами госбезопасности. В свою очередь органы НКВД регулярно получали ценную информацию о замыслах БРП и иностранных спецслужб, сумев взять их устремления под контроль¹⁵.

Большим успехом советской внешней разведки можно считать вербовку в 1932 г. в Шанхае одного из крупных руководителей Братства русской правды на Дальнем Востоке. Работа этого агента сыграла роль в пресечении разведывательных и диверсионно-террористических акций Шанхайского отдела БРП против СССР, а также свертывании всей его деятельности¹⁶.

Одна из последних крупных акций БРП, организованная в Восточной Сибири с территории Маньчжурии, закончилась громким провалом вследствие успешной работы НКВД. В 1935 г. благодаря надежной агентуре в руководстве БРП в Шанхае и в результате успешно проведенной операции «Мечтатели», в Иркутске чекистами была задержана шпионская группа во главе с полковником И.В. Кобылкиным. Задержанные белоэмигранты являлись членами Шанхайского автономного отдела БРП¹⁷.

В начале 1936 г. наместник БРП на Дальнем Востоке П.Г. Бурлин прекратил принимать участие в работе Братства. Автономный отдел в Шанхае во главе с Г.П. Ларинным, переименованный в Сибирский (Красновский) отдел БРП избрал направлением своей работы Сибирь. Ларинным предпринимались попытки рабо-

тать на территории Сибири через Монголию. Однако, не достигнув особых результатов, и эта работа вскоре прекратилась.

В 1937 г. резидентура НКВД в Шанхае, действовавшая с позиций генерального консульства СССР, провела ряд мероприятий в отношении Г.П. Ларина. Советский консул в Шанхае обратил внимание местных властей на его враждебную антисоветскую деятельность. В результате Ларина вызвали в полицию, где он под угрозой высылки из Шанхая вынужден был подписать бумагу о прекращении своей враждебной деятельности. В политических кругах Шанхая распространилась и получила резонанс информация о том, что Ларин обратился в советское консульство с просьбой дать разрешение ему и его семье на въезд в СССР, а он в ответ обязуется прекратить свою активную антисоветскую деятельность¹⁸. После данных мероприятий Ларин отошел от активной работы БРП.

Проводимые советскими органами госбезопасности мероприятия и операции позволили не только своевременно узнавать планы и пресекать подрывные акции Братства, но и подавить его потенциал вести активную работу. Отсутствие результатов и перспектив своей подрывной деятельности против СССР добавили разложение в руководстве БРП в Шанхае во второй половине 1930-х гг. В целом работа советской разведки и контрразведки сыграла решающую роль в свертывании деятельности БРП в Шанхае и пресечении его подрывной работы против СССР. В 1941 г. бывшими активистами БРП в Шанхае были предприняты попытки возобновить работу Братства, которые успеха не имели. В рамках противодействия подрывной работе БРП на Дальнем Востоке отечественными органами госбезопасности был наработан ценный опыт борьбы с внешним противником по линиям контрразведывательной и разведывательной деятельности, как на территории СССР, так и за рубежом.

¹ Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды» // Проблемы Дальнего Востока. М., 2009. № 4. С. 136–137.

² Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды». С. 136–137.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 151. Л. 51–73.

⁴ Егоров Н.А. Пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности Дальневосточного Центра Братства Русской Правды // Дальневосточный форпост. 2016. № 28. С. 46.

⁵ Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска // Белая армия. Белое дело. 2015. № 22. С. 147.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Т.8. Противостояние. С.711–712.

⁸ Густов Д.И. Работа Г.П.У. в Шанхае // Парус. 1937. № 54. 20 июля. С. 37–44.

⁹ Егоров Н.А. Пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности Дальневосточного Центра Братства Русской Правды. С. 46.

¹⁰ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 43113. Л. 1, 8-9.

¹¹ Егоров Н.А., Цыбин А.Ю. Белоэмигрантские организации на Дальнем Востоке в 20-х – начале 30-х гг. ХХ в. и деятельность советских спецслужб // Проблемы Дальнего Востока. 2008. №5. С. 88.

¹² Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска. С. 148.

¹³ Егоров Н.А. Пресечение органами государственной безопасности СССР подрывной деятельности Дальневосточного Центра Братства Русской Правды. С. 47.

¹⁴ ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 4119. Л. 2–3.

¹⁵ Буяков А.М. Органы государственной безопасности приморья в лицах: 1923–2003 гг. Очерки. Биографический справочник. Владивосток, 2003. С. 59–60; ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 5019. Л. 2–14.

¹⁶ Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство Русской Правды». С. 142.

¹⁷ Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. М., 2003. С. 680.

¹⁸ Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска. С. 150.

B.A. Еронко
г. Москва

Развитие образовательных учреждений отечественных органов государственной безопасности в 1930-е гг.

Проблема профессионального ведомственного образования всегда вызывала интерес у исследователей, занимающихся историей органов государственной безопасности СССР. Актуальность этой темы определяется во многом востребованностью исторического опыта в сфере подготовки сотрудников отечественных органов безопасности¹ с целью его анализа для дальнейшего применения в организации современного учебного процесса.

Анализ научной литературы позволяет выделить совсем небольшое количество работ по этой теме в рассматриваемый период. Среди них выделяются диссертации и статьи, в частности, доктора исторических наук В. Н. Хаустова, и других отечественных историков, занимавшихся проблемами изучения ведомственного образования, например, Р. Г. Пахомова, С. Я. Ковганова, В. А. Михайлова, В. А. Ширяева.

В их работах общей чертой, на наш взгляд, является выделение, среди прочих, факта создания в 1930-е гг. развернутой сети ведомственных учебных заведений органов государственной безопасности СССР². Кроме того, в работах, в той или иной степени, делается акцент на подходах к подбору кадров, необходимости формировании научно-педагогического потенциала, передовых традиций обучения и воспитания, создании прочной учебно-методической базы, а также необходимости практикоориентированности учебной деятельности.

Вместе с тем, важно отметить, что несмотря на относительную разработанность этой темы, до сих пор остаются лакуны, для восполнения которых требуется серьезная научная проработка с использованием архивных документов.

Реорганизация органов государственной безопасности, изменения в распределении их функциональных задач, а также не менее важные изменения политической и оперативной обстановки в

конце 1929 г. – начале 1930 г. не могли не отразиться на системе ведомственного образования³.

Так, в начале 1930 гг. была создана система военно-учебных заведений ОГПУ, которая будет совершенствоваться вплоть до 1940 г., и уже к 1941 г. включать в себя:

– по линии *пограничной деятельности*:

- 1) Высшую пограничную школу;
- 2) 10 военных училищ: Ново-Петергофское военно-политическое училище войск НКВД, Московское военное училище пограничной и внутренней охраны (ПВО) НКВД имени В. Р. Менжинского, Харьковское военное училище ПВО НКВД, Саратовское военное училище ПВО НКВД, Орджоникидзевское военное училище ПВО НКВД, Ленинградское военное училище войск НКВД, Себежское специальное училище НКВД, Харьковское военно-фельдшерское училище войск НКВД, Ленинградское военно-морское пограничное училище НКВД, Московское военно-хозяйственное училище;
- 3) ряд постоянных и временных краткосрочных курсов переподготовки, усовершенствования, подготовки младших лейтенантов при управлениях округов, Высшей пограничной школе и училищах⁴.

– по линии *оперативной работы*:

- 1) Высшую школу НКВД;
- 2) 10 межкраевых школ ГУГБ НКВД СССР: Московская, Ленинградская, Киевская, Тифлисская, Ташкентская, Алма-Атинская, Ростовская, Горьковская, Свердловская и Новосибирская⁵.

В связи с нехваткой чекистских кадров в территориальных органах ОГПУ и невозможностью их подготовки в других учебных заведениях в июне 1930 г. была создана Центральная школа (ЦШ) ОГПУ, в задачи которой на тот момент входили подготовка и переподготовка оперативных сотрудников. С января 1932 г. в ЦШ начали действовать трехмесячные курсы высшего руководящего состава для переподготовки и повышения квалификации действующего состава – от начальников управлений, отделов полномочных представительств ОГПУ до начальников отделений⁶.

В этот период произошли заметные изменения и в организации учебного процесса: более четко были выделены дисциплины специального цикла; помимо штатного состава к преподавательской работе привлекались сотрудники практических подразделений из основных оперативных отделов ОГПУ. В частности, руководящие работники центрального аппарата ОГПУ В. А. Стырне, Н. Г. Николаев, А. Х. Артузов, В. М. Горожанин регулярно выступали перед обучавшимися и являлись руководителями курсов по чекистским дисциплинам. Для слушателей была организована стажировка в оперативных подразделениях, где они получали конкретный практический опыт. В приказе ОГПУ от 2 сентября 1930 г. подчеркивалась необходимость сосредоточения программ, тезисов и пособий не только на их исторической составляющей, но, в первую очередь, на «вопросах и задачах, стоящих перед органами ОГПУ... при этом нужно исходить из основной задачи подготовки практически оперативного работника»⁷. Именно связь с практической деятельностью органов госбезопасности стала одним из важнейших принципов обучения.

К 1935 г. (с образованием в 1934 г. НКВД СССР) оперативный состав отделов ГУГБ НКВД (более 5 тыс. сотрудников), прошедший различные формы специального обучения, составлял лишь около 12 % всех сотрудников⁸. Поэтому в целях повышения кадрового состава и совершенствования качества образования в том же году было объявлено о создании 10 межкраевых школ, главной задачей которых была подготовка новых кадров, при этом ежегодный набор составлял около 2 тыс. человек. Тогда как уже Центральной школе НКВД отводилась переподготовка оперативного состава наряду с еще одним видом обучения – повышением квалификации кадров оперативных отделов НКВД, а затем НКГБ СССР⁹. С этой целью были организованы курс высшего руководящего состава, курс старшего оперативного состава и курс среднего оперативного состава¹⁰.

Важным, на наш взгляд, здесь является вопрос комплектования учебных заведений. Так, первично укомплектование межкраевых школ предлагалось провести за счет коммунистов, окончивших в 1935 г. полный курс рабфаков, учащихся техникумов и других учебных заведений, имеющих опыт партийно-

комсомольской работы, а также из числа младшего командного состава пограничной и внутренней охраны войск НКВД¹¹. Вместе с тем руководство НКВД постоянно принимало меры по ужесточению требования к кандидатам на службу и, прежде всего, недопустимости привлечения к оперативной работе лиц с недостаточным образованием. Перед местными органами ставилась задача направлять для работы в органы госбезопасности политически грамотных, культурных, энергичных коммунистов и комсомольцев, способных после учебы работать в качестве оперативных сотрудников НКВД¹². По этой причине в 1937 г. была сделана попытка реорганизовать систему подготовки и переподготовки кадров не за счет увеличения сроков обучения, а путем приема в школу уже подготовленных специалистов различных областей народного хозяйства с высшим образованием и установить двухгодичный срок обучения. Та же самая тенденция наблюдается и в системе пограничных учебных заведений. В связи с поступлением на вооружение пограничных войск новых видов оружия и техники и, как следствие, ростом потребности в высококвалифицированных кадрах, были также ужесточены критерии отбора для поступающих в пограничные школы с точки зрения уровня их образования¹³.

Кроме необходимости привлечения к учебной работе сотрудников практических подразделений и формирования штата высококвалифицированных преподавателей, в 1930-е гг. ощущалась особая значимость научного труда в деле подготовки сотрудников органов госбезопасности. В этот период активно развивается и пополняется учебная и учебно-методическая база, которая первоначально состояла из застенографированных и размноженных лекций, а затем курсов лекций, в которых обобщался и анализировался практический опыт оперативной деятельности. Так, накопленный опыт научной работы и стимулирование со стороны руководства ОГПУ–НКВД образовательного процесса во многом определили качественные изменения в подготовке учебного материала, в котором теоретическая часть приобретает более системный и дидактический характер. Для того, чтобы систематизировать и централизовать работу по подготовке учебников и учебных пособий, в 1937 г. принимается решение о создании Особого бю-

ро непосредственно при наркome внутренних дел. Структура Особого бюро предполагала издательско-техническую группу и два отделения, выполняющих задачи по разработке учебных материалов по оперативной работе и следственной деятельности, по работе иностранных разведок, по истории ВЧК–ОГПУ–НКВД. Однако в том же 1937 г. работа над учебниками была временно приостановлена – главные силы органов государственной безопасности были брошены на выполнение так называемых оперативных приказов НКВД СССР и следственную работу¹⁴.

В период массовых репрессий 1937–1938 гг. по обвинениям в принадлежности к «правотроцкистскому блоку», «ягодинскому заговору в НКВД» были арестованы сотни опытных сотрудников оперативных отделов в центре и на местах, а также ряд представителей руководящего, преподавательского и слушательского состава Центральной школы НКВД. В частности, были расстреляны председатели кафедр по специальным дисциплинам (собственно начальники, заместители начальников оперативных отделов ГУГБ НКВД СССР), практически все лекторы (сотрудники центрального аппарата) кафедры «Тerror, диверсия, шпионаж и борьба с ними»¹⁵. На какое-то время эти обстоятельства внесли дезорганизацию в ход образовательного процесса и, как было сказано ранее, приостановили научную работу, в том числе по подготовке учебных материалов. Однако уже в 1939 г. 13 авторских коллективов продолжили разработку учебников по специальным дисциплинам, опираясь на знания, в том числе, начальника КРО Н. Г. Николаева, начальника ИНО З. И. Пассова и многих других арестованных сотрудников ГУГБ НКВД СССР. Причем, предварительно были созданы специальные комиссии, которые дали заключение о возможности дальнейшего использования имеющейся литературы¹⁶.

Подводя итоги, следует отметить, что в 1930-е гг. органам государственной безопасности СССР удалось создать разветвленную сеть учебных заведений по подготовке, переподготовке и повышению квалификации сотрудников, тем самым реализовать потребность в специалистах и повышении их кадрового потенциала, в особенности, к началу войны, а также в сжатые сроки обучить достаточное количество оперативных работников¹⁷. Таким обра-

зом, расширение в этот период централизованно складывающейся сети образовательных учреждений органов государственной безопасности СССР, комплектование штата профессиональных преподавателей, развитие навыка учебно-научной работы несомненно дали толчок для последующего реформирования всей системы ведомственного образования.

¹Ковганов С.Я. Подготовка военных контрразведчиков в СССР в 1935–1974 г.: опыт деятельности Новосибирской межкраевой школы – Средней специальной школы № 311: дис... канд. ист. наук. Томск, 2022. С. 3.

²Михайлов В.А. Подготовка военных кадров войск ОГПУ – НКВД СССР в 30-е годы XX века и накануне начала Великой Отечественной войны // Образование в современном мире : сб. науч. статей / Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации. 2019. Вып. 14. С. 40.

³Ковганов С.Я. Указ. соч. С. 10.

⁴Ширяев В.А. Подготовка кадров начальствующего состава пограничных войск Дальнего Востока в условиях обострения военно-политической обстановки в регионе в 1931–1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 11 (37). С. 199.

⁵Хаустов В.Н. В интересах безопасности государства: к 85-й годовщине образования Академии ФСБ России // Военно-исторический журнал. 2006. № 4. С. 41.

⁶Академия ФСБ России. 80 лет. М., 2001. С. 18.

⁷Там же. С. 19.

⁸Там же. С. 21.

⁹Хаустов В.Н. Указ. соч. С. 41.

¹⁰Академия ФСБ России... С. 21.

¹¹Ковганов С.Я., Шевляков А.С. Формирование системы подготовки кадров в процессе реформирования отечественных органов безопасности в 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 28.

¹² Там же. С. 30.

¹³Пахомов Р.Г. Подготовка пограничных командных кадров в СССР: 1918 – июнь 1941 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук. Хабаровск. 2009. С. 20.

¹⁴ Академия ФСБ России... С. 22.

¹⁵ Там же. С. 23.

¹⁶ Там же. С. 24.

¹⁷ Ковганов С.Я., Шевляков А.С. Указ. соч. С. 31.

В.Е. Морихин
г. Москва

3-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ (1932–1934): становление и развитие

История Московского пограничного института ФСБ России зарождалась в сложное время. Период конца 1920-х – начала 1930-х гг. характеризуется обострением международной обстановки, активизацией действий империалистических разведок на государственной границе СССР.

Руководство Советской республики провело целый комплекс мероприятий, направленных на укрепление обороны и обеспечение безопасности страны.

В связи с ростом технической оснащенности Вооруженных сил, дальнейшим развитием войск, повышением политического и культурно-технического уровня советских воинов остро встала проблема подготовки кадров, в совершенстве владеющих новой техникой, обладающих высокой служебной квалификацией и профессиональным мастерством.

В середине 1930 г. вопрос о подготовке командно-политических кадров для пограничных войск был поставлен в Совете Труда и Обороны (СТО). До этого пополнение пограничной охраны и войск ОГПУ офицерскими кадрами производилось за счет выпускников военных школ РККА.

Однако расчеты на пополнение пограничных частей кадрами среднего звена за счет военных учебных заведений Красной армии полностью не оправдались. В Отдел пограничной охраны и Главную инспекцию войск ОГПУ все чаще стали поступать сообщения о том, что военное ведомство не может выполнить разнарядку по откомандированию кадров начсостава в распоряжение ОГПУ, так как само ощущает недостаток в квалифицированных кадрах.

К тому же выпускники военных школ РККА, имея высокую по тому времени военную подготовку, были совершенно незнакомы с особенностями условий пограничной службы, поэтому самостоятельно на пограничных заставах работать не могли. Да-

же создание в пограничных округах и частях института практикантов (стажеров) для доподготовки выпускников военных школ РККА не решало проблемы их специальной подготовки для прохождения службы на пограничных заставах и в приравненных к ним подразделениях.

Эта проблема еще более обострилась с принятием в феврале 1931 г. Положения об оперативной работе комендантов и начальников застав. Теперь на них возлагалась полная ответственность за состояние и качество оперативной работы на охраняемом участке границы.

23 июня 1930 г. был издан приказ ОГПУ № 234 «О мерах по закреплению кадров начсостава в пограничной охране и войсках ОГПУ»¹. В нем констатировалось наличие значительного некомплекта начсостава, который должен еще более возрасти в связи с предстоящим формированием новых школ и частей.

Председатель ОГПУ потребовал от полномочных представительств, Центрального аппарата принять решительные меры по прекращению утечки начальствующего состава куда бы то ни было и приказал запретить до конца 1931 г. перевод начсостава из войск в органы ОГПУ. Было также решено сократить его увольнение в долгосрочные отпуска и прекратить без согласования с центром массовое перемещение кадров начсостава.

Таким образом, отсутствие собственных военно-учебных заведений для подготовки кадров и прекращение военным ведомством выполнения разнарядки по подготовке кадров для пограничной охраны потребовали поиска и принятия новых неотложных, более эффективных мер в деле подготовки командных кадров для пограничных войск.

К командному и начальствующему составу в то время относились военнослужащие, имевшие военную или специальную подготовку и находившиеся на руководящей работе. При этом к командному составу относились командиры подразделений, частей, соединений, а также лица, которые занимали должности, требующие обязательного командного стажа; к начальствующему составу относился военно-политический, технический, военно-хозяйственный, административный, военно-медицинский, военно-юридический состав².

5 июня 1931 г. Центральный комитет (ЦК) партии принял развернутое постановление «О командном и политическом составе РККА». Реввоенсовету СССР предлагалось расширить сеть военно-учебных заведений, укомплектовать их квалифицированными преподавателями, решительно улучшить учебную материально-техническую базу.

В постановлении говорилось: «Военно-учебные заведения – военные школы, курсы усовершенствования и академии – должны стать для всей армии подлинно ведущими центрами в боевой и политической подготовке, в овладении техникой, в военно-научной работе и обеспечивать полностью потребность армии в высококвалифицированном и в военно-техническом и политическом отношении начсоставе».

По решению ЦК ВКП (б) и СНК СССР в 1931–1932 гг. были открыты шесть военных академий, десятки военных школ и курсов усовершенствования командного состава.

В начале 1930-х гг. стали создаваться собственные пограничные школы по подготовке среднего начальствующего состава. В этой связи по решению правительства страны 14 ноября 1930 г. под Ленинградом, в Новом Петергофе, открылась 1-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ, 26 декабря этого же года был издан приказ об открытии 2-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ в г. Харькове, 4 февраля 1932 г. – 3-й школы начальствующего состава пограничной охраны и войск ОГПУ в Москве, 19 мая 1932 г. – 4-й школы пограничной охраны в Саратове. Кроме того, кадры среднего звена готовились также и в Высшей пограничной школе (ВПШ). В соответствии с приказом ОГПУ от 21 сентября 1930 г. № 313/142 в ВПШ создали штатный курс по подготовке среднего начсостава – помощников начальников застав. Из 192 зачисленных курсантов через год его окончили 173 чел.³ Причем курсантами становились старшины подразделений, помощники командиров взводов, командиры отделений и даже рядовые красноармейцы пограничной охраны – члены и кандидаты в члены ВКП(б), члены ВЛКСМ. Каждый из них подвергался испытаниям в политической, общеобразовательной и военной области, проходил медицинскую и мандатную комиссии.

Таким образом, начало истории Московского пограничного института ФСБ России было положено изданием приказа ОГПУ № 90 от 14 февраля 1932 г. о формировании 3-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ⁴.

В решении задач строительства пограничных войск 3-й школе отводилась особая роль. Она должна была обеспечить подготовку и переподготовку командно-технических кадров для пограничной охраны и войск ОГПУ.

У истоков формирования школы были бывший начальник пограничного отряда Я.Я. Бушман, назначенный начальником школы, помощник начальника школы по политической части И.И. Кочин, начальник штаба школы П.С. Зарянкин и др.

Командирами курсантских подразделений и на преподавательскую работу были привлечены наиболее подготовленный начальствующий состав и политработники войск ОГПУ и пограничной охраны, имевшие склонность к педагогической деятельности. Использовались и старые кадры военных специалистов.

Назначенные на должности командно-преподавательский состав приступил к работе, временно разместившись в трех небольших комнатах здания школы усовершенствования командного состава в Москве на Самокатной улице.

Под строительство полевого учебного центра, где планировалось первоначально разместить личный состав школы, в марте 1932 г. был выделен участок в районе Реутово Московской области. Это было заболоченное, покрытое пнями и кустарниками место. В трудных условиях бездорожья, в весеннюю распутицу, при большом дефиците транспортных средств, инвентаря, материалов началось строительство помещений под общежития, учебные классы и лаборатории, а также штаб, службы и циклы.

К середине мая 1932 г. в школу было принято 1200 курсантов⁵, в основном красноармейцев и младших командиров срочной и сверхсрочной службы. Организуется обучение по трем профильм: пехотному (готовились командиры взводов, начальники и помощники начальников застав), политическому (готовившему политработников подразделений) и связи. Кроме того, осенью 1932 г. в школу перевели курсантов первого, второго и третьего

курсов, обучавшихся по профилю связи из 1-й Новопетергофской и 2-й Харьковской школ.

Все курсанты были объединены в семь дивизионов, состоявших из нескольких курсантских взводов (обычно четырех), каждый из которых в свою очередь, делился на две учебные группы. Одновременно формировались подразделения обеспечения. Зимой 1932–1933 гг. при школе начали функционировать курсы переподготовки командного состава, где обучались командиры и техники, в том числе и из недавно созданных авиационных частей пограничных войск.

Срок обучения первого набора курсантов был разный – от 6 месяцев (пехотный профиль) до одного года (профиль связи). Из курсантов, прибывших из других училищ, были сформированы 2-й и 3-й курсы.

Летом 1932 г. реутовские лагеря во многом преобразились, впоследствии они стали местом летней учебы не только личного состава школы, но и слушателей Высшей пограничной школы ОГПУ. По соображениям безопасности стрельбище в реутовском лагере строить было запрещено, и появилось оно только в 1933 г. в районе деревни Лукино недалеко от г. Балашиха Московской области. В 1939 г. стрельбище было признано лучшим в Московском военном округе (на него не раз приезжал народный комиссар обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов). Стрельбище вместе с двумя зданиями казарм – одна для курсантов училища из СССР, другая – для выходцев из стран социалистической ориентации, составляла комплекс, который назывался Учебная застава «Лукино».

На ее территории был оборудован палаточный городок, где и собирались со всего Советского Союза абитуриенты, и в течение полумесяца здесь принимали вступительные экзамены в созданное учебное заведение.

Осенью 1932 г. школа переехала в недостроенное здание на Ленинградском шоссе, дом 3/5. Полным ходом шла работа в главном корпусе, оно завершилось только к лету 1933 г., в том числе силами слушателей. Новое четырехэтажное здание, в котором разместилась школа, было многофункциональным, поскольку имело теплый переход на уровне 3-го этажа, где находилось

управление, двух- и трехкомнатные квартиры для комсостава со всеми удобствами. Имелась спальня для курсантов с сушилками, душем, вместительный клуб, читальные залы и большая столовая. Общая площадь – 144 тыс. кв. метров. Корпуса построили из кирпича, внутренние перекрытия — деревянные, крыша — из железа.

С первых дней существования школы большое внимание уделялось спортивно-массовой работе и физической подготовке курсантов и слушателей. В 3-й школе пограничной охраны регулярно работали секции: лыжная, конькобежная, хоккейная, гимнастическая, борьбы. Спортсмены школы организационно составили 7-й райсовет Московского городского спортивного общества «Динамо».

В конце 1932 г. состоялся первый выпуск офицеров. 1200 командиров пехотного профиля получила пограничная охрана и войска ОГПУ из 3-й школы⁶. Это был значительный вклад в повышение боеспособности войск и усиление охраны государственной границы СССР.

Уже в 1933 г. обучение курсантов и слушателей осуществляли 144 преподавателя, объединившихся в несколько циклов. Срок обучения для всех принимаемых в школу установили единый — два года. Так как в штате школы не было учебного отдела, методическая работа возлагалась на штаб⁷.

Центром учебно-воспитательной работы в школе стали курсантские дивизионы с небольшим постоянным составом: командиром дивизиона, помощником командира дивизиона по политической части, освобожденным секретарем партбюро первичной партийной ячейки дивизиона, четырех курсовых офицеров (командиров взводов). Учебные группы возглавляли старосты из числа курсантов.

Ускоренный курс подготовки определенной части курсантов вызывался необходимостью ликвидировать большой некомплект командных кадров, образовавшийся в войсках в связи с увеличением численности пограничной охраны. Это было временной мерой и уже в 1933 г. для всех принимаемых в школу установили единый срок обучения — два года.

Первый набор курсантов и слушателей свидетельствовал о многопрофильности учебного заведения и ответственности задач, возложенных на него. В число учащихся школы зачислялись самые передовые, идеино закаленные пограничники.

В 1933 г. партийная прослойка в курсантских подразделениях составляла от 80 до 94 %. Наиболее высокой она была в 7-м дивизионе, где находились курсанты политического профиля и старших курсов профиля связи. Значительное количество коммунистов давало возможность иметь в каждом курсантском взводе полнокровные партийные ячейки, возглавляемые президиумами, а в дивизионах – первичные партийные ячейки во главе с партийным бюро, которые объединялись в общешкольную партийную организацию, возглавляемую партийным бюро.

В курсантских дивизионах оборудовались ленинские уголки, где работу организовывали члены совета ленинских уголков. Кроме того, в подразделениях были уполномоченные общественных организаций, которые оказывали помощь командирам и политработникам в проведении среди личного состава работы по интернациональному воспитанию, а также Общества содействия обороне, спортивного общества «Динамо» и др.

Как и по всей стране, среди курсантов развернулось социалистическое соревнование за высокие показатели в учебе и дисциплине, за право называться ударниками. Только за 1933 г. свыше 40% личного состава школы завоевали это звание, а более 10 отделений получили почетное наименование ударных⁸.

В дивизионах определялись лучшие взводы. Так, в 1933 г. в 6-м дивизионе лучшим был объявлен 5-й взвод, где курсанты имели 21% отличных оценок, хороших – 41%, удовлетворительных – 33,5%. Личным составом взвода не было допущено ни одного нарушения воинской дисциплины. Как видно из цифровых показателей, к курсантам предъявлялись высокие требования за усвоение учебного материала и оценки были единственным инструментом в повышении знаний и навыков курсантов.

Напряженная учеба сочеталась с большой работой по строительству и оборудованию учебных классов, лабораторий, казарменных помещений, лагеря и городка школы. Эта работа проводилась под девизом: «Превратим школу в образцовую».

Большое место в культурно-просветительской работе занимала художественная самодеятельность. В 1932–1933 гг. в 3-й школе пограничной охраны начали работать самодеятельные кружки: драматические, музыкальные, хоровой, литературный. Регулярно проводились смотры художественной самодеятельности подразделений. Повседневную помощь самодеятельным коллективам оказывали клуб и оркестр школы.

В феврале 1933 г. команды лыжников 3-й школы впервые приняли участие в соревнованиях между райсоветами «Динамо» г. Москвы и заняли в гонке на 10 км – 1 место, а на 20 км – 2. Также удачно выступала школа в соревнованиях на первенство Главного управления пограничной и внутренней охраны, завоевав два первых места. Участвуя в соревнованиях на первенство РККА, спортсмены-лыжники на дистанции 20 км также финишируют первыми.

В соответствии с постановлениями ЦИК СССР и приказом ОГПУ от 16 апреля 1933 г. школе было вручено Боевое Красное Знамя – символ воинской чести, доблести и славы⁹. Это явилось одновременно и признанием больших заслуг учебного заведения в подготовке командных кадров.

Под этим Красным Знаменем протекала напряженная служебная деятельность школы, а затем училища, четырнадцать лет, вплоть до 1 февраля 1947 г.

С первомайского парада 1933 г. к участию в военных парадах на Красной площади стали привлекаться курсанты 3-й школы пограничной охраны и войск ОГПУ¹⁰. С тех пор личный состав училища постоянно участвовал в военных парадах на Красной площади, представляя советские пограничные войска. Курсанты особенно тщательно готовились к ним, добиваясь высокой строевой выучки, слаженности подразделений, безукоризненного равнения шеренг. За отличное прохождение на параде командованию училища и всем участникам торжественного марша в доводенные годы дважды объявлялась благодарность наркома обороны СССР.

В предвоенные годы личный состав училища неоднократно привлекался к выполнению важных и ответственных заданий вышестоящего командования. В 1933 г. стояло жаркое, знойное

лето. В лесах и на торфяных болотах Подмосковья начали возникать пожары. Было принято решение привлечь к тушению пожаров 3-ю школу пограничной охраны и войск ОГПУ.

По несколько дней подряд, не зная отдыха и сна, работали курсанты, слушатели и командиры школы, борясь с пожарами, выполняя земляные и спасательные работы. Их труд получил высокую оценку командования.

В июле 1934 г. приказом НКВД школа стала называться «3-й пограничной школой пограничной охраны и войск НКВД СССР»¹¹, а 17 августа этого года ей было присвоено имя умершего в этом же году председателя ОГПУ В. Р. Менжинского¹².

¹ Королев А.Д. Исторический опыт становления и совершенствования системы военно-учебных заведений пограничных войск, 1918–1991 гг.: дис... канд. ист. наук. М., 1999. С. 95.

² Свод Законов СССР. 1935. № 57. Ст. 469.

³ Королев А. Д. Указ. соч. С. 96.

⁴ Исторический формуляр МПИ ФСБ России: в 7 т. М.: МПИ ФСБ России. Т. 7. С. 2.

⁵ Исторический формуляр МПИ ФСБ России: в 7 т. М.: МПИ ФСБ России, 1965. Т. 1. С. 1.

⁶ Полвека в боевом строю. М., 1982. С. 10; ЦПА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 54.

⁷ Там же. С. 9.

⁸ Полвека в боевом строю. С. 10. ЦПА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 60.

⁹ Исторический формуляр. Т. 1. С. 493; ЦПА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 1019. Л. 48.

¹⁰ Исторический формуляр ... Т. 3. С. 66.

¹¹ ЦПА. Ф. 742. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

¹² Там же. Д. 1123. Л. 41.

*В.В. Мацко
С.В. Тужилин
г. Москва*

**Противодействие советских органов государственной
безопасности подрывной деятельности Русского
общевоинского союза в межвоенный период и накануне
Великой Отечественной войны**

В современных условиях, характеризующихся ростом масштабов подрывной деятельности геополитических противников России, теоретическое осмысление и обобщение опыта работы советских органов государственной безопасности по предупреждению и пресечению деятельности русских эмигрантских организаций приобретает важное научное и практическое значение.

Самой авторитетной и многочисленной организацией Русского Зарубежья являлся Русский общевоинский союз (РОВС), в руководстве которого были видные военные деятели Белого движения – генералы П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, Е.К. Миллер, М.К. Дитерихс и др. Ни одна из белоэмигрантских организаций (как в Европе, так и на Дальнем Востоке) не имела столь централизованной организационной структуры, основанной на военной иерархии и традициях Русской императорской армии, а также столь разветвленной сети своих представительств в Русском Зарубежье, как РОВС.

Несмотря на то, что к середине 1930-х гг. финансовые возможности значительно сократились, а средний возраст старших офицеров в РОВС приближался к 60 годам¹, военно-политический потенциал организации оставался значительным. РОВС продолжал нелегально направлять своих членов в СССР с целью осуществления подрывной деятельности против советской власти и создания антисоветского подполья, добровольцы из РОВС участвовали в инспирированных Японией вооруженных конфликтах на Дальнем Востоке, гражданской войне в Испании на стороне генерала Ф. Франко, а в ходе Советско-финской войны в феврале 1940 г. группа офицеров РОВС приняла участие в формировании из пленных красноармейцев т. н. Русской народной армии.

На изменения в тактике деятельности РОВС в 1930-х гг. влияло несколько факторов. Так, похищение 26 января 1930 г. в Париже советской разведкой председателя РОВС генерала от инфантерии А.П. Кутепова способствовало усилению контрразведывательной работы в деятельности организации, направленной на предотвращение проникновения в ее ряды агентов ОГПУ–НКВД.

Новый председатель РОВС генерал-лейтенант Е.К. Миллер попытался учесть ошибки предшественника. В частности, была усиlena служба безопасности внутри РОВС и конспиративность в работе. По его приглашению в Париж переехал бывший начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачёв, который стал выполнять контрразведывательную работу в РОВС и проверку желающих вступить в ее ряды.

Параллельно этой легальной контрразведке внутри РОВС с ведома Е.К. Миллера продолжала действовать под руководством генералов П.Н. Шатилова, Ф.Ф. Абрамова и капитана К.А. Фосса засекреченная от многих членов организации т. н. внутренняя линия. В ее задачи помимо организации террористических актов в СССР входили борьба с агентурой ОГПУ–НКВД среди эмиграции, проверка лояльности членов РОВС, а также негласная засылка агентов в другие центры русской эмиграции.

Наиболее успешной акцией вышеупомянутого Фосса стало выявление в 1938 г. сотрудника ИНО ОГПУ, внедренного в ряды РОВС, которым оказался «бежавший» в 1931 г. из СССР Н.Ф. Абрамов – сын начальника III отдела РОВС генерала Ф.Ф. Абрамова. В частности, капитан Фосс с первого дня появления Н.Ф. Абрамова начал его подозревать в связях с советской разведкой, а впоследствии установил за ним наружное наблюдение, которое и привело к его разоблачению. Фоссом были получены фотографии его встреч с разведчиками советского посольства, которые он представил отцу – генералу Ф.Ф. Абрамову.

Еще одним фактором, оказавшим влияние на изменение тактики деятельности РОВС, стал окончательный выход СССР из дипломатической изоляции и вступление в 18 сентября 1934 г. в Лигу Наций, в результате чего многие государства перестали одобрять террористические методы борьбы, практиковавшиеся РОВС.

Сопротивление значительной части крестьянства политике коллективизации, проводимой советским руководством, также способствовало тому, что деятельность РОВС при Е.К. Миллере и его приемниках – генералах Ф.Ф. Абрамове, А.П. Архангельском, М.К. Дитерихсе (Дальневосточный отдел) стала направленной, прежде всего, на сохранение и подготовку кадров, способных стать во главе «антисталинской армии» в случае обострения внутриполитической обстановки в стране или начала вооруженного конфликта какого-либо государства с СССР.

Многие в руководстве РОВС были уверены, что значительная часть личного состава РККА в случае начала войны извне повернет оружие против большевиков. Это убеждение сформировалось на основе анализа настроений советских граждан, а также с учетом изучения социального состава РККА, которая по своей сути оставалась крестьянской. Не случайно генерал-лейтенант М.К. Дитерихс для «пробуждения русского народа в России от его пассивности и инертности» предполагал «установление организованной связи с населением СССР и с Красной армией; сбор сведений с мест и из армии; пропаганду»². В РОВС полагали, что крестьянство в Советской России наиболее враждебно настроено к власти, поскольку более всего пострадало в результате раскулачивания, коллективизации и внутренней политики большевиков. В связи с этим предполагалось, что в случае начала войны руководить антибольшевистскими частями будут выходцы из РОВС.

Следует также отметить, что с начала 1930-х гг. вместо опоры на сомнительные внутрироссийские организации РОВС стал опираться исключительно на собственную агентуру и постепенно начал переходить от отдельных террористических акций к шпионажу, осуществляемому как для внутреннего пользования, так и для передачи данных спецслужбам западных, азиатских стран и иностранной прессе³.

Указанные изменения в деятельности РОВС привели к тому, что предпринятая ОГПУ в 1932 г. попытка завязать оперативную игру непосредственно с Е.К. Миллером оказалась безрезультатной. В частности, завербованный в конце 1931 г. восьмым отделением Экономического управления ОГПУ бывший полковник царской армии Н.Н. Андерс (агент «Гинсбург») в марте 1932 г. был направ-

лен во Францию с целью установления контактов с Е.К. Миллером. В результате у них состоялось три встречи, на второй из которых Гинсбург сообщил председателю РОВС, что в СССР есть группы, стремящиеся восстановить «прежнюю Россию»⁴. Однако эти встречи и последующая переписка с осторожным Е.К. Миллером ни к чему не привели, т. к. он воспринимал подобные инициативные выходы как возможную провокацию советских спецслужб.

Как утверждал сам Е.К. Миллер, он был «врагом всяких бесмысленных авантюр», а в своей деятельности руководствовался заветом П.Н. Врангеля, последними словами которого были: «Берегите армию!»⁵. Главной стратегической задачей РОВС Е.К. Миллер видел сохранение кадрового потенциала организации с целью его задействования в возможном открытом военном противостоянии европейских государств с СССР.

В 1933 г. в РОВС заявляли о том, что организация пойдет на сотрудничество с государством, которое заинтересовано в свержении советской власти и образовании в России общенационального правительства. Однако, если в 1933 г. ее председатель сомневался в целесообразности установления контактов с нацистской Германией, то во второй половине 1930-х гг. Е.К. Миллер окончательно склонился к идее о необходимости сотрудничества с немцами⁶. Дальневосточному отделу глава РОВС в свою очередь указывал на необходимость укреплять связи с Японией (особенно после оккупации значительной части территории Китая), даже путем соглашения на создание на российской дальневосточной территории буферного государства.

У значительной части русской военной эмиграции возможный союз с Германией не вызывал отторжения, тем более что ее участие в Первой мировой войне также привело страну к революции и потрясениям. В связи с этим у многих видных деятелей Русского Зарубежья бывший противник Русской императорской армии вызывал больше симпатий, чем изменившие им союзники, установившие дипломатические отношения с СССР и сотрудничавшие с ним в торгово-экономической сфере⁷.

Следует также отметить, что до нападения Германии на СССР нацистское руководство в целом покровительствовало русским

эмигрантам. Так, после захвата Польши германское правительство разрешило русским, принявшим по тем или иным причинам польское подданство, возвратиться на эмигрантское положение, а также признало возможным освободить из плена тех русских, кто были призваны во время войны в Польскую армию польским правительством.

В целях подготовки кадров РОВС к возможному их использованию в будущей войне в 1930-х гг. были открыты под руководством генерала Н.Н. Головина в г. Париже и г. Белграде курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению военно-диверсионному делу новых членов организации из числа эмигрантской молодежи. На основании приказа главы Дальневосточного отдела РОВС М.К. Дитерихса весной 1931 г. в г. Шанхае и г. Харбине открылись унтер-офицерские и военно-училищные курсы, также ориентированные на военную подготовку молодых людей.

При этом заброски террористических групп по линии РОВС продолжились до середины 1930-х гг. Так, в 1930 г. Читинский оперативный сектор Полномочного представительства ОГПУ СССР по Восточно-Сибирскому краю провел агентурную разработку «Ононцы». В результате ликвидировали контрреволюционную организацию, поддерживавшую связь с русской военной эмиграцией в Маньчжурии, в частности, с членом РОВС генерал-майором И.Ф. Шильниковым. Структура базировалась в г. Чите и имела отделения в 26 населенных пунктах Читинского округа. Большинством активных членов являлись бывшие белоказаки. 20 ноября 1930 г. было арестовано 306 человек. Тогда же ОГПУ ликвидировало и другую организацию в с. Николаевском Улетовского района того же округа⁸.

В 1931–1932 гг. Западносибирское и Дальневосточное полномочные представительства ОГПУ провели совместную агентурную разработку руководства РОВС и Братства русской правды (БРП) «Таежные братья». На советской территории был ликвидирован ряд эмигрантских разведгрупп, разгромлены явки, арестованы несколько эмиссаров антибольшевистских организаций. В ходе операции агенту ОГПУ удалось проникнуть в окружение И.Ф. Шильникова, войти к нему в доверие. В результате чекисты

взяли под контроль каналы БРП на юге Сибири, а летом 1932 г. ликвидировали подпольную организацию Братства в г. Минусинске и его окрестностях⁹. Более того, советская сторона по договоренности с китайскими властями располагала свои специальные подразделения для ликвидации т. н. белых партизанских отрядов на сопредельной стороне в районах станций Маньчжурия и Пограничная.

23 сентября 1931 г. на территории СССР были обезврежены члены РОВС штабс-капитан А.А. Потехин и Д.Ф. Потто, направленные генералом В.Г. Харжевским через Польшу в Москву для разведки обстановки и создания условий для террористической деятельности. Террористов задержал Особый отдел ОГПУ на третий день пребывания в Москве.

Следует отметить, что среди дальневосточной ветви русской эмиграции РОВС и его идеи пользовались авторитетом. Его Дальневосточный отдел был создан в 1928 г. в Китае под руководством генерала от артиллерии М.В. Ханжина, которого позднее сменил генерал-лейтенант М.К. Дитерихс. Его возвращение к политической работе после многолетнего перерыва в т. ч. было вызвано похищением А.П. Кутепова. Активными членами были генералы Е.Г. Сычёв, И.Ф. Шильников, В.А. Кислицын, В.В. Рычков и др. Однако, несмотря на то, что Отдел имел семь отделений, возглавляемых опытными офицерами, развернуть масштабную антисоветскую деятельность он не мог из-за нехватки денег, непреодолимых противоречий среди эмигрантских лидеров и эффективной деятельности советских спецслужб¹⁰.

На протяжении 1929 г. отношения между Китаем и Советским Союзом достигли пика напряженности. Летом-осенью 1929 г. в Маньчжурии разгорелся вооруженный конфликт вокруг КВЖД. Руководство РОВС, на то момент отвергая путь иностранной военной интервенции и считая, что Россия «должна быть освобождена из-под власти большевиков исключительно русскими руками», так и не смогло в сложившихся условиях четко определить позицию по отношению к конфликту. Впрочем, официальные китайские власти также не спешили открыто поддержать участие белых русских в конфликте и даже препятствовали этому. Тем не менее, отдельные партизанские отряды (в которые входили и члены РОВС) перехо-

дили границу, нападали на пограничные заставы, сельсоветы, представителей советских властей.

События 1929 г. в Маньчжурии, несмотря на поражение антибольшевистских сил, способствовали консолидации русской военной эмиграции в Китае. В 1929 г. произошло объединение военных организаций г. Мукдена. В апреле 1930 г. на базе их объединения оформилось Шанхайское отделение Дальневосточного отдела РОВС. В июле т. г. начальника Отдела М.В. Ханжина по собственной просьбе освободили от занимаемой должности, и новым начальником Отдела Е.К. Миллер назначил М.К. Дитерихса¹¹.

В Европе развертывание террористической деятельности РОВС осуществлял с приграничных территорий СССР стран, в т. ч. с территории Болгарии и Румынии. При поддержке зарубежных разведок представитель РОВС в Румынии полковник В.Е. Жолондовский организовал работу по переброске в Советский Союз ряда террористов-разведчиков. В частности, в сентябре 1931 г. им были переброшены в Советский Союз баптист Барышников, с заданием создать у себя на родине в Тамбовской области антисоветскую организацию и проводить агитацию против Советской власти, в августе 1933 г. Жолондовский организовывал проникновение в СССР Флоровского и Ирошникова, а в 1934 г. – двух террористов РОВС Дмитриева и Богдановича¹².

Террористические группы, направляемые на территорию СССР, проходили специальную подготовку. Так, капитаном Фоссом для боевых групп РОВС были организованы специальные курсы, включавшие обучение навыкам стрельбы, ознакомление с бомбами, а также изучение условий жизни и быта в СССР. При этом Фосс поддерживал тесную связь с дирекцией полиции и Генштабом в Болгарии¹³.

Однако, несмотря на высокий уровень подготовки, большинство участников направляемых на территорию СССР групп задерживались органами госбезопасности. Причиной тому стала их эффективная агентурная работа. В частности, ими были завербованы: бывший начальник Корниловской дивизии генерал Н.В. Скоблин и его жена Н.В. Плевицкая, Н.Ф. Абрамов-младший, дочь бывшего министра Временного правительства В.А. Гучкова-Трейл, бывший министр экономики Временного правительства С.Н. Третьяков и

др. С помощью последнего удалось установить прослушивающие устройства в штаб-квартире РОВС в Париже на бульваре Колизеи и осуществить записи разговоров руководителей Союза.

Кроме того, органы ОГПУ–НКВД проводили масштабную работу по связям белоэмигрантов на территории СССР (родственники, знакомые, сослуживцы).

С середины 1930-х гг. РОВС стал направлять на территорию СССР своих членов главным образом с разведывательными заданиями. Так, полковник Н.А. Зуев с 1927 по 1938 гг. четыре раза проникал на территорию СССР. В 1937 г. он сумел устроиться в штаб Ленинградского военного округа¹⁴. Несколько раз на территорию Советской России проникал мичман С.С. Аксаков, которому в начале 1937 г. удалось устроиться на работу в качестве шофе-ра секретаря ленинградского обкома партии.

Достаточно эффективно РОВС действовал на территории Болгарии. Начальником разведки III Отдела РОВС капитаном Лейб-гвардии Финляндского полка Я.Г. Яренко, являвшимся также руководителем популярного в Софии салонного оркестра, были установлены связи с ответственными чиновниками секретных служб ряда государств. В частности, Я.Г. Яренко использовал выезды оркестра в Румынию, Венгрию, Польшу и Персию для контактов с сотрудниками указанных служб и организации перебросок групп русских эмигрантов на Кавказ. Последняя группа в 1940–1941 гг. готовилась для отправки через Персию, но ее отправке помешала начавшаяся война.

Кроме того, в 1938–1941 гг. при поддержке капитана К.А. Фосса Яренко организовал наружное наблюдение за служащими советского посольства в Софии. В частности, напротив советского посольства были поставлены табачные киоски, которые содержались агентурой РОВС под контролем болгарской полиции.

Однако создать подпольную сеть внутри самого СССР в условиях усиления контрразведывательной работы советских органов и войск госбезопасности руководству РОВС не удалось. Е.К. Миллер вынужден был признать необходимость в таких условиях сократить масштабы забросок на территорию СССР, чем все чаще стали заниматься иные эмигрантские организации – НСНП и БРП.

Несмотря на это советское руководство во второй половине 1930-х гг. рассматривало РОВС как действующую антибольшевистскую силу. Примечательно, что накануне, в период и позднее Советско-японской войны 1945 г. при ведении органами госбезопасности оперативно-разыскной работы на территории Маньчжурии, Китая и Кореи количество задержанных и арестованных членов РОВС отражалось в подготовленных документах отдельными пунктами (абзацами).

Тот факт, что масштабные аресты по делу РОВС производились в процессе реализации оперативного приказа НКВД СССР № 00447 «О репрессировании бывших кулаков и уголовников и других антисоветских элементов», утвержденного 31 июля 1937 г., свидетельствует о том, насколько серьезным и опасным противником советское руководство считало РОВС. Так, осенью 1937 г. народный комиссар внутренних дел СССР генеральный комиссар государственной безопасности Н.И. Ежов направил И.В. Сталину несколько докладов, в которых сообщалось о том, что НКВД ликвидировал на территории СССР «ряд крупных офицерских подпольных организаций РОВС» (Офицерскую организацию РОВС на Урале, Западно-Сибирскую организацию РОВС, Повстанческую организацию РОВС в системе Сиблага, охватывающую 17 лагпунктов и пр.). Из материалов НКВД следовало, что названные подпольные организации, насчитывавшие в своих рядах по несколько сот или даже тысяч членов, готовились поднять вооруженное восстание в СССР весной 1939 г.

Так, 13 декабря 1937 г. Н.И. Ежов сообщил И.В. Сталину телеграмму начальника УНКВД СССР по Новосибирской области старшего майора государственной безопасности Г.Ф. Горбача от 9 декабря 1937 г. о раскрытии «заговора» РОВСа (всего по делу т. н. Западно-Сибирской организации РОВС было арестовано и осуждено 15 560 чел.)¹⁵. Однако, большая часть лиц была арестована и осуждена безосновательно. Их уничтожение было связано с ликвидацией в стране т. н. пятой колонны и проведением политики репрессий¹⁶.

Главной же угрозой, исходившей от РОВС накануне Великой Отечественной войны, являлось возможное использование военно-

политического потенциала организации нацистской Германией и милитаристской Японией.

21 мая 1941 г. начальник формально выделенной из состава РОВС Организации русских воинских союзов генерал-майор А.А. фон Лампе обратился к главнокомандующему сухопутных сил вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу с просьбой, в случае начала боевых действий против СССР, предоставить чинам РОВС возможность принять участие в вооруженной борьбе с большевистской властью в России. Однако нацистское руководство не проявило заинтересованности в использовании РОВС как организационного целого.

В свою очередь на Дальнем Востоке международная и, как следствие, военно-политическая обстановка определялась, прежде всего, агрессией Японии в Китае, а также нестабильностью (ухудшением) советско-японских отношений. От политического климата в Маньчжурии зависела безопасность дальневосточных границ Советского Союза. В 20–30-х гг. XX в. здесь русскими эмигрантами было создано свыше 100 различных общественных, политических и профессиональных организаций¹⁷. Вторгшись в Маньчжурию, Япония приступила к планомерной разведке СССР. На основе тщательно собранных и изученных данных командование Квантунской группировкой войск и Корейской армии тщательно разрабатывало различные планы конкретных военных действий. О содержании многих из них, советское руководство оперативно узнавало благодаря докладам внешней разведки, военной разведки, военной контрразведки и др. органов.

Такой радикальный способ организации взаимодействия европейской и дальневосточной ветви РОВС предприняли, как свидетельствуют архивы советских спецслужб, японцы в 1933–1934 гг. Согласно справке УМВД СССР по Хабаровскому краю «О Союзе казаков на Дальнем Востоке», составленной 15 августа 1953 г., с образованием 1 марта 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го японцы, рассматривавшие оккупированную территорию Китая в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз, стали подыскивать людей, которые могли бы стать орудием в их руках в деле активизации антисоветских сил в среде русской эмиграции. Для осуществления этой цели им в то время импонировал

Г.М. Семёнов, не пользовавшийся большим авторитетом среди эмигрантов, но в то же время не связанный с эмигрантскими организациями, руководящие центры которых находились на Западе (РОВС, БРП и т. д.). Японцы стали спонсировать Семёнова (его окружение), рекламировать в газетах и даже оказывать давление на другие эмигрантские организации, стремясь подчинить их последнему. Так, например, руководителям РОВС японцы предложили объединиться с семёновцами под угрозой роспуска и запрещения их организации¹⁸.

И угроза была реализована: японцы использовали русскую эмиграцию исключительно в своих интересах и пресекли самостоятельную деятельность дальневосточной ветви против СССР. В 1938 г. всю подрывную работу в Маньчжурии против Советского Союза окончательно сосредоточили японские спецслужбы и проводили ее без какого-либо руководства со стороны русской военной эмиграции. Европейский отдел РОВС не только не оказал реальную помощь Дальневосточному, но и внес определенный разлад в его работу.

К началу Великой Отечественной войны РОВС не сумел реализовать военно-политический потенциал и со временем стал приобретать все больше черты военно-мемориальной организации, пользовавшейся среди русских эмигрантов большим уважением.

К этому времени объективно оценивало возможности РОВС хорошо информированное советское военно-политическое руководство. В марте 1939 г. И.В. Сталин пригласил в Кремль Л.П. Берио и заместителя начальника внешней разведки П.А. Судоплатова. Состоялся разговор о задачах закордонной разведки в условиях приближающейся мировой войны. Нарком внутренних дел подчеркнул, что в сложившихся условиях главной ее задачей должна стать не борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, а подготовка резидентур к войне на Дальнем Востоке и в Европе. Для добычи разведывательной информации о планах и намерениях потенциальных противников СССР главную ставку внешней разведки обязывали делать на приобретение агентов влияния из деловых и правительственный кругов Запада и Японии, которые имеют выходы на руководство своих стран и «терпимо относятся к коммунистам»¹⁹.

РОВС являлся крупнейшей военной антисоветской организацией российской послереволюционной эмиграции т. н. первой волны в Европе и на Дальнем Востоке. В силу неоднородности военных эмигрантов, внутренних острых противоречий и отсутствия лидеров, способных сплотить вокруг себя основную массу, процесс их консолидации в Китае шел сложнее и дольше, чем в Европе. Конкуренция, нежелание придерживаться субординации, склонность к «атамановщине», – все это было присуще русской военной эмиграции в Китае.

Таким образом, можно констатировать, что органам госбезопасности в рассматриваемый период удалось достаточно эффективно противодействовать угрозам, исходившим от европейских и дальневосточного отделов РОВС. Результативность указанной деятельности достигалась благодаря:

- глубокому агентурному проникновению в ряды РОВС, т. ч. в его руководящее звено;
- недопущению создания РОВС своих резидентур в крупных административных центрах СССР, прежде всего в Москве и Ленинграде, за исключением указанных выше фальсифицированных данных о «заговоре РОВС»;
- умелому внесению раскола в ряды РОВС;
- усилинию пограничного контроля, затруднявшему переброску членов РОВС на территорию СССР, что особенно стало ощущаться русскими эмигрантскими организациями на Дальнем Востоке;
- совершенствованию агентурно-оперативной деятельности в отношении как европейской, так и дальневосточной ветви русской эмиграции.

¹ Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М., 2004. С. 71.

² Смирнов С.В. Подъем и упадок Дальневосточного отдела Русского общевоинского союза (1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки № 4 (145). 2015. С. 180.

³ Антропов О.К. Политический активизм русской эмиграции 1920–1930-х гг. Монография. Астрахань, 2016. С. 452.

⁴ Мозохин О.Б. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. М., 2011. С. 346.

-
- ⁵ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 54.
- ⁶ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. С. 69.
- ⁷ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 34.
- ⁸ «Совершенно Секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Сб. док в 10 т. М., 2008. Т. 8. Ч. 2. С. 1524.
- ⁹ Егоров Н.А. Дальневосточные чекисты в борьбе с подрывной деятельностью белоэмиграции и иностранных спецслужб // Хабаровские чекисты: история в документах и судьбах. Хабаровск, 2011.
- ¹⁰ Подробнее см.: Аурилена Е.Е., Тужилин С.В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжуо-диго (1934–1945). М., 2023.
- ¹¹ Смирнов С.В. Начало формирования подразделений Русского общевоинского союза в Китае // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки №1 (136). 2015. С. 176.
- ¹² Приводится по: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 706.
- ¹³ Мозохин О.Б. Борьба советских органов государственной безопасности с терроризмом. С. 343.
- ¹⁴ Иванов И.Б. Под Русским Знаменем. Белое Дело между прошлым и будущим. М., 2017.
- ¹⁵ Архив президента РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 205. Л. 136–141.
- ¹⁶ Аблажей Н.Н. РОВС и енисейское казачество // Гуманитарные науки в Сибири: Новосибирск. Н. 2. 2004. С. 84–87; его же. «Ровсовская операция» НКВД в Западной Сибири в 1937–1938 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311 (июнь). С. 54–57; Мозохин О.Б. ОГПУ–НКГБ в борьбе со спецслужбами Японии. С. 226.
- ¹⁷ Сергеев О.И., Лазарева С.И. Российская эмиграция на Дальнем Востоке (1917–1945 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 9, 14.
- ¹⁸ Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945). Сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 77–78.
- ¹⁹ Антонов В.С. Расстрелянная разведка. М., 2012. С. 209.

В.Н. Баранов
г. Москва

О некоторых забытых страницах истории советской научно-технической разведки (1930-е –1940-е гг.)

Забытые страницы истории отечественной научно-технической разведки (НТР) отражают трудную, нередко драматическую, работу советских разведчиков довоенной и военной поры по отстаиванию ключевой значимости добываемых ими сведений о научных и конструкторских достижениях Запада для укрепления экономики и обороны советской страны.

В предвоенные годы и начале Великой Отечественной войны научно-техническая разведка НКВД–НКГБ добилась впечатляющих результатов, однако далеко не всегда удостаивалась заслуженных высоких оценок со стороны руководителей советского государства. Признавая значение добытых разведчиками информационных материалов и технических образцов для оборонной промышленности и других отраслей отечественного народного хозяйства, они во многих случаях выражали сомнение, не идёт ли информация о научных и технических достижениях западных учёных вразрез с идеологическими установками об «общем кризисе капитализма», «загнивании империалистических государств», в том числе в духовно-нравственном и интеллектуальном и отношении.

Разумеется, политические и хозяйствственные руководители страны испытывали обоснованное удовлетворение от успехов научно-технической разведки в 1930–1937 гг., последовавших после судьбоносного для нее постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., в котором впервые на политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной работы. В числе поставленных партией задач упоминалось и ведение научно-технической разведки для содействия, в первую очередь, набиравшей темпы индустриализации народного хозяйства СССР и боевого переоснащения Красной армии: добывание секретной технической информации по различным отраслям промышленности и видам вооружений, сведений о научных открытиях и изоб-

ретениях¹. Организовывало и координировало разведывательную работу по научно-технической проблематике созданное в 1930 г. 8-е отделение Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ (с 1938 г. — 10-е отделение 5-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР).

При руководящей роли этих отделений в работе по научно-технической проблематике преуспела «легальная» резидентура, действовавшая в указанный период под прикрытием советского торгпредства в Берлине. Входивший в ее состав выдающийся разведчик Г.Б. Овакимян в 1931–1933 гг. завербовал четырех агентов, через которых получал материалы, заслужившие высокую оценку Генерального штаба Красной армии и научно-исследовательского института Наркомата химической промышленности.

Так, в конце 1931 г. Овакимян установил контакт с агентом «Ротманом» — крупным немецким инженером в области химического аппаратуростроения. От него были получены документы о строительстве новых военных объектов в Германии, о наиболее современных технологиях производства синтетического бензола и селитры. На следующий год Овакимян привлек к сотрудничеству агентов: «Штронга» — ведущего инженера фирмы «Ауэр», «Людвига» — научного сотрудника фирмы «Цейс» и «Фильтра» — инженера-химика. От источников поступала документальная информация по оптическим приборам, эхолотам, средствам противохимической защиты².

Резидентурами в США и Великобритании в 1930–1938 гг. также была добыта информация по широкому кругу проблем народнохозяйственного и оборонного значения: о технологиях переработки нефти, в частности, для производства авиационного бензина, синтетического каучука, смазочных масел, красителей, об отправляющих веществах и средствах бактериологической войны, о различных типах современного вооружения и средствах связи³.

Наряду с указанным советское руководство, как видно из архивных документов, проявляло заметнуюдержанность в награждении отличившихся сотрудников научно-технической разведки, поскольку не всегда могло объективно оценить значение их достижений для экономического прогресса страны и укрепления её военно-стратегической мощи.

И.В. Сталину и В.М. Молотову в 1930–1937 гг. были направлены десятки, а в период Великой Отечественной войны – сотни спецсообщений о выполнении заданий руководства страны или о приобретении важной научно-технической информации. В общем, за 1941–1944 гг. было добыто 1167 материалов более чем на 54000 листах, из них «весыма ценных» – 113 (4565 листов), «ценных» – 498 (13635 листов), «не получивших еще оценки» – 467 (32508 листов). В промышленности было реализовано 616 работ (в том числе многие – в послевоенный период). Однако на спецсообщениях практически нет хвалебных резолюций высших руководителей государства или их детализированных указаний о направлениях дальнейшего разведывательного освещения конкретных научно-технических проблем. Это контрастирует, например, с восторженными комментариями И.В. Сталина, оставленными им на полях перечней предложений о присуждении советским специалистам государственных (Сталинских) премий за научно-технические достижения⁴.

Во многом такое отношение объяснялось укоренившимися еще с 1920-х годов идеологическими установками о том, что научно-технический прогресс при капитализме – это в первую очередь фактор экономического угнетения трудящихся масс. И.В. Сталин и другие руководители страны не видели необходимости скрупулезно копировать все научно-технические новации Запада, большинство из которых были якобы порождены нездоровой капиталистической конкуренцией или стремлением к «бесшабашной эксплуатации»⁵ рабочих. Научно-технические достижения, считали тогдашние теоретики классовой борьбы, в условиях социализма могут быть использованы во много раз эффективнее без конкурентной суеты и перманентной модернизации, поскольку социализм не испытывает, в отличие от капитализма, непреодолимого состояния «общего кризиса», вызванного антагонистическими противоречиями между трудом и капиталом. Благодаря плановой системе социалистической экономики средства производства, считали они, морально вообще не устаревают, а более низкая, чем на Западе, производительность труда в СССР носит временный характер⁶. Она вызвана подрывной деятельностью классовых врагов (чаще всего в форме вредительства), недостаточно ответственным отно-

шением трудящихся к работе и «расхлябанностью» отдельных руководителей⁷.

Отсюда понятна свойственная 1930–1940 годам абсолютизация «железного» порядка и дисциплины на производстве как главных факторов победы социалистического народного хозяйства над экономикой капитализма и стремление укреплять их, в первую очередь, угрозами наказаний и обвинений. Касательно научно-технических достижений капитализма, освещаемых научно-технической разведкой, считалось, что наряду с пользой для советской экономики и военного дела они могли принести и вред, так как нередко базировались на постулатах «ложенаук» – генетики, кибернетики, вейсманизма-морганизма, бихевиоризма и т.п. Поэтому относиться к добытым материалам, отражающим эти достижения, следовало, по мнению вождей партии, с классовой бдительностью и критической настороженностью⁸.

Ориентируясь на господствовавшие политические взгляды и установки, руководитель органов безопасности Лаврентий Павлович Берия, к примеру, по многу месяцев воздерживался от направления главе государства некоторых важных спецсообщений научно-технической разведки, упуская драгоценное время для принятия адекватных мер, а отдельные добытые ею материалы вообще относил к разряду «дезинформации по отвлечению людских и материальных ресурсов нашей страны от военных целей». Например, 25 сентября 1941 года руководитель научно-технической разведки НКВД Леонид Романович Квасников доложил наркому госбезопасности сообщение из резидентуры в Лондоне о том, что в Великобритании принято решение о начале исследовательских работ, связанных с ураном-235. Л.П. Берия не только отказался в это поверить, но и предупредил Л.Р. Квасникова о недопустимости «постоянного превознесения успехов западных ученых»⁹.

Известный разведчик С.М. Семёнов, добывший в США ценные материалы по атомному проекту и микробиологическим разработкам, был уволен в 1940-е гг. в возрасте 42 лет из внешней разведки без пенсии за «увлечение» «кибернетикой, проявления аполитичности и фривольные высказывания»¹⁰.

Не удивительно, что после массовых чисток отечественных разведорганов 1934–1937 гг., в ходе которых было репрессировано не менее 275 сотрудников внешней разведки, научно-техническое направление восстанавливалось медленнее других. В 1938–1942 гг. разведывательная работа по нему официально не была оформлена в качестве самостоятельного организационного направления (линии) деятельности внешней разведки. Так называемая «техническая» разведка как отдельное звено сохранялась только в 5-м (англо-американском) отделе. В 1940 г. это подразделение пополнилась молодыми разведчиками, только что окончившими Школу особого назначения. Им и пришлось принять на себя значительную часть груза ответственности за возрождение научно-технической разведки и за решение возложенных на нее войной задач. В США были командированы А.С. Феклисов и А.А. Яцков. Летом 1942 г. отделение технической разведки было образовано также в составе 3-го (европейского) отдела, а в июле 1943 г. в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) в 1-м управлении НКГБ был образован самостоятельный отдел НТР. В 1943 г. Л.Р. Квасников возглавил в Нью-Йорке самостоятельную резидентуру научно-технической разведки. В Лондон выехал В.Б. Барковский¹¹. Благодаря этому по линии научно-технической разведки были достигнуты значительные успехи¹².

Следует упомянуть еще один важный политический фактор, который вынуждал советских партийных и хозяйственных руководителей, несмотря на подозрительное отношение к новациям из-за рубежа, активно заимствовать с помощью разведки научно-технические секреты Запада, хотя они в ряде случаев вносили диссонанс в систему пропаганды абсолютного превосходства социализма над капитализмом во всех сферах и отношениях.

Как свидетельствуют исторические источники, И.В. Сталин – жёсткий прагматик, мыслитель-реалист – до конца жизни придерживался сформулированной еще В.И. Лениным установки на неизбежность решающего вооруженного столкновения с миром капитализма.

По этой причине в соответствии с принципами советской внешней политики (остававшимися в основном неизменными до

XX съезда КПСС, состоявшегося в 1956 г.) война между капиталистическими государствами и СССР в силу агрессивной природы капитализма представляла собой фатальную неизбежность, а их мирное сосуществование рассматривалось как передышка между такими войнами, будучи формой классовой борьбы, являющейся подготовкой сторон к войне двух антагонистических систем. Этот подход к грядущей войне между ними нашел свое отражение и в полевом уставе Красной армии (декабрь 1936 г.), а также в принципе подготовки вооруженных сил для заранее предопределенного нападения классового противника и немедленного переноса после сокрушительного контрудара военных действий на территорию врага¹³.

Было очевидно, что подобная концепция не могла реализовываться без внимательного изучения и творческого заимствования передовых научно-технических достижений Запада, прежде всего, для того, чтобы нейтрализовать его прорывы в области вооружений и военной техники. Это, в свою очередь, предопределяло неизбежность возрождения накануне Великой Отечественной войны научно-технической разведки и неуклонное повышение ее роли.

Такое повышение было тем более необходимо, что по ряду военно-экономических направлений Западу удалось существенно оторваться от Советского Союза. Прежде всего это был прорыв в обеспечении массового качества при производстве оружия и боевой техники.

Например, боевые характеристики советских танков (не только нового танка Т-34 и тяжелых танков серии КВ, но и танков БТ-7 и БТ-8) были на уровне основных немецких моделей. Однако качество их технического исполнения оставалось, в отличие от западных стран, неприемлемо низким. Так, по пятилетнему плану (1938–1943 гг.) перевооружения Красной армии стоимость государственного заказа на танки, бронемашины и самоходные орудия составляла 2324 млн руб., а величина расходов на запасные части и капитальный ремонт планировалась на уровне 6082 млн руб., т.е. 262 процента (!) от стоимости новых закупок. Другими словами, заранее предполагалось, что каждая деталь в любом танке, ввиду низкого качества, будет заменена два-три раза. Вре-

мя «жизни» советского танка в наступательном бою во время Великой Отечественной войны составляло в среднем 9 минут¹⁴. Очевидно, для того, чтобы сравняться с Западом по качеству боевой техники, советской военной промышленности необходима была помочь научно-технической разведки.

Боевые характеристики советских самолетов в предвоенный и военный период отличались от западных также незначительно. Вместе с тем, качество их заводского производства разительно отставало от зарубежного уровня, о чем красноречиво свидетельствуют цифры. Боевые потери советских военных самолетов в 1941–1945 гг. составили примерно 45000, небоевые потери (аварии, поломки на земле и в воздухе и т.п.) – 46000 самолетов. В порядке помощи от стран антигитлеровской коалиции Советский Союз получил 18300 самолетов (13,2 % от всех поставок самолетов в Красную армию за период войны). Качество производства зарубежных летательных аппаратов было таково, что их небоевые потери исчислялись единицами процентов¹⁵. Поэтому потребность советской авиационной отрасли в обеспечении добротности ее продукции при содействии разведки была бесспорной.

15 мая 1941 г. немецкий «Юнкерс-52» вторгся в советское воздушное пространство и приземлился на Центральном аэродроме в Москве возле стадиона «Динамо». Миновав все посты противовоздушной обороны (ПВО), «Юнкерс» пролетел по маршруту Белосток – Минск – Смоленск – Москва (аналогичный полет из Финляндии в Москву совершил в мае 1987 г. немецкий летчик-любитель М. Руст (1968 г.р.), который на спортивном самолете «Сессна» приземлился на Красной площади. Руст был осужден советским судом на 4 года заключения, но через 14 месяцев был выпущен на свободу). Это событие продемонстрировало низкую боеготовность советских войск ПВО, в том числе из-за полного отсутствия в 1941 г. радиолокационной службы. В то же время радиолокационная служба Великобритании успешно боролась с налетами немецкой авиации на Лондон и основные промышленные центры. Понятно, что научно-техническая разведка обязана была познакомить отечественных специалистов с достижением английских радиолокаторщиков.

Освещение проблем радиолокации стало выдающимся достижением научно-технической разведки в годы Великой Отечественной войны, расширившим боевые возможности всех родов войск. НТР добыла много полезных сведений по теории радиолокационных устройств, о схемных решениях и элементной базе, а также инструкции по использованию и наладке радиолокаторов для авиации, ПВО и военно-морского флота. О значении добытых материалов свидетельствует отзыв председателя Совета по радиолокации академика А.И. Берга на информацию, полученную в 1944 г. и состоявшую из 1236 листов текста, 5383 фотографий, 165 чертежей, 78 образцов деталей. В отзыве говорилось, что при насущной необходимости развивать у нас эту технику в кратчайшие сроки для своевременного оснащения нашей армии и флота радиолокационным вооружением и оружием, защиты от радиолокации противника полученные от разведки технические сведения имели большое государственное значение. Работу 1-го управления НКГБ в этой области за истекший год признали «выполненной блестяще».

Несмотря на очевидные успехи советских врачей в области военно-полевой хирургии и лечения раневых инфекций сульфаниламидными препаратами, нашей стране в первые годы Великой Отечественной войны остро не хватало действенных лекарственных средств на основе антибиотиков для борьбы с патологическими процессами, обусловленными внедрением в раны бойцов на поле боя патогенных микроорганизмов (гнойной инфекцией, дифтерией раны и др.). Поэтому закономерно встал вопрос о налаживании в СССР собственного производства пенициллина. Американские союзники поставляли в СССР лишь готовые лекарства, отпуская нам партии пенициллина в кредит или в подарок в объемах, которых не хватало даже для нужд одного фронта. Вместе с тем они не раскрывали при этом промышленной технологии его производства. Без поддержки научно-технической разведки и эту важную для обороны проблему решить оказалось невозможно.

Однако наиболее существенным научно-техническим прорывом западных стран (первоначально ученых Великобритании, США, Германии, Швеции, Италии; при всеобъемлющей затем концентрации прорывных научных исследований только в США)

стал выход на стадию опытно-конструкторских разработок в области использования атомной энергии, вплотную приблизивших эти государства к созданию разрушительного оружия огромной мощности. Несомненная заслуга внешней разведки в том, что она своевременно привлекла внимание политического руководства нашей страны к ведущимся на Западе работам по созданию принципиально нового оружия и постоянно держало его в курсе событий.

Объективная необходимость в совершенствовании научно-технического и технологического обеспечения курса страны на решение насущных экономических и, прежде всего, оборонных задач предопределило издание ГКО в июле 1941 г. специального предписания, в котором определялась тематика получения технической информации преимущественно военного характера. «Легальным» резидентурам в Нью-Йорке и Лондоне было предложено сосредоточиться на получении секретной информации о:

ведущихся исследованиях использования урана как нового источника энергии, проектировании и эксплуатации урановых реакторов;

радиолокаторах для армии и флота, применении миллиметрового диапазона, портативной радиоаппаратуры;

высотных и специальных самолетах, агрегатах и приборах для них, авиамоторах мощностью свыше 2000 л.с.;

гидроакустических средствах обнаружения кораблей в море;

средствах ведения бактериологической войны, отравляющих веществах и средствах защиты от них;

синтетических каучуках и продукции основной химии;

переработке нефти, производстве высокооктанового горючего и высокосортных смазок.

Рекомендовалось также получать информацию о теоретических и экспериментальных исследованиях в наиболее важных областях науки и техники, особенно тех, которые могли повлечь за собой появление принципиально новых видов военной техники и промышленных технологий¹⁶.

Вторая мировая война была временем зарождения реактивной авиации. На повестку дня вышла проблема преодоления скорости звука. Потребовались создание тонких аэродинамических профи-

лей, иные методики расчета корпусных частей самолетов на прочность, конструкционные материалы, способные выдержать большие динамические и тепловые нагрузки. Возникла проблема разработки принципиально новых и эффективных реактивных двигателей.

Получаемые НТР сведения стали достоянием отечественной авиационной промышленности, помогли переходу на выпуск передовой авиационной техники. Так, например, «легальная» резидентура НКВД СССР в Англии 1 августа 1942 г. сообщала в Центр:

«Нами проведена вербовка “Пирата”, от которого 26 июля был получен первый материал – совершенно секретный документ с теоретическими расчетами газовых турбин и использования реактивной силы струи воздуха. Материал написан итальянским экспертом по реактивным двигателям Парпавичини, находящимся сейчас в Англии, и представляет собой теоретические основы нового типа самолетных двигателей...»¹⁷.

Наркомат авиационной промышленности лестно отозвался в 1945 г. о переданных разведкой 68 подборках материалов по самолетостроению, 43 – по реактивной технике и 14 – по двигателестроению: «Большинство этих материалов являются ценными, особенно актуальными явились сведения о реактивной технике (реактивные двигатели, самолеты-снаряды, именуемые в настоящее время “дронами¹⁸-камикадзе” и пр.) и по аэродинамике высокоскоростных полетов¹⁹.

Появление в период Второй мировой войны новых видов оружия вызвало к жизни новые средства защиты подводных лодок и надводных кораблей. В целях борьбы с новыми типами мин и защиты от них были созданы электромагнитные и акустические тралы, введено размагничивание корпусов кораблей. Размагничивание корабля – искусственное изменение магнитного поля корабля для снижения вероятности его подрыва на магнитных минах. Различают два вида размагничивания корабля – обмоточное и безобмоточное. В первом случае на корпусе корабля монтируются специальные кабельные обмотки, на которые подается постоянный ток, создающий магнитное поле противоположной направленности корабельному полю и его нейтрализующее. Об-

мотки, источники питания и аппаратура управления называются размагничивающим устройством. Во втором случае корабль подвергается воздействию внешнего знакопеременного магнитного поля, создаваемого импульсами постоянного тока в специальных обмотках, временно накладываемых на корпус корабля или уложенных на грунте. Размагничивание в этом случае выполняется на стационарных или подвижных станциях безобмоточного размагничивания, причем такая обработка должна производиться периодически, так как с течением времени магнитное поле корабля постепенно восстанавливается²⁰.

Положительную оценку наркомата обороны промышленности получили материалы лондонской «легальной» резидентуры НКГБ СССР о размагничивании кораблей. 12 июля 1941 г. резидентура сообщала:

«Для борьбы с магнитными минами существует два способа:

1. Бомбардировщик, оборудованный сильным магнитом, пролетает бреющим полетом над поверхностью воды. В результате искажении поля земного магнетизма мина взрывается. Времени между действием взрывателя и взрывом вполне достаточно для удаления самолета на безопасное расстояние. Для взрыва мин достаточно изменения силы поля земного магнетизма на 25 миллигауссов.

2. Размагничивание корпуса корабля. Судно окружается рядом перевитков, рассчитанных так, что искажение поля земного магнетизма, вызываемое кораблем, нейтрализуется. На практике, однако, это трудноосуществимо, так как магнитное поле вокруг корабля достаточно сложно, а сам корабль нельзя рассматривать как простой магнит потому, что он состоит из комплекса отдельных магнитов, каждый из которых должен быть нейтрализован. Нейтрализация считается достаточной, если магнитное поле вокруг корабля будет в пределах 10 миллигауссов нормального поля земного магнетизма. Таким образом, трудности заключаются в измерении силы поля с необходимой точностью и быстротой. Подобное измерение необходимо проводить, по крайней мере, в 100 точках вокруг корабля...»²¹.

В 1942 г. советскими разведчиками в США добыта подробная информация о технологии производства новейшего для того вре-

мени препарата – антибиотика «пенициллин», который в возрастающих количествах требовался советским госпиталям и больницам для спасения сотен тысяч больных и раненых на войне солдат, а также очищенный штамм этого антибиотика большой концентрации.

Хотя пенициллин был открыт английским микробиологом А. Флемингом еще в 1929 году, однако подлинную революцию в медицине совершили его последователи – соотечественники Х. У. Флори, и Э.Б. Чейн, которым удалось выделить пенициллин в чистом виде. По малопонятным причинам английский парламент отказался финансировать экспериментально-промышленный выпуск пенициллина. Это и побудило Х.У. Флори уехать в США для продолжения экспериментальных работ. Здесь он довел этот чудо-препарат до лечебной практики, позволив людям побеждать болезни, уносившие год за годом миллионы жизней.

Задание добыть штамм чистого пенициллина было поручено талантливому разведчику, вышеупомянутому С.М. Семёнову, который с ним блестяще справился. Через агента оперработник познакомился с одним из научных руководителей фирмы, производящей пенициллин. Зная, что его новый знакомый недолюбливал номенклатурных светил американской науки, разведчик решил сыграть на этом: он начал превозносить его научные достижения, приглашать в рестораны и делать дорогие подарки. Через некоторое время объект был привлечен к сотрудничеству с разведкой на материальной основе. Стремясь иметь побольше денег, американец согласился передать С.М. Семёнову несколько образцов штаммов очищенного пенициллина²². Впоследствии от источника были получены и материалы по технологии производства данного высокочистого вещества.

Сведения НТР о технологических тонкостях процессов производства в таких важных для СССР областях науки и техники, как атомная энергия, авиация, реактивная техника, радиолокация, магнетизм, химическое и бактериологическое оружие, биотехнологии, нефтепереработка, производство высококачественных горюче-смазочных материалов, синтетических каучуков и других материалов, существенно помогли отечественной науке и техни-

ке сберечь время и средства при ликвидации отставания от капиталистических стран и выходу на передовые позиции.

Авторы исторических и пропагандистских публикаций за рубежом склонны создавать у читателей впечатление, что СССР не только в годы Второй мировой войны, но и за весь период своего существования беззастенчиво заимствовал у «бескорыстного» Запада все, что только попадало под руку сотрудникам советской научно-технической разведки. Беспристрастные документы свидетельствуют, что подобные тенденциозные обобщения не соответствуют действительности.

Например, американские специалисты в области военно-полевой медицины нескрываемо восхищались новыми методиками лечения, которые советские врачи разработали в период боевых действий 1940-х гг. Особенно отмечались следующие «достижения русских»:

хирург А.В. Вишневский разработал методику трансплантации пациентам нервов, взятых у мертвых;

обширные раны лечат, покрывая их повязкой из специально обработанной брюшины – внутренней оболочки брюшной полости – животных. Эта неординарная “повязка”, разработанная профессором Н. И. Краузе, “прилипает” к поврежденным тканям, обеспечивая их надежную защиту; после ее применения остается лишь небольшой шрам;

врач Б. А. Кудряшов наладил в Москве масштабное производство тромбина – беловатой жидкости, способствующей свертыванию крови и останавливающей кровотечение. Он объясняет: «Этот фермент [тромбин] впервые был получен в 1912 году... Американским ученым удалось выделить тромбин, но они получают его в крайне малых объемах. Не так давно я нашел способ получать тромбин тысячами литров, и сегодня он используется во многих госпиталях нашей страны»;

медсестры в Красной армии всегда имели при себе 200 граммов (примерно 6 унций) крови «универсального» типа в специальной ампуле, названной по имени ее изобретателя, доктора П. Л. Сельцовского из Киева, — снабженной стерильной резиновой трубкой, иглой и фильтром. Таким образом переливание крови раненому можно сделать еще до выноса с поля боя.

«В результате нет оснований не верить утверждениям русских о том, что смертность среди раненых в их госпиталях составляет не более полутора процентов, – подчёркивали функционеры общественного фонда Russian War Relief, Inc. – Если эти сведения точны, их медикам удалось добиться беспрецедентного результата, превосходящего даже достижения американских военных врачей, которым посчастливилось спасти 96 процентов раненых при нападении на Перл-Харбор».

В ходе контактов советских и американских специалистов в годы Великой Отечественной войны вся интересовавшая их информация о новых методах и технологиях лечения раненых была передана американцам безвозмездно; по этому поводу всемирно известный журнал «Тайм» в ноябре 1942 г. опубликовал хвалебную статью²³, выдержки из которой здесь и приводятся.

В годы войны НТР накопила богатый опыт ведения разведки в сложных условиях. Образовался немногочисленный по составу коллектив сотрудников, для которого были характерны слаженная, эффективная и маневренная система работы, атмосфера товарищества. Была воспитана плеяда оперработников, способных на большие свершения, умеющих не только решать нелегкие оперативные и информационные задачи, но и избегать фатальных ошибок. Эти разведчики военных лет составили костяк реорганизованного в 1945 г. аппарата научно-технической разведки.

Основой успехов НТР явилось то, что разведчики с полным пониманием своей ответственности за судьбу Родины участвовали в справедливой войне против фашистских захватчиков и подчиняли свою деятельность лозунгу Великой Отечественной войны: «Все для фронта, все для Победы!». В целом НТР добилась результатов, позволивших ей затем успешно действовать в период холодной войны, подготовить опытных разведчиков, способных решать сложные оперативные и информационные задачи²⁴.

¹ Антонов С. «Пусть уходит. Жалеть не будем!» // Независимое военное обозрение. 2008. 21 октября (№ 558).

² Чернопруд С. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачёва. М., 2002. С. 62–72.

³ Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. Т. 4, 1941–1945 годы. М., 2007. С. 424.

-
- ⁴ Барковский В.Б. Информационная работа внешней разведки по военно-политической, военно-экономической и научно-технической проблемам накануне Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 95–121.
- ⁵ Ленин В.И. «Научная» система выжимания пота. ПСС. Т. 23. С. 17–20.
- ⁶ Об этом подробнее см., например: Ленин В.И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти». ПСС. Т. 36. С. 140–145; он же. Система Тейлора – порабощение человека машиной. ПСС. Т. 24. С. 369–371.
- ⁷ Сталин И.В. Итоги первой пятилетки: Доклад 7 января 1933 г. // Правда. 1933. 10 и 17 января; он же. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // Правда. 1928. 17 мая; он же. Головокружение от успехов // Правда. 1930. 2 марта.
- ⁸ Подробное изложение данной идеологической установки см. в: О положении в биологической науке: Стенографический отчёт сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина 31 июля – 7 августа 1948 г. М., 1948.
- ⁹ Данильчук А. Россия делает сама. Советской атомной бомбе исполнилось 55 лет // Газета. 2004. 31 августа.
- ¹⁰ Разведка — это моя главная жизнь // Военно-промышленный курьер. 2007 г. 11 октября.
- ¹¹ Очерки истории российской внешней разведки... С. 425.
- ¹² Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Изд. дом «Нева», 2001. С. 49.
- ¹³ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 127–128.
- ¹⁴ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР 1921–1941. М., 2001. С. 223.
- ¹⁵ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. М., 2001. Глава V. С. 470–477.
- ¹⁶ Очерки истории российской внешней разведки... С. 426.
- ¹⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Том III. Кн. 2. «От обороны к наступлению». (1 июля – 31 декабря 1942 г.). С. 98.
- ¹⁸ Название «дрон» происходит от английского drone — самец пчелы, трутень, издающий монотонное журчание. Насмешливое прозвище устройства стало нарицательным – *прим. автора*.
- ¹⁹ Очерки истории российской внешней разведки... С. 432.
- ²⁰ Советская военная энциклопедия. М., 1979. Т. 7. С. 42.
- ²¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне / Сб. документов. Том II. Кн. 2. «Начало». (22 июня — 31 августа 1941 г.). С. 307.
- ²² Военно-промышленный курьер. 2007. 11 октября.
- ²³ Red Medicine // Time. 1942. November, 23.
- ²⁴ Очерки истории российской внешней разведки... С. 433.

М.Ю. Литвинов
г. Москва

Иностранные спецслужбы и некоммерческие неправительственные и международные организации: страницы истории

Иностранные спецслужбы в ходе проведения своей разведывательной и иной деятельности, направленной на нанесение ущерба Российской Федерации, постоянно изменяют свою тактику, применяют новые методы в работе. В течение последних нескольких десятилетий сотрудниками контрразведывательных подразделений ФСБ России была отмечена повышенная активность работающих в нашей стране иностранных неправительственных организаций (ИННО). Причем, подавляющее большинство из них занималось активным сбором разнообразной (в том числе и закрытой) информации и пыталось оказать влияние на происходящие в стране политические процессы. Также были получены данные о том, что деятельность таких организаций координируется и направляется иностранными спецслужбами.

Много вреда стабильному функционированию государственных институтов нанесли неправительственные организации иностранных государств на Северном Кавказе.

Например, правоохранительными органами были задокументированы факты пособничества членам бандформирований и лицам к ним причастным со стороны отдельных ИННО на территории кавказских республик. Так, при перевозке оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в т.ч. поясов «шахидов», в составе бандгруппы в 2006 г. был задержан представитель ИННО «Ворлд Вижн», использовавший для прикрытия преступной деятельности документы о принадлежности к штатному составу организации и принадлежавший ей автомобиль. При оказании вооруженного сопротивления, члены бандгруппы были нейтрализованы.

Со стороны ИННО «Международный комитет спасения» (МКС) (США) были зафиксированы попытки объединения «на местах» социально активных слоев населения, создание оппозиционных органам власти молодежных групп, для чего функцио-

нерами МКС также реализовывались проекты, официально заявленной целью которых провозглашалось повышение национальной терпимости и толерантности. При этом, для участия в семинарах и групповых тренингах, проводимых в рамках указанных проектов, иностранной стороной привлекались, как правило, формальные и неформальные лидеры школьных и вузовских коллективов. Обращает на себя внимание тот факт, что функционерами МКС были отклонены все предложения об участии представителей местных органов власти в данных проектах.

Еще до начала СВО, в 2015 г. Министерство госбезопасности ДНР выслало с территории республики семерых представителей гуманитарной миссии МКС, подозреваемых в шпионаже. По данным ополченцев, члены миссии работали в районах линии соприкосновения с украинской армией и собирали данные о численности военных сил республики¹.

Проведенный нами анализ исторического опыта деятельности отечественных органов государственной безопасности показывает, что тактика использования иностранных неправительственных организаций в интересах спецслужб далеко не нова.

Так, сразу же после окончания Гражданской войны, в 1920 г., чекистами была отмечена активизация деятельности иностранных спецслужб на территории страны. Помощник начальника Особого отдела ВЧК Р. Пилляр отмечал в 1921 г., что «если раньше, во времена Гражданской войны, при наличии фронтов и красного террора разведывательная работа была чрезвычайно рискованной и опасной для агентов буржуазных государств, если раньше генеральным штабам этих государств налаживание шпионской сети в республике стоило громадных средств и усилий, то теперь им предоставлена возможность вести разведывательную работу почти без всякого риска, с минимальной затратой денежных средств, пользуясь своими дипломатическими, торговыми и другими представительствами».

Наиболее показательна в этом отношении деятельность американской неправительственной организации АРА.

Американская администрация помощи (англ. American Relief Administration, ARA) – негосударственная организация, существовавшая в США с 1919 г. до конца 1930-х гг. В СССР актив-

ную деятельность вела до середины 1920-х гг. Первоначально в её задачи входило оказание помощи пострадавшим от голода 1920-х гг. путем направления им адресной продовольственной помощи.

Следует отметить, что АРА закупила и завезла в СССР продовольствия на сумму около 78 млн долларов, из которых 28 млн – деньги, выделенные правительством США, 13 – советского правительства, остальные – благотворительность, пожертвования частных организаций.

Однако большое число американских кадровых офицеров среди сотрудников АРА в России насторожило сотрудников органов госбезопасности. Было установлено, что наряду с выполнением гуманитарной миссии, сотрудники АРА занимались сбором разведывательной информации.

После полуторагодичного наблюдения за работой АРА было установлено, что эта организация помимо помощи голодающим вела определённую политическую работу, направленную против советской власти.

Помимо разведывательной работы, представители АРА в России стремились использовать ситуацию и для личного обогащения: проводили незаконные валютные операции, скупали драгоценности, золото, предметы церковной утвари, произведения искусства и антиквариат².

В записке начальника Осведомительного отдела ИНО ВЧК Я. Залина от 26 января 1922 г. указывалось, что «результаты систематического наблюдения за деятельностью «АРА» заставляют в срочном порядке принять меры, которые, не мешая делу борьбы с голодом, могли бы устраниТЬ все угрожающее в этой организации интересам РСФСР. Американский персонал подобран большей частью из военных и разведчиков, из коих многие знают русский язык и были в России, либо в дореволюционное время, либо в белогвардейских армиях Колчака, Деникина, Юденича и в Польской (Гавард и Фокс – у Колчака, Торнер – у Юденича, Грегг и Финк – в Польской и т.д.).

Американцы не скрывают своей ненависти к Соввласти (антисоветская агитация в беседах с крестьянами – доктором Гольдером, уничтожение портретов Ленина и Троцкого в столовой –

Томпсоном, тосты за восстановление прошлого – Гофстр, разговоры о близком конце большевиков и т.д.).

Для работы в своих органах АРА приглашает бывших белых офицеров, буржуазного и аристократического происхождения, подданных окраинных государств и, таким образом, сплачивает и концентрирует вокруг себя враждебные Соввласти элементы (в Самарском отделении – офицеров, принимавших участие в чехословацком восстании; Петроградском – Юденические; в Казани – колчаковские; в Москве – княгиня Мансурова, княгиня Нарышкина, княгиня Куракина, графиня Толстая, баронесса Шефлер, Протопопова и др.).

Сотрудники АРА как американцы, так и набранные здесь, пользуясь предоставленными им привилегиями, первым по договору, вторым по нашей нерешительности, безнаказанно занимаются бешеной спекуляцией, вывозом в крупных размерах ценностей из РСФСР. Занимаясь шпионажем, организуя и раскидывая широкую сеть по всей России, АРА проявляет тенденцию к большему и большему распространению, стараясь охватить всю территорию РСФСР сплошным кольцом по окраинам и границам (Петроград, Витебск, Минск, Гомель, Житомир, Киев, Одесса, Новороссийск, Харьков, Оренбург, Уфа и т.д.).

Из всего вышеуказанного можно сделать лишь тот вывод, что вне зависимости от субъективных желаний, АРА объективно создает на случай внутреннего восстания опорные пункты для контрреволюции как в идейном, так и в материальном отношении».

Одна из баз организации была создана в Риге. По данным отечественных органов госбезопасности, в латвийской миссии АРА насчитывалось 55 сотрудников. Ее возглавлял полковник армии США Реян и сотрудник американских спецслужб Гейд. За тесное сотрудничество с латвийскими государственными органами и предоставление информации о Советской России полковник Реян был награжден латвийским орденом «Лачплесис».

Деятельность АРА в Латвии была прекращена в 1923 г.

В работе против СССР американские спецслужбы использовали также и другие организации, например, «Американский Красный крест», «Союз северо-американских христианских

юношней», но их деятельность большого размаха в СССР не получила, а к середине 1920-х гг. филиалы этих организаций в СССР были ликвидированы.

В преддверии начала Великой Отечественной войны на территории СССР значительно активизировалась немецкая разведка.

В разведывательных целях использовались торгово-экономические связи Германии с Советским Союзом, немецкие переселенческие учреждения, созданные в Прибалтике в соответствии с советско-германскими соглашениями о репатриации немецкого населения.

В этот период наиболее активные резидентуры немецкой разведки действовали в Прибалтийских республиках под видом комиссий по репатриации и других учреждений.

Немецкие переселенческие комиссии были укомплектованы бывшими работниками германских дипломатических учреждений, работавших в Латвии, Литве и Эстонии до установления советской власти, в том числе кадровыми сотрудниками разведорганов. Они могли свободно передвигаться и общаться с жителями, что способствовало подбору будущих агентов. В основном к сотрудничеству привлекались националисты, творческая и научная интеллигенция, бывшие сотрудники госаппарата и военные.

В августе 1940 г. в Риге была раскрыта германская разведывательная сеть, работавшая под прикрытием акционерного общества УТАГ (нем.: Umsiedlungs Treuhand Aktiengesellschaft, UTAГ), которое занималось решением имущественно-правовых претензий прибалтийских немцев, репатриировавшихся в Германию. Подробные сведения о деятельности УТАГ были получены после ареста бывшего главы национал-социалистской партии Латвии Я. Штельмахера, которого УТАГ пыталось тайно вывезти в Германию среди ящиков с мебелью. Было установлено, что под крышей УТАГ работали германские разведчики З. Бухард, М. Прокоп, Н. Красовский и другие³.

Активную деятельность в Прибалтике УТАГ развернул в 1939 г. после подписания СССР договоров с Прибалтийскими республиками о создании там военных баз. Начиная с 1940 г. (после вхождения Прибалтики в СССР) УТАГ начал создавать нелегальные резидентуры из числа националистов, которые активизи-

ровались весной 1941 г. и значительно способствовали быстрому захвату Прибалтийских республик немецкими войсками летом 1941 г.

Таким образом, иностранные спецслужбы пытались работать под прикрытием различных гуманитарных организаций еще в довоенный период. Однако благодаря хорошей работе отечественной контрразведки их деятельность была пресечена.

¹ Американский «комитет спасения» выдворили из ДНР за шпионаж // Planetoday.ru. URL: <http://www.planetoday.ru/amerikanskij-komitet-spaseniya-vydvorili-iz-dnr-za-shpionazh/> (дата обращения: 15.12.2023)

² Макаров В.Т., Христофоров В.С. Новые данные деятельности Американской администрации помощи (APA) в России // Новая и новейшая история. 2006. № 5.

³ Веверс Я. Не зная тишины. Документальный очерк чекиста. Рига, 1970. С.8–9.

В.Н. Середа
г. Москва

Пограничники в бой вступили первыми

Разгром Германией Польши в короткий срок, исчезновение ее как государственного образования, и последовавший за этим ввод войск Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии потребовали от руководства страны принятия срочных мер по обеспечению безопасности СССР на новых рубежах, в том числе организации их охраны и обороны.

В этих целях в течение 1939–1940 гг. на новой государственной границе было выставлено 40 пограничных отрядов и 5 отдельных пограничных комендатур (80% (69773 чел.) всех пограничных войск западных погранокругов, из них 47% (40963 чел.) приходилось на Белорусский и Украинский пограничные округа. Каждый пограничный отряд имел штатную численность 2000–2200 чел. Вооружение — легкое стрелковое¹.

В числе других был сформирован и 90-й (Владимир-Волынский) пограничный отряд. Автор этих строк в 1970-е гг. проходил службу на 1-й пограничной комендатуре (г. Владимир-Волынский) Львовского пограничного отряда, заставы которой в свое время входили в состав 90-го пограничного отряда.

В 1970-е гг. на участках многих пограничных застав Львовского пограничного отряда еще сохранялись следы ожесточенных боев на границе (взорванные доты, полуразрушенные окопы). В составе отряда было 8 именных застав, в том числе Героев Советского Союза В.В. Петрова, Ф. В. Морина, А.В. Лопатина, С.С. Пустельникова, И.М. Середы. Личный состав пограничных подразделений хорошо знал героическую историю своих застав. На именные пограничные заставы каждый год направлялись призывники — земляки героев-пограничников. Тем самым обеспечивалась преемственность разных поколений воинов в зеленых фуражках, на конкретных примерах героических будней солдат границы велось патриотическое воспитание молодого поколения послевоенных лет.

90-й пограничный отряд был образован 25 сентября 1939 г. на базе 18-го пограничного отряда войск НКВД Белорусского округа в н.п. Житковичи Гомельской области (Белорусская ССР). Штатная численность – 1862 чел. Формирование проводили начальник 18-го пограничного отряда майор Горшков, военный комиссар батальонный комиссар Ушенко, вновь назначенный начальник штаба майор Худяков за счет личного состава этого отряда, других частей войск НКВД СССР. Кроме того, в часть прибыли курсанты полковых школ войск НКВД в количестве 353 чел. Формирование части было закончено 6 октября 1939 г. Она получила наименование – «90-й (Владимир-Волынский) пограничный отряд Белорусского округа НКВД СССР». В этот же день в соответствии с приказом начальника войск округа отряд выступил к новому месту дислокации – в г. Владимир-Волынский, совершая марш двумя группами.

12 октября 1939 г. в 7.30 подразделения комендатур отряда походным порядком выдвинулись к местам размещения по берегу реки Западный Буг. 13–14 октября 1939 г. отряд полностью приступил к несению службы по охране советско-германской демаркационной линии.

11 ноября 1939 г. отряд в соответствии с приказом НКВД СССР от 8 октября 1939 г. № 001197 был передан из Белорусского округа в состав Украинского округа войск НКВД СССР.

По состоянию на март 1940 г. в составе отряда имелось 3 пограничные комендатуры, 12 линейных и 3 резервные пограничные заставы. На восполнение образовавшегося некомплекта личного состава из других пограничных отрядов и частей войск НКВД прибыло 643 чел.

До 22 июня 1941 г. личный состав отряда, выполняя задачи по охране государственной границы, задержал несколько тысяч нарушителей, ликвидировал около 20 организаций ОУН. Произошло несколько боестолкновений с группами ОУН, пытавшихся прорваться за границу.

С 10 по 21 июня 1941 г. пограничными нарядами было задержано 8 эмиссаров ОУН, которые были переброшены на нашу территорию с целью установления связи со своими единомышленниками в Волынской области. С приближением начала войны с

германской территории стали отмечаться факты обстрела наших пограничников. Так, в ночь с 14 по 15 июня 1941 г. в районе г. Устилуг с немецкого берега реки Западный Буг был обстрелян пограничный наряд 4-й пограничной заставы².

Со стороны руководства НКВД СССР в тот период принимались жесткие меры по организации охраны государственной границы на новых рубежах. Так, согласно приказу НКВД СССР от 27 декабря 1939 г. № 001527 «Об усилении охраны государственной границы западных областей Украинской ССР» для обследования состояния охраны государственной границы вновь образованными на территории западных областей Украинской ССР пограничными отрядами и принятия необходимых мер к наведению порядка, исключающего всякую возможность безнаказанного нарушения Государственной границы СССР, была направлена группа работников Главного управления пограничных войск (ГУПВ) НКВД СССР во главе с заместителем наркома внутренних дел³.

В предвоенный период большое внимание в пограничном отряде было уделено совершенствованию боевой подготовки, строительству на пограничных заставах оборонительных сооружений.

Так, в соответствии с Директивой ГУПВ НКВД СССР от 7 января 1941 г. № 19/10030 предписывалось действующую систему обучения личного состава дополнить проведением сборов на базе резервных застав при пограничных комендатурах, преобразованных в учебные резервные заставы. В этих целях также предлагалось использовать маневренные группы при пограничных отрядах.

На каждой пограничной заставе был отработан план действий по боевой тревоге. Реальность действий по нему проверялась в ходе проведения учебных тревог, учений, групповых занятий.

На основе опыта советско-финляндской войны в системе оборонительных сооружений пограничных застав получило широкое распространение строительство блокгаузов с круговым обстрелом. К 22 июня 1941 г. на всех пограничных заставах на западной границе было построено по 3–4 и более венчатых блокгаузов на внутреннем кольце обороны застав. Последующие события и первые бои на границе показали своевременность принятых мер по строительству оборонительных сооружений.

22 июня 1941 г. 90-й пограничный отряд встретил первый день Великой Отечественной войны под командованием начальника отряда майора Бычковского М.С., военного комиссара-батальонного комиссара М.С. Ушенко, начальника штаба капитана В.Г. Зернова, коменданта 1-й пограничной комендатуры (ПК) майора Неплюева, коменданта 2-й ПК старшего лейтенанта Говорова, коменданта 3-й ПК капитана Федотова, коменданта 4-й ПК капитана Бершадского, начальника маневренной группы капитана Дмитриева.

О предполагаемом переходе немецкой армии в наступление в 4.00 22 июня 1941 г. командованию отряда стало известно в 0.30 22 июня 1941 г. от перебежчика – военнослужащего 222-го пехотного полка 74-й пехотной дивизии немецкой армии А. Лискофа, задержанного пограничниками 4-й ПК. На допросе он показал, что 21 июня на занятиях командир взвода лейтенант Шульц разъяснял подчиненным, что немецкими войсками был получен приказ – 22 июня 1941 г. на рассвете начать наступление против Советского Союза и взводу предстоит после артиллерийской подготовки на плотах форсировать р. Западный Буг⁴.

Кроме того, Лискоф заявил, что личным наблюдением им было установлено, что артиллерия заняла огневые позиции, танки и пехота — исходное положение для наступления.

Немедленно об этих данных начальником отряда майором Бычковским было доложено по прямому проводу начальнику погранвойск УССР и поставлены в известность командующий 5-й армией, а также командиры 87-й стрелковой и 41-й танковой дивизий. Одновременно были поставлены в известность все коменданты участков, которым было приказано держать заставы в боевой готовности.

В 3.00 коменданты участков доложили по телефону начальнику отряда, что на немецком берегу, вдоль всего берега р. Западный Буг, особенно на участке 4-й комендатуры, слышен большой шум моторов, однако непосредственно на границе спокойно.

Ровно в 4.00 г. Владимир-Волынский отряд был подвергнут сильному артиллерийскому обстрелу. Управление отряда было немедленно приведено в боевую готовность. В 4.05 в небе появилось до 15 немецких самолетов, которые начали бомбить город и железнодорожную станцию. В это же время с 6-й заставы позво-

нили в штаб отряда и доложили, что немецкие части (танки и пехота) перешли р. Западный Буг по железнодорожному мосту и пошли в глубь нашей территории; территория заставы обстреливается артиллерийским и минометным огнем, здание заставы горит, и до батальона пехоты немцев ведет наступление на заставу. Личный состав занял блокгаузы и ведет бой. На этом связь была прервана. Связь с 1-й, 2-й и 4-й комендатурами была прервана с началом артобстрела и никаких сведений от них не поступило.

В дневнике начальника Генерального штаба Сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера за 22 июня 1941 г. было записано: «Пограничные мосты через р. Западный Буг и другие реки всюду захвачены в полной сохранности».

Следует отметить, что вопрос о необходимости минирования мостов неоднократно ставился командованием 6-й армии перед командованием Киевского особого военного округа (КОВО), в том числе 18 июня 1941 г. в специальном сообщении на имя командующего КОВО генерал-полковника М.П. Кирпоноса. Окончательная резолюция командующего: «Начальнику штаба. Дайте указание руководствоваться планом прикрытия», в котором никаких указаний по мостам не было.

О наступлении немецкой армии командование отряда немедленно доложило по прямому проводу начальнику погранвойск УССР. Для восстановления связи с комендатурами и проведения разведки на автомашинах были выброшены разведывательные группы.

В течение 23–24 июня 1941 г. личный состав пограничного отряда вел бои на границе, находясь в оперативном подчинении команда 87-й стрелковой дивизии (сд) 15-го стрелкового корпуса (ск).

25 июня арьергардные бои в районе населенных пунктов Войница и Торчин совместно с подразделениями 135-й сд 27-го ск, находясь в оперативном подчинении 135-й сд.

26 июня 1941 г. отряд был передан в оперативное подчинение командиру 31-го ск, где 26–27 июня вел оборонительные бои в районе населенного пункта Колки, находясь в составе 200-й сд.

28–29 июня участвовал в районе г. Луцка в составе 195-й стрелковой дивизии⁵.

О том, как воевали пограничники 90-го пограничного отряда, свидетельствуют следующие данные. С 22 июня по 4 июля 1941 г. подразделения отряда при защите государственной границы вывели из строя 2336 гитлеровцев, из них 1400 были убиты, взяли в плен 101 гитлеровца, уничтожили 6 танков, 30 пулеметов, сбили 1 самолет, захватили 34 пулемета, 835 винтовок, 25 автоматов, 3 миномета, собственные потери составили 50% личного состава.

Согласно постановлению СНК СССР от 25 июня 1941 г. № 1756-762сс задачи по охране тыла Действующей Армии (ДА) были возложены на НКВД СССР. В соответствии с этим документом 26 июня 1941 г. заместителем наркома внутренних дел было отдано приказание № 31 о том, что все войска НКВД СССР, оказавшиеся в зоне боевых действий, привлекались к охране тыла ДА.

В связи с этим 4 июля 1941 г. на основании решения Военного совета Юго-Западного фронта и директивы начальника пограничных войск УССР подразделения 90-го пограничного отряда начали выходить из боя для последующего выполнения задач по охране коммуникаций 5-й армии.

По состоянию на 6 июля 1941 г. вышедшие подразделения сосредоточились в г. Корыстень (всего 450 человек). Выход пограничников из боя продолжался до 15 июля 1941 г. С 6 июля 1941 г. отряд приступил к несению службы по охране коммуникаций 5-й армии и был преобразован в 90-й пограничный полк войск НКВД СССР по охране тыла Действующей Армии. За все годы войны личный состав полка с честью выполнял поставленные задачи, по результатам которых неоднократно отмечался командованием. За образцовое выполнение боевых заданий на фронтах борьбы с немецко-фашистскими захватчиками 90-й пограничный Карпатский полк войск НКВД был награжден орденом Красной Звезды.

Первые дни боев на границе показали, что силу пограничников множило сознание ответственности за доверенное народом, государством дело обороны Государственной границы СССР от врагов. Как писал германский офицер своей жене накануне вторжения: «У русских, кроме пограничников, никто не окажется наготове в момент нашего вторжения, а пограничники будут смыты мгновенно».

Немцы рассчитывали в 20–30 минут уничтожить пограничные заставы, овладеть г. Владимир-Волынский и продвинуться дальше в тыл советских войск. Но эти планы были сорваны уже в первый день начавшейся войны. Неприятной неожиданностью для командования и личного состава вермахта стала стойкость и выносливость советского солдата, его готовность к самопожертвованию.

Как отмечал участник сражений на Восточном фронте, убежденный нацист Г. Метельман: «Русские зарекомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки в расовом превосходстве»⁶. В свою очередь, генерал-полковник Э. фон Клейст констатировал: «Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряженных боях»⁷.

Второе рождение Владимир-Волынского пограничного отряда связано с освобождением Украины от немецко-фашистских захватчиков и выходом советских войск на Государственную границу СССР. Еще до начала проведения стратегических операций на территории Украины и Белоруссии (операция «Багратион») в соответствии с приказом НКВД СССР от 6 мая 1944 г. на территории Харьковской области началось формирование пограничных отрядов, которым предстояло в последующем взять под охрану Государственную границу Советского Союза на довоенных рубежах. В частности, 28 мая 1944 г. в с. Подворки Дергачевского района Харьковской области проводилось развертывание 98-го Любомльского пограничного отряда в составе управления, 5 пограничных комендатур, 20 линейных и 5 резервных пограничных застав, одной маневренной группы, 4 контрольно-пропускных пунктов, подразделений обеспечения. Общая численность отряда – 1630 чел. Формирование было закончено 9 июня 1944 г. В период с 25 июня по 1 августа 1944 г. отряд передислоцировался в г. Любомль.

В последующем на его базе был вновь сформирован 90-й Владимир-Волынский пограничный отряд. В его составе было 3 пограничные комендатуры, 16 линейных застав и 3 резервные заставы,

подразделения обеспечения. С первых же дней возвращения на до-военные рубежи командованием пограничного отряда было приложено много усилий по восстановлению картины первых дней боев на границе, установления судьбы пограничников, членов их семей. В этом большую роль сыграли опросы местных жителей, уцелевших за годы фашистской оккупации, осмотр мест дислокации пограничных застав довоенного времени, их оборонительных сооружений. По восстановлению картины первых боев на границе большая работа была проделана львовским писателем В. Беляевым и ветераном пограничных войск полковником в отставке В. Платоновым.

Происходившие в середине 1950-х гг. сокращения в Советском Союзе Вооруженных Сил, о чем в современных условиях стараются не вспоминать, затронули и пограничные войска. В июне 1953 г. было принято решение расформировать 90-й Владимир-Волынский пограничный отряд. Его подразделения (3 пограничные комендатуры, 16 линейных и 3 резервные пограничные заставы, подразделения обеспечения) вновь вошли в состав 98-го Любомльского пограничного отряда. Впоследствии в соответствии с приказом МВД СССР от 10 марта 1956 г. № 0063 в процессе продолжавшейся реорганизации на его базе была сформирована 1-я пограничная комендатура (место дислокации г. Владимир-Волынский) и 9 пограничных застав, которые вошли в состав 7-го орденов Кутузова III степени и Александра Невского пограничного отряда войск МВД СССР Юго-Западного пограничного округа.

Практически в таком составе пограничные подразделения на Волыни и Львовщине существовали до раз渲ла СССР и появления независимой Украины. Несмотря на складывающуюся обстановку в этой республике жители приграничных районов Волынской области берегут память о воинах в зеленых фуражках. В г. Устилуге, перед мостом через реку Западный Буг, на месте, где были расстреляны захваченные в плен раненые пограничники, установлена Стелла в память о воинах границы. В 70-летнюю годовщину образования пограничного отряда по инициативе активистов г. Владимир-Волынского местными властями была установлена мемориальная доска на здании бывшего католического монастыря (улица Даниила

Галицкого – бывшая улица Устилугская). В 75-летнюю годовщину в местной газете была опубликована статья И.П. Селивановой под названием «Гордимся героями-пограничниками». На официальном уровне в условиях складывающейся обстановки каких-либо торжественных мероприятий, как ранее планировалось активистами г. Владимир-Волынского, не проводилось.

По мнению автора, реалии нынешней политики правящей украинской верхушки, развязанная ею антироссийская, русофобская кампания затронули ранее сложившиеся традиции в тех подразделениях пограничных войск, где в 1941 г. встретили Великую Отечественную войну герои-пограничники.

На взгляд автора, для усиления патриотического воспитания нынешнего поколения в России, сохранения преемственности и увековечения памяти героев-пограничников – уроженцев России – целесообразно присвоить их имена некоторым подразделениям пограничных органов ФСБ России и зачислить их навечно в списки личного состава.

Возродить традицию призыва и направления на действительную военную службу призывников – земляков героев-пограничников в именные пограничные отделения (засставы).

¹ Сечкин Г.П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в военных операциях: монография. М., 1976. С. 17.

² Пограничные войска СССР 1939 – июнь 1941. М., 1970. С. 390.

³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сборник документов. Т.1 Накануне: Кн. 1. (ноябрь 1939–декабрь 1940). М., 1995. С. 143.

⁴ ЦА ПС ФСБ России. Ф. 14. Оп. 224. Д. 4136. Л. 85.

⁵ ЦГА МО РФ. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 509. Л.12–13.

⁶ Метельман Э. Утерянные победы. М.; СПб, 1999; Лавренов С. Особенности политico-стратегического планирования Германией войны против СССР // Обозреватель-Observer. 2015. № 1(300). С. 64.

⁷ Цит по: Медеил-Гарт Б. Они умеют защищаться и стоять насмерть // Другая война, 1939–1945 гг. М., 1996. С. 379.

И.Н. Верешков
г. Симферополь

**Расследование органами безопасности преступлений,
совершенных нацистами и их пособниками на Керченском
полуострове в 1941 г.**

В своём докладе я хотел бы представлять результаты исследования архивных документов из государственных и ведомственных архивов, отражающие факты злодеяний нацистов и их пособников в отношении местного населения Керченского полуострова в 1941 г. и примеры расследования советскими органами безопасности этих военных преступлений. Исследование проводилось в рамках Всероссийского проекта «Без срока давности», целями которого является увековечивание памяти погибших мирных граждан, исследование всех обстоятельств уже известных событий и выявление новых фактов нацистских преступлений против мирного населения нашей страны.

Одним из трагических эпизодов истории нацистской господства в Крыму являются факты военных преступлений оккупантов на Керченском полуострове. В годы Великой Отечественной войны эта территория дважды была оккупирована вражескими войсками в ноябре – декабре 1941 г. и с мая 1942 г. по апрель 1944 г.

В конце октября – начале ноября 1941 г. войска 51-й армии, оборонявшие Крым, с боями отходили в сторону Керченского полуострова. Был создан Керченский оборонительный район, однако организовать длительную оборону и остановить наступление противника не удалось. 16 ноября 1941 г. советские войска были эвакуированы на Таманский полуостров¹.

Уже во время эвакуации гражданского населения с Керченского полуострова началось уничтожение нацистами мирных граждан. Так, 4 ноября 1941 г. теплоход «Рот Фронт», эвакуировавший около 600 специалистов завода им. Войкова и членов их семей, затоплен в Керченском проливе вражеской авиацией. Не смотря на очевидное гражданское предназначение транспорта, корабль был атакован самолетами люфтваффе, спаслось всего около 30 человек².

С середины ноября до конца декабря 1941 г. немецко-румынскими войсками на Керченском полуострове был установлен жесткий оккупационный режим. Передвижение в населенных пунктах и по дорогам без разрешения местных комендатур каралось расстрелом. Местное население обязали регистрироваться в местных управах и на бирже труда для направления на принудительные работы, евреи проходили отдельную регистрацию. Кроме того, был издан приказ о сдаче немецкому командованию имеющегося продовольствия, неисполнение которого каралось расстрелом³.

21 ноября 1941 г. в Керчи нацистскими карателями были повешены партизаны Москаленко, Ланкин и один неизвестный. 27 и 28 ноября 1941 г. расстреляны около 300 жителей поселка Самострой за убийство в этой местности немецкого солдата.

28 ноября 1941 г. немецким командованием был издан приказ № 4 о сборе на следующий день всего еврейского населения в Керчи на Сенной площади, за невыполнение которого грозил расстрел. Накануне был распространен слух о переселении евреев в «гетто» на территории совхоза Маяк-Салынского района.

Несколько тысяч мирных граждан после сбора были помещены в городскую тюрьму, а затем на грузовых машинах группами по 30–50 человек были вывезены к противотанковым рвам возле поселка Багерово. Здесь у людей отбирали одежду, продовольствие и ценности, а затем расстреливали⁴.

Весь период первой оккупации Керченского полуострова нацистами продолжались аресты и убийства мирных жителей. Людей отправлялись в тюрьму, где в условиях тесноты и антисанитарии они подвергались насилию и избиениям со стороны нацистских карателей и их приспешников.

Архивные документы хранят ужасные эпизоды преступлений оккупантов в отношении женщин и детей. Цитата: «Многих женщин и девочек-подростков отделили от остальных заключенных... их насиливали, отрезали им груди, вспарывали животы, отрубали руки, ноги, выкалывали глаза. После изгнания немцев из Керчи 30 декабря 1941 года красноармейцами во дворе тюрьмы

была обнаружена бесформенная груда изуродованных голых девичьих тел, дико и цинично истерзанных фашистами»⁵.

Одним из самых чудовищных преступлений гитлеровцев за все время оккупации Керчи стало отравление 245 детей. Учеников керченских школ отправили за город в заводскую школу, где накормили отравленными сильнодействующим ядом продуктами, а также смазывали им губы детей. Школьников старших классов вывезли на 8 километров от города и расстреляли, туда же вывезли трупы отравленных детей⁶.

Карательные операции производились нацистами на Керченском полуострове в отношении людей различной национальной, партийной и классовой принадлежности. В первые дни оккупации были расстреляны члены ВКП(Б): председатель Ак-Монайского сельсовета Гордиенко, председатель Киятского сельсовета Мизенко, руководитель элеватора станции Семь Колодезей Бараукова и директор хлопкопункта Останина.

В болгарской деревне Марфовке гитлеровцы расстреляли беспартийных крестьян-болгар Арабаджиева и Почекуева, изнасиловали трех девушек болгарок. В деревне Чигерчи Ленинского района, из-за услышанного немецким патрулем выстрела, был расстрелян на глазах всех жителей колхозник Бондаренко. Оккупантами были изнасилованы несколько женщин из сел Тайгуч, Коп-Кичак и Мамат Ленинского района. В деревне Либкнехтовка Маяк-Салынского района, староста выгнал из дома на мороз Галицкую с малолетними детьми⁷.

В поселках Камыш-Бурун и Старый Карантин нацистские каратели арестовали и расстреляли в противотанковом рву 273 мирных жителя. Свидетельница этих событий П.И. Герасименко рассказала о них: «В Старом Карантине гитлеровцы убивали людей в квартирах. 26 ноября немецкие бандиты, без предупреждения, подложили противотанковую мину под дом, в котором проживала семья Остапенко. В 2 часа ночи того же дня произошел сильный взрыв... Под развалинами были заживо погребены: Остапенко Емельян Яковлевич, его жена Екатерина Анисимовна и их внучата Анна 3-х лет и Миша 8-ми лет. Таким варварских способом фашисты уничтожили свыше 40 семей»⁸.

Накануне первого освобождения Керчи советскими войсками в декабре 1941 г. нацисты буквально охотились за скрывавшимися евреями и расстреливали их прямо на улицах. Так был убит зубной врач Серетинский и его жена.

Бойцами Красной армии в тюрьме Керчи были обнаружены: труп советского разведчика Еремина, зверски замученного на допросе, и труп инструктора Керченского ЗАГСа Частухина, которому немцы переломали и вывернули руки и ноги. Там же обнаружено тело советского разведчика Скородуба, который в течение двух суток висел подвязанный за руки к потолку⁹.

В декабре 1941 г. возле станции Семь Колодезей на двух высотах обнаружены трупы свыше 300 расстрелянных мирных жителей, которых нацисты, вероятно, планировали угнать в рабство. На дороге от Керчи до Феодосии после отступления вражеских войск было найдено множество трупов жителей города и поселков.

Из трофейных документов, обнаруженных Красной армией в 1942 г. в Керченской управе и СД, стало известно, что гитлеровцы 3 января 1942 г. планировали уничтожение нескольких тысяч человек – крымчаков, караимов, представителей интеллигенции и других горожан¹⁰.

Одними из первых на освобожденных от вражеской оккупации землях Крыма начали документировать факты нацистских преступлений командиры Красной армии и партизанских отрядов, сотрудники НКВД Крыма.

В результате оперативно-следственных действий органами госбезопасности установлено, что главными виновниками преступлений против мирного населения Керченского полуострова являлись члены айнзацкоманды 10-б, которую возглавлял оберштурмбанфюрер СС А. Перштерер. Карательными операциями в Керчи непосредственно руководил обер-лейтенант Гауфман, его подчиненными являлись Грин, Шульц и Фельдман. Последний был уроженцем России, в 1930-х гг. выехал в Германию и работал там переводчиком, не раз приезжал в СССР в довоенное время. Он ведал «еврейским» отделом СД и проводил расстрелы евреев в Феодосии и Керчи¹¹.

Однако значительную роль в уничтожении и разграблении мирных жителей сыграли добровольные помощники оккупантов, среди которых часто встречались лица, враждебно настроенные к советской власти, дезертиры, уголовники и маргиналы.

Из допросов одного из руководителей Керченской полиции и свидетелей массовых расстрелов установлено, что сотрудники вспомогательной полиции СД принимали участие в охране, конвоировании и оцеплении места расстрелов в Багеровском рву. В тоже время группа полицейских в количестве 5 человек, изъявивших добровольное желание расстреливать людей, лично участвовали в массовых расстрелях мирных граждан, а также занимались грабежом ценных вещей с тел погибших.

Сотрудниками НКВД выявлены и арестованы активные пособники нацистских оккупантов: назначенный немцами городской главой Керчи агроном Токарев (бывший управляющий большим помещичьим поместьем и городской голова Керчи в 1919–1920 гг.); его заместители – Бамбукчиянц (он же – Бамбукчиев, бывший бухгалтер, отбывавший наказание за растрату в тюрьме Керчи и освобожденный немцами) и инженер Петров, бухгалтер – Михайлов. Все арестованные работники городской управы, помогавшие оккупационному режиму в регистрации, выявлении и уничтожении еврейского населения, коммунистов и оказавших сопротивление врагу патриотов, были арестованы и осуждены за измену Родине¹².

Всего сотрудниками органов госбезопасности с января по май 1942 г. привлечены к уголовной ответственности за предательскую деятельность на Керченском полуострове 847 чел.¹³ Многие из них были приговорены Военным трибуналом к высшей мере наказания, однако столь суровые приговоры в полной мере соотносимы с содеянными преступлениями.

Так, один из группы предателей-партизан Самарин выдал оккупантам местонахождение двух партизанских баз, 5 бойцов и командира партизанского отряда, за свое предательство он получил 30 килограмм муки¹⁴.

Перешедшие на службу оккупантам дезертиры и предатели Пономаренко, Петренко и Шурин 28 декабря 1941 г. сообщили в немецкую комендатуру о высадившемся в районе хутора ст. Тар-

хан десанте Красной Армии, в результате чего около 70 красноармейцев-десантников были окружены и уничтожены вражескими войсками.

Также советскими органами госбезопасности были разоблачены нацистские пособники из числа жителей деревни Большой Бабчик Ленинского района Пасько, Лысенко и другие, принимавшие активное участие в борьбе с партизанами в период оккупации и участвовавших на вражеской стране в бою десантным отрядом Красной армии, высадившимся в районе указанного населенного пункта.

Арестован и осужден староста деревни Чистополье Маяк-Салынского района Меняйлов (освобожден немцами из Керченской тюрьмы, где отбывал наказание за контрреволюционную деятельность), который выдал немцам четырех советских летчиков, вынужденно приземлившихся в степи и скрывавшихся в стоге сена (один из них попал в плен, еще один покончил с собой)¹⁵.

Вместе с тем, в ходе следствия устанавливались не только факты предательства, но и примеры героизма и спасения мирных жителей. Так, главврач городской управы Д.А. Пелипенко, рискуя собственной жизнью, спас от расстрелов 5 врачей еврейской национальности вместе с членами семей (всего 18 чел.).

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о шокирующих масштабах преступлений нацистов и их пособников в период первой оккупации Керченского полуострова в 1941 г. В результате наступательных операций Красной армии конца 1941 – начала 1942 г., в том числе Керченско-Феодосийской операции, были освобождены некоторые ранее оккупированные территории СССР. Благодаря усилиям сотрудников НКВД, командиров и бойцов РККА и партизанских отрядов, впервые была зафиксирована и раскрыта всему миру ужасающая правда о реализации планов нацистского оккупационного режима по истреблению мирных граждан нашей страны.

Одними из первых в годы Великой Отечественной войны сотрудники советских органов госбезопасности с января по май 1942 г. на освобожденном Керченском полуострове провели уникальную по значимости и объему работу по документированию и расследованию фактов геноцида мирного населения Советского

Союза. Полученные тогда доказательства совершенных нацистскими оккупантами и их пособниками военных преступлений (всего за время немецко-фашистской оккупации Керчи было убито и замучено 14087 мирных граждан и около 15000 военнопленных, угнано в рабство 14342 чел.) были представлены на Нюрнбергском процессе в 1945–1946 гг.

В настоящее время эти преступления нацизма не только нельзя забывать, но нужно продолжить их изучение и расследование, чтобы у некоторых поклонников лидеров и активных участников националистических и коллаборационистских групп в годы Второй мировой войны на Украине и в Европе не было шансов реабилитировать и распространить нацистскую идеологию в современном мире.

¹ Битва за Крым 1941–1944 гг./ А. Исаев, Н. Глухарев, О. Романько, Д. Хазанов. М., 2016. С. 30.

² Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 3

⁴ Битва за Крым в документах органов государственной безопасности / сост. Верещков И.Н., Ткаченко С.Н. Симферополь, 2020. С. 194.

⁵ ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 46. Л. 5

⁶ Там же. Л. 3–4

⁷ Битва за Крым в документах органов государственной безопасности. С. 194, 195.

⁸ ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 46. Л. 8.

⁹ Битва за Крым в документах органов государственной безопасности. С. 194, 195.

¹⁰ ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.

¹¹ Битва за Крым в документах органов государственной безопасности. С. 196.

¹² Там же. С. 207–208.

¹³ Там же. С. 205.

¹⁴ Там же. С. 206.

¹⁵ Там же. С. 197.

П.А. Смирнов
г. Москва

**Деятельность войск НКВД СССР по охране тыла
Сталинградского фронта**

В 2023 г. отмечалось 80-летие завершения Сталинградской битвы. Не умаляя заслуги в боях под Сталинградом подвиг чекистов, бойцов и командиров 10-й стрелковой дивизии войск НКВД СССР следует отметить, что по-прежнему не дается должной оценки вкладу в дело победы войск НКВД СССР охраны тыла. Именно их главной задачи по предназначению.

Для наших современников по-прежнему остается актуальным вопрос как же немецкому командованию в 1942 г. не удалось установить сосредоточение значительной группировки советских войск, особенно в излучине Дона?¹.

В качестве доказательства, что немецкие военачальники прозевали сосредоточение советских войск историками часто приводятся слова начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта, генерал-полковника А. Йодля: «Мы полностью просмотрели сосредоточение крупных русских сил на фланге 6-й армии (на Дону). Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение»².

Так ли это? Дискуссии на этот счет не утихают. В статье приводятся примеры, в части касающейся данной темы применительно войск НКВД СССР на основании Российского государственного военного архива.

Вот некоторые выводы о деятельности немецкой разведывательной авиации из данных постов наблюдения местной противовоздушной обороны (МПВО НКВД СССР). Из донесений постов МПВО следует, что с августа по ноябрь 1942 г. ежедневно с больших высот врагом велись разведывательные полеты над железными дорогами в Тамбовской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской областях³. За три месяца ежедневных полетов не

обнаружить огромную массу перевозимых войск и материальных ресурсов по железным дорогам враг не мог.

Этот вывод подтверждается в некоторых публикациях немецких авторов о том, что данные разведки свидетельствуют о появлении новых частей противника в районе Клетская – Серафимович (переправа личного состава и техники у Клетской, увеличение числа составов на железнодорожной линии Раковка (160 км северо-западнее Сталинграда) – Поворино.

Вместе с тем, в данном труде есть определенные сомнения в части доверия к данным авиаразведки. Так, передаваемые офицерами службы «1-Ц» групп армий дневные донесения с данными авиаразведки играли значительную роль при оценке противника. Но их не всегда можно было использовать в докладах фюреру, поскольку главнокомандующий военно-воздушных сил не считал их официальными, в связи с чем часто происходили недоразумения⁴.

Ситуацию с воздушной разведкой несколько проясняет один из руководителей разведки имперской безопасности В. Шеленберг в мемуарах «Лабиринт»⁵. Из них следует, что после разоблачения подпольной организации «Красные капеллы» в конце 1941 г., к которым были причастны высокопоставленные офицеры разведки Люфтваффе, А. Гитлер данным авиаразведки не доверял.

Также сведения противника о подготовке контрнаступления советских войск были от пленных и перебежчиков.

Как вывод по сложившейся ситуации можно полагать, что оценивать, как достоверные данные радиоперехватов враг так же не мог.

Также следует отметить, что, имея сведения о подготовке наступления советских войск, предполагаемых направлениях сосредоточения основных усилий, местах нанесения основных ударов, истинного замысла врагу установить так и не удалось. Рассматривая имеющиеся зарубежные публикации на эту тему можно сделать вывод, что даже примерный состав ударных группировок Красной армии врагу известен не был.

Анализируя материалы зарубежных публикаций на эту тему можно сделать вывод о том, что разведке противника даже минимальные сведения о ударных группировках Красной армии не

удалось подтвердить через агентуру в армейском и фронтовом тылу. Более того, допуская, что ему удалось хотя бы ориентировочно установить состав ударных группировок советских войск, то это произошло с опозданием. Враг уже не имел возможности вовремя совершить необходимый маневр силами и средствами.

Во многом работе вражеской агентуры в тылу советских войск препятствовал режим прифронтовой полосы, обеспечением которого занимались войска НКВД СССР охраны тыла. Войсками охраны тыла Сталинградского, Донского, а затем Юго-Западного фронтов в период подготовки к контрнаступлению советских войск 19 ноября 1942 г. впервые был проведен достаточно эффективно комплекс мер, существенно ограничивающий возможность работы агентуры врага.

Наибольших результатов в проведении специальных операций по очистке тыла фронтов удалось добиться войскам охраны тыла Юго-Западного фронта в августе и октябре 1942 г.⁶ Одна из первых в истории войск охраны тыла специальная операция по очистке тыла проводилась на основании приказа командующего Сталинградским фронтом генерала В.Л. Гордова с 10 по 15 августа 1942 г. Необходимость данной операции заключалась в том, что в тылу Сталинградского фронта летом 1942 г. было значительное количество разрозненных подразделений и групп военнослужащих, в беспорядке отошедших и потерявших свои части. Будучи предоставлены сами себе, эти военнослужащие творили беззакония, бесчинства по отношению к местному населению, что еще больше усугубляло ситуацию.

Передислокация значительного количества войск и техники в период оборонительных боев в июле-августе потребовала решительного наведения порядка в тылу. Как отмечалось в приказе командующего Сталинградским фронтом, в тылу создалась обстановка исключительно благоприятная для действий диверсионно-разведывательных сил противника. На основании этого документа был разработан детальный план проведения специальной операции. На подготовку к операции ушло десять дней.

К проведению привлекались силы войск охраны тыла в составе: 2-го, 79-го, 91-го и 98-го пограничных полков и 270-го стрелкового полка 10-й стрелковой дивизии войск НКВД.

Приказом командующего фронтом войскам охраны тыла выделялось на 20 дней 20 автомашин из состава фронта для проведения операции. К проведению операции привлекались работники военных трибуналов армий и фронта. Проведению операции способствовало отселение населения из 25-километровой прифронтовой полосы.

По замыслу начальника войск охраны тыла Сталинградского фронта генерал-майора В.Т. Рогатина весь район операции делился на полковые участки, которые в свою очередь делились на 5–8 секторов. Деление на секторы проводилось с учетом осматриваемой площади, а также величины и количества населенных пунктов.

Площадь полковых участков составляла от 2450 до 6885 км. Глубина проведения операции определялась на всю глубину армейских и ближайшую глубину фронтовых тылов. Старшими начальниками в секторах назначались лица из командования войск охраны тыла и командований пограничных полков. Каждый сектор проверялся оперативными группами в составе 10 бойцов под руководством офицера штаба. На каждый сектор выделялись сессия военного трибунала и прокурор.

Для обеспечения работы оперативных групп выделялось по два автомобиля на каждую группу. Кроме того, к работе по очистке фронтового тыла начальники опергрупп привлекали органы НКВД, партийный и советский актив.

Анализируя способ проведения операции, можно прийти к выводу, что он себя оправдал полностью. Осмотр степной местности, в которой кроме населенных пунктов, оврагов и балок укрыться негде, дал высокие результаты.

К сожалению, конкретных результатов этой специальной операции по очистке тыла фронта в архивах не найдено, но есть данные по двум таким мероприятиям.

Вторая подобная операция была проведена по аналогичному замыслу в период с 3 по 10 октября. При этом район проведения операции был взят несколько иной от армейских тыловых рубежей, где стояли заставы войск охраны тыла, до линии указанных тыловых рубежей фронта.

Общая глубина составила до 70 км. Основная задача заключалась не только в наведении порядка, сколько в очистке районов сосредоточения армий от агентуры противника, дезертиров, одиночных военнослужащих.

В этих операциях было задержано: 1249 дезертиров, 33462 отставших от своих частей, 3365 военнослужащих без документов, 69 шпионов и диверсантов, 1574 уклонившихся от призыва, 58 мародеров, 54753 отошедших с поля боя. 10-я стрелковая дивизия войск НКВД СССР в ходе заградительной службы задержала дезертиров – 2575, шпионов и диверсантов – 15, отошедших с поля боя – 50000 чел.⁷

В общей сложности войсками НКВД СССР в ходе выполнения данных задач было возвращено в боевые порядки свыше 100 тыс. военнослужащих! Это фактически две армии, какой к примеру была численность 16-й армия К.К. Рокоссовского на Волоколамском направлении в октябре 1941 г.

Достаточно интересны другие показатели операций. Так в ходе августовской специальной операции была проверена площадь в 21700 км, что почти сравнимо с площадью Албании, составляющей 28700 км⁸.

В ходе октябрьской операции было проверено свыше 297 населенных пунктов, 28045 домов, 156 рощ и лесополос, 109 оврагов.

В годы Великой Отечественной войны одним из трудных вопросов являлась борьба с диверсионно-разведывательными силами противника и его агентурой как в собственном тылу, так и на освобожденных территориях.

Значительные перемещения беженцев, отходящих войск часто приводили к отсутствию порядка в населенных пунктах и создавали почти идеальные условия для работы агентуры врага.

Местные органы власти далеко не всегда контролировали ситуацию при эвакуации имущества, материальных средств. Территориальные органы НКВД также не могли эффективно работать в прифронтовых условиях по причине отсутствия кадров в условиях мобилизации.

В этих условиях представителями войск охраны тыла НКВД, военными комендантами в отдаленных деревнях, населенных

пунктах стал создаваться институт «десетидворовых». От каждого десяти домовладений назначался один местный житель ответственным за порядок на своем участке. В его обязанность входил ежедневный обход домовладений. В ходе обхода он интересовался бытовыми проблемами сельчан, настроениями, а главное – выявлял наличие посторонних людей.

Это была очень важная мера по режиму прифронтовой полосы. Повсеместно осуществлялся контроль за перемещением граждан. Ночлег посторонних допускался только с разрешения военных комендантов или представителей НКВД.

При этом исключений не делалось для людей в военной форме. Обо всех посторонних «десетидворовых» обязан был немедленно информировать председателя сельсовета, а тот в свою очередь руководителя подразделения НКВД СССР или военного коменданта.

Лица, исполняющие обязанности «десетидворовых», за успешную работу, как правило, поощрялись продуктами питания. Поощрение делалось в тайне от других жителей.

Списки «десетидворовых» хранились как секретные документы, как правило, в журнале учета оперативной информации, который велся в ротах войск НКВД командиром. К сведениям журнала оперативной информации допускались только оперативные работники НКВД. Журнал подлежал обязательному уничтожению при угрозе захвата врагом или при расформировании органа, ведущего данный документ⁹.

Оценивая меры по охране тыла Сталинградского фронта следует отметить, что к этому периоду Великой Отечественной войны удалось создать достаточно эффективную систему, которая обеспечивала создание условий для успешных действий Красной армии.

Впервые удалось нейтрализовать агентурную разведывательную деятельность противника в тылу Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов. Проведенный комплекс мероприятий, который был завершен операцией по очистке тыла фронтов с 3 по 14 октября 1942 г., позволил советскому командованию скрыть замыслы относительно направлений главных ударов, сроков операции, привлекаемых сил и средств. Несмотря на имевшуюся у

противника информацию о сосредоточении наших войск и подготовке к операции от воздушной, войсковой и радиотехнической разведок агентурными данными на месте это не было подтверждено ввиду практической невозможности ведения этой деятельности.

На основании полученного опыта произошли изменения в тактике крупномасштабных чекистско-войсковых операций в период подготовки наступательных операций советскими войсками в последующие периоды войны. В это время был осуществлен переход от сплошного прочесывания к оперативно-войсковой работе по секторам. Весь район стал делиться на полковые участки, которые делились на батальонные сектора. Сектора, в свою очередь, разбивались на конкретные населенные пункты, рощи, овраги, лесополосы и т.п., закрепляемые за разведывательно-поисковыми группами в составе взвода.

Этот опыт послужил основой удачных специальных операций по очистке тыла фронтов в дальнейших наступательных операциях советских войск в 1944 г.

¹ Видер И. Катастрофа на Волге. С.35–36; Почему немцы «прозевали» советское контрнаступление под Сталинградом. URL: <https://dzen.ru/media/russian7/pochemu-nemcy-prozevali-sovetskoe-kontrnastuplenie-pod-stalingradom> (дата обращения: 10.10.2023); Терентьев А. Национальный журнал. 11.06.2017; Тайная битва за Сталинград. URL: https://kistine.ru/patriotism/patriotism_terentiev.htm (дата обращения: 10.10.2023).

² Самсонов А. М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 76.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.32925. Оп.1. Д. 66.

⁴ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. URL: <https://history.wikireading.ru/72704> (дата обращения: 10.10.2023).

⁵ Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. Пер. с англ. М., 1991.

⁶ РГВА. Ф. 32925. Оп.1. Д. 64. Л. 487–489.

⁷ Там же. Л. 617–618, 623.

⁸ Географический атлас Западной Европы. М., 1983. С.52.

⁹ Центральный музей Росгвардии. Ф. 4. Оп. 2. Д. 6.

А.А. Климов
г. Москва

Борьба органов контрразведки «Смерш» и войск НКВД СССР с немецкими диверсантами и украинскими националистами на территории Украины в 1943 г.

Во время освобождения территории Украины в 1943 г. немецко-фашистское командование прилагало значительные усилия к тому, чтобы максимально ослабить темпы наступления советских войск, а в лучшем случае – остановить их и заставить перейти к обороне.

Обстановка в оперативном тылу действующей Красной армии в период наступательных операций советских войск характеризовалась резким ростом разведывательной, диверсионной и другой подрывной деятельности немецкой разведки. Всего в 1943 г. на советско-германском фронте действовало более 130 различных разведывательных органов противника. По данным Управления особых отделов НКВД СССР на апрель 1943 г. против советских войск только на южном фланге советско-германского фронта были созданы 101-я (разведывательная), 202-я (диверсионная) и 303-я (контрразведывательная) команды абвера. Каждая из них, в свою очередь, состояла из 4–5 абвергрупп, прианных штабам армий¹. Руководил данными подразделениями «Абверштабе Украина», дислоцированный в районе г. Ровно.

Отдельно следует отметить диверсионную абвергруппу-203, дислоцированную в 1943 г. последовательно в Донбассе, Днепропетровске и Николаеве².

Особая роль в подрывной деятельности немецко-фашистским командованием отводилась бандеровцам из Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА), которые под лозунгами создания «самостийного украинского государства» оказывали немецко-фашистским оккупантам значительную помощь, путем выполнения разведывательных и диверсионных задач в тылу Красной армии.

Организацией борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем на освобожденной территории

Украины занимались органы военной контрразведки «Смерш», Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР, которые проводили совместную работу с командованием Красной армии³.

Важное значение имела деятельность органов «Смерш», которые были созданы 19 апреля 1943 г. постановлением СНК СССР № 415-138сс. В документе указывалось, что «...Управление особых отделов НКВД СССР изъять из ведения НКВД СССР и передать народному комиссариату обороны, реорганизовав его в Главное управление контрразведки НКО «Смерть шпионам»⁴.

Структура органов военной контрразведки в армиях, на фронтах и военных округах была установлена применительно к структуре ГУКР НКО «Смерш» и утверждалась народным комиссаром обороны И.В. Сталиным⁵.

На местах создавались управления и отделы контрразведки «Смерш» фронтов, военных округов, армий, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов и учреждений Красной армии.

Для борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем привлекались воинские части войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии и внутренних войск НКВД СССР⁶.

Боевая обстановка требовала в ряде случаев создания региональных органов управления войсками. В рамках данных преобразований и с учетом предстоящего освобождения от оккупантов территории УССР, 13 февраля 1943 г. на основании соответствующего приказа НКВД СССР был образован Украинский округ внутренних войск НКВД.

В 1943 г. происходит усиление войск по охране тыла фронтов, участвующих в освобождении Украины: Воронежского фронта – на одну бригаду (17-я стрелковая бригада), Юго-Западного фронта – на один полк (143-й стрелковый полк) и две бригады (16-я и 25-я стрелковые бригады) войск НКВД⁷.

Исходя из опыта боевых действий в 1943 г. руководством НКВД СССР были внесены изменения в организационно-штатную структуру войск НКВД по охране тыла действующей

Красной армии. В войсках НКВД по охране тыла фронта увеличилось количество пограничных полков и были образованы маневренные группы.

Принимаемые командованием войск НКВД меры позволили создать систему охраны тыла действующей Красной армии, что дало определенные положительные результаты⁸. При этом данная система была достаточно гибкой, соответствовала характеру сложившейся обстановки.

При ведении Красной армией оборонительных операций охрана тыла фронта (армии) строилась глубокоэшелонированно, обычно в 3 полосах⁹.

В ходе наступательных операций Красной армии деятельность войск по охране тыла перестраивалась в зависимости от складывающейся обстановки на фронте и ситуации в освобожденных от оккупантов территорий. Например, советским спецслужбам было известно, что на Украине из числа немецких ставленников и пособников, а также дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, имелось большое количество вооруженных бандитских групп. Участники бандформирований и подпольных националистических организаций распространяли среди населения националистическую литературу, вовлекали новых членов в подрывную деятельность ОУН –УПА.

По мере освобождения территории Украины от немецко-фашистских захватчиков значимость вопроса борьбы с диверсантами и шпионами, оставляемыми противником, резко возросла. Пока освобожденные территории входили в состав фронтового тыла (25–30 км от линии фронта) в ней участвовали органы «Смерш», войска НКВД по охране тыла действующей Красной армии и военнослужащие гарнизонов Красной армии.

Затем, по мере продвижения линии фронта на запад, борьбу продолжали военнослужащие войск НКВД, так как в соответствии с Постановлением Государственного комитета обороны от 4 января 1942 г. обязанности гарнизонной службы в освобожденных районах выполнялись не воинскими частями Красной армии, а войсками НКВД.

В документе указывалось, что «...в городах, освобождаемых частями Красной армии от противника, выставлять гарнизоны из

состава войск НКВД СССР (рота, батальон, полк), а там, где частями Красной армии выделены гарнизоны, заменить эти гарнизоны войсками НКВД»¹⁰.

Организация гарнизонной службы внутренними войсками НКВД подразумевала изъятие вражеских агентов совместно с органами «Смерш» и госбезопасности, ликвидацию диверсионно-разведывательных групп, поддержание общественного порядка в населенных пунктах Украины.

В условиях войны особое значение приобрела организация взаимодействия командования войск НКВД СССР с органами госбезопасности, «Смерш», воинскими частями Красной армии в деятельности по борьбе с вражеской агентурой, авиадесантами и диверсионно-разведывательными формированиями противника¹¹.

Деятельность органов «Смерш», госбезопасности, войск НКВД по поиску и ликвидации диверсионно-разведывательных групп противника включала в себя агентурные, оперативные мероприятия и воинские действия и сводились к основной схеме: поиск – блокирование – бой. Успех действий зависел от своевременности получения данных о районах нахождения противника, принятия грамотного решения, быстрого сосредоточения необходимых сил и средств в районе действий, активности и решительности при проведении поиска и боя с обнаруженным противником.

Например, в докладной записке начальника отдела контрразведки «Смерш» 57-й армии Степного фронта от 31 августа 1943 г. № 003349 указывалось, что «..в период подготовки к наступательным действиям 57-й армии были даны указания подчиненным отделам контрразведки об организации агентурно-оперативной работы по розыску и задержанию германских агентов-парашютистов, радиотов, диверсантов, выявление всех приставших к частям и отставших от воинских частей военнослужащих, организовав их тщательную проверку, по задержанию дезертиров и изменников Родине, ставленников и пособников врага.

По договоренности с командованием армии были созданы заградительные отряды, силами которых на участках наступления проводится оперативная обработка территории, проческа лесных массивов, кроме того созданы подвижные розыскные группы,

перед которыми поставлена задача захвата важнейших документов органов разведки противника и выявления гласного и негласного аппарата немецких органов разведки, оставшихся в ходе наступательных операций наших частей.

Имеющиеся армейские заградительные отряды № 176 и 177, которые командующим армии в оперативном отношении подчинены нам, в условиях наступательных действий армии отряды выполняют розыскные функции и несут заградительную службу в районах коммуникаций дивизий и частей.

Заградительная служба армейских заградительных отрядов сочетается с организацией заградительной службы и розыскной работы, проводимой 143 пограничным полком, имеющим назначение по охране тыла армии.

Общие результаты всего комплекса работы отдела контрразведки «Смерш» армии и 143-го пограничного полка за период наступательных действий выражаются в следующем:

всего задержано и подвергнуто оперативной обработке – 1879 человек;

из них арестовано – 152 человека;

в том числе: дезертиров – 58 человек, членовредителей – 7 человек, изменников Родине – 28 человек, предателей – 7 человек, немецких ставленников – 8 человек, немецких пособников – 18 человек, подозрительных – 4 человека, антисоветского элемента – 22 человека»¹².

Важное значение имела своевременная реализация оперативных данных органов «Смерш» и госбезопасности. Аппараты военной контрразведки, зная предполагаемые планы командования на летние операции советских войск, отдавали себе отчет в том, что уже на начальном этапе освобождения некоторых районов Украинской ССР придется столкнуться с рядом новых явлений.

Например, весной – летом 1943 г. в освобожденных районах Украинской ССР были разоблачены лжепартизанские отряды, созданные спецслужбами Германии. Ярким примером здесь может служить оперативная работа, проведенная еще в начале марта 1943 г. Управлением контрразведки «СМЕРШ» Воронежского фронта по лжепартизанскому отряду «Барановского», действовавшему в Харьковской области. Отделом военной контрразвед-

ки 40-й армии из 304 человек «партизан» было выявлено 19 членов ОУН и еще 92 украинца-бывших полицейских¹³.

В первой декаде августа 1943 г. контрразведчиками «Смерш» Степного фронта при попытке проникнуть в воинские части Красной армии был разоблачен еще один «партизанский отряд» под командованием бывшего майора Красной армии Астахова, якобы действовавший в городе Харькове.

Отряд состоял из 20 человек, оказавшихся в немецком плену. Почти все они являлись украинцами по национальности и поэтому были отпущены немцами к своим родным. Отдельные из членов отряда служили в эсесовских частях вермахта, выезжали в их составе во Францию для борьбы с местными партизанами, а затем возвратились в Харьков. Здесь эта группа немецких пособников была переформирована в «143-й Украинский полицейский батальон», который готовился к боевым действиям против воинских частей Красной армии. Батальон находился в распоряжении Главного управления германской полиции.

В июле 1943 г. к данному батальону был присоединен и прибывший из Орла «146-й Украинский полицейский батальон» в количестве 140 человек. При наступлении советских войск и освобождении Харькова часть личного состава этих батальонов эвакуировалась с отступающими частями противника, а другая часть составила лжепартизанский отряд¹⁴.

Большое значение в борьбе с бандформированиями и диверсантами противника имела деятельность военно-полевых судов над карателями, предателями и другими активными пособниками немецко-фашистских оккупантов. Эти суды создавались на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., объявленного приказом народного комиссара обороны СССР № 0283.

Одним из первых актов демонстративной казни стало решение военно-полевого суда 37-й гвардейской дивизии Центрального фронта в отношении карателя Г. Парасюка, служившего начальником полиции города Шостка Сумской области Украинской ССР.

Он организовывал облавы на советских патриотов, участвовал в расстреле более 350 человек и сожжении 200 граждан еврей-

ской национальности. Этот каратель был оставлен немцами на освобожденной от оккупантов территории в Сумской области и пытался пробраться на службу в воинские части Красной армии, но был своевременно разоблачен.

14 июля 1943 г. Г. Парасюк был повешен в присутствии большого числа жителей одного из райцентров.

Кроме того, отделом «Смерш» 67-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й гвардейской армии 12 августа 1943 г. в с. Братенница, Богодуховского района, Харьковской области был арестован за предательскую деятельность А. Гринченко, который являлся секретарем Братенницкой сельской управы.

Свидетельскими показаниями было установлено, что А. Гринченко выдавал немцам советских активистов, которые ими были зверски замучены.

Военно-полевой суд, рассмотрев дело А. Гринченко, приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение в с. Братенница в присутствии местных жителей¹⁵.

В служебно-боевой деятельности войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии обычно применялись следующие виды войсковых нарядов: часовой, секрет, дозор, патруль, КПП, пост наблюдения, засада, конвой, разведывательно-поисковая группа. Эти наряды были присущи пограничным частям, которые и составляли костяк войск по охране тыла.

Основным видом наряда была разведывательно-поисковая группа (РПГ), которая обеспечивала активный розыск противника на охраняемом участке и контроль за соблюдением прифронтового режима. РПГ, как правило, возглавлял младший командир (сержант). В ее состав включался представительвойской разведки¹⁶.

В июле 1943 г. оперативный отдел Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии направил в войска документ – «Памятка старшему разведывательно-поисковой группы войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии», в которой указывалось, что «...разведывательно-поисковая группа является основным видом

служебных нарядов войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии.

Боец в РПГ должен быть в постоянной готовности вступить в бой с врагом и проявить при этом мужество и отвагу (выделено авт.)»¹⁷.

Командованием войск принимались меры для рационального и эффективного использования войск НКВД в осуществлении охранных, режимных мероприятий, организации контрольно-пропускной и патрульно-караульной службы. В ходе выполнения задач были развиты и усовершенствованы, получили дальнейшее развитие новые формы организации охраны тыла, доказавшие впоследствии высокую эффективность.

В период наступательных операций Красной армии обстановка в оперативном тылу действующей Красной армии характеризовалась резким ростом разведывательной, диверсионной и другой подрывной деятельности немецкой разведки.

Служба войск НКВД по охране тыла фронта в наступательных операциях строилась таким образом, чтобы охватить действиями те районы, где проходили наиболее активные боевые действия, а также направления вдоль основных фронтовых и армейских коммуникаций.

К октябрю 1943 г. органы госбезопасности и аппараты «Смерш» имели достаточно много сведений о деятельности бандформирований УПА, включая и то, что они готовятся переходить на нелегальное положение в случае продвижения советских войск по ранее оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Украины¹⁸.

Только в августе 1943 г. отделами контрразведки «Смерш» соединений и воинских частей Воронежского фронта было арестовано за измену Родине 268 человек. Из них 175 человек – из числа выявленных пособников немецко-фашистских оккупантов и изменников Родине, ранее добровольно перешедших на сторону противника. Большинство из них было идеологически обработано бандеровцами из ОУН в националистическом духе.

Этими же отделами контрразведки «Смерш» в сентябре 1943 г. на освобожденной от оккупантов территории Украины из числа гражданских лиц было выявлено и арестовано 27 человек агенту-

ры германских спецслужб¹⁹. Часть этих арестованных имели связи с ячейками ОУН.

За весь период наступления войск Красной армии и освобождения некоторых областей УССР в 1943 г. войсками НКВД во взаимодействии с органами «Смерш» и госбезопасности Украинской ССР было ликвидировано на территории Украины 77 диверсионно-разведывательных групп и бандформирований украинских националистов (363 человека), при этом было убито 8 и арестовано 355 бандитов²⁰.

Таким образом, в результате принятия своевременных мер руководством органов «Смерш», НКГБ, НКВД СССР, войск по охране тылов фронтов и армий, а также организации взаимодействия с командованием Красной армии, удалось создать эффективную систему борьбы с бандформированиями украинских националистов, диверсионно-разведывательной и другой подрывной деятельностью спецслужб противника.

В современных условиях проведения специальной военной операции на Украине необходимо учитывать исторический опыт борьбы с бандформированиями, диверсантами и националистическим подпольем, особенно при:

комплексном применении сил и средств правоохранительных органов страны, во взаимодействии с Вооруженными силами Российской Федерации;

обеспечении твердого порядка в тылу с привлечением межведомственных группировок войск и участием временных добровольческих формирований из числа местного населения региона;

принятии неординарных решений в период проведения специальных и контртеррористических операций.

¹ Великая Отечественная война. 1943. М., 2013. С. 406.

² Сборник справочных материалов МГБ СССР. М., 1952. С. 5.

³ Крылов С.М. Борьба с диверсионно-разведывательными группами и отрядами противника во фронтовой наступательной операции: дис... канд. воен. наук. М., 1956. С. 123.

⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 397.

⁵ Там же. С. 405.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 32880. Оп. 1. Д. 163. Л. 17.

-
- ⁷Там же. Д. 184. Л. 258.
- ⁸Там же. Оп. 5. Д. 262. Л. 5–7.
- ⁹Некрасов В.Ф. Внутренние войска Советского государства. 1917–1977 гг. М., 1980. С. 248.
- ¹⁰РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 607. Л. 1–5.
- ¹¹Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 568–569.
- ¹²Архив УФСБ по Омской области. Ф.40. Оп. 25. Д. 19. Л. 16–18.
- ¹³Там же. Оп. 24. Д. 189. Л. 2–6.
- ¹⁴Там же. Оп. 25. Д. 16. Т. 2. Л. 342–345.
- ¹⁵Там же. Оп. 24. Д. 2. Л. 405.
- ¹⁶Старов Г.М. Охрана тыла действующей армии войсками НКВД. М., 1953. С. 74.
- ¹⁷Документальный фонд Центрального музея Войск национальной гвардии РФ. Оп. 4. Д. 23. П. 11.
- ¹⁸Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2 т. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. С. 713.
- ¹⁹Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 2. Л. 322, 404.
- ²⁰Органы и войска НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны. Военно-исторический труд в двух томах. Том II. М., 2020. С. 40.

И.М. Обухов
г. Москва

Деятельность органов военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов в наступательный период Битвы за Кавказ (1 января – 9 октября 1943 г.)

В результате победы Красной армии под Сталинградом стратегическая военная инициатива перешла к советским войскам. Были созданы предпосылки для наступления РККА по всему советско-германскому фронту. В первых числах января 1943 г. началось наступление и на Кавказе¹.

На начальном этапе наступательного периода битвы за Кавказ особые отделы НКВД Северо-Кавказского, Закавказского и Южного фронтов полностью определились с каналами проникновения агентуры противника в войска РККА и были к этому готовы. При этом следует отметить, что контрразведывательная деятельность особых отделов НКВД вышеназванных фронтов на начальном этапе наступательного периода битвы за Кавказ не претерпела существенных изменений. Она все также были направлены на борьбу со шпионажем, диверсиями, террором, предательством и изменой Родине.

Изменилось только то, что особые отделы НКВД Северо-Кавказского, Закавказского и Южного фронтов, изучив тактику деятельности Абвера и «Цепеллина» стали постепенно перехватывать инициативу у противника, активнее проводить острые наступательные контрразведывательные мероприятия, связанные с перевербовкой агентуры, внедрением своих источников в разведорганы и разведшколы немецких спецслужб, а также осуществлением радиоигр. Таким образом это дало возможность для перехода от тактики обороны к тактике активного наступления на врага, к срыву планируемых им операций, к разложению изнутри механизма гитлеровской военной разведки².

Для решения задач, связанных с захватом агентуры и важных документов противника, а также арестом пособников оккупационного режима, начальником особого отдела (ОО) НКВД Северо-Кавказского фронта М.И. Белкиным были организованы манев-

ренные оперативные группы. Созданные группы действовали непосредственно в боевых порядках наступающих войск. При этом, следует уточнить, что сотрудники особых отделов НКВД Северо-Кавказского, Закавказского и Южного фронтов в основной своей массе достаточно быстро передвигались вперед вместе с наступающими войсками, а потому не имели реальной возможности вести длительную и глубокую проверку задержанных активных пособников врага и большинство из них передавали воссоздаваемым на основе оперативных групп территориальным органам госбезопасности. Однако в отношении тех, кто был разоблачен как агент немецкой военной и политической разведки, а также лиц, обоснованно подозреваемых в этом, они самостоятельно заводили уголовные дела и вели расследование³.

Так, при освобождении городов Моздок, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Майкоп и Краснодар активно действовали военные контрразведчики ОО НКВД Северо-Кавказского фронта. Согласно докладной записки, подготовленной за несколько дней до завершения Краснодарской наступательной операции, только маневренными оперативными группами, действовавшими в боевых порядках войск, на освобожденной территории были задержаны 64 606 чел. Из этого числа удалось выявить 1176 агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов противника, включая агентов абвергрупп 101 и 301, а также зондеркоманды «Цеппелин»⁴.

Они были заброшены в тыл наступающих советских войск, либо оставлены «на оседание» при отходе частей вермахта. Кроме того, особые отделы НКВД соединений и объединений фронта задержали 416 подозреваемых в шпионаже лиц, а также более двух тысяч ранее бежавших к немцам изменников Родины из числа бывших военнослужащих и 1350 дезертиров.

Помимо этого, контрразведчики ОО НКВД Северо-Кавказского фронта в ходе частичной реализации имевшихся агентурных дел по разработке разведывательных органов противника в короткий срок установили и арестовали членов семи разведывательно-диверсионных резидентур, имевших в своем распоряжении пять портативных радиостанций⁵.

Структурные изменения органов контрразведки «Смерш» произошедшие в 1943 г., обеспечили повышение эффективности и целеустремленности разведывательной и контрразведывательной работы органов военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов и все более широкое применение наступательных методов в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб противника⁶.

Реорганизация и основные кадровые назначения по органам «Смерш» совпали с периодом, когда после зимнего наступления 1943 г. войскам Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов был отдан приказ о переходе к обороне, закреплении на достигнутых рубежах, накапливании и перегруппировке сил и средств для дальнейших наступательных действий.

В соответствии с предстоящими наступательными действиями УКР «Смерш» усилили дезинформационные мероприятия для того, чтобы скрыть подготовку новой наступательной операции по разгрому противника на Таманском полуострове. В связи с этим органы военной контрразведки активизировали работу по поиску и захвату вражеских агентов, передававших по заданиям своих разведцентров информацию о концентрации войск РККА, резервов и их численности. Для передачи дезинформации военные контрразведчики использовали захваченные радиостанции противника, которыми германская разведка снабдила свои агентурные группы вести наблюдение за передвижением войск РККА и военной техники к линии фронта, а также сообщать сведения о количестве, наименованиях и дислокации войсковых соединений Красной Армии⁷.

В начале сентября 1943 г. с учетом накопленного опыта органами военной контрразведки за два года войны ГУКР «Смерш» была разработана «Инструкция по организации розыска агентуры разведки противника». Согласно этому документу «розыск и ликвидация агентуры, забрасываемой противником на нашу сторону», считались основными и важнейшими задачами органов «Смерш». «Розыскная работа, – подчеркивалось в документе, – требует от органов «Смерш» исключительной оперативности, большой инициативы и изобретательности»⁸.

Розыску подлежали «все без исключения агенты разведки противника, и первую очередь агенты, уже переброшенные на нашу сторону или намеченные к выброске на ближайшее время».

Основанием для объявления в оперативный розыск того или иного лица как агента вражеской разведки в системе органов военной контрразведки «Смерш» являлись:

- показания арестованных и разоблаченных агентов разведки противника;
- заявления и показания свидетелей;
- показания военнопленных из числа бывших официальных сотрудников разведки противника;
- сообщения зафронтовой агентуры органов военной контрразведки;
- списки и другие документальные материалы на агентуру захваченные у разведывательных органов противника.

На каждого вражеского агента, по отношению к которому «Смерш» имел возможность провести мероприятия по активному розыску, заводилось розыскное дело. Ведущий его оперативный работник стремился максимально пополнить имеющиеся сведения о разыскиваемом: добыть фотографию для опознания уже арестованными агентами противника, организовать наблюдение за родственниками и другими близкими связями, выяснить местонахождение вражеского агента после перехода на советскую сторону фронта.

Все добытые на фронтах материалы немедленно сообщались в ГУКР «Смерш», которое, в свою очередь, давало подчиненным органам по ВЧ-связи или шифром указания о розыске вражеских агентов, переброшенных за линию фронта или подготовленных к выброске в ближайшее время, выпускало специальные розыскные бюллетени и алфавитные списки⁹.

С получением информации о германских агентах в УКР «Смерш» фронтов начинались агентурно-розыскные мероприятия. В ходе них, в первую очередь, тщательно обследовался район выброски или место приземления, с обязательным осмотром ближайших мест, удобных для укрытия. В процессе розыска выявлялись видевшие вражеских агентов военнослужащие и местные жители, от которых можно было получить дополнительные

данные о документах, приметах и маршруте движения разыскиваемых.

По всем розыскным ориентировкам и бюллетеням УКР «Смерш» Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов систематически проводили проверку личного состава штабов воинских соединений и частей, всех военнослужащих запасных полков, а также лиц, поступивших на фильтрационные пункты, в лагеря, бежавших из плена и вышедших из окружения. Такой же проверке подвергались все лица, арестованные по подозрению в шпионаже, измене и предательстве, а также военнослужащие, задержанные с фиктивными документами.

Следует также отметить, что управления контрразведки «Смерш» в своей работе повсеместно использовали опыт разоблачения германской агентуры, обобщенный ГУКР «Смерш». Они регулярно получали ориентировки, в которых давались рекомендации по методике розыска и задержания, а также указывались признаки подделки документов. Так, стало известно, что в фиктивные красноармейские книжки, которыми снабжались агенты, немцы вставляли скрепку из нержавеющей стали. Она всегда была чистой и блестящей, не оставляла на листах по бокам следов ржавчины. Подлинные же красноармейские книжки соединялись обычной железной скрепкой, которая всегда оставляла ржавые следы. Наличие этой и других улик становилось существенным основанием для подозрения человека в принадлежности к германской разведке¹⁰.

Успеху розыска способствовала также введенная по инициативе органов военной контрразведки особая литеровка командировочных предписаний и других воинских документов, действующая в течение нескольких дней. При помощи этой меры военными контрразведчиками было задержано несколько десятков германских агентов, в командировочных которых отсутствовал условный шифр.

Кроме того, при организации агентурно-оперативного розыска большое значение придавали тактики использования агентов-розыскников, агентов-опознавателей и агентов-маршрутников¹¹.

Агенты-розыскники в основном действовали в местах большого скопления военнослужащих (почтальоны, писари, медики,

связисты). Если розыскник являлся медицинским работником, он обращал повышенное внимание на так называемые особые признаки (ранения, татуировки и т.д.) и характерные признаки внешности. Если агент работал в штабе или другом органе военного управления, то он внимательно рассматривал проходящие через него личные документы солдат и офицеров, проверяя их подлинность, время выдачи, подписи и содержание.

Агенты-опознаватели подбирались из числа разоблаченных или явившихся с повинной вражеских разведчиков и диверсантов, хорошо знавших в лицо готовившихся к переброске либо уже действовавших в тылу советских войск германских агентов. Опознав вражеского агента, агент-опознаватель подавал условный сигнал руководителю оперативно-розыскной группы, который принимал меры к задержанию. С помощью агентов-опознавателей удалось выявить немало германских разведчиков, диверсантов и террористов.

В качестве агентов-маршрутников использовались в основном линейные надсмотрщики связи, шоферы, снабженцы. Эти лица, передвигаясь по роду своей службы по территории в тылу фронта и располагая широкими возможностями для общения, оказывали помощь сотрудникам органов «Смерш» розыске германской агентуры.

Следует также отметить, что в УКР фронтов большое распространение получила практика создания в прифронтовой полосе агентурно-розыскных групп. Группа состояла, обычно, из 3–4 человек (оперативный работник, перевербованный агент разведки противника, разведчик наружного наблюдения и младший командир из подразделения охраны отдела контрразведки «Смерш») и осуществляла розыск вражеских разведчиков и диверсантов на коммуникациях, ведущих к линии фронта. При необходимости агентурно-розыскные группы могли усиливаться личным составом взводов и рот охраны ОКР «Смерш» соединений и объединений¹².

В начале июля 1943 г. начальник УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта генерал-майор М. И. Белкин доложил в ГУКР «Смерш» о некоторых результатах работы по агентурным делам на органы германской военной и политической разведки.

Так, по делу «Пинг-понг» (на абвергруппу-101) были арестованы 17 агентов врага и изъяты три радиостанции. Более 20 агентов зондеркоманды «Цеппелин» (дело «Берлога») удалось арестовать в Ставропольском крае. Абвергруппа-102 (дело «Контора») потеряла в результате работы контрразведчиков 11 своих агентов, а абвергруппа-301 (дело «Банкроты») – 38 агентов, участвовавших в контрразведывательных акциях против заброшенных в немецкий тыл советских разведчиков, а также подпольщиков и партизан. Оперативно-розыскная группа УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта захватила в Ставрополе помещение, где дислоцировалось до отступления войск противника одно из подразделений «Цеппелина», секретные документы. Сведения, почертнутые из них, дополненные материалами из протоколов допросов уже арестованных шпионов, позволили выявить 136 агентов, подготовленных к переброске, либо уже заброшенных в тыл Красной армии¹³.

Помимо этого, особый отдел НКВД – УКР «Смерш» Северо-Кавказского фронта в рамках агентурного дела под условным названием «Черное золото» вскрыл намерения германского командования и его разведорганов по обеспечению быстрейшего использования объектов нефтяной промышленности в случае захвата Кавказа. Оказалось, что была создана «Армия нефтяников» из числа советских военнопленных, ранее имевших отношение к добыче и транспортировке нефти. Группы «Армии нефтяников» были сконцентрированы в Мариупольском лагере, и численность их составляла более 2 тыс. человек. Среди этого контингента вербовалась агентура для заброски в Грозный, Майкоп и Баку. Их задача состояла в проведении диверсий и пораженческой агитации среди рабочих и инженерно-технического персонала нефтепромыслов и перерабатывающих предприятий в преддверии захвата Кавказа частями вермахта. Первая агентурная группа («Зет»), включавшая до 50 человек, в декабре 1942 г. прибыла в Ставрополь для дополнительной подготовки в разведшколе. Планам абверовцев не суждено было реализоваться ввиду проведения наступательных операций войск РККА, однако часть агентуры из групп «Зет» и «МАФ» была оставлена на освобожденной от врага территории. С момента возникновения агентурного дела

«Черное золото» (конец лета 1942 г.) по июнь 1943 г. сотрудники органов «Смерш» Северо-Кавказского фронта арестовали и разоблачили 14 агентов немецкой разведки, завербованных в «Армию нефтяников», взяли на учет и объявили в розыск еще более 70 агентов¹⁴.

Важным средством выявления агентуры германской разведки, засыпаемой в войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, стала организация заградительных мероприятий. Их целью являлась тщательная проверка всех без исключения военнослужащих, не организованно пробирающихся с фронта в прифронтовую полосу, а также военнослужащих, группами или в одиночку попадающих в другие части. Несение заградительной службы на линии фронта возлагалось на батальоны, роты и взводы охраны управлений и отделов военной контрразведки, которые усиливались опытными оперативными работниками.

В рамках проведения заградительных мероприятий выявлялись места переправы агентов противника и пункты, наиболее удобные для такой переброски (стыки воинских частей, леса, болота, овраги и пр.). В непосредственной близости от этих мест организовывались засады, причем с таким расчетом, чтобы противник не имел возможности обнаружить задержание своего агента и в дальнейшем продолжал пользоваться этой переправой.

О каждом задержанном агенте немедленно сообщалось шифром или по ВЧ-связи в ГУКР «Смерш». В донесении указывались: фамилия, имя и отчество агента, псевдоним, год и место рождения, профессия до военной службы, партийность, в качестве кого и где служил до плена, воинское звание, дата и место плена, в каких лагерях военнопленных содержался, когда и где завербован, в какой разведшколе обучался или где проходил инструктаж, когда и где переброшен, когда и каким органом задержан или явился с повинной, какое получил задание, что изъято при задержании, кто совместно с ним выброшен или задержан, какие принятые меры для розыска напарников. Если задержанный являлся радиостом, то сообщался тип радио, позывные агента и разведцентра противника, длина волны или частота кварцев, время работы, условность на случай провала, шифр и код¹⁵.

В целом на протяжении всего наступательного периода битвы за Кавказ борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью германских спецслужб занимала центральное место в работе органов военной контрразведки Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов.

Изучив тактику деятельности абвера и других спецслужб противника, особые отделы НКВД – УКР «Смерш» стали увереннее проводить острые наступательные контрразведывательные мероприятия, связанные с перевербовкой агентуры, внедрением своих источников в разведорганы и разведшколы немецкой и других разведок, осуществлением радиоигр.

Однако, при этом основным средством армейских контрразведывательных аппаратов в борьбе со шпионами, диверсантами и террористами оставались негласные сотрудники органов безопасности. Правильный их подбор и расстановка, а также целеустремленное использование являлись важнейшими условиями успешной борьбы с вражеской агентурой.

¹ Ибрагимбейли Х.М. Битва за Кавказ. Крах операции «Эдельвейс». М., 2012. С. 282.

² Остряков С.З. Военные чекисты. М., 1979. С. 169.

³ Зданович А.А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М., 2021. С. 362.

⁴ Абрамов В. Смерш. Советская военная контрразведка против разведки Третьего рейха. М., 2005. С. 118.

⁵ Зданович А.А. «Смерш» на пути к Победе. М., 2014. С. 50.

⁶ Зданович А.А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. М., 2021. С. 338.

⁷ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 80.

⁸ Коровин В.В. Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 294.

⁹ Абрамов В. Указ. соч. С. 117.

¹⁰ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 152.

¹¹ Зданович А.А. Органы военной контрразведки в битве за Кавказ и освобождение Крыма. С. 371.

¹² «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2005. С. 155.

¹³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 50.

¹⁴ Зданович А.А. «Смерш». Главный козырь Сталина. М., 2019. С. 112.

¹⁵ «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. С. 154.

С. Я. Ковганов
г. Новосибирск

**Подготовка военных контрразведчиков в Новосибирской
школе ГУКР НКО «Смерш» в 1943–1945 гг.**

С образованием ГУКР НКО «Смерш» достаточно важным стало повышение уровня подготовки военных контрразведчиков. В целях совершенствования качества обучения оперативного состава военной контрразведки 15 июня 1943 г. Верховным Главнокомандующим был подписан приказ № 0086 «Об организации школ и курсов Главного управления контрразведки НКО «Смерш» и создании резерва оперативного состава при управлениях и отделах фронтов и военных округов»¹. Согласно данному приказу были образованы курсы ГУКР НКО «Смерш» в Новосибирске и Свердловске по 200 человек (с четырехмесячным сроком обучения). В октябре 1943 г. приказом ГУКР НКО «Смерш» №0255 на базе краткосрочных курсов в Новосибирске была развернута школа ГУКР НКО «Смерш» с шестимесячным, а позднее с годичным сроком обучения².

В мае 1942 г. на основании приказа НКВД СССР №001031 при Особом отделе НКВД Сибирского военного округа начали работу курсы подготовки резерва оперативно-чекистских кадров для особых отделов НКВД. Этим приказом определялся набор курсантов в количестве 300 человек в возрасте от 19 до 38 лет с образованием не ниже семи классов. Отбор слушателей курсов проводился из числа курсантов военных школ СибВО. Срок обучения составлял два месяца. Курсанты обеспечивались ежемесячным денежным довольствием в размере 400 рублей и бесплатным питанием. Этот приказ давал возможность организовать более качественную подготовку кадрового резерва для органов военной контрразведки. Особому отделу округа было предписано комплектовать курсы за счет выпускников военных училищ, дислоцированных в СибВО. На базе этих курсов и формировалась Новосибирская школа «Смерш».

Всего с июля 1941 г. по июнь 1943 г. в Новосибирске прошли подготовку более 3500 сотрудников советской военной контрразведки³.

Кадровым ресурсом для учебных заведений ГУКР НКО «Смерш» являлись, прежде всего, молодые офицеры с боевым опытом. Военный контрразведчик генерал-майор в отставке Н. В. Мальков вспоминал: «В отделе контрразведки «Смерш» 295-й стрелковой дивизии профессиональных чекистов были единицы. Были там бывшие учителя, директор совхоза, партийно-политические работники и даже представители рабочего класса – старые партийцы. Примерно треть такие как я – молодые офицеры с боевым опытом, пришедшие из войск»⁴. И если органы военной контрразведки имели возможность комплектовать кадровый резерв из числа армейских офицеров, то территориальные органы безопасности испытывали в этом вопросе определенные трудности. Они вынуждены были искать кандидатов на учебу среди демобилизованных по ранению военнослужащих, инженерно-технического состава предприятий промышленности, выпускников учебных заведений и не всегда справляясь с выполнением разнарядки на подбор кандидатов на учебу. Так, например, при комплектовании первого набора курсантов в Новосибирскую школу НКГБ СССР в 1944 г.: «...вместо 350 человек, предусмотренных разверсткой на комплектование, к учебе приступило только 322 курсанта»⁵.

Важным источником исследования деятельности Новосибирской школы ГУКР НКО «Смерш» являются документы партийной организации школы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области.

Начальником Новосибирской школы ГУКР НКО «Смерш» был назначен А.П. Трояновский, хорошо подготовленный энергичный офицер, имевший педагогическое образование и окончивший курсы руководящего состава при Высшей школе Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Алексей Петрович руководил учебным заведением до его закрытия в 1948 г. После перевода в Ленинград он занимал должность заместителя начальника школы иностранных языков МГБ СССР, в 1956 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени

кандидата исторических наук. До 1971 г. Алексей Петрович работал в различных учебных заведениях МГБ – КГБ СССР⁶.

Начальником учебного отдела школы в 1943 г. был назначен В.С. Андрияшин, его помощником по учебно-строевой части – В.С. Шатило, начальником цикла специальных дисциплины – А.В. Косякин, руководителями циклов социально-экономических дисциплин и общеобразовательной подготовки соответственно Н.Е. Данилин и С.Г. Чистов⁷. В.С. Шатило принимал участие в организации курсов военной контрразведки в июле 1941 г. Позднее он проходил службу в должности заместителя начальника отделения кадров Особого отдела НКВД СибВО⁸.

Первый набор слушателей Новосибирской школы составил 290 человек⁹. Переменный состав был разбит на два курса, которые были разделены на восемь взводов – учебных групп под командованием офицеров из числа слушателей. Из слушателей же формировался партийный актив – парторги курсов, комсорги школы и парторги учебных групп. Секретарем партбюро школы «Смерш был избран капитан М.Ф. Сафонов»¹⁰.

Занятия у первого набора длились полгода. За это время курсанты должны были получить подготовку по противодействию разведывательно-диверсионной деятельности противника, изучить методы работы немецких специальных служб, научиться принимать правильные решения в сложной фронтовой обстановке. Курсанты должны были в общих чертах знать содержание фильтрационной работы. Учебным планом предусматривалось изучение Инструкции по организации розыска агентуры противника, материалов Сборника признаков подделки документов, использования противником экипировки и легенд прикрытия, памятки-инструкции по правилам проверки документов. Изучались также ухищрения противника при разработке легенд прикрытия, например, такие, как «возвращающиеся из госпиталя, больные, инвалиды, душевнобольные». Слушатели в процессе обучения использовали Сборник материалов об органах германской разведки, действующих на советско-германском фронте, а также Сборник об органах финской военной разведки¹¹.

Занятия в Новосибирской школе «Смерш» начались во второй половине января 1944 г. Распорядок школы был достаточно напряженным. Для руководящего состава школы, начальников циклов, преподавательского состава, сотрудников группы кадров, секретарей, машинисток режим рабочего дня устанавливался с 10:00 до 23:00 часов с перерывами на обед с 15:00 до 18:00 часов и на ужин с 20:00 до 21:00 часа. Для начальников курсов и их помощников рабочий день начинался в 7:00 и продолжался до 24:00 часов. Работники кабинета цикла специальных дисциплин трудились с 8:00 до 24:00 часов. Рабочая неделя длилась с понедельника по субботу, в субботу школа работала до 19:00 часов¹².

Отражением атмосферы гражданской жизни военной поры была организация быта сотрудников школы. Так, например, на заседании партийного бюро школы 13 апреля 1945 г. рассматривался вопрос о подготовке индивидуальных огородов к посеву картофеля. Из протокола следует: «Потребность земельного участка площадью 2 гектара для огородов постоянного состава обеспечена полностью. Часть семян картофеля, имеющихся в нашем распоряжении, будет передана семьям фронтовиков, заготовлен инвентарь»¹³.

Для чтения лекций по некоторым темам специальных дисциплин назначались руководящие и оперативные работники Отдела контрразведки «Смерш» СибВО. Конспекты и планы лекций утверждались начальником Отдела контрразведки «Смерш» СибВО. В периферийных школах отечественных органов безопасности лекции внештатных преподавателей подлежали оплате¹⁴.

В школе работала библиотека, где на абонементе имелись учебные пособия по подготовке следственных документов. В учебной работе активно использовались стенограммы лекций, подготовленных в Высшей школе НКГБ СССР: Л.И. Новобратского и П.А. Кирсанова «Оперативная работа органов НКГБ на территории, освобожденной от противника», В.М. Хейфица «Работа органов НКГБ по выявлению, розыску и изъятию агентуры германской разведки», П.А. Судоплатова «Борьба органов НКГБ с украинскими буржуазно-

националистическими организациями», М.Б. Маклярского «Специальная агентурная разработка органов НКГБ в прифронтовой полосе»¹⁵. Библиотека предоставляла слушателям периодические издания, литературу по военной подготовке (уставы РККА, наставления по стрелковому делу, справочники по военной топографии).

В учебной и воспитательной работе активно участвовала партийная организация школы. На заседаниях партийного бюро школы регулярно заслушивали партторгов, комсоргов и командиров учебных групп о ходе учебы и состоянии воинской дисциплины. Ежемесячно учебный отдел подводил итоги успеваемости, которые приказом начальника школы доводились до сведения всего личного состава учебного заведения. Отмечали группы и курсы, добившиеся лучших показателей в социалистическом соревновании. Персонально поощряли отличников учебы¹⁶.

Бывали случаи, когда отдельные курсанты в силу слабой успеваемости просили вернуть их на фронт. Преподавателям приходилось убеждать их в необходимости приложить усилия в овладении профессией военного контрразведчика, так необходимой в данный момент в действующей армии¹⁷.

В июле 1944 года, после шести месяцев обучения, состоялся первый выпуск слушателей школы ГУКР «Смерш», 289 выпускников сразу были направлены на фронт. Один выпускник, старший лейтенант В.А. Ребрин, имевший высшее педагогическое образование, был назначен преподавателем цикла социально-экономических дисциплин. Он проработал в учебном заведении до 1954 г. Доктор философских наук, профессор В.А. Ребрин до 1977 г. был ректором Новосибирской высшей партийной школы¹⁸.

Следующие наборы школы «Смерш» в Новосибирске были с годичным сроком обучения. Они проводились в августе 1944 г. и в сентябре 1945 г.

С учетом нового срока обучения было увеличено количество учебных часов по циклу социально-экономических дисциплин, циклам русского языка и военной подготовки. Осенью 1944 г. в

целях улучшения учебного процесса на этих циклах были созданы предметно-методические комиссии¹⁹.

Учебные программы и учебно-тематические планы предусматривали более глубокое изучение форм и методов работы немецкой разведки, особенности оформления ею документов прикрытия и способы переброски агентуры через линию фронта. Учебно-тематический план учитывал изучение контрразведывательной работы в освобожденных городах и районах. Изучались особенности агентурной проверки лиц, служивших в различных немецких учреждениях, использовавшихся немецким командованием на принудительных работах и возвратившихся к месту жительства уже после освобождения населенных пунктов частями Красной армии, а также лиц, приехавших в населенный пункт незадолго до ухода немецких войск. Тематические планы предусматривали «изучение контрразведывательной работы среди призывного контингента в районах, освобожденных от противника»²⁰.

Для контроля знаний слушателей применялись так называемые “внезапные зачеты” – письменные ответы курсантов на вопросы по ранее пройденному материалу, которые преподаватель мог неожиданно объявить в начале семинарского занятия»²¹.

Интенсивность обучения слушателей по годичной программе оставалась высокой. Занятия в школе продолжались по 10–12 часов в сутки. Аудиторная нагрузка у преподавателей школы была значительной. Так, годовая норма обязательной нагрузки у преподавателей цикла специальных дисциплин составляла 540–720 часов, у преподавательского состава цикла социально-экономических дисциплин – 660–720 часов, общеобразовательного цикла – 720–840 часов²².

В начале, обучения некоторые слушатели испытывали определенные трудности: неумение организовать себя в ходе учёбы, слабые навыки в конспектировании лекций, иногда леность. Все это становилось предметом внимания партийной организации школы. Так, в марте 1945 г. на открытом партийном собрании школы с повесткой дня «Результаты учебы за январь, февраль 1945 г. и задачи на последующий период» в прениях

курсанты-коммунисты обращали внимание на лень в учебе некоторых коммунистов и комсомольцев: «Курсанты еще не умеют составлять конспекты, имеются случаи ответов по чужим тетрадям. Недооцениваем русский язык. Мало читаем художественной литературы». Начальник школы А.П. Трояновский в своем выступлении подчеркнул: «Нам необходимо подготовить культурного всесторонне грамотного оперативного работника. Учебе мешают долгая раскачка, шум в классах, хождение во время занятий. Средний балл снизился до 3,9, что недопустимо»²³. Серьезное внимание уделялось ликвидации у некоторых курсантов пробелов в знаниях по русскому языку. О подготовке к зачету по русскому языку, на заседании партийного бюро школы 27 мая 1945 г. докладывал начальник цикла общеобразовательных дисциплин С.Г. Чистов²⁴.

Важной составляющей подготовки военных контрразведчиков было формирование культурного кругозора будущих сотрудников органов безопасности. Активную роль в решении этого вопроса играла организованная в школе в 1944–1945 гг. культурно-массовая работа. В школе систематически проводились просмотры кинофильмов и чтение лекций общеобразовательного характера. Курсанты ходили на спектакли в театр «Красный факел», на концерты в филармонию. По субботам и воскресеньям проводились литературные вечера, посвященные творчеству русских писателей, работал буфет, организовывались танцы. Эти мероприятия начинались в 19–20 часов и заканчивались за полночь²⁵.

В Новосибирске за годы войны прошли обучение более 4 000 тыс. военных контрразведчиков. Большинство из них служили в действующей армии и защищали Родину с оружием в руках. Четверо из них – М.И. Злобин, К.П. Пятин, В.А. Веригин и Н.В. Жуйков – погибли в бою, заменив выбывших из строя командиров и взяв на себя командование²⁶.

В сентябре 1944 г. Президиумом Верховного Совета СССР Новосибирской школе ГУКР НКО «Смерш» было вручено Красное Знамя как символ воинской чести, доблести и славы.

-
- ¹ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946: Док. высш. органов парт. и гос. власти. М., 2006. С. 386–387.
- ² Кадровая служба органов безопасности: история и современность. М., 2013. С. 135–136.
- ³ Гончаров Н.Д., Шешенин И.П. Кузница кадров военной контрразведки. Новосибирск, 2010. С. 25.
- ⁴ Военная контрразведка. История, события, люди. В 2 кн. М., 2008. Кн. 2. С. 118.
- ⁵ Государственный архив Новосибирской области. (ГАНО). Ф. П-494. Оп. 1. Д. 17. Л. 46.
- ⁶ Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. Новосибирск, 2010. С. 51–52.
- ⁷ Новосибирская школа контрразведки. М., 2005. С. 51–52.
- ⁸ Ветераны Великой Отечественной войны – сотрудники Новосибирской школы контрразведки. С. 89.
- ⁹ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-494. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 248.
- ¹² ГАНО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.
- ¹³ Там же. Л. 21.
- ¹⁴ Академия ФСБ России. 80 лет. М., 2001. С. 74.
- ¹⁵ Там же. С. 47.
- ¹⁶ ГАНО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 15. Л. 28–29.
- ¹⁷ Там же. Л. 34.
- ¹⁸ Новосибирская школа контрразведки. С. 56.
- ¹⁹ Там же. С. 62.
- ²⁰ ГАНО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–48.
- ²¹ Гончаров Н.Д., Шешенин И.П. Указ. соч. С. 32.
- ²² ГАНО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 15. Л. 52.
- ²³ Там же. Л. 54–55.
- ²⁴ ГАНО. Ф. П-494. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Л. 18.
- ²⁶ Гончаров Н.Д., Шешенин И.П. Указ. соч. С. 123–126.

Д.В. Кубаев
г. Хабаровск

Участие органов военной контрразведки «Смерш» в десантной операции Тихоокеанского флота

Возросшее влияние генералитета в Японии во второй половине 1930-х гг. привело к вторжению Квантунской группы войск на территорию Маньчжурии и Корейского полуострова и выходу на рубежи советско-маньчжурской границы, что резко обострило военно-политическую обстановку на Дальнем Востоке. Японский генеральный штаб разработал план войны против СССР, зашифрованный под наименованием «Кантокуэн», который предусматривал оккупацию советского Дальнего Востока летом 1941 г. Для осуществления этого плана Япония провела мобилизацию¹. Агрессия императорской Японии, являлась частью военной стратегии японского генералитета по созданию «Великой Азиатской Империи». Оккупировав Маньчжурию и Корею, милитаристская Япония представляла прямую угрозу вторжения на территорию Дальнего Востока Советского Союза.

К началу Второй мировой войны японский генералитет сформировал у границ СССР два плацдарма: маньчжурский и курило- сахалинский. Осенью 1941 г. численность квантунской группировки войск была доведена до 750 000 чел. Она была подкреплена войсками марионеточного государства Маньчжоу – Го в количестве 180 000 чел. и вооружёнными формированиями монгольского князя Дэ-Вана, в количестве 12 000 чел. В резерве на островной части Японии находилось ещё 13 дивизий, которые были подготовлены к десантной операции на советскую территорию. Кроме этого, на курило-сахалинском плацдарме японцы разместили 5 дивизий, предназначенных также предназначенных для наступательной операций против советского Сахалина и Камчатки.

На оккупированной территории Кореи функционировала японская военная миссия (ЯВМ) с позиции которой проводилась агентурная и техническая разведка, направленная на подрыв обороноспособности частей Дальневосточного фронта. Первооче-

редные устремления ЯВМ в Корее были направлены на добывание мобилизационных планов, сведений о боевой подготовке частей и соединений, а также на перехват кодированной связи Тихоокеанского флота².

Тем не менее, на линии борьбы с разведывательной деятельностью спецслужб Японии органы военной контрразведки СССР на Тихоокеанском флоте (ТОФ) вплоть до 8 августа 1945 г. удерживали в поле зрения множество конспиративных контактов разведчиков 3-го сектора главного морского штаба Японии и пресекали возможности сбора ими развединформации, в том числе с легальных позиций.

Весь период оккупации Кореи японская разведка в своей агентурной работе широко применяла метод прямого шантажа, основанный на заложничестве и специфике семейно-родственных отношений у корейцев. При вербовке или перевербовке корейцев японские агентуристы давали ясно понять, что в случае изменения члены семьи и их многочисленные родственники будут подвергнуты смертной казни. Преследуя цели создания разведывательных позиций на территории советского Дальнего Востока, японцы стремились внедриться в разведывательные и иные органы СССР. В этих условиях оперативный розыск лиц, причастных к агентурной разведке Японии, заброшенных по нелегальным каналам на территорию советского Приморья, осуществлялся силами и средствами УНКВД по Приморскому краю и органами военной контрразведки Тихоокеанского флота на основании информации поступающей от советских разведывательных органов, показаний разоблачённых агентов, а также сообщений партийных и государственных органов.

Все эти факторы, оказывавшие влияние на оперативную обстановку в регионе, учитывал Отдел контрразведки (ОКР) «Смерш» Тихоокеанского флота при подготовке в июле – августе 1945 г. временных оперативных групп, задействованных в десантных операциях на Корейский полуостров, о. Сахалин и Курильские острова.

Накануне подготовки к боевой операции по освобождению Кореи ОКР «Смерш» ТОФ провел мероприятия по дезинформированию противника в рамках агентурного дела «Черная перепра-

ва» и подавил активность японской агентуры в близи советско-корейского участка государственной границы. 3 августа 1945 г. начальником ОКР «Смерш» ТОФ была доведена директива подчинённым руководителям, определяющая порядок отчётности и информирования военного командования на период войны с Японией. Руководителям оперативных групп в сводках требовалось отражать мероприятия по организации розыска агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника, выявленных шпионах и мероприятия по их разработке, а также результаты реализации материалов по шпионажу и организации работы с зафронтовой агентурой³.

С началом войны с Японией ОКР «Смерш» ТОФ направил на территорию Кореи, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильские в составе сил морского десанта пять оперативных групп. В перечень их контрразведывательных задач входил: розыск агентуры и сотрудников спецслужб Японии; арест членов белоэмигрантских организаций и изменников Родины, бежавших из Советского Союза, а также захват документации противника.

Первая группа ОКР «Смерш» ТОФ под руководством подполковника Храпова и 8 оперативных сотрудников была направлена в Корею для организации оперативной работы в городах Юки и Расин. Вторая и третья группы, состоявшие из 5 оперработников, под общим руководством капитана Северина, были доставлены с десантом в г. Сейсин. Четвёртая опергруппа из 5 оперработников была направлена в составе сил десантной операции Северо-Тихоокеанской флотилии на территорию Южного Сахалина. Пятая группа, состоявшая из 8 оперативных сотрудников во главе с майором Шмагайловым, самолётом направлена в г. Харбин. Кроме этих временных оперативных групп со своими объектами контрразведывательного обеспечения убыли штатные оперработники флотской контрразведки. От них требовалось не только решать задачи контрразведывательного обеспечения подразделений, но и произвести аресты сотрудников разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов Японии, а также выполнить первоочередные меры по обнаружению и сохранению документации противника.

В частности, группа оперативных сотрудников, обслуживавших 12 штурмовую авиационную дивизию ВВС ТОФ, 12 августа 1945 г. прибыла в г. Хуньчунь и с ходу приступила к выполнению задач по розыску сотрудников и агентов японской разведки. За 34 дня этой небольшой оперативной группой под руководством майора Лякшиева реализовано более 20 оперативно-боевых мероприятий, связанных с задержанием 193 японцев и китайцев, причастных к деятельности разведывательных органов Японии. В числе задержанных были 4 сотрудника японской полиции, 11 агентов ЯВМ, 19 агентов полиции Хуньчуня, 49 агентов жандармерии. Этой опергруппой были установлены и арестованы заместитель начальника Хуньчуньской ЯВМ Тэцудзаки Суэкити, начальник пограничной стражи уезда Хуньчунь Синодзаки Иваи, начальник политического отдела полиции уезда Тумынь Кобаяси Синдзо, начальник политического отдела Хуньчуньской пограничной полиции Оба Рейфу, агенты ЯВМ Огай Мен Хван, Хо Лин Сан. Агенты политического отдела Хуньчуньской пограничной полиции Гван Чай Хай, Ким Пен Хан, З.П. Чевгус, резидент Бюро по делам русских эмигрантов по уезду Хуньчунь, и другие.

Начальник 4-го отделения ОКР «Смерш» ТОФ майор Шмайло в составе возглавляемой им оперативной группы, организовавший работу в Харбине, произвёл арест 30 японских агентов. Руководитель этой опергруппы арестовал кадрового сотрудника Харбинской ЯВМ Дроздова, в отношении которого в 1943 г. контрразведкой флота было заведено дело агентурной разработки «Маска». Военным трибуналом Дроздов был приговорен к 10 годам лишения свободы.

Сейсинская десантная операция стала главным событием августовской кампании 1945 г. в Корее и крупнейшей десантной операцией Тихоокеанского флота за всю его историю. Высадка, подготовленная в условиях интенсивного изменения обстановки, сразу пошла с нарушением всех планов, а бои в городе отличались особой ожесточённостью. Советская морская пехота показала высокие боевые качества, а главной проблемой десанта оказалось быстрое отступление японских войск с фронта, в связи с чем, гарнизон портового города постоянно усиливался. Японцы дважды отбрасывали советских десантников к портовой гавани, а

вся операция превратилась в соревнование «кто быстрее займет Сейсин».

Согласно оценки военных специалистов Сейсинская операция является успешной, её задачи и цели достигнуты в короткие сроки⁴. Однако, остается малоизвестным тот факт, что в составе сил десантной операции приняла участие оперативная группа ОКР «Смерш» ТОФ с заданием пробиться в ходе боевой операции к помещению, в котором располагалась ЯВМ в Сейсине, захватить документы её канцелярии, произвести арест сотрудников японской разведки. Особую ценность для флотской контрразведки представлял японский кадровый разведчик – начальник ЯВМ в г. Сейсин, капитан 1 ранга Минодзума Дзюндзи. Оперработники ОКР «Смерш» ТОФ разыскали и арестовали бежавшего в г. Гензан Минодзума Дзюндзи, а также часть состоявшего у него на связи агентурного аппарата. 15 февраля 1947 г. военный трибунал приговорил японского разведчика к высшей мере наказания.

Оперативными группами в корейских портах Расин, Юки и Сейсин в период с 15 по 30 августа 1945 г. было арестовано 13 человек, из которых наибольший интерес представляли кореец Пак Тын Хен – жандармский инспектор городов Расин и Юки, сотрудничавший с японской военно-морской миссией и проводивший разведывательную деятельность против СССР. Сотрудниками этой группы был выявлен и задержан японец Сато, предпринявший по заданию ЯВМ совершить диверсию на металлургическом заводе в Сейсине, после его занятия советскими войсками. Арестован кореец Цой Ин Нам – агент расинской ЯВМ, который выдавал японцам просоветски и антияпонски настроенных корейцев. Сотрудниками советской контрразведки было принято решение задержать управляющего рыбным комбинатом корейца Ли Ен Ука – руководителя созданной японцами организации «Тяутон», оказывавшей помочь полиции и ЯВМ. Оперработниками был арестован советский гражданин В. Ким, который сдался японцам после его заброски на территорию Кореи со специальным заданием, раскрыл характер разведывательного задания и был перевербован.

В конце августа 1945 г., после завершения боевой операции в порту Расин и японском военном гарнизоне Юки, был сформиро-

ван отдел контрразведки «Смерш». В этом секторе оперативной ответственности было арестовано 23 корейца которые использовались японской жандармерией для выявления в среде корейцев агентов советских органов госбезопасности. Позднее 11 человек из них были осуждены военным трибуналом.

Оперативной группой Храпова был арестован агент японской разведки Цой Лон Гю, который в 1928 г. привлекался ОГПУ во Владивостоке к аресту за нелегальный переход государственной границы СССР. В 1933 г. этот кореец бежал в Корею, где был завербован и служил в полиции, а затем в жандармерии занимался выявлением советских разведчиков. В 1940 г. Цой выдал 2 советских разведчиков.

Оперативной группой в Сейсине был задержан и арестован один из руководителей организации «Ли Хай Чена» - кореец Чан Хо Сан, а также два связника, прибывшие из Токио для организации диверсионной деятельности в Корее. Этой операцией руководил 2-й (разведывательный) отдел генерального штаба японской армии.

С высадкой десанта в Сейсине, в период деятельности временной оперативной группы было арестовано: изменников Родины – 1, диверсантов – 3, членов правительства Северной Кореи – 13, белоэмигрантов – 6, агентов жандармерии – 11, предателей – 1, членов организации Ли Хай Чена – 6, сотрудников разведорганизов – 2. Всего оперативными группами ОКР «Смерш» ТОФ в Корее и Маньчжурии с августа по декабрь 1945 г. были арестованы 128 японских кадровых разведчика⁵.

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала, но обстановка на территории, освобожденной советскими войсками, оставалась крайне напряженной. Быстро развивался политический бандитизм. Крупные, хорошо вооруженные отряды, состоявшие из остатков разгромленных японских воинских частей, терроризировали местное население. В южных районах Маньчжурии резко обострилась борьба между движением «Гоминьдан» и Коммунистической партией Китая. Из подконтрольных гоминьдановцам районов распространялось оружие и эмиссары, в подполье формировалась военная организация⁶.

Таким образом, Сейсинская операция стала крупнейшей десантной операцией Тихоокеанского флота. Её особенностью стала высадка десанта прямо на территорию порта, позволившая быстро выгрузить тяжёлое вооружение и технику.

Благодаря успешной деятельности органов военной контрразведки ТОФ удалось разгромить японские спецслужбы, которые в течение многих лет занимались подрывной деятельностью против Советского Союза.

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке (1840–1949) / Войтинский Г.Н., Гальперин А.Л., Губер А.А. [и др.]. М., 1956. С. 542.

² Ямпольский В.П. Военная разведка против СССР в 1918–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1991. №11. С. 216.

³ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 164.

⁴ Леонов В. Н. Лицом к лицу. М., 1957. С. 47.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 734.

⁶ Там же. С. 742.

А.В. Нежинский
г. Москва

**Борьба отечественных органов государственной безопасности
с диверсиями противника в годы Великой
Отечественной войны**

С началом Великой Отечественной войны территориальные органы государственной безопасности СССР стали героически защищать социалистическую Родину на фронтах. Они принимали активное участие в развитии экономического потенциала советского тыла, стабилизации социально-политической обстановки в стране. На них была возложена обязанность выполнять такие задачи, как выявление и ликвидация разведывательно-диверсионных групп противника, охрана важных военных и промышленных объектов, железнодорожного транспорта, связи от подрывных действий диверсантов.

Из истории хорошо известно, что диверсионная деятельность противника активизируется в наиболее острый период. Проведенные исследования в этой области периода Великой Отечественной войны свидетельствуют о том, какое важное место было уделено проведению диверсий. До начала Великой Отечественной войны советскими органами безопасности слабо изучались методы и средства подрывной деятельности, которые немецкая разведка готовилась применить в военное время. В условиях войны подрывные акции в глубоком тылу могли нанести ощутимый урон противнику. Еще в 1940 г. было создано специальное формирование «Бранденбург-800», в составе которого были сформированы диверсионные группы. Подавляющее большинство диверсантов забрасывалось по направлениям ударов немецко-фашистских войск, в то же время половина из этих групп имела задачи совершения диверсий на транспорте.

В годы войны жизненно важное значение для страны имело обеспечение бесперебойной работы объектов военной экономики. Поэтому с первых военных дней высшее руководство страны потребовало самых решительных мер по борьбе с диверсиями на этих объектах¹.

Захиста і укріплення об'єктів промисленності і сільського господарства осуществлялись в городе и деревне в ходе борьбы с такими преступлениями, как шпионаж, диверсия, вредительство и саботаж. Оперативный удар органов НКВД-НКГБ был направлен как против немецкой агентуры, так и враждебных элементов внутри страны.

Задачи и правовое регулирование деятельности советских спецслужб, организационная структура и кадры органов НКВД-НКГБ, их место и роль в укреплении безопасности советского тыла в годы Великой Отечественной войны определялись и были в компетенции высших органов государственной власти.

На начальном этапе Великой Отечественной войны угрозу безопасности СССР составляли не столько действия немецкой разведки – Абвера, осуществлявшего заброску своей агентуры в районы СССР, сколько сконцентрированные у границ государства войска фашистской Германии. Достаточно значимой в этот период была угроза активизации подрывных действий немецких спецслужб. Разведывательная деятельность германских разведорганов накануне и в начале войны была направлена на реализацию «Плана Барбаросса»².

Уже в первые дни войны Абвер массово вербовал диверсантов среди военнопленных Красной Армии, осуществляла их соответствующую подготовку и забрасывала в тыл Советского Союза воздушным или наземным путем. Но большинство таких агентов и диверсионных групп уклонялись от выполнения заданий или сразу являлись с повинной в органы государственной безопасности.

Диверсионные формирования забрасывались не только в прифронтовую полосу, но и в наш глубокий тыл. Так, в 1942 г. одна из диверсионных групп была заброшена в Сибирь с задачей взорвать мосты через реки Иртыш, Обь, Енисей. В мае 1944 г. группа диверсантов в составе 14 человек была заброшена в район Джар-Камыса Гурьевской области с целью разрушения нефтепровода.

Доходило до того, что противник совершал попытки бактериологических диверсий. В частности, в 1942 г. пограничными войсками НКВД неоднократно выявлялись созданные вражескими разведками группы, а также задерживались перешедшие госу-

дарственную границу агенты иностранных разведок, имевшие задание совершать бактериологические диверсии и массовые отравления ядами продуктов питания и источников водоснабжения в приграничных областях и в тылу Советского Союза.

С ходом войны перед немецкой агентурой ставились все более сложные задачи, что потребовало и более качественной подготовки. Значительная часть перебрасываемой немцами агентуры была обучена в специальных школах разведчиков и диверсантов. Агенты забрасывались через линию фронта группами на самолетах. К числу требующих исполнения заданий относилось проведение диверсионной работы, разведка расположения советских частей. Диверсанты должны были ракетами сигнализировать немецким самолетам о пунктах дислокации советских воинских соединений, распространять среди местных жителей панические и провокационные слухи о поражениях Красной армии, о мощи германской армии³.

21 апреля 1943 г. И.В. Сталин подписал Постановление ГКО № 3222 сс/ов об утверждении Положения о ГУКР «Смерш» НКО СССР. Текст документа состоял из одной фразы: «Утвердить положение о Главном Управлении контрразведки «Смерш» – (Смерть шпионам) и его органах на местах...». Начальник ГУКР НКО («Смерш») являлся заместителем народного комиссара обороны, подчинялся непосредственно народному комиссару обороны (И. Сталину) и выполняет только его распоряжения».

В документе были указаны задачи реформированного контрразведывательного органа, одной из которых являлась «борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии».

Особо подчеркивалось, что «органы «Смерш» освобождаются от проведения всякой другой работы, не связанной непосредственно с задачами, перечисленными в настоящем разделе⁴.

После того, как провалился план «Барбаросса» и встало угроза существования самого «тысячелетнего» рейха, в недрах Главного управления безопасности рейха (РСХА) родился смелый и весьма опасный проект с условным наименованием «Ульм» по уничтожению оборонной промышленности Урала. После проиг-

ранных сражений под Сталинградом и Курском ведомство рейхсфюрера СС Г. Гиммлера, осознав стратегически решающее значение сложившегося военно-промышленного комплекса, разработало план масштабных диверсий на 60-м меридиане. Первоочередными целями должны были стать танковые, боеприпасные и металлургические заводы. С учетом того, что оборонные предприятия усиленно охранялись ВОХР и частями НКВД, подрыву подлежали в первую очередь электростанции и магистральные линии электропередач, с тем, чтобы надолго обесточить производство военной продукции.

Однако советская контрразведка своевременно получала данные о подготавливаемых врагом диверсиях в глубине России. В частности, 28 февраля 1944 г. начальник Нижнетагильского отдела НКГБ полковник А.Ф. Сененков, как и другие руководители городских и районных подразделений, получил циркулярное указание № 3/19080. В указанном документе содержалась исчерпывающая информация о составе группы «Ульм», ее руководителе, снаряжении, планах, а также месте и дате ориентировочной засадки диверсантов на территорию Свердловской области.

Как оказалось впоследствии, немецкие пилоты сбились с курса и выбросили группу диверсантов под командованием Тарасова в 300 км от пункта назначения – в Юрлинском районе Молотовской области (так тогда называлась Пермская область). Высадка в сумерках сразу же привела к потерям среди диверсантов. Радист Ю. Марков неудачно приземлился, пропорол себе суком бок и намертво затянул на себе парашютные стропы. Х. Гареев получил при приземлении сильный удар, не мог передвигаться и застрелился, как предписывали правила.

Командир группы И. Тарасов при приземлении получил сильный ушиб и обморозил себе ноги. Он решил согреться спиртом, но, чувствуя бессилие, принял решение отравиться ядом, который был при нем как при командире группы.

Лишь Грищенко, Андреев и Стахов приземлились более-менее удачно. Они пытались выходить Кинеева, но затем у него началась гангрена, и один из диверсантов был вынужден застрелить своего товарища. Раця, оставшаяся после смерти Кинеева, была в нерабочем состоянии. Стахов, Андреев и Грищенко оборудова-

ли лагерь в лесной глуши и боролись теперь лишь за собственное выживание. Все съестные припасы закончились у диверсантов к июню 1944 г.

Утратив всякую надежду выжить в лесах, оставаясь на свободе, троица уцелевших диверсантов пришла к сельскому участковому милиционеру и раскрыла все карты. Вызванные сотрудники контрразведки задержали немецких диверсантов.

Последовавшее расследование, проведенное отделом контрразведки «Смерш» НКО по Уральскому военному округу, установило, что бывший подпоручик врангелевской армии и полицай германских оккупационных сил Н.М. Стахов, бывшие военно-пленные Андреев, Грищенко и их погибшие сослуживцы являлись теми ожидаемыми диверсантами из ведомства Гиммлера⁵.

Безусловно, столь напряженная обстановка в период войны требовала от сотрудников органов государственной безопасности постоянной концентрации и мобилизации ресурсов. Они проводили рейды, облавы, досмотры, активную агентурно-оперативную работу, реагировали на заявления, донесения и до-кладные записки. Региональные органы государственной безопасности проводили работу по изучению настроений местного населения, пресечению пораженческих настроений, враждебных слухов, распространяемых немецкими разведслужбами, в том числе диверсантами⁶.

Диверсию как форму борьбы с большевиками также активно использовали сепаратистские националистические движения, подпольно существовавшие на территории СССР. В частности, в Прибалтике перед ее освобождением советскими войсками в 1944 г. преобладали открытые формы подрывной деятельности: боевые действия против частей Советской армии и войск НКВД, налеты и захваты волостных и уездных центров, проведение диверсий (организация крушения поездов, поджоги промышленных объектов, взрывы мостов), террор.

Ход Великой Отечественной войны показал, что подрывные действия немецких войск и их диверсионно-разведывательных формирований в нашем тылу требуют ответных мер со стороны Красной армии. Также стало очевидным, что невозможно нанести поражение противнику сугубо действиями на линии фронта. По-

мимо этого, к началу 1943 г. встала острая задача по освобождению оккупированных фашистами советских территорий. Советское военное руководство приняло решение о проведении широкомасштабной операции на объектах транспортной инфраструктуры, направленных на противодействие продвижению немецких войск.

Так, 14 июля 1943 г. начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко издал приказ № 0042 «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага», в котором предлагалось партизанским силам, помимо организации крушения воинских поездов, взрывов мостов, железнодорожных станций, выводов из строя паровозов и вагонов, приступить к массовому разрушению рельсов железнодорожных путей. Белорусские партийные чиновники полагали, что методом «рельсовой войны» разрушения коммуникаций можно довести до степени катастрофической для немецко-фашистских войск.

Партизаны обеспечивались взрывчаткой и минно-подрывной техникой, к ним были посланы инструкторы-подрывники. Только в июне 1943 г. на партизанские базы заброшено 150 тонн толовых шашек специального профиля, 156 тыс. метров огнепроводного шнура, 28 тыс. метров пенькового фитиля, 595 тыс. капсюлей-детонаторов.

Операции «Концерт» и «Рельсовая война» были организованы выдающимся советским разведчиком-диверсантом И.Г. Стариным. Опыт, приобретённый в ходе этих операций, использовался в дальнейших действиях против немецких войск.

Массовый партизанские действия поставили немецкое командование в тупик, в результате чего долгое время они не могли эффективно бороться со взрывами рельсов. Достаточно сказать, что только в первую ночь проведение данной операции было уничтожено 42 тыс. рельсов. В целом же за весь период рельсовой войны было уничтожено немногим менее 215 тыс. рельсов. В качестве цифры, которая подтверждает значимостью поврежденной операции в истории Второй мировой войны заключается в том, что только по территории Белоруссии перевозка немецких грузов и армии сократилось на 40 %. Если же рассматривать отдельные участки железных дорог, то в результате подрывной деятельности

на некоторых из них движение было приостановлено на период до 2 недель. На отдельных участках повреждения были настолько сильными, что на ликвидацию последствий ушло порядка месяца.

И.Г. Старинов в последующем так вспоминал указанные события: «Украинская земля уже в те дни буквально взрывалась под ногами захватчиков, под гусеницами их танков, под колесами их поездов! Начиная с десятого – одиннадцатого июля (1943 г. – прим. А.Н.) радиограмм об уничтоженных эшелонах и взорванных мостах радиостанция Украинского штаба партизанского движения стала получать ежедневно. В июле чаще всего они приходили от Алексея Федоровича Федорова. С 7 июля по 1 августа на минах замедленного действия, установленных федоровцами вокруг Кровеля, подорвались 65 вражеских эшелонов. Такое количество соединение смогло в прошлом подорвать лишь за шестнадцать месяцев, почти за полтора года! Но и этим не кончилось. С 1 по 10 августа под откос полетели еще 58 фашистских эшелонов, рискувших двинуться по линиям Ковельского железнодорожного узла!»⁷.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны советские партизаны, проводившие диверсионные операции, показали свои высокие моральные и боевые качества. Ненависть к врагу, преданность своей социалистической Родине, мужество и отвага, выносливость и инициатива в сочетании с мастерством давали замечательные результаты, особенно на железнодорожных коммуникациях противника.

Всего по статье Уголовного кодекса о диверсии⁸, а также за «диверсионные намерения» за годы войны привлекли к ответственности 1771 чел. В том числе около 22% арестов было осуществлено в регионах, подвергавшихся оккупации, и более 78% – в тыловых регионах; то есть там, где была сосредоточена подавляющая часть производства военной продукции, где люди и оборудование работали на износ, там чаще уголовная ответственность за взрывы и пожары наступала по статье Уголовного кодекса о диверсии⁹.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в годы Великой Отечественной войны органы государственной безопасности оперативно выполняли разнообразный спектр задач по защите и

укреплению экономического потенциала советского тыла и стабилизации социально-политической обстановки. В их обязанности, помимо прочего, входила задача охраны военных и промышленно-хозяйственных объектов, железнодорожного транспорта, коммуникаций от диверсий, подрывных действий и враждебных элементов¹⁰.

Своей самоотверженной работой по борьбе с диверсиями противника как в тылу, так и на фронтах сотрудники отечественных органов безопасности внесли огромный вклад в Победу советского народа над немецко-фашистскими захватчиками.

¹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1946. С. 14.

² *Малышева Е.М.* Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета, 2006, № 1. С. 38.

³ *Еремичев Ф.С.* Немецкая агентура и советская контрразведка на территории Ярославской области в 1941–1945 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010, № 2. С. 79.

⁴ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ... С. 623–626.

⁵ *Кащин В.В.* Борьба органов госбезопасности с фашистскими диверсантами на Урале в годы Великой Отечественной войны // Координационное бюро совета ветеранов органов безопасности в Уральском федеральном округе. URL: http://жизнь-отечеству.рф/archivi_istorii/bor_ba_organov_gosbezopasnosti_na_urale_s_diversantami_v_godi_vov/). (дата обращения: 15.11.2023).

⁶ *Тимофеева Е.Г., Тюрин А.О., Лебедев С.В.* Борьба с диверсантами в годы Великой Отечественной войны на территории Нижнего Поволжья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (65). 2020. С. 36.

⁷ *Старинов И.Г.* Записки диверсанта // Вымпел. 1997. № 3. С. 391

⁸ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Ст. 58.9. (ред. от 05.03.1926).

⁹ *Демидов А.М.* «Противодиверсионная защита» от халатности и бесхозяйственности: НКВД на советских предприятиях в годы Великой Отечественной войны // Вестник РУДН. Серия «История России», 2009. №2. С. 92.

¹⁰ *Малышева Е.М.* Указ. соч. С. 40.

В.А. Колошинский
г. Санкт-Петербург

Участие Управления НКВД-НКГБ СССР по Ленинградской области в обеспечении морально-патриотического единства населения блокадного Ленинграда в 1941–1944 гг.

К началу Великой Отечественной войны в обеспечении идеино-патриотического единства различных слоев и групп населения Ленинграда и области были предприняты решительные шаги. Скорее всего именно с подачи секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданова со второй половины 1930-х гг. произошло постепенное возвращение в государственной пропаганде к национально-государственной идеи, соединению патриотической идеологии с постулатами марксизма. На фоне усиливающейся военной опасности со стороны враждебного окружения и экстремальности предвоенной обстановки ленинградские власти искали более прочную основу своей поддержки у населения на случай войны.

Усиление процесса обеспечения идеино-патриотического единства населения региона в ходе войны было вызвано целым рядом объективных факторов, одним из которых стала работа германской пропагандистской машины на оккупированной территории и в полосе соприкосновения с частями Ленинградского фронта. В ней постоянно наращивались и реализовывались указания как государственного аппарата фашистской пропаганды, так и руководства немецких спецслужб и командования вермахта, подчиненные общим планом войны и конкретным операциям.

По оценке А.М. Демидова, несмотря на ряд серьезных поражений германской военно-политической машины на Восточном фронте, ее пропагандистский аппарат лишь перенацеливал свои усилия с одних объектов на другие¹. Так, в случае с Ленинградом с осени 1941 г. они были переключены на идеологическую обработку населения захваченных районов области и жителей блокадного города, а также бойцов и командиров передовых частей Ленфронта. Подобное переключение стало возможным по причине провала попытки врага охватить с лета 1941 г. идеологической обработкой большие массы населения².

В июне 1943 г. на оперативном совещании УНКГБ Ленинградской области (ЛО) начальник 2-го отдела С.К. Якушев, характеризуя этот период, отмечал, что до стабилизации линии Ленинградского фронта осенью 1941 г., массовая агентура врага из числа гражданского населения, наряду с заданиями разведывательного характера, с целью дезорганизации нашего тыла проводила активную пораженческую пропаганду.

Ключевой фактор заключался в том, что еще с лета – осени 1941 г. и вплоть до окончания войны население города и области реально испытывало на себе последствия неэффективной организационно-распорядительной деятельности органов управления регионом (ГК и ОК ВКП (б), Военного совета Ленфронта, исполнкомов местных советов и др.). Нередко проявленная властями беспечность и безответственность, злоупотребления должностным положением, равнодушие и несправедливость в совокупности с военными неудачами, голодом и лишениями, массовой гибелью горожан, их родных и близких, порождали тяжелую морально-психологическую обстановку и открытое недовольство действиями властей, влекли за собой крайне эмоциональные высказывания в их адрес.

Катастрофической стала обстановка, связанная с обеспечением продовольствием жителей города и области. «Голод, – писал С.В. Яров, – показал людям бездну их самоунижения и растаптывания человеческой личности Он развеял все иллюзии и мифы о том, что стойкость и самоотречение способны творить чудеса. Иногда даже самый гуманнейший, не имеющий нравственных изъянов человек, отрывая от себя последнее, чтобы помочь другим, был точно также обречен превратиться в зверя, начисто утратившего свой прежний облик, как и человек циничный, жесткий и безразличный»³.

Местные власти не могли не замечать фактора растущей в городе детской безнадзорности и беспризорности, сиротства, запущенности в учетах детского населения, проблем сохранения их здоровья и жизни, проявления которых не способствовали единению граждан и вызывали негативные настроения.

Из спецсообщений о работе военной цензуры при армиях Ленинградского фронта за первый квартал 1942 г. видно, что в

большинстве писем из Ленинграда в адрес отцов-фронтовиков, их дети и близкие родственники сообщали им или командованию о крайне бедственном их положении.

О катастрофическом положении детей в городе зимой 1941–1942 гг. неоднократно докладывал в ГК ВКП (б) А.А. Кузнецову начальник Управления П.Н. Кубаткин. 31 марта он представил ему развернутую справку о неудовлетворительном состоянии городских приемников-распределителей и работе городских органов с беспризорными детьми⁴. 13 июля 1942 г. он же информировал городские власти о большом количестве не эвакуированных безнадзорных и беспризорных детей, не выявленных местными комиссиями и группами⁵. Мало что изменилось и в 1944 г. По сведениям Управления НКГБ ЛО с улиц Ленинграда и области было изъято свыше 55,5 тыс. безнадзорных и более 11 тыс. беспризорных детей⁶.

А.М. Демидов видел базовую причину такого поведения руководства в том, что «верховная власть не верила в патриотизм, стойкость и самоотверженность сограждан, считала, что любая невыгодная информация об истинном положении на фронте и в тылу вызовет растерянность и неправительственные настроения в массах»⁷. Поэтому «... другие источники и каналы информации энергично перекрывались»⁸. К тому же, официально о блокаде города населению в сентябре 1941 г. объявлено не было⁹.

Многие назначенные для проведения агитационно-массовой работы с населением города и области агитаторы, уклонялись от проведения бесед с ними по причине своей неинформированности. Так, кандидат в члены ВКП (б) Филатов в 1942 г. прямо заявлял: «... я не знаю, что говорить населению. В победу я не верю, а потому и агитировать не могу»¹⁰. Другие политинформаторы сотовали на то, что сами не понимают почему по заявлению властей весной 1942 г. «уже близок день разрыва блокады», а из города массово эвакуируют население и заводы и др.¹¹.

Идейно-патриотическое единство населения города и области испытывало на себе воздействие еще одного фактора, связанного с криминализацией блокадного и постблокадного общества, с запоздалыми мерами властей по устраниению причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Уголовные элементы и примкнувшие к ним дезертиры из Красной Армии в буквальном смысле терроризировали население, нередко объединяясь в вооруженные мотомеханизированные банды, имея в своем распоряжении колесную технику, деньги, оружие, поддельные документы и пособников. Все годы войны с ними буквально «воевали» сотрудники отдела борьбы с бандитизмом (ОББ) УНКВД ЛО при полной агентурно-оперативной поддержке территориальных органов госбезопасности¹².

Одной из опаснейших форм противодействия мерам властей по укреплению идеино-патриотического единства в период битвы за Ленинград стало массовое распространение слухов (от разглашения безответственных лиц – болтунов, до умышленных провокационных «вбрасываний» с целью дезорганизации порядка и управления).

Начальник Управления П.Н. Кубаткин называл распространение ложных слухов – своего рода «моральной диверсией»¹³. С лета 1941 г. буквально лавиной на ленинградцев обрушились слухи о «добровольных немцах», оккупировавших западные районы Ленинградской области. Эти слухи явно раскалывали городское общество и делали его восприимчивым к последующим утверждениям «очевидцев и свидетелей о немецкой благотворительности».

Вредоносный характер, по оценке органов госбезопасности, несли и рукописные листовки антисоветского содержания. Так, зафиксированный органами осенью 1941 г. листовщик «Церковник», прикрывавшийся религиозными фразами, распространял в листовках антисоветскую агитацию, призывая жителей города к сдаче Ленинграда немцам¹⁴. В розыск в этот период были объявлены и другие авторы листовок («Обошвили», «Вампир», «Террорист», «Робертштейн»), действующие в законспирированном режиме. У арестованных в 1941–1942 гг. жителей города Ковзана, Петрова, Шабашева, Волкова были изъяты рукописные листовки явно клеветнического, террористического характера¹⁵. Проходивших по уголовному делу № 808-1941 года пенсионер А.В. Сысоев изготовил листовку с карикатурой на руководителей государства¹⁶.

Параллельно, органами госбезопасности, фиксировались факты пересказов отдельными гражданами содержания немецких и финских листовок, в которых население города и области призывалось «поддерживать и доверять» военно-оккупационным властям как «освободителям» советского народа от ненавистного «жидобольшевистского режима». В ряде немецких листовок действительно содержалась, например, правдоподобная информация о содействии оккупационных властей православным приходам, единоличным крестьянским хозяйствам и др.

Резко возрос с началом войны приток анонимных писем антисоветского содержания. В листовках и анонимных письмах сквозили презрение и ненависть к большевистскому режиму, коммунистам и их активу. Эти чувства у части населения региона находили свое воплощение в практических поступках, конкретных действиях. Знали об этом и властные структуры. По некоторым оценкам, около 25% населения региона перед войной были «недовольны Советами»¹⁷.

У сотрудников УНКВД – УНКГБ ЛО не было иллюзий по поводу монолитности идеино-патриотического единства населения Ленинграда и области как в довоенный период, так и в годы войны. Оперативные подразделения Управления и территориальные органы госбезопасности (РО и ГО НКВД – НКГБ) располагали всей полнотой информации, касающейся этих аспектов и осуществляли в 1941–1945 гг. комплекс агентурно-оперативных мер по их позитивному разрешению.

Наиболее распространенными и не менее опасными с точки зрения властей представлялись провокационно-враждебные слухи и повстанческие настроения, тиражируемые в разной степени интенсивности частью населения города и области. Как следует из разъяснений циркуляра УНКВД ЛО от 13 августа 1941 г., одной из их «подпиток» были немецкие листовки. Обнаруженные и изъятые во многих районах Ленинграда, они, прежде чем попасть в город, подвергались массовой чистке населением в местах обороноспособных работ и в поездах при возвращении домой¹⁸. И хотя подобные листовки оперативно собирались бойцами истребительных подразделений и МПВО весь период блокады¹⁹, часть из них по-прежнему читалась и хранилась населением, не смотря на

действие указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» и секретных директив НКГБ СССР от 26 и 28 июня 1941 г.²⁰

Сообщения агентурно-осведомительного аппарата и отдельных лиц о росте в городе и области слухов, возбуждающих растерянность, тревогу и вызывающих панику граждан, нуждались в соответствующей проверке. К середине лета 1941 г. когда уже практически нельзя было отличить «слухи» от «официальных сообщений», циркулирующих среди населения, УНКВД ЛО распорядилось с 18 июля перепроверить все сообщения и работать «... лишь по точно установленным фактам»²¹. 23 июля УНКВД ЛО, разъясняя требования директивы НКВД СССР № 166 от 14 июля 1941 г. по подследственности органов НКГБ, ведущих дела «по распространителям ложных слухов», руководство определило порядок ареста и следствия по ним территориальных подразделений²².

Несмотря на рекомендации по «фильтрации» распространяющихся слухов, их содержание и объекты резко отличались друг от друга. В сообщениях осведомителей нередко «замешивались» разной оперативной ценности сведения. Так, по информации 1942 г. проходила учительница школы № 132 Яковлева, которая в тяжелую блокадную зиму 1941–1942 г. подбирала под диктовку детям такие предложения, как «Бабушка испекла вкусный пирожок и кусочек дала внучке», «Каждый цветочек на лугу, каждый листочек в лесу радуется теплу и свету» и др.²³ В этот же период рабочий фабрики «Красный Октябрь» Добкевич уверял рабочих ремонтного цеха о том, что вопрос о Ленинграде как вольном городе уже решен по настоянию Англии и Америки²⁴.

Особую социальную опасность представляли имевшие место призывы к расправам над коммунистами и чиновниками, якобы повинными в страданиях и лишениях жителей города и области. Количество арестованных за антисоветскую агитацию было самым высоким по сравнению с другими оперативными окрасками.

Активные формы и методы агентурно-оперативной работы УНКВД – УНКГБ ЛО были направлены и на установление лиц, уклоняющихся от сдачи на хранение органам Наркомсвязи радио-

аппаратуры. Такое решение советского правительства было утверждено постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 июня 1941 г.²⁵ 28 июня 1941 г. совместным приказом начальников УНКГБ ЛО и УНКВД ЛО № 0069/00176 оперативным отделам и РО НКГБ – НКВД ставилась задача через агентурно-осведомительную сеть выявить в Ленинграде и районах области лиц, у которых имеется радиоаппаратура и сообщить органам наркомата связи Союза ССР для изъятия. Для выявления радиоприемных и передающих устройств предлагалось использовать разные способы: мероприятия по светомаскировке, ремонт телефонов, водопроводов, проверка противопожарной безопасности и т.п. Органы госбезопасности, в отличии от органов милиции и оперчекотдела УИТЛК УНКВД ЛО, могли вести следствие только по лицам, на которых имелись компроматериалы о их контрреволюционной деятельности и уклоняющихся от сдачи данной аппаратуры²⁶.

Не смотря на жесткие требования, процесс сдачи аппаратуры на местах явно саботировался: к середине июля 1941 г. ни одна районная организация в Ленинграде и области не сдала имеющиеся радиоприемники органам связи. Более того, по информации УНКВД ЛО от 20 июля, в районах местные руководители «... производят на них прием передач из-за рубежа, разнося затем всякие провокационные измышления среди населения»²⁷. Оценив обстановку ОК ВКП (б) разрешил оставить по одному приемнику РК ВКП (б), исполному Райсовета, РО НКГБ и РО НКВД. В Ленинграде к 23 июля было изъято лишь 24 приемника. Свыше десяти отделений городской милиции к этому времени не изъяли ни одного такого устройства²⁸.

Вскрылись чекистами и некоторые ухищрения по маскировке радиопередающей аппаратуры в блокадном городе, когда через окна домов, заделанных щитами проводились радиоантенны и другое оборудование. Сотрудникам милиции рекомендовалось при обнаружении новых вводов антенн «... ничего не предпринимать, а срочно сообщать во 2-ой спецотдел УНКВД ЛО»²⁹.

Связь органов госбезопасности с населением играла важную роль в решении ими оперативных задач. Однако прибегали они к ней крайне редко, соблюдая, как им представлялось принципы

конспирации и не разглашения характера оперативных мероприятий. Подобное поведение сотрудников вынуждало отдельных «инициативников» обращаться в руководящие инстанции, предлагая меры неотложного оперативного характера.

К середине декабря 1941 г. из материалов агентурного наблюдения, разведывательного опроса, перлюстрации, проверки сигналов и следствия были дополнительно установлены объекты, утаившие от сдачи властям, имеющуюся у них радиоаппаратуру. Начальнику УНКВД ЛО П.Н. Кубаткину доложили о лицах, распространяющих немецко-фашистскую пропаганду и нелегально слушающих радиопередачи немецких радиостанций, среди которых оказались некоторые ответственные работники. Своим совершенно секретным приказом № 416 от 22 декабря 1941 г. начальник УНКВД ЛО распорядился «... изъять без исключения из всех квартир и учреждений, ... подключив для этих целей агентурно-осведомительную сеть, все радиоприемники индивидуального пользования ...»³⁰. С 5 по 10 марта 1942 г. подразделения ГАИ Управления милиции Ленинграда провели еще одну операцию по окончательному доизъятию в том числе и из автомашин, установленных там радиоприемников³¹.

Острие агентурно-оперативной работы подразделений УНКВД – УНКГБ ЛО все годы войны было нацелено на ту часть подучетных антисоветских элементов, которые в связи с ее началом, не изменили своих прежних антисоветских высказываний и намерений. Во всех директивах НКГБ СССР, адресованных с 22 июня 1941 г. территориальным органам госбезопасности понятие «антисоветские элементы» употреблялось наряду с понятиями «агенты иностранных разведок», «уголовно-бандитствующие элементы», «внутренняя контрреволюция», «пятая колонна» и др.

Таким образом, в органах госбезопасности вновь возвращались к расширительному толкованию как самих участников, так и деяний «пятой колонны». Другими словами, это по-прежнему были «контрреволюционные, антисоветские элементы, ведущие подрывную работу» и которые учитывались в органах госбезопасности по группам и окраскам.

Усиление агентурно-оперативной работы было связано также с задачами предотвращения попыток «внутренней контрреволю-

ции» расшатать складывающийся в блокированном Ленинграде особый чрезвычайный режим военного положения³².

В тоже время, «повстанческие» опасения властей были не только преувеличены, но и беспочвенны, хотя такой оценке придерживаются не все исследователи. Так, А.К. Сорокин, связывает создание (из сотрудников НКВД) 13-го мотострелкового полка и мотострелкового отряда с необходимостью оперативного резерва «... для борьбы с вражескими проявлениями внутри города...».

Можно с большой долей вероятности предположить, что созданные на крупных оборонных предприятиях вооруженные рабочие отряды (от 200 до 250 чел.), как правило, под командованием парторгов ЦК ВКП (б), одну из главных негласных задач имели по предотвращению разного рода несанкционированных демонстраций, забастовок и иных выступлений против существующих властей и их режима. Вооружение, специальная подготовка, агентурно-оперативное обеспечение и контроль за деятельностью этих отрядов полностью лежал на УНКВД – УНКГБ ЛО.

Между тем, по немецким полицейским сводкам для командования, зимой 1941–1942 г. в Ленинграде «... нельзя было рассчитывать на организованное выступление, которое может привести к какому-либо изменению. Город прочно находится в руках Советов»³³. В последующем прошли аресты, выселение из Ленинграда и пригородных районов области, предание суду и военным трибуналам всех участников вскрытых и ликвидированных контрреволюционных групп и формирований.

На определенный раскол идеино-патриотического единства населения Ленинграда и области в исследуемый период были направлены распространяемые анонимные антисоветские письма и листовки. В довоенный период в УНКВД – УНКГБ ЛО имелся некоторый опыт проведения агентурно-оперативных мероприятий по розыску авторов подобных документов и распространителей листовок и анонимок.

Однако в условиях войны изменились многие параметры работы. Так, заметно увеличился тираж однородных листовок. Вместо писем и текста от руки стал применяться набор типографического шрифта, шапирографы, гектографы, пишущие машинки, специальные штампы из дерева. Авторами большинства писем и

листовок были учащиеся училищ, вузов и школ. Распространение продукции происходило не на улицах и в публичных местах, а по подъездам жилых домов. Изготовление листовок осуществлялось, как правило, в одном месте, а распространение в другом и др.

Хотя розыск авторов антисоветских листовок и анонимок был выделен директивными указаниями НКВД СССР в январе 1941 г. в самостоятельную линию оперативно-чекистской работы³⁴ и в условиях начавшейся войны в Управлении его осуществляло 7-е отделение СПО УНКГБ ЛО, оперативные сотрудники подразделения испытывали определенные трудности при организации агентурно-оперативных мероприятий по этой линии работы.

Во-первых, 7-е отделение по действующим нормативам не имело у себя постоянно действующей агентурно-осведомительной сети. В то же время, от оперативных сотрудников – розыскников требовалось окончательное установление авторов и распространителей антисоветской продукции с передачей законченных дел в следственную часть.

Во-вторых, массовые перемещения жителей региона (эвакуация, выселение, мобилизация и др.), наплыв беженцев и переселенцев из других регионов, сделали практически бесполезными для работы, созданные еще до войны в ряде оперативных отделов Управления, специальные папки (альбомы) фотокопий антисоветских листовок и анонимных писем.

В-третьих, измененные антисоветскими группами и отдельными гражданами способы и технологии (графические элементы подчерка, химические составы чернил, клея, срезов бумаги и т.п.) требовали проведения тщательной специальной их экспертизы, специальные аппараты которой в УНКВД – УНКГБ ЛО до 1944 г. полностью отсутствовали.

Основополагающими ведомственными нормативными актами, регулирующими деятельность УНКВД – УНКГБ ЛО по организации агентурно-оперативной работы по розыску авторов и распространителей антисоветских листовок и анонимных писем стали: директива НКВД СССР № 4 от 7 января 1941 г.; циркуляр НКГБ СССР № 42 от 13 июля 1941 г.; приказ УНКВД ЛО № 57 от 11 августа 1941 г.; циркуляр НКГБ СССР № 13 от 23 января 1945 г.

Так, согласно п. 4 директивы № 4 вводилось дополнительное обязательное правило – во всех агентурных делах, делах-формулярах и учетных делах иметь образец почерков подучетных лиц. В циркуляре № 13 содержалось требование о выделении отдельным протоколом показаний авторов анонимных документов с описанием методов и способов, применяемых ими при их изготовлении. В циркуляре № 42 оперативные сотрудники при розыске авторов анонимных материалов (писем, листовок) обязывались производить: анализ анонимных писем; сличение почерков; установление почерка на «ПК»; проверку картотеки почерков; просмотр альбомов почтовых штемпелей и оттисков шрифтов пишущих машинок; наружное наблюдение и другие формы и методы агентурно-оперативной работы.

Руководство управления держало на постоянном контроле это направление деятельности оперативных подразделений. Так, приказанием по УНКВД ЛО к 1 сентября 1941 г. все отделы Управления и районные отделы НКВД города обязаны были представить на разрабатываемый контрреволюционный элемент образцы их почерков и сдать их на проверку в 7-е отделение СПО города³⁵. Почтотелеграммой УНКВД ЛО № 39 от 22 июля 1942 г. категорически воспрещалось территориальным подразделениям и оперативным отделам Управления кроме СПО УНКВД ЛО ведение самостоятельного розыска авторов анонимных писем и листовок и объяснялось – почему³⁶.

Испытанные формы и методы агентурно-оперативной деятельности территориальных подразделений УНКВД – УНКГБ ЛО по обеспечению идеально-патриотического единства населения Ленинграда и области применялись и по отдельным его группам и категориям.

Так, вербовка агентуры и ее внедрение в различные группы интеллигенции, научно-технических работников, студентов и учащихся училищ, проверка связей и сигналов направлялись в интересах профилактики и ликвидации антисоветских и враждебных формирований среди них. Приемы агентурного проникновения, оперативной разработки и разложения антисоветских формирований среди духовенства и инвалидов сочетались с агентурным наблюдением и различными комбинациями по изолиро-

ванию враждебной деятельности отдельных их представителей. Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Идейно-патриотическое единство рассматривалось властями Ленинградского региона как важнейшее условие стабильности политического режима, особенно в военное время. В довоенный период многое удалось сделать в этом направлении: в пропагандистских мероприятиях развивалась национально-государственная идея, происходило соединение патриотической идеологии с большевистскими положениями о роли освободительных войн и революционного сознания. Вместе с этим, идеино-патриотическая идеология воспринималась не всеми группами населения, часть из которой рассчитывала на собственную стратегию выживания, предпочитая дистанцироваться от властей и их инициатив. Местное военно-политическое руководство не исключало вариантов усиления всех форм контроля, ужесточения нажима и репрессий на эту часть населения, которая в условиях начавшейся войны своей позицией и поведением негативно влияла на укрепление единства общества для отпора врагу.

Идеологические центры и разведслужбы фашистской Германии главное острое подрывной пропаганды направили на дестабилизацию всех сторон жизнедеятельности блокадного города и на ускоренную фашистскую «перековку» жителей оккупированных районов Ленобласти. Эти меры врага отличались напористостью, изощренностью содержания, быстрой смены объектов идеологического воздействия. Их конечная цель – военное поражение советских войск. В этой обстановке проявление элементов растерянности и неорганизованности органов местной власти, затянувшиеся на длительный срок, повлекло за собой цепь событий и явлений, заметно ослабляющих идеино-патриотическое единство населения города и области. Оперативным подразделениям УНКВД – УНКГБ ЛО во взаимодействии с другими органами партийно-государственного контроля удалось резко ослабить, а по ряду направлений надежно блокировать, деятельность нацистских идеологических центров и спецслужб, а также их почитателей, пособников и прямых агентов. Существенного влияния на общественное сознание жителей Ленинграда и области противнику достичь не удалось. Значение влияния антисоветских

элементов и «повстанческих» сил было явно преувеличено немецкими аналитиками, ошибочно уповающими на антипатриотизм части ленинградцев и на неспособность органов госбезопасности переломить негативные тенденции.

Тяжелейшая многомесячная блокада города и оккупация части районов области и другие негативные факторы, способствовали широкому распространению в начальный период войны среди населения враждебно-provokacionных слухов, антисоветских листовок и анонимных писем, подталкивающих его на участие в погромах, забастовках, восстаниях и терроре против властей. Военно-политическое руководство региона, не исследуя истинные причины негативных политических проявлений и апеллируя к своему обладанию чрезвычайными полномочиями, обязывало органы госбезопасности вести политический контроль за всем населением региона и применять карательные меры против подозреваемых в антисоветских намерениях и проявлениях, полагая, что эти акции укрепят идеально-патриотическое единство населения. Их реализация не обошлась без нарушения законности, прав и свобод части граждан, необоснованно репрессированных органами госбезопасности, внутренних дел, суда и прокуратуры.

¹ Демидов А.М. Деятельность территориальных органов государственной безопасности на объектах оборонных отраслей промышленности. Июнь 1941 – апрель 1943 гг. (по опыту работы органов госбезопасности Урала и Поволжья): дис. ... канд. юр. наук. М., 1992. С. 110, 140.

² Там же. С. 110.

³ Яров С.В. Ощущения голода в описаниях ленинградцев, 1941–1942 // Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX – середина XX в.: Материалы международном коллоквиума (Санкт-Петербург 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014. С. 409.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 26. Д. 1322. Л. 46–47.

⁵ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (СПб. и ЛО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 80.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 28. Оп. 1. Д. 6. Л. 45, 46.

⁷ Демидов А.М. Деятельность территориальных органов государственной безопасности на объектах оборонных отраслей промышленности. Июнь 1941 – апрель 1943 гг. (по опыту работы органов госбезопасности Урала и Поволжья): дис. ... канд. юр. наук. М., 1992. С. 110.

-
- ⁸ Демидов А.М. Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах): монография. Бишкек, 2007. С. 277.
- ⁹ Кантор Ю.З. «Улицы стали проспектами мертвых». К вопросу о смертности в Ленинграде в первое полугодие блокады (по материалам архива УФСБ по СПб и ЛО) // Петербургский исторический журнал. 2018. № 4. С. 143.
- ¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2б. Д. 1323. Л. 80.
- ¹¹ Там же. Оп. 2в. Д. 5760. Л. 92.
- ¹² Панфилец А.В. Органы и войска НКВД на Северо-Западе СССР в годы Великой Отечественной войны: монография. СПб., 2016. С. 141–146.
- ¹³ Незримый фронт на защите Ленинграда. 1941–1944 / Авт. – сост.: С.К. Бернев. СПб., 2021. С. 290.
- ¹⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 12. Оп. 2. П. 5. Л. 12.
- ¹⁵ Там же. Фонд уголовных дел (ФУД). Д. 4040. Л. 149, 157; Д. 18029. Л. 129, 130; Д. 24284. Л. 63, 64, 69; Д. 129. Л. 32, 33, 41, 42, 46.
- ¹⁶ Там же. Д. 808. Л. 58, 66.
- ¹⁷ Аксенов О.П. Мосты в грядущее. О судьбах ленинградских чекистов. СПб., 2020. С. 339.
- ¹⁸ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 49, 50, 51.
- ¹⁹ Там же. Д. 85. Л. 298.
- ²⁰ Демидов А.М. Деятельность территориальных органов госбезопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. (на архивных материалах). С. 168–169; Пянкевич В.Л. «Люди жили слухами»: Неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб, 214. С. 466, 468.
- ²¹ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 78. Л. 41, 41об.
- ²² Там же. Л. 44.
- ²³ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 5766. Л. 166.
- ²⁴ Там же. Д. 5760. Л. 93.
- ²⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. Книга I. Начало 22 июня – 31 августа 1941 года. С. 75–76.
- ²⁶ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 75. Л. 526.
- ²⁷ Там же. Д. 78. Л. 71.
- ²⁸ Там же. Д. 81. Л. 163, 163об.
- ²⁹ Там же. Л. 221.
- ³⁰ Там же. Д. 75. Л. 1204.
- ³¹ Там же. Д. 87. Л. 83.
- ³² Янгол Н.Г. Чрезвычайное законодательство и исключительные правовые режимы: история и современность: монография. СПб., 2000. С. 172–211.
- ³³ Ковалчук В.М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. Посвящается 60-летию Великой Победы. СПб., 2005. С. 106.
- ³⁴ ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 86. Л. 148.
- ³⁵ Там же. Д. 78. Л. 113, 114.
- ³⁶ Там же. Д. 86. Л. 148.

*А.А. Колягина
Е.Е. Шерстнёв
г. Москва*

**Из истории деятельности советской разведки на Ближнем
Востоке в 1920-е – 1960-е гг.**

Ближний Восток всегда был важен для внешней политики нашего государства, и в XX в. этот регион приобретает первостепенное значение, когда высказывание В.И. Ленина о том, что «Восток принесет мировую революцию»¹ во многом предопределило направление деятельности советской разведки и контрразведки на следующие десятилетия.

Рассматривая деятельность советской разведки на Ближнем Востоке в указанный период времени, следует отметить проблему дефицита источников информации по данной теме. Материалы о специфике работы советской спецслужбы достаточно широко представлены на этапе ее становления в регионе, однако следующие годы описаны более скучно: излагается, как правило, лишь последовательность операций и их суть. Но вместе с тем, даже из имеющихся источников и историографии можно выделить некоторые общие и частные эпизоды и фрагменты, безусловно помогающие приблизиться к раскрытию обозначенной тематики.

В начале 1920-х гг. советская разведка в основе своей вела деятельность по борьбе с белой эмиграцией и антисоветскими партиями, однако привычные для нее методы работы оказались не вполне эффективными применительно к «восточной почве». В этой связи в 1922 г. был создан Восточный отдел в составе Секретно-оперативного управления ГПУ СССР² и тогда же возникли споры о целесообразности передачи функций Контрразведывательного отдела Восточному. Так, Р.А. Пилляр, помощник начальника Особого отдела ГПУ при НКВД РСФСР, писал, что «восточный шпионаж тесно сплетен со шпионажем государств Европы»³, а потому функции отделов могли во многом совпадать. Восточный отдел сочетал в себе как задачи контрразведки (сдерживание национально-религиозных притязаний нерусских народов), так и внешней разведки (вопросы ведения разведки на со-

предельных, неевропейских, территориях)⁴. Работники спецслужб оценивали события в среде нерусских народов, транслируя уже известные им схемы и подходы, апробированные на партиях и организациях центральных регионов России. Как отмечал Я.Х. Петерс (начальник Восточного отдела ГПУ) в циркулярном письме № 2 в ноябре 1922 г., работники спецслужб имели только «очень смутные» представления о признаках национальной контрреволюции, поэтому чекисты были неспособны разобраться в различных течениях и группировках и отличить действительную контрреволюцию даже от вполне законных национальных стремлений⁵.

Однако создание нового отдела не решило проблему отсутствия квалифицированных кадров (в центральных резидентурах работало 3-4 сотрудника, а в периферийных – 1-2). В 1920-е гг. советская разведка только формировалась, и в условиях недостаточного количества компетентных кадров, тем более на восточном направлении, часто одни и те же люди выполняли разные функции. Так, они были одновременно и разведчиками, и дипломатами, и торговыми агентами, и учеными⁶. Примером этому может служить разведывательная работа в Королевстве Неджд и Хиджаз (с 1932 г. – Саудовская Аравия), где деятельность ОГПУ СССР не была организована до прибытия в 1925 г. туда советского посла К.А. Хакимова, его секретаря М.М. Аксерольда и представителя Наркомторга СССР Н.М. Белкина. Их работа не несла систематического характера, поскольку сотрудники не обладали необходимой подготовкой⁷. Деятельность советской разведки в Саудовской Аравии прекратилась с разрывом отношений между двумя государствами в 1938 г., что дало повод историкам сказать о том, что «советско-саудовские отношения тоже стали жертвой сталинских репрессий»⁸.

Функции информационно-аналитических, разведывательных, научно-исследовательских структур в сборе и анализе информации часто пересекались. Так, основными функциями отделений Коминтерна, работающих на Востоке, были постоянный систематический сбор информации о регионе, налаживание связей с революционным движением и его поддержка, пропаганда коммунистических идей и ценностей⁹. На практике же на Ближнем Восто-

ке Коминтерн подменял собою разведывательные органы СССР ввиду меньшего числа резидентур и сотрудников в регионе.

Активно велась работа в Палестине. Первоначально информация о ситуации в Палестине поступала по каналам советской разведки лишь эпизодически и чаще всего авторами донесений являлись члены левосионистских рабочих организаций, выходцы из России. В свое время В.А. Гурко-Кряжин, известный советский востоковед, отмечал важность Палестины «в ее роли коммерческого посредника между Западом и прилегающими азиатскими и африканскими рынками». Также интерес советской разведки к Палестине определялся следующим фактором: к 1925 г. на «Святой Земле» осело 5 000 белоэмигрантов, вследствие чего Палестина стала, наряду с Турцией, одним из «белоэмигрантских центров», установление контроля над которыми рассматривалось как задача по обеспечению безопасности СССР. Также она представлялась регионом, откуда можно вести разведывательную работу во всех арабских странах, для чего планировалось использовать еврейскую коммунистическую партию.

Программа ближневосточной политики Коминтерна была сформулирована в обращении «К народам Востока» Первого международного съезда туземных рабочих и крестьян Востока. В разделе, посвященном палестинскому вопросу, арабские и еврейские трудящиеся Палестины призывались к совместной борьбе против их общего врага – Великобритании¹⁰. Таким образом, главная задача палестинской стратегии Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) заключалась в организации широкого антиимпериалистического движения на принципах международного единства под руководством партии, входящей в Коминтерн¹¹.

Условия работы в резидентурах, дипломатических миссиях и посольствах в странах Ближнего Востока были очень тяжелыми: невыносимая жара, болезни, нехватка питьевой воды и продуктов питания. Звучали и следующие сравнения: «А вокруг – XIII век в чистом виде!»¹². Также поступали многочисленные жалобы сотрудников разведки относительно финансовой, транспортной и технической оснащенности резидентур¹³. Средств не хватало не

только на личные расходы, но и на ведение оперативной работы. Резидентуры не были оснащены транспортными средствами.

Наиболее остро стояла проблема регулярной связи с Москвой, когда резиденты направляли начальнику ИНО ОГПУ М.А. Триллессеру письма, в которых отмечали, что «... при таких условиях даже тогда, когда будет у нас серьезный материал, он рискует попадать к Вам устарелым». Так, агентура Я.Г. Блюмкина донесла о волнениях в Палестине 1929 г. только когда они уже приняли широкий характер¹⁴.

Несмотря на то, что с 1926–1927 гг. установилась телеграфная связь между Центром и главными резидентурами, проблема связи так и не была решена, поскольку расходы на этот способ связи были велики и не были разработаны надежные шифры для передачи разведывательных сведений. Основным способом связи с Центром были оперативные письма, в которых использовалась тайнопись. Ко всему прочему, разведке приходилось иметь дело и с нечистоплотными в личных отношениях и злоупотребляющими своим положением сотрудниками дипломатических посольств.

Деятельность советской разведки на Ближнем Востоке, как и на Среднем, была осложнена и тем, что местные спецслужбы стремились взять под контроль всех советских представителей, ограничить их контакты с населением¹⁵. В 1930 г. советский разведчик Г.С. Агабеков (бывший резидент в Тегеране (в 1927 г.) и в Стамбуле (в 1929 г.) бежал во Францию, где издал свои воспоминания под названиями «Секретный террор: записки разведчика» и «Ч.К. за работой», в которых описал методы работы советской разведки и разоблачил многих советских агентов и сотрудников. Часть агентуры ОГПУ была арестована правительствами стран, где они проводили свою деятельность, а руководители резидентур были отозваны в Москву, поскольку больше не могли продолжать свою работу¹⁶. Все это навредило советской разведке, поскольку в связи с произошедшим событием, имевшим широкий резонанс, многие источники информации и кандидаты на вербовку прервали контакты с ней.

В предвоенные годы советская внешняя разведка более активно вела работу на территории стран Среднего Востока, а не Ближнего, где агентура стран «оси» (Германии, Италии и Японии)

(в первую очередь – германская) проникла в большинство государственных, частных учреждений и предприятий. С началом Великой Отечественной войны целью деятельности советской разведки стало недопущение перехода нейтральных государств на сторону стран «оси», а также организация с их территории разведки против Германии и ее союзников¹⁷.

В военные годы именно Турция стала центром деятельности нацизма и пропаганды против союзных держав на Ближнем Востоке, а проводником этой линии стал немецкий посол в республике Ф. фон Папен, который занимался вопросами и дипломатии, и разведки. Так, в 1941–1944 гг. представитель абвера в Стамбуле передавал ему для оценки добытые сведения большой политической важности, которые дипломат, в свою очередь, направлял главе немецкой военной разведки и контрразведки адмиралу В. Канарису¹⁸.

24 февраля 1942 г. в Анкаре было совершено покушение на Ф. фон Папена. Существует версия, что покушение было инсценировано по приказу начальника РСХА (Главного управления имперской безопасности Германии) Р. Гейдриха¹⁹ во взаимодействии с турецкими спецслужбами с целью втянуть республику в войну со странами антигитлеровской коалиции. Однако в покушении на посла был обвинен И.Г. Ахмедов, сотрудник советской военной разведки под прикрытием должности пресс-атташе посольства СССР в Анкаре. 3 мая 1942 г. советский разведчик попросил у турецких властей политического убежища и сообщил специальным службам республики все известные ему сведения о покушении и информацию об оперативной деятельности советской разведки в стране²⁰. В связи с этим по подозрению в покушении на убийство были задержаны сотрудники торгпредства СССР Г. Павлов и Л. Корнилов, которые являлись советскими разведчиками под прикрытием, а позже был арестован и резидент в Турции Г.И. Мордвинов²¹. После покушения на германского дипломата турецкая контрразведка ужесточила наблюдение за советскими легальными резидентурами.

Важно отметить, что имеется и другая версия произошедшего. Так, по П.А. Судоплатову, «Сталин приказал ликвидировать фон Папена»²². Но в литературе есть еще мнение, что покушение на

немецкого посла было разработано заместителем начальника военной разведки НИД (отдел военно-морской разведки Великобритании) Я. Флемингом²³, будущим автором повествований о Джеймсе Бонде.

В послевоенное время ареной столкновений многих спецслужб на Ближнем Востоке становится столица Египта. Поэтому в своих мемуарах многие советские разведчики отмечают, что условия в Каире весьма благоприятны для разведывательной деятельности, ведь население Египта поддерживало политику советского государства, а фразу «Рус – тамам» («руssкие – это хорошо») можно было услышать почти от каждого местного жителя²⁴.

Если советская разведка отслеживала обстановку на Ближнем Востоке и подстраивалась под нее, то ее оппоненты, английские и американские специальные службы, оказывали влияние непосредственно на события, происходящие в регионе. Когда ситуация выходила из-под контроля, ЦРУ (основано в 1947 г.) и МИ-6 (Секретная разведывательная служба Британии) иногда и вовсе шли на отчаянные шаги, такие как физическая ликвидация политических деятелей Востока.

В 1950-е гг. политика Великобритании на Ближнем Востоке подверглась серьезным испытаниям, поскольку ее позиции были подорваны непрогнозируемым приходом к власти в Египте Г. А. Насера в 1952 г.²⁵ и Суэцким кризисом 1956 г. Все это изменило ситуацию на всем Ближнем Востоке. Резидентуры МИ-6 оказались не в состоянии профессионально оценить ситуацию в регионе, поскольку местный командный состав армии, полиция и служба безопасности были очищены от пробританских элементов. Агентурная связь МИ-6 в Египте разладилась, и поток разведывательной информации в Лондон стремительно сокращался²⁶. В Великобритании приступили к разработке плана устранения Насера после ряда событий, которые не соответствовали геополитическим интересам этой страны. Полагаясь на поддержку США, заместитель генерального директора СИС Дж. Янг заявлял своим американским коллегам, что Египет угрожает самому существованию Великобритании, и поэтому Насер должен быть ликвидирован. План СИС «Саламандра» предусматривал физическое устранение лидера Египта агентурой Интеллиджанс Сервис из

числа пробритански настроенных офицеров египетской армии²⁷, для этой цели был завербован заместитель начальника разведки BBC Египта М. Халиль. План «Саламандра» как возник, так впоследствии и прекратил свое существование в связи с тем, что Халиль был подставлен англичанам египетской разведкой²⁸.

Также англичане не смогли предотвратить переворот в Ираке 1963 г., так как СИС допустила ту же ошибку, что и в Египте, завербовав агентов в среде союзников, а не из числа антибританских элементов. Переворот в Ираке был предпосылкой формирования блока арабских государств во главе с Насером. Американцы сначала поддерживали эту тенденцию как средство дальнейшего уменьшения британского влияния, однако вскоре поняли, что совершили ошибку, и новый иракский лидер генерал Касем в конце концов перекочевал в список потенциальных объектов для убийства со стороны ЦРУ²⁹. Известно, что во время покушения на Касема Саддам Хусейн, будущий лидер Ирака, работал непосредственно с сотрудниками ЦРУ, однако нет никаких официальных данных, что он был завербован в качестве агента американской спецслужбы³⁰.

Поскольку во время Суэцкого кризиса Англия и Израиль выступали на одной стороне, установились и связи между СИС и Моссадом³¹, которые наладили контакты и обмен информацией о Египте, Сирии, Ливии, Ираке и Палестине. Неплохие возможности для развития сотрудничества между двумя разведками предоставляла столица Ливана – Бейрут.

В свою очередь советская разведка, сотрудничая со спецслужбами арабских стран, работала против Израиля. Вербовка евреев, как правило, проходила на идеологической основе. Так, агент советской разведки и сотрудник Моссада, И. Беэр, после его разоблачения использовал в суде одно оправдание: он считал, что Израиль попал в зависимость от западных держав, и верил, что его родина должна стать союзником коммунистических стран³². В советских органах безопасности был создан своего рода «свод правил» по работе с евреями. Разработкой кандидатов на вербовку занимались евреи по национальности, поскольку так было легче завоевать доверие вербуемых. Сложность же работы заключалась в том, что израильские разведчики из Моссада сами консуль-

тировали евреев о том, как обнаружить наблюдение и уйти от него или избежать вербовки.

Также советской разведкой в Средиземном море использовались корабли, оснащенные специальным электронным оборудованием. Устройства были способны перехватывать радио и телефонные переговоры на территории Израиля, а также вывести из строя систему связи в стране³³. Получаемая информация как анализировалась советскими экспертами, входящими в экипаж судов, так и направлялась в Центр.

С приходом к власти Насера в Каире был установлен жесткий контроль за деятельностью иностранных структур и создана сильная египетская контрразведка – «Мабахис»³⁴. Поэтому следующей ареной противоборства спецслужб стал Бейрут, поскольку в Ливане «местная контрразведка была беспомощной...»³⁵. Долгое время это ближневосточное государство считалось «золотой жилой» для разведывательной работы, так как внутренняя ситуация в нем предоставляла множество возможностей для прикрытий, легенд и обретения связей³⁶.

В 1965 г. сотрудник КГБ СССР Виктор Иванович Черкашин был направлен в Бейрут, где его задачей стала работа против посольства США и его учреждений. Советский разведчик отзывался о Бейруте как о «самом оживленном перекрестке Ближнего Востока, его финансовом и транспортном центре». «Известный и привлекательный из-за своей свободной обстановки город был центром дипломатической, деловой и разведывательной деятельности – своего рода «Парижем» Ближнего Востока»³⁷.

Бейрут был городом со «свободной обстановкой», его многочисленные бары, кафе и казино привлекали американцев. Поэтому сотрудников органов безопасности направляли в столицу Ливана в первую очередь для деятельности против США. Разведчики часто прибегали к помощи работников различныхочных заведений, где за дополнительную плату те охотно делились сведениями «о своих клиентах-заслугодатаях»³⁸.

Также в деятельности советских разведчиков на Ближнем Востоке активно практиковался метод «чужого флага». Метод, по признанию многих, был весьма успешным, однако и у него были свои недостатки. Так, разрабатываемых агентов было сложно

убедить в достоверности фальшивых прикрытий³⁹, а также разоблачение грозило дипломатическими проблемами и скандалом. Поэтому в резидентуре приняли решение не использовать в Бейруте этот метод.

По мнению В.И. Черкашина, лучшими агентами были ливанцы. Несмотря на антисоветские настроения в официальных кругах страны, многие жители положительно относились к СССР (из-за поддержки арабских стран (Сирии) против Израиля и Египта). Среди агентов советской разведки в Ливане числились сотрудники Второго бюро (подразделение контрразведки в армии Ливана), полицейские, бизнесмены и многие другие.

Так, одним из особо ценных агентов являлся «Патриот». Он был завербован на идеологической основе, поскольку испытывал симпатии к СССР и поддерживал политику Москвы по сдерживанию влияния США на Ближнем Востоке. «Патриот» никогда не брал денег за свои услуги и нередко сам настаивал на оплате обеда в ресторане, где проходили встречи. Агент выполнял различные функции: добывал необходимую информацию, занимался вербовкой и даже участвовал в самых опасных операциях.

Однако не только советская разведка «хозяйничала» в Ливане: и ЦРУ весьма комфортно чувствовало себя в Бейруте, где работа для них казалась еще более легкой. «Свободная обстановка» в городе шла на пользу американцам: их общительность и владение арабским языком определенно имели свои преимущества. В этой связи В.И. Черкашин отмечал: «...в то время как мы в поте лица должны были вербовать агентов-арабов, казалось, что они сами пачками падают на руки «цэрэушникам»⁴⁰.

Таким образом, деятельность советской разведки на Ближнем Востоке была осложнена многими факторами, среди которых следует отметить недостаточное финансирование резидентур, невыносимые бытовые условия работы в них, отсутствие квалифицированных кадров и др. Эффективность разведки во многом зависела и от международного статуса государства, в котором она проводилась: условия в стране благоприятствовали деятельности спецслужб иностранных государств, если она была «марионеточной» и находилась под мандатом или протекторатом европейского государства. Однако, когда территория становилась суверенной,

устанавливался жесткий контрразведывательный режим и контроль со стороны местных специальных служб, что препятствовало любым действиям иностранных разведывательных организаций.

¹ Гусева Ю.Н. Первый циркуляр Восточного отдела ГПУ: советские спецслужбы и национально-конфессиональная политика советского государства (1922 г.) // «Гасырлар авазы – Эхо веков». 2019. № 1. С. 44.

² Христофоров В.С. Документы Центрального архива ФСБ России по истории Афганистана 1920-1930 годов // Восточный архив. 2010. № 1 (21). С. 69.

³ Там же. С. 71.

⁴ Гусева Ю.Н. Указ. соч. С. 44.

⁵ Там же. С. 45.

⁶ Агапов М.Г. Деятельность советской разведки в еврейско-палестинском сообществе (1920-е гг.) // Социум и власть. 2013. № 5 (43). С. 125.

⁷ Агабеков Г.С. Секретный террор: Записки разведчика. М., 1998. С. 304.

⁸ Кузьмин В.А. Страницы дипломатической деятельности К.А. Хакимова // Известия УрГУ. 1997. № 7. С. 57.

⁹ Балашов Ю.А. Структура и деятельность аппарата Ближневосточной политики Коминтерна // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2004. № 1. С. 347.

¹⁰ Агапов М.Г. Истоки советско-израильских отношений. «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920–1930-е гг. Тюмень, 2011. С. 120.

¹¹ Фурсов К. Демонтаж колониальных империй: роли западных спецслужб // Свободная мысль. 2020 г. № 6 (1684). С. 37.

¹² Кузьмин В. А. Указ. соч. С. 56.

¹³ История российской внешней разведки: Очерки: В 6 т. Т. 2. 1917–1933 годы. М., 2014. С. 242.

¹⁴ Агабеков Г.С. Указ. соч. С. 303.

¹⁵ История российской внешней разведки... Т. 2. С. 244.

¹⁶ Агабеков Г.С. Ч.К. за работой. Берлин, 1931 г. С. 5.

¹⁷ История российской внешней разведки... Т. 4. 1941–1944 годы. М., 2014. С. 9.

¹⁸ Райле О. Указ. соч. С. 207.

¹⁹ Магомедханов В.М. Нацистская Германия, турецкий «нейтралитет» и «курдские» интриги германской разведки // Грамота. 2014. № 10 (48). Часть 2. С. 140.

²⁰ Севтап С. Советский след в Анкарском покушении и освещение этого события в советской прессе // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 45. С. 307.

²¹ История российской внешней разведки ... Т. 4. С. 478.

²² Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 1998. С. 174

-
- ²³ Савич И. На острие тайной войны: Страницы истории зарубежных спецслужб. М., 2002. С. 103.
- ²⁴ Баусин Л. Спецслужбы мира на Ближнем Востоке. М., 2001. С. 56.
- ²⁵ Фалиго Р., Коффер Р. Всемирная история разведывательных служб: Т. 2: Со времен холодной войны до наших дней. М., 1998. С. 143.
- ²⁶ Красильников Р. КГБ против МИ-6. Охотники за шпионами». М., 2000. С. 122.
- ²⁷ Там же. С. 224.
- ²⁸ Блок Д., Фитцджеральд П. Тайные операции английской разведки. Ближний и Средний Восток, Африка и Европа после 1945 года. М., 1987. С. 101.
- ²⁹ Там же. С. 102.
- ³⁰ Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М., 2006. С. 317.
- ³¹ Красильников Р. Указ. соч. С. 122; Равив Д., Мелман Й. История разведывательных служб Израиля. М., 2000.
- ³² Айзенберг Д., Дан У., Ландау Э. Моссад. Секретная разведывательная служба Израиля. М., 1993. С. 237.
- ³³ Там же. С. 256.
- ³⁴ Баусин Л. Указ. соч. С. 36.
- ³⁵ Там же. С. 36.
- ³⁶ Черкашин В., Файфер Г. В поисках агента. Записки разведчика. М., 2019. С. 103.
- ³⁷ Там же. С. 85.
- ³⁸ Там же. С. 90.
- ³⁹ Черкашин В., Файфер Г. Указ. соч. С. 89.
- ⁴⁰ Черкашин В., Файфер Г. Указ. соч. С. 87.

О.П. Унгуштаев
 В.С. Роднов
 г. Москва

**Историко-педагогический анализ развития и
 совершенствования рукопашного боя в органах
 госбезопасности СССР**

Историко-педагогический анализ состояния общей и специальной физической подготовки сотрудников органов государственной безопасности и других силовых ведомств России в период с 1917 г. по настоящее время показал, что специальная физическая подготовка в отечественных силовых структурах всегда выступала в качестве одного из приоритетных направлений профессиональной подготовки сотрудников. При этом рукопашный бой всегда был в качестве ее основного системообразующего компонента.

Историко-педагогический анализ содержания и материалов по военно-прикладному и служебному направлению в спецподразделениях позволил выделить два основных этапа становления и развития системы специальной физической подготовки: первый этап (советский) – 1917–1991 гг., второй (российский) – с 1991 г. – по настоящее время. В рамках первого этапа выделяются два подэтапа: 1917–1945 гг. и 1945–1991 гг.

Физическая подготовка и спорт в отечественных органах безопасности в период с 1917 по 1945 г. характеризовались органической взаимосвязью и единством с общей системой физического воспитания в стране и были направлены на профессиональную подготовку сотрудников для решения служебно-оперативных и боевых задач.

Анализ учебных программ по военно-прикладным и служебным направлениям в спецподразделениях РККА и НКВД позволяет сделать вывод о том, что подготовке сотрудников (воинов) отводилось значительное внимание со стороны государства, руководителей РККА и правоохранительных органов. Свидетельством тому являются: работы В.С. Ощепкова «Дзюу-до», материалы которой вошли в комплекс норм ГТО II ступени, Г.А. Калачева

«Штыковой бой» (по иностранным источникам, 1927), В.А. Спиридонова «Основы самозащиты» (1928; 1932), Н.Н. Ознобишина «Искусство рукопашного боя» (1930); Наставление по рукопашному бою в РККА (1938), учебное руководство по фехтованию и рукопашному бою для физкультурных вузов (1940), «Курс подготовки разведчика», состоящий из программы для спортивных секций коллективов физической культуры по рукопашному бою и фехтованию (1940); работы Н.Н. Симкина «Ближний бой» (1944), по материалам которой была создана программа занятий по военно-прикладному разделу вольной борьбы (самбо) для сотрудников спецподразделений РККА, НКВД, К.Т. Буличко «Подготовка к рукопашному бою и маршевая тренировка. Программа массовой подготовки», а также «Физическая подготовка разведчиков» (1945), А.А. Харлампиева «Самооборона и нападение без оружия» (1948) и др. Данные наставления, книги и пособия находили отражение при составлении планов, программ для физической подготовки воинских частей НКВД СССР.

Как отмечали исследователи истории физической подготовки и рукопашного боя в силовых структурах¹, рукопашный бой являлся одним из самых первых разделов физической подготовки, по которому проводились занятия с бойцами Красной армии и в системе Всевобуча. Так, в 1919 г. в числе первых советских руководящих документов по физической подготовке была разработана программа занятий по рукопашному бою. В этом же году в качестве дополнения к «Строевому пехотному уставу РККА» было утверждено руководство «Обучение штыковому бою», в котором закладывались основы методики комплексной тренировки в рукопашном бою, преодолении препятствий, метании гранат и развитии морально-боевых качеств.

При этом, как показало исследование А.И. Ушенина, в 1922 г. в «Программу по физической подготовке Красной Армии» в содержание предмета «Рукопашный бой» помимо раздела, обучающего владению холодным оружием, был включен раздел «Способы защиты и нападения без оружия», а именно приемы бокса и борьбы. Данная программа указывала на необходимость проведения в процессе тренировки в полевых условиях комплексных соревнований, включающих преодоление препятствий, метание гранат и

рукопашный бой.

В 1923–1925 гг. издается первое официальное Руководство по физической подготовке – «Физическая подготовка Рабоче-крестьянской Красной Армии и допризывной молодежи». Оно закрепило разделение содержания рукопашного боя на два раздела: «Владение холодным оружием» (кн. 6, 1923) и «Способы защиты и нападения без оружия» (кн. 8, 1925). Первый раздел делился на две части: «Владение саблей» и «Владение винтовкой». Однако содержание Руководства по владению холодным оружием в основном сводилось «...к неприменимым в бою, чисто спортивным приемам фехтования, а методика обучения не обеспечивала развитие качеств и навыков для успешных действий в ближнем бою»². Необходимо отметить, что данное руководство не получило широкого распространения в Красной армии и больше использовалось в обществе «Динамо» для подготовки сотрудников милиции и ВЧК (ОГПУ). Для дальнейшего совершенствования и усиления боевой прикладности рукопашного боя важную роль сыграло издание в 1929 г. «Временного руководства по обучению рукопашному бою в РККА» и в 1930 г. «Временного руководства по штыковому бою».

Неоценимый вклад в развитие рукопашного боя в Красной армии внес Г.А. Калачев, помощник инспектора физической подготовки и спорта РККА. В своей работе «Штыковой бой» (1927)³ он провел сравнительный анализ разделов воинских уставов российской, германской, французской, английской и американской армий, относящихся к обучению штыковому бою. Автор пришел к выводу, что все то, что учтено в этих уставах, требует полного приложения и учета в подготовке бойцов РККА. В книге указывалось также на необходимость изучения бойцами приемов безоружного боя.

Ретроспективный анализ показал, что первые положительные изменения в развитии рукопашного боя произошли после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг.

В то время наблюдался огромный интерес к восточной культуре. В России издавались различные пособия по японской борьбе джиу-джитсу. Так, известный спортивный деятель И.В. Лебедев на основе техники джиу-джитсу и элементов французской борьбы в 1915 г.

подготовил учебное пособие для полиции «Самооборона и арест», которым и после 1917 г. пользовались сотрудники органов госбезопасности и милиции. В своей работе И.В. Лебедев рассматривал приемы борьбы: при самообороне от нападения невооруженного и вооруженного противника (24 варианта защиты); при аресте неопасного преступника (освоение 11 вариантов ареста); при аресте опасного преступника (освоение 13 вариантов ареста). Он также отмечал, что главным условием удачного выполнения приемов самообороны и ареста будут сохранение духа и полнейшее хладнокровие. Оба эти качества достигаются путем постоянной тренировки, то есть регулярными упражнениями. При практическом прохождении с товарищами приемов самообороны следует после двух- или трехнедельной тренировки просить товарищей делать «примерные нападения» врасплох, чтобы приучить себя применять защитные приемы мгновенно, механически⁴. В то время (1914–1915 гг.) большое внимание уделялось подготовке инструкторов по курсу самообороны и ареста из числа надзирателей и городовых.

В гимнастических обществах Петербурга и Москвы преподавались уроки джиу-джитсу. Проводились поединки между бойцами джиу-джитсу и боксерами, борцами, тяжелоатлетами. Во Владивостоке начал работать кружок дзюдо и джиу-джитсу, было организовано преподавание японской борьбы и самозащиты в Восточном институте, проводились международные турниры.

Историко-педагогический анализ становления рукопашного боя в отечественных силовых структурах показал, что в довоенное время выделялись две основных школы: В.С. Ощепкова и В.А. Спиридонова. При этом школа В.А. Спиридонова была наиболее популярна у сотрудников НКВД, а школа В.С. Ощепкова – в РККА.

Так, уже в 1922 г. началось преподавание джиу-джитсу на специальных курсах при штабе Московского военного округа и в обществе «Динамо». Этой работой руководил бывший офицер Русской армии В.А. Спиридов⁵, в дальнейшем возглавивший работу по обучению боевым приемам борьбы сотрудников органов госбезопасности и милиции. Фактически В.А. Спиридов был одним из первых специалистов рукопашного боя с оружием в ВЧК. На основе техники джиу-джитсу, бокса и практического опыта сотрудников

правоохранительных органов он создал собственную систему рукопашного боя. Вначале она называлась «САМ», а позже – «САМОЗ». Система отличалась от самбо и во многом напоминала айкидо. Ударная техника не исключалась, но тактика поединка строилась исключительно на контратаках. В настоящее время данное направление рукопашного боя отчасти нашло свое продолжение в стиле А.А. Кадочникова. В группе В.А. Спиридонова были ученики: Д. Давыдов, А. Пронин, В. Харитонов, В. Ерошкин, П. Чертенко, В. Волков и др. В 1929 г. в Ленинграде В. Харитонов уже организует курсы для начальников пограничной охраны округа (40 человек). В 1927, 1928 и 1933 гг. В.А. Спиридонов публикует труды, в которых выражены его теоретические и практические концепции. Он разработал главные вопросы содержания самозащиты на базе использования интернациональных достижений. Все лучшее, что пригодно для практики, было заимствовано из многих систем единоборств. Первая работа (1927 г.) носила название «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу» и содержала приемы и термины из джиу-джитсу.

Работа под названием «Самозащита без оружия» (тренировка и состязания) (1928) включала материал, который стал основополагающим для становления отечественной системы рукопашного боя. В ней даны лучшие приемы, взятые из разных видов единоборств (как отечественных, так и зарубежных). Автором изложены правила проведения соревнований, основные характеристики которых дошли до наших дней – оценка бросков из стойки, на спину, удержание, выполнение болевых приемов на руки и ноги, время встречи, форма спортсменов, термин «самбо» и т.д. Среди многих идей выделяется формулировка, где В.А. Спиридонов указывает на развитие и особенности тактической подготовки и взаимосвязанного влияния физической и психологической подготовки. В работе 1933 г. В.А. Спиридонов постарался обобщить то, что было им сделано на тот период⁶. Таким образом, можно сделать вывод, что В.А. Спиридонов был создателем основного содержания самозащиты, от которого позже начали развиваться два направления: самозащита и борьба самбо.

Значительную роль в становлении рукопашного боя в отечественных силовых структурах сыграл Н.Н. Ознобишин, издав в 1930 г. свой труд «Искусство рукопашного боя» (с 99 рисунками).

Автор писал, что мода на самозащиту пришла в 1910 г. и дал интересную и точную оценку другим видам единоборств: «У нас в СССР преподавание «самозащиты» ведется в школах милиции и органах ГПУ и пока не охватывает массы, ... по крайней мере, в этой области мы можем указать лишь одного человека, нашего уважаемого собрата по оружию В.А. Спиридонова, много лет неустанно и с успехом работающего в этой труднейшей области нашего искусства»⁷.

Н.Н. Ознобинин дал свою точку зрения на особенности рукопашного боя, определил шесть основных позиций-ситуаций для рукопашного боя, высказал мысль о большей силе удара ногой, чем рукой, и т.д. Его теоретические идеи были развиты в силовых структурах лишь сорок лет спустя.

Второе направление в становлении отечественного рукопашного боя активно разрабатывал В.С. Ощепков, выпускник токийского института дзюдо Кодокан – впоследствии первый резидент советской военной разведки в Японии. Своих успехов в искусстве самозащиты он достиг, обучаясь у создателя дзюдо Дзигаро Кано⁸.

В 1929 г. В.С. Ощепков начал разрабатывать систему рукопашного боя и самозащиты без оружия для Красной армии. Он обогатил дзюдо различными техниками борьбы: грузинской «чидаоба», узбекской «кураш», азербайджанской «гулеш» и др. В.С. Ощепков и его ученики фактически создали новый вид борьбы, который в дальнейшем стал называться «самбо». Система самбо была разделена на разделы: боевой и спортивный. Боевой раздел самбо преподавался в НКВД и офицерам армейской разведки.

В 1932 г. в комплекс ГТО II ступени была введена самозащита⁹. По этому поводу В.С. Ощепков отмечал: «Дзюу-до, вошедшая в комплекс ГТО II ступени, делится на две части – спортивную и прикладную. Спортивная часть дзюу-до состоит из раздела борьбы невооруженных, в который входят: подготовительные упражнения, способы страховки и самостраховки, приемы борьбы. Прикладная часть дзюу-до состоит из разделов: борьба невооруженных, борьба невооруженных против вооруженных, борьба вооруженных»¹⁰.

Программа по дзюу-до, рассчитанная на зимний период (с сентября или октября по май включительно), составлялась из расчета трех занятий в декаду по 2–2,5 ч, обычно на 120 ч. При проведении краткосрочных курсов в целях сдачи норм ГТО II ступени по дзюу-до программа изучалась в течение 30 ч. Начинать изучение рекомендовалось с 18 лет. Освоение всех разделов прикладной части дзюу-до начиналось после того, как была изучена спортивная часть дзюу-до¹¹.

Прикладной раздел включал: обезоруживание нападающего с ножом, палкой, огнестрельным оружием; защиту от уколов штыком; защиту от ударов малой лопаткой и др. Все спортивные действия проводились в соответствии с правилами спортивного дзюдо, состоящими из 29 параграфов¹².

После смерти В.С. Ощепкова в 1937 г. работу по созданию системы рукопашного боя для силовых структур продолжили его ученики, среди которых были И.В. Васильев, А.М. Ларионов, Н.М. Галковский, А.А. Харлампиев и др. Ленинградцы И.В. Васильев и А.М. Ларионов в 1938 г. подготовили «Наглядные пособия по самозащите (дзюдо) комплекса ГТО второй ступени». В 1937 г. Н.М. Галковским был представлен в инспекцию физической подготовки и спорта Красной армии разработанный им труд, излагающий методику обучения приемам рукопашного боя невооруженного с вооруженным и технику выполнения этих приемов. Все приемы были подробно описаны и проиллюстрированы фотоснимками. Через год данное пособие было опубликовано и включено в «Наставление по подготовке к рукопашному бою РККА».

Одной из наиболее интересных с точки зрения изучения педагогики отечественных трудов 1930–1940-х гг. по проблеме рукопашного боя является книга В.П. Волкова «Курс самозащиты без оружия «Самбо». В своей работе ученик В.А. Спиридонова не только усвоил идеи учителя, но и развил их, гармонично объединив с наработками В.С. Ощепкова, подробно описал и разработал теоретические и практические основы самбо, свободную тренировку, захваты и ответные приемы, приемы специального назначения, методику и технику преподавания предмета «Самбо», анатомо-физиологические основы самозащиты без оружия, возмож-

ные повреждения при занятиях самбо, оказание первой помощи, а также учебную программу на 30, 60 и 120 ч.¹³

Практическая и научно-методическая работа по военно-прикладным видам спорта активизировалась в СССР после выхода в свет приказа по Всесоюзному комитету по делам физкультуры и спорта при СНК СССР от 16 ноября 1938 г. за № 633 «О развитии борьбы вольного стиля» (самбо). В частности, одним из пунктов в приказе было отмечено, что «...принимая во внимание оборонное значение борьбы вольного стиля, включить в комплекс норм ГТО II ступени, как одну из зачетных норм, для мужчин спортивную борьбу, для женщин комплекс самозащиты, на основе борьбы вольного стиля»¹⁴.

Улучшению работы по комплексу ГТО способствовала деятельность спортивных секций по военно-прикладным видам спорта. В частности, в 1940 г. Всесоюзным комитетом по делам физкультуры и спорта при СНК СССР была утверждена программа, подготовленная К.Т. Буличко, для спортивных секций коллективов физической культуры по рукопашному бою и фехтованию.

Рукопашный бой и фехтование входили в комплекс ГТО как нормативы защиты и нападения, включенные в 7 группу (по выбору) и в общие нормы и требования комплекса в виде преодоления 150-метровой полосы препятствий.

Важными факторами, влиявшими на внедрение и развитие рукопашного боя в различных подразделениях силовых структур, являлись различные задачи, стоявшие перед ними: в армии – уничтожение противника, как правило, штыком, саперной лопатой, ножом; в милиции – задержание и конвоирование преступника. Схожие задачи стояли и перед сотрудниками НКВД.

Характерной особенностью развития системы рукопашного боя в период с 1917 по 1945 г. была малодоступность изучения техники и тактики самозащиты широким массам населения нашей страны, что позволяло чекистам и сотрудникам милиции практически беспрепятственно применять «секретные» приемы рукопашного боя в служебно-прикладных ситуациях. Но такое состояние дел не всегда стимулировало обучаемых к углубленному изучению техники и тактики, а инструкторам позволяло обходиться минимальным набором методик преподавания рукопашного боя.

Значительное влияние на развитие рукопашного боя оказала Великая Отечественная война (1941–1945 гг.). Советские бойцы легендарных частей особого назначения, разведчики и партизаны на практике проверяли эффективность систем рукопашного боя. 19 апреля 1943 г. по приказу И.В. Сталина было создано Главное управление военной контрразведки «Смерш» Наркомата обороны. Подавляющее число сотрудников были вчерашними сотрудниками НКВД. В 1946 г. «Смерш» упразднили, вместо него появились Особые отделы МГБ. Военная контрразведка пресекала шпионскую, диверсионную и террористическую деятельность иностранных разведок в воинских частях на фронте и в тылу, выявляла предателей, изменников, дезертиров в прифронтовой полосе и в районах, освобожденных Красной армией. Сотрудник «Смерш» должен был в совершенстве владеть приемами задержания, обезоруживания и уничтожения противника без оружия.

Прикладная физическая подготовка военных разведчиков проводилась также в соответствии с вышеописанными программами и наставлениями 1930–1940-х гг., принятymi «на вооружение» отделами физической и боевой подготовки Наркоматов обороны и внутренних дел. Некоторые программы были разработаны одним автором. В связи с этим в каждой отдельной программе делался акцент на различные способы схватки (на броски, удары, болевые приемы, работу с клинковым оружием или с подручными предметами), но в совокупности все разработки объединялись под общими названиями «рукопашный бой», «ближний бой» и «самбо».

Опыт Великой Отечественной войны стал богатым источником для дальнейшего совершенствования содержания методов, форм и средств физической подготовки в органах государственной безопасности. Результатом обобщения этого опыта стали Наставления по физической подготовке (НФП) 1948 г., 1954 г. и последующих лет, в которых большое внимание отводилось рукопашному бою, преодолению препятствий, прикладному плаванию, лыжной подготовке, маршброскам.

Анализ теории и практики специальной физической подготовки, а также обучения рукопашному бою в послевоенный период с 1945 по 1991 г. выявил, что специальная физическая подготовка, а особенно обучение рукопашному бою слушателей обра-

зовательных учреждений МГБ–КГБ СССР и сотрудников государственной безопасности приняло более системный характер и вошло в планы профессиональной учебы.

Физическая подготовка в органах и школах КГБ СССР организовывалась в соответствии с государственными нормативными актами, наставлениями по физической подготовке в Вооруженных Силах СССР и ВМФ, приказами руководителей органов безопасности. Об этом более подробно будет изложено в следующих работах.

¹ Ушенин А.И. Формирования умений и навыков судейства рукопашного боя у курсантов учебных заведений МВД России : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005; Роднов В.С., Унгуштаев О.П. Рукопашный бой и физическая подготовка сотрудников КГБ СССР – ФСБ России // Додзе. Боевые искусства Японии. 2005. Вып. 2 (28). С. 19–22; Роднов В.С., Унгуштаев О.П. Возникновение, становление, развитие, совершенствование, стандартизация профессионально-прикладной физической подготовки кадров для системы обеспечения государственной безопасности СССР – России : монография. М., 2006 и др.

² Ушенин А.И. Формирования умений и навыков судейства рукопашного боя у курсантов учебных заведений МВД России : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2005.

³ Калачев Г.А., Симкин Н.Н. Ближний бой. Опыт разведчика : сборник. М., 2007. С. 6–7.

⁴ Лебедев И.В., Ощепков В.С. Самозащита и борьба. М., 2004. С. 14–15.

⁵ Лукашев М.Н. Сотворение самбо: система САМ становится САМБО. М., 2003.

⁶ Спиридов В.А. Самозащита без оружия. Основы самозащиты. Тренировка. Методика изучения. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1933.

⁷ Озюбиишин Н.Н. Искусство рукопашного боя. М., 1930.

⁸ Лукашев М.Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме и умереть в сталинской... М., 2003; Троян Е.И. Обучение боевым приемам борьбы в служебно-прикладной физической подготовке слушателей учебных центров МВД России : дис. ... канд. пед. наук. Тобольск, 2006.

⁹ Харлампиев А.А. Система самбо : сборник документов и материалов (1933–1944 гг.). М., 2003. С. 124.

¹⁰ Лебедев И.В., Ощепков В.С. Самозащита и борьба. М., 2004.

¹¹ Там же. С. 165–166.

¹² Там же. С. 224–229.

¹³ Волков В.П. Курс самозащиты без оружия «Самбо»: учеб. пособие для школ НКВД. М., 1940. Ч. 1. Ч. 2.

¹⁴ Харлампиев А.А. Система самбо : сборник документов и материалов, 1933–1944 гг. М., 2003. С. 119–120.

О.М. Хлобустов
г. Москва

Некоторые вопросы руководящей роли КПСС в деятельности органов КГБ СССР

Принцип руководящей роли КПСС в деятельности советских органов госбезопасности считался основополагающим, хотя нередко подменялся доминированием роли первого лица, первого руководителя партии.

В постановлении ЦК КПСС «О положении в МГБ» № П2/1 от 4 декабря 1952 г. содержалось категорическое требование усиления контроля партийных органов за их работой: «Необходимо решительно покончить с бесконтрольностью в деятельности органов МГБ и поставить их работу в центре и на местах под систематический и постоянный контроль партии, ее руководящих партийных органов, партийных организаций»¹.

Об усилении партийного контроля за деятельность органов госбезопасности после смерти И.В. Сталина свидетельствуют также мемуары председателей КГБ при СМ СССР И.А. Серова и В.Е. Семичастного². Серов приводит немало примеров докладов Президиуму ЦК КПСС по различным вопросам, хотя нередко получал в ответ «Не суйтесь не в свои дела!»³.

В решении ЦК КПСС в марте 1954 г. об образовании КГБ при СМ СССР была сформулирована и главная его задача: «В кратчайший срок ликвидировать последствия вражеской деятельности Берия в органах государственной безопасности и добиться превращения органов госбезопасности в острое оружие нашей партии, направленное против действительных врагов нашего социалистического государства, а не против честных людей»⁴. Это решение, как и многие последующие инициативы и заявления Н.С. Хрущева, были продиктованы опасениями и подозрениями в отношении органов госбезопасности, по его мнению, недостаточно «очистившихся от «бериевцев» и недостаточно охваченных «партийным влиянием и контролем».

24 мая 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о прокурорском надзоре в СССР, а

для осуществления надзора за следствием в органах КГБ в Прокуратуре СССР был образован специальный отдел. Также контроль за деятельностью КГБ осуществлялся ЦК КПСС, в частности, Отделом административных органов ЦК, а также соответствующими отделами республиканских, краевых и областных комитетов КПСС. В эти отделы для проверки и принятия по ним необходимых решений также перенаправлялись адресованные в партийные инстанции жалобы и заявления граждан в отношении действий сотрудников органов КГБ.

В этой связи однозначно недопустимо отождествлять КГБ при СМ СССР с его историческими предшественниками – НКВД-НКГБ и МГБ. Хотя, в то же время, деятельность органов КГБ в 1950-е – 1960-е гг. не была свободна от влияния субъективизма и волюнтаризма как советского государственного руководства, так и их собственных руководителей.

В связи с выявленными в процессе пересмотра уголовных дел фактами нарушений социалистической законности, в конце 1955 г. была образована специальная Комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с секретарями ЦК П.Н. Поспеловым и А.Б. Аристовым для изучения и оценки деятельности органов НКВД-НКГБ-МГБ-МВД СССР в 1930-е – 1950-е гг., результаты работы которой и стали основой для подготовки доклада Н.С. Хрущева делегатам XX партийного съезда. В этой связи не следует принимать на веру утверждение А.Е. Хинштейна о том, что, якобы, «доклад Хрущева (делегатам XX съезда КПСС о последствиях культа личности И.В. Сталина – О.Х.), в действительности готовился на Лубянке»⁵, поскольку его окончательный текст действительно писался Первым секретарем ЦК КПСС лично.

Подчеркнем и следующие важные обстоятельства: по вскрывшимся в процессе пересмотра уголовных дел фактам, а также по результатам следствия в отношении высокопоставленных работников органов госбезопасности, началось выявление и привлечение к ответственности лиц, непосредственно виновных в грубых нарушениях социалистической законности.

Естественно, что многие положения «секретного» доклада Н.С. Хрущева делегатам съезда, или их интерпретации, начали активно использоваться в антисоветской и антикоммунистиче-

ской пропаганде как за рубежом, так и в радиопропаганде на СССР, что привело к серьезным политическим кризисам осени 1956 г. в Польской Народной Республике и Венгерской Народной Республике.

Как вспоминал заместитель директора ЦРУ Р. Клайн, «Выступление Хрущева стало событием исторического значения, ибо документировано обличив сталинизм как невиданных размеров политическое зло, он был вынужден перейти к более мягким формам тоталитарного управления страной»⁶.

Еще одним непосредственным итогом непродуманных, волонтистских решений стало то, что под лозунгом «исключить возможность возврата к 1937 году», в нарушение конституционного принципа равенства граждан перед законом, правоохранительным органам – прокуратуре, МВД и КГБ – было запрещено получать компрометирующие материалы на представителей партийно-советской номенклатуры.

Это ошибочное, а также антиконституционное, противоправное политическое решение 1956 г. вывело значительные контингенты лиц, наделенных административными властно-распорядительными, контрольными и хозяйственными полномочиями, из-под контроля не только органов КГБ СССР, но и всех правоохранительных органов. Создав, с одной стороны, некое подобие касты «неприкасаемых», оно, в то же время, способствовало зарождению «телефонного права», появлению коррупции. С другой стороны, его реализация на практике облегчала иностранным спецслужбам попытки вербовочных подходов и оперативной разработки партийно-государственных функционеров различного ранга. Вследствие чего, руководящая элита страны оказалась без должного контрразведывательного прикрытия от разведывательно-подрывных устремлений и воздействия спецслужб иностранных государств. А в совокупности оно имело самые негативные последствия для судьбы страны и советского государства.

О реализации партийных установок по «преодолению последствий культа личности» И.А. Серов докладывал в ЦК КПСС в июне 1957 г.: «...были приняты меры к очищению чекистских кадров от лиц, не внушающих политического доверия, нарушите-

лей социалистической законности, от карьеристов, выполнявших вражеские установки, морально неустойчивых и малограмотных работников. Из органов госбезопасности было уволено более 18 тыс. человек как неспособных обеспечить выполнение поставленных перед органами КГБ задач. В том числе более 2 300 сотрудников за нарушение советской законности, злоупотребление служебным положением и аморальные проступки. Кроме того, за дискредитацию органов госбезопасности 40 бывших ответственных работников органов госбезопасности были лишены генеральских званий... В 1955 г. штатная численность органов была дополнитель но сокращена на 7 678 единиц и 7 800 офицеров переведено на положение рабочих и служащих⁷. Эти цифры и факты необходимо сопоставить со словами В.Е. Семичастного о том, что именно А.Н. Шелепин начал «чистку» органов КГБ от «берегевцев». Но, добавим при этом, что оба преемника Серова – и Шелепин, и Семичастный, могли просто не знать, не интересоваться подобными фактами, что целесообразно иметь ввиду при чтении мемуаров.

Отметим, что в записке В.Е. Семичастного в ЦК КПСС № 179с от 22 января 1963 г. о работе с кадрами отмечалось: «За период с 1954 г. из органов госбезопасности /без войск/, с учетом проходивших сокращений штатов, уволено более 46 тысяч офицеров, в том числе почти половина – с 1959 г.»⁸. То есть, после назначения председателем КГБ при СМ СССР А.Н. Шелепина.

В цитированной записке Серова в ЦК КПСС в июне 1957 г. также отмечалось, что в результате предпринятых мер «Значительно улучшился качественный состав кадров органов госбезопасности. В настоящее время около 80 процентов сотрудников имеют высшее и среднее образование... Внимание всего руководящего состава и партийных организаций органов госбезопасности в настоящее время направлено на воспитание сотрудников в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и ее Центральному Комитету, на привитие оперативным работникам высокой дисциплины, самоотверженности при выполнении специальных заданий, на постоянное совершенствование их чекистского мастерства, необходимого для борьбы с врагами нашей Родины...».

КГБ также информировал ЦК КПСС об изменениях тактики разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб: «Враждебные действия и враждебная пропаганда разведок капиталистических государств вызвали надежду на восстановление капиталистического строя у скрытых врагов социализма, которые после венгерских событий несколько оживились и активизировали свою деятельность... ведут работу против партии, используя в этих целях неустойчивых и политически незрелых лиц из числа рабочих, интеллигенции, молодежи, призывая их к борьбе против советской власти...»⁹.

Наиболее четкую формулировку принцип руководящей роли КПСС в деятельности органов госбезопасности приобрел в утвержденном Советом Министров и ЦК КПСС 9 января 1959 г. Положении о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах. Пункт первый Положения устанавливал, что КГБ при СМ СССР «и его органы на местах являются политическими органами, осуществляющими мероприятия Центрального Комитета партии и Правительства по защите Социалистического государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственной границы СССР. Они призваны бдительно следить за тайными происками врагов советской страны, разоблачать их замыслы, пресекать преступную деятельность империалистических разведок против Советского государства...

3. Комитет государственной безопасности работает под непосредственным руководством и контролем Центрального Комитета КПСС. Комитет госбезопасности при СМ СССР несет ответственность за обеспечение государственной безопасности в стране и систематически отчитывается о всей проводимой им работе перед ЦК КПСС и Советом Министров СССР, а местные органы КГБ – соответственно перед ЦК компартий союзных республик, крайкомами, обкомами, горкомами, райкомами партии и Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР».

В п. 11 раздела «Кадры органов и войск государственной безопасности» Положения отмечалось: «Работники органов государственной безопасности должны воспитываться в духе беспощадной борьбы с врагами нашей Родины, умения предотвращать

преступления, выполнять свой служебный долг, не щадя своих сил, проявляя при этом решительность и инициативу. В органах государственной безопасности не должно быть места карьеристам, подхалимам и перестраховщикам».

В п. 12 подчеркивалось: «Органы государственной безопасности обязаны непосредственно и через соответствующие организации принимать меры предупредительного характера в отношении тех советских граждан, которые допускают политически неправильные поступки в силу своей недостаточной политической зрелости».

Руководители и партийные организации органов и войск КГБ обязывались воспитывать своих сотрудников «в духе партийной принципиальности, беззаветной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине, в духе бдительности, честного отношения к делу и строжайшего соблюдения социалистической законности»¹⁰.

В начале 1960-х гг. председателю КГБ при СМ СССР В.Е. Семичастному все же удалось привлечь внимание Президиума ЦК КПСС к «открытой психологической войне против СССР». В директиве Совета национальной безопасности США № 68 откровенно признавалось, что целью американской политики объявлялось «разрушение планов Кремля и ускорение распада советской системы». Ее авторами не скрывалось также, что «помимо утверждения наших ценностей, наша политика и действия должны быть направлены на то, чтобы вызвать коренные изменения в характере советской системы», «совершенно очевидно, что это обойдется дешевле и будет более эффективно, если изменения явятся результатом действия внутренних сил советского общества»¹¹.

В докладе Секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева Пленуму ЦК КПСС 18 июня 1963 г. информационно-пропагандистские акции иностранных государств против СССР оценивались следующим образом: «потерпев крах в военном соперничестве... стратеги и идеологи империализма делают теперь главную ставку на идеологические диверсии»¹².

В постановлении Пленума главными задачами идеиного воспитательной работы назывались формирование коммунисти-

ческих общественных отношений, воспитание нового человека; повышать политическую бдительность, вести развернутое наступление против империалистической идеологии, против пережитков прошлого в сознании людей.

Задача активного противодействия акциям идеологических диверсий против СССР была поставлена перед всеми государственными и партийными органами, общественными организациями, а также перед органами государственной безопасности.

Более детально принцип руководящей роли КПСС для деятельности КГБ рассмотрим на примере «вопроса о Солженицыне».

Документы по рассмотрению в высшей партийной инстанции вопросов относительно антиобщественной деятельности А.И. Солженицына, в том числе документы отдела культуры ЦК КПСС, КГБ при СМ и Прокуратуры СССР, МИДа и других государственных органов и организаций, были опубликованы в 1994 г. в сборнике «Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе Солженицыне»¹³. Все включенные в сборник документы были рассекречены на основании Указа Президента Российской Федерации № 658 от 23 июня 1992 г. «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

Отметим тот многозначительный факт, что материалы обсуждения «вопросов о Солженицыне» были собраны в отдельном многотомном деле Политбюро ЦК КПСС «О писателе А. И. Солженицыне» (Особая папка)¹⁴.

Всего КГБ СССР в ЦК КПСС были отправлены 43 информационных сообщения (начиная с сообщения от 5 октября 1965 г. № 2275-С с приложением меморандума «по оперативным материалам о настроениях писателя»), а также 26 записок КГБ СССР о полученных материалах в отношении А.И. Солженицына и предложения в этой связи Ю.В. Андропова¹⁵.

Как вполне справедливо и обосновано отмечали в предисловии к цитированному сборнику его авторы-составители, «ни один вопрос в отношении Солженицына не решался без соответствующих указаний и директивных рекомендаций высшего пар-

тийного органа», Политбюро ЦК не только активно собирало информацию о А. Солженицыне, но и «выступало в качестве главного организатора и режиссера всех пропагандистских мероприятий и общественно-политических кампаний в СССР и за рубежом».

Искусственному поддержанию интереса к личности Солженицына способствовало издание в 1968 г. в США и Европе, якобы, без разрешения автора, романов «Раковый корпус» и «В круге первом», а также регулярное обращение радиостанций «Свобода» и «Свободная Европа» к произведениям Солженицына, его интервью различным редакциям, произведениям эпистолярного жанра, который с 1968 г. стал любимым жанром Солженицына. Начало ему положило письмо от 16 мая 1967 г.¹⁶, равно адресованное зарубежным СМИ и IV съезду Союза писателей, которое конструировавший свою биографию Солженицын назвал «писательским бунтом». Его цитирование зарубежными «радиоголосами» на советско-российскую аудиторию призвано было создать Солженицыну образ «неустрешимого мыслителя и борца», радеющего о будущем страны и всего человечества, хотя, по сути, оно было посвящено исключительно личности его автора.

Вдохновленный поддержкой зарубежных организаций, занимавшихся активной пропагандой его неизданных произведений и имени, а также щадящей реакцией властей, объяснявшейся особенностями его биографии, Солженицын стал примерять на себя тогу общественного деятеля и трибуна.

Солженицын сам сознательно своими действиями исключил возможности как публикации его произведений в СССР, так и иные планы использования его произведений.

¹ Петров Н.В. Иван Серов – председатель КГБ. М., 2021. С. 260.

² Серов И.А. Записки из чемодана. Тайные дневники первого председателя КГБ, найденные через 25 лет после его смерти. М., 2016; Семичастный В.Е. Спецслужбы СССР в тайной войне. Издание 2-е, М., 2022.

³ Серов И.А. Записки из чемодана... С. 443, 458, 459, 527, 529–530, 531, 537; Хлобустов О.М. КГБ СССР 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. М., 2013.

⁴ Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М., 2003. С. 8.

⁵ Серов И.А. Записки из чемодана... С. 462; Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002.

⁶ Клайн Р. ЦРУ от Рузвельта до Рейгана. New-York, 1989 С. 242–244.

⁷ Семичастный В.Е. Спецслужбы СССР втайной войне. М., 2016. С. 214–217.

⁸ Политбюро и органы государственной безопасности. Сборник документов. /Автор-составитель О.Б. Мазохин. М., 2017. С. 720–732.

⁹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 58–68.

¹⁰ Лубянка: Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ – МВД – КГБ. 1917–1991. Справочник. Документы. М. 2003. С. 693–698.

¹¹ Главный противник: документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг. М., 2006. С. 383–384, 386–387.

¹² Пленум ЦК КПСС 18–21 июня 1963 г. Стенографический отчет. М., 1964. С. 16.

¹³ Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе Солженицыне. М. 1994.

¹⁴ Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 80. Д. 644.

¹⁵ Подсчитано по: Кремлевский самосуд. Секретные документы Политбюро о писателе Солженицыне. С. 585–595.

¹⁶ Вам мало того позора? Письмо Александра Солженицына съезду писателей. URL: https://www.solzhenitsyn.ru/zhizn_solzenizina/documents/2115. (дата обращения: 25.09.2023).

В.М. Топорков
г. Москва

**Об опыте участия отечественных органов безопасности в со-
здании специальных служб в зарубежных странах
(на примере Афганистана, 1978–1989 гг.)**

История отечественных органов безопасности неразрывно связана с деятельностью по организации и осуществлению взаимодействия с зарубежными спецслужбами. В советский период оно осуществлялось, в первую очередь, с государствами мировой социалистической системы, а также с теми странами, которые встали на социалистический путь развития. Подобного рода взаимодействие являлось важным элементом внешней политики СССР, вносившим большой вклад в укрепление его позиций на мировой арене. В 1970–1980-е гг. одной из стран, оставившей заметный след в межгосударственных отношениях и, в частности, сотрудничестве спецслужб, является Афганистан.

Комитет государственной безопасности СССР также принял участие в установлении и развитии связей органов безопасности двух стран. Особенностью сотрудничества можно рассматривать то обстоятельство, что КГБ СССР создал в Демократической Республике Афганистан (1978–1986 гг., с 1986 по 1992 г. – Республика Афганистан) новую специальную службу, разработав ее структуру (практически аналогичную КГБ), в значительной мере обеспечив её всем необходимым¹.

Весь период пребывания Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) у власти одной из острых проблем была кадровая. Это явилось важным обстоятельством, предопределившим решение руководства КГБ об оказании помощи афганцам в создании новой спецслужбы, подготовке сотрудников КАМА-СГИ-МГБ. Советский опыт такой помощи может представлять интерес и для российских органов безопасности, поскольку содействие национальным специальным органам ряда государств Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки, Южной Америки и иных регионов мира является частью международного

сотрудничества органов федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Вместе с тем, «Слабое знание стран-партнеров, особенностей психологии и подлинных интересов их народов, политических и иных процессов... оторванность внешнеполитической деятельности государства от страноведческой науки... неизбежно приводило к серьезным просчетам и ошибкам»². Эта выдержка из научного исследования характерна для большинства трудов, посвященных Афганистану. Известный советский и российский востоковед В.Н. Пластун, отдавший работе в этой и других странах Среднего Востока много лет, посвятил проблемам и недостаткам организации и осуществления практической советской помощи ДРА-РА объемную книгу с «говорящим» названием «Изранка афганской войны...». Кому-то может не понравиться критическая направленность книги. Однако польза её очевидна, поскольку показывает издержки и недостатки в работе советских советников, сказывавшихся на эффективности деятельности афганских ведомств³. В строительстве международных отношений государством практически невозможно избежать принятия решений, которые бы не вызывали вопросы на предмет их соответствия национальным интересам. В мировой истории мало примеров деятельности правительства и глав государств, оставивших в этой связи о себе благодарную память соотечественников, поскольку любая деятельность сопряжена с возможностью разного рода издержек: «не ошибается тот, кто не работает».

В данной статье автор, являясь непосредственным участником описываемых событий, анализирует опыт участия КГБ СССР в создании органов безопасности Афганистана периода 1978–1989 гг., предпринимает попытку выделить положительные и отрицательные стороны этой работы. Знание прошлого позволяет более грамотно выстраивать настоящее.

Представительство КГБ СССР, сформированное в Афганистане в июне 1978 года решением советского правительства в ответ на настойчивые просьбы афганского руководства, главной задачей имело создание органов безопасности, налаживание и поддерживание их эффективной деятельности по защите государства. Начав свою работу при

численности сотрудников в 19 человек, Представительство со временем развернулось до двух десятков отделов и групп с численностью сотрудников до нескольких сотен. Возглавляли его в разные годы Л.П. Богданов, В.Н. Спольников, Н.Е. Калягин, Б.Н. Воскобойников, В.П. Зайцев, В.А. Ревин⁴

В качестве положительного примера в плане помощи СССР по созданию органов безопасности Афганистана можно привести организацию подготовки сотрудников Службы государственной информации (СГИ) ДРА. Усматриваются три предпринятых, как представляется, верных в этом направлении шага. Первый – распоряжение Совета министров СССР от июня 1979 г. по организации, проведению и обеспечению учебного процесса в Учебном центре органов безопасности ДРА в Кабуле. Для реализации этой задачи увеличивалось количество советских преподавателей и специалистов, направляемых в Афганистан. Второй шаг – решение от июля 1980 г. о подготовке сотрудников СГИ ДРА на базе Высших курсов повышения квалификации кадров КГБ СССР в Ташкенте. Третий – решение от июля 1981 г. о начале подготовки афганских партнеров в специально создаваемом для этой цели Учебном центре в г. Ташкенте с постепенным доведением численности обучаемых до 600 чел.

Подготовка кадров для национальных органов управления развивающихся стран широко распространена в мировой практике. Советские преподаватели учили афганцев профессии, что только приветствовалось с их стороны. Задача идеологического воспитания решалась влиянием на партнеров окружающей действительности в столице советского Узбекистана, а также в процессе преподавания специальных и иных дисциплин.

Особое место в создании органов безопасности Афганистана и организации их практической деятельности занимали советники. Особенность эта обуславливалась их присутствием на всех уровнях структуры афганской спецслужбы, начиная с её формирования. По мере расширения структуры КАМА, СГИ, МГБ, круга решаемых задач и роста численности личного состава, увеличивалось и количество советников. К середине 1980-х гг. в центральном аппарате, территориальных органах и военной контр-

разведке МГБ советники имелись практически в каждом подразделении.

Работа сотрудника Представительства – советника включала в себя решение задач, поставленных перед ним вышестоящим руководством. Как правило, это было участие в пределах компетенции в обеспечении государственной безопасности своей страны и собственно советническая функция – оказание помощи ДРА в создании органов безопасности и осуществлении их деятельности по реализации возложенных на них задач и функций. Последняя претворялась в жизнь путем приставления советника ко всему начальствующему составу МГБ – от министра до начальника отдела. Утро советника начиналось с прибытия в подсоветный отдел и общения с его руководителями – начальником, заместителями, и, при необходимости, с конкретными сотрудниками. Афганских коллег называли словом «партнеры», подчеркивая этим самым паритетность отношений. Подразделения афганской спецслужбы размещались в ранее принадлежавших им зданиях, а также конфискованных, либо брошенных бежавшими за рубеж хозяевами виллах в разных частях Кабула.

При организации работы с афганскими партнерами (так было принято называть их в общении между сотрудниками Представительства) советники испытывали трудности, вызывавшиеся особенностями национальной, родоплеменной и религиозной структуры афганского общества. На качество даваемых ими рекомендаций и предложений влияло знание (или незнание) страны, обычая, традиций, её природно-климатических и географических особенностей. Подавляющее большинство советников (всех ведомств), особенно в начале 1980-х гг., прибывало в Афганистан, имея довольно смутные представления о стране⁵. Ситуация стала несколько улучшаться с развертыванием в ВУЗах СССР специализированных курсов и потоков слушателей и студентов для работы в ДРА. Их выпускники знали основные языки – пушту или дари и получали определенную страноведческую подготовку.

На работу подсоветных оказывало сильное влияние их этническая принадлежность. В перечне таких «интересов» этническая (клановая) принадлежность может быть отведена на первое место. Далее идут религиозная (сунниты, шииты – исмаилиты и

др.), крыльевая принадлежность (Хальк, Парчам) членства в правящей партии и в других политических партиях. В целом характерная для афганского общества «пестрота» интересов, определяющая социальное поведение человека, является сложной для уяснения европейцем.

Можно с твердостью утверждать, что как поступавшая с нижних «этажей» спецслужбы, от агентов, из резидентур информация, как и в последующем передаваемая советникам информация «просеивалась» через сито интересов как рядовых, так и должностных лиц.

Представляется, что партнеры доводили до советников только часть информации. Исходя из личных, клановых, этнических, религиозных или иных своих интересов, важные сообщения могли «отсекаться» на уровне оперативного работника, резидента МГБ за рубежом, начальников отделов или их заместителей в Кабуле, руководства провинциальных управлений МГБ. По этой причине при выработке политических решений советским руководством по любому из афганских вопросов полагаться на информацию, получаемую от МГБ, из других силовых, партийных и иных структур ДРА, было нельзя.

В этой связи в организации информирования афганскими партнерами своего руководства также имелось немало проблем. Одна из них – утечка сведений к противнику. Причины этого, как сказано выше, кроются в специфике населения Афганистана, его этно-религиозных особенностях. Ярким примером влияния этнического фактора на поведение афганских партнеров является Панджшер – особое место в географии и истории страны. В силу сложности рельефа, труднодоступности и умелой в военном отношении организации моджахедами обороны девять наступательных операции афганских и советских войск в итоге завершились здесь ничем. Местные жители, как и основные силы моджахедов, заблаговременно уходили в другой район. Оставшиеся небольшие группы боевиков оказывали упорное сопротивление наступавшим подразделениям, нанося им немалый урон. Панджшер захватывался, но назначавшаяся там правительенная администрация с уходом основных сил из долины, также быстро покидала этот опасный район. Население возвращались.

Избегать больших потерь и полного поражения моджахедам удавалось благодаря наличию эффективной разведки Ахмад Шаха Масуда, одного из наиболее известных и авторитетных в вооруженной оппозиции полевых командиров. Используя то обстоятельство, что некоторые офицеры Генерального штаба ВС ДРА, таджики по национальности, как и Масуд, не теряли своих родственных связей в Панджшерской долине, ему удалось сформировать из них сеть надежных информаторов. Впоследствии резидентура была выявлена. В ходе следствия установлено, что офицеры штаба, пользуясь удостоверениями личности и спецпропусками, выезжали за пределы контролируемых правительстенными войсками зон и докладывали Масуду проекты планов военных операций в Панджшере. В доверительной беседе с советским разведчиком один из старших офицеров афганской армии на сетования о преследовавших КГБ неудачах по ликвидации Масуда заявил примерно следующее: «Афганцы никогда и никому не сдадут этого человека...»⁶.

Обстановка войны обуславливает повышенный интерес к организации контрразведывательного обеспечения войск и структур государства, призванных защищать правящий режим. Участник афганских событий В.С. Христофоров пишет: «Особое место в структуре Представительства... занимал 3-й отдел...(которому) предстояло сформировать афганскую военную контрразведку,.. организовать контрразведывательную и разведывательную работу в афганской армии, борьбу с вооруженными отрядами оппозиции и в окружении воинских частей и соединений... научить афганских контрразведчиков основам оперативно-разыскной деятельности, а также воспитать из них сторонников Советского Союза»⁷.

Положительным аспектом работы советников, определявшим организацию деятельности афганской спецслужбы, и, в частности, военной контрразведки, являлась нормотворческая работа. Анализ содержания нормативных актов МГБ РА свидетельствует о значительной близости их содержания с нормативными актами КГБ СССР, с попыткой привязки к афганским условиям. Трудность заключалась в претворении их требований в жизнь руководящим и оперативным составом партнеров. Последние руковод-

ствовались рекомендациями, предложениями советников, которые сами же они вырабатывали и настойчиво претворяли в действия афганской стороны. В порядке примера можно привести нормативный акт МГБ, регламентирующий структуру, задачи и функции Главного управления военной разведки МГБ Республики Афганистан, созданного в 1984 г. и преобразованного в 1986 г. в главк.

Так, 1-й отдел ГУ ВКР курировал центральный аппарат Министерства обороны РА. 2-й отдел – направленческая и информационно-аналитическая работа. 3-й отдел – разведка. 5-й отдел – кураторы ВВС и ПВО. Основными задачами ГУ ВКР по состоянию на 1987 г. были: выявление агентуры иностранных спецслужб и вооруженной оппозиции, враждебных элементов в частях и учреждениях МО, МВД; предотвращение измены родине, террористических, диверсионных намерений, акций идеологической диверсии, создания организаций и групп, ставящих целью свержение существующей власти, других антиправительственных проявлений среди военнослужащих; обеспечение совместно с командованием и политорганами сохранности государственной и военной тайны, выявление и перекрытие каналов утечки секретных данных к противнику; оказание помощи командованию частей МО, МВД в повышении их боеспособности и боеготовности, устранение причин и условий ее снижающих. В соответствии с задачами были прописаны и функции. Любопытно, что была внедрена и характерная для КГБ практика сбора информации о реакции в войсках на важные политические события в стране.

Ветераны КГБ СССР согласятся с утверждениями о схожести такого рода документов афганских партнеров с советскими. Безусловно, эти задачи и функции преломлялись к афганским реалиям. Главк занимался сбором и реализацией разведывательной информации о действиях оппозиционных сил и вооруженных формирований моджахедов, предотвращением сдачи боевых позиций, дезертирства и перехода на сторону врага, паникерства, грабежей и мародерства. Оперативный состав партнеров с помощью агентурной сети пытался предотвращать заговоры, мятежи, хищение оружия, боеприпасов, угон боевой и авиационной техники к противнику, злоупотребления служебным положением и

казнокрадством. Офицеры военной контрразведки участвовали в осуществлении контрпропаганды по формированием оппозиции, разъяснении личному составу МО, МВД решений ЦК НДПА и правительства Афганистана, укреплении связи с народом, оказании помощи местному населению, пропаганде и реализации политики государства среди военнослужащих, мусульманского духовенства, племен, привлечении их к перекрытию караванных маршрутов, охране границы страны с Пакистаном и Ираном.

Для решения поставленных задач и функций штатами ГУ ВКР предусматривалось иметь 2300 чел. личного состава. Реальная укомплектованность составляла 80%, что было в целом хорошим показателем. 1800 руководящих и оперативных работников осуществляли контрразведывательное обслуживание 255 тыс. военнослужащих армии и внутренних войск МВД.

Показателен отчетный доклад начальника Управления контрразведки по внутренним войскам МВД ДРА на итоговом совещании за 1985 г. Структура доклада, формулировки повторяют принятые на то время в СССР традиции подготовки такого рода документов: «Товарищи! 8 лет прошло с победы в стране национально-демократической революции, которые обусловлены и характеризуются антигуманными попытками мирового империализма во главе с США, китайского гегемонизма, региональной реакции, внутренней и внешней контрреволюции уничтожить прогрессивные завоевания и преобразования в ДРА... 10 тезисов Б. Кармала... имеют большое историческое значение для народов Афганистана... (ими) начинается новая страница жизни нашей страны... руководствуясь решениями 16 Пленума ЦК НДПА и 10 Тезисами ...выдвинутых Б. Кармалем...».

В докладе содержатся результаты профилактической работы в УВКР, оказания помощи командованию и политорганам в повышении боеготовности частей и подразделений Царандоя «на основании постановлений ЦК НДПА, Ревсовета и Совмина ДРА». В завершение оценивается работа партийных организаций, структур ДОМА, ДОЖА и профсоюзов⁸. Как и для советских выступлений, характерна концовка доклада: «...хочу заверить руководство МГБ, ...Политбюро ЦК НДПА и лично товарища Б. Кар-

мая, что личный состав... приложит свои силы и энергию для активизации ...»⁹.

Одним из возможных минусов работы советников в Афганистане, как в целом, так и в органах безопасности, являлась их высокая степень вовлеченности в постановку задач, планирование, организацию исполнения и зачастую реализацию конкретных контрразведывательных и оперативно-разыскных мероприятий. Имеется немало примеров ведения совещаний партнеров с вмешательством в них сидевших за спинами советников. Споры подсоветных нередко завершались тем, что советники отодвигали афганских начальников в сторону и сами договаривались по тем или иным вопросам. Сложности эти вызывались практическим неразрешимыми для афганцев проблемами фракционной борьбы, уходящими корнями в социально-экономические, этнические, религиозные и иные особенности страны.

С началом вывода советских войск из Афганистана в 1988 г. сокращался и советнический аппарат. Оставались советники на уровне начальников управлений и их заместителей, а в начале 1992 г. Представительство КГБ СССР в Афганистане было выведено из страны. Главный плюс и итог функционирования Представительства и работы советников периода 1978–1992 гг. – наличие в стране Министерства государственной безопасности, способного решать возложенные на него задачи. Структура МГБ РА была близка к структуре КГБ СССР, а общая численность сотрудников министерства достигала к 1987 г. 60 тыс. С позиций сегодняшнего дня опытные советники афганских органов безопасности лучше видят свои издержки, которые были вызваны не столько слабым знанием Афганистана, сколько даваемыми из Москвы установками. Падение просоветского Афганистана не является следствием ошибок или недоработок советских советников. Причиной этого драматичного события являются начавшиеся со второй половине 1980-х гг. в СССР политические процессы.

¹ После военного переворота в апреле 1978 г. основную спецслужбу назвали КАМА в соответствии с аббревиатурой на языке пушту. С началом т.н. второго этапа революции, после ввода советских войск (1979–1980 гг.), её преобразовали в Службу государственной информации (СГИ). По аббревиатуре названия на

языке дари «Хедмате эттелаате давляти» – ХАД. Некоторое время афганские сотрудники, со ссылкой на пример созданной в первые годы советской власти ВЧК (чекисты), называли себя хадовцами. В 1986 году СГИ была переименована в Министерство государственной безопасности (МГБ), которое просуществовало до апреля 1992 г.

² Пляйс Я.А. Афганистан: истоки трагедии. М., 2019. С. 513.

³ Пластун В.Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника. М., 2016.

⁴ Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане. 1978–1989 гг. (К 25-летию вывода советских войск из Афганистана). М., 2014. С.19

⁵ Пластун В.Н. Указ. соч. С. 313.

⁶ Топорков В.М. Личный архив. Материалы на бумажных носителях. Папки 1–9. 1985–1988 гг.

⁷ Христофоров В.С. Указ. соч. С. 20,22

⁸ Царандой – внутренние войска МВД на языке пушту. ДОМА – Демократическая организация молодежи Афганистана (советники направлялись из ЦК ВЛКСМ), ДОЖА – демократическая организация женщин Афганистана.

⁹ Топорков В.М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса: монография. Чебоксары, 2014. С. 264–273.

А.Б. Кулеба
г. Москва

Этапы становления и развития авиации отечественных войск и органов государственной безопасности

История авиации ФСБ России неотделима от истории органов безопасности, истории охраны государственной границы.

Анализ развития и становления авиации органов безопасности позволяет говорить о наличии некоторых периодов, характеризующихся определенными чертами. Такими характеризующими чертами, по нашему мнению, являются:

- 1) развитие и поступление на вооружение новых типов авиационной техники;
- 2) совершенствование системы управления и организационных структур авиационных подразделений.

Анализ развития авиации нашего ведомства позволяет говорить о наличии четырех этапов в ее истории: 1-й этап (1917–1945 гг.): *послереволюционный, предвоенный и военный*; 2-й этап (1946–1990 гг.): *послевоенный*; 3-й этап (1991–2005 г.): *постсоветский, период авиации пограничной службы*; 4-й этап (2005 г. – по н.в.): *современный – период авиации ФСБ России*.

Далее описание периода и обоснование границ этапов будут изложены более подробно.

1-й этап: 1917 – 1945 гг.

С момента создания органов ВЧК-ОГПУ 24 ноября 1920 г. специальным постановлением Совета Труда и Обороны (СТО) в штаты особых отделов ВЧК, дислоцирующихся в Москве, Киеве, Петербурге и Ростове, вводятся авиационные подразделения и экипажи. Оперативность и секретность проведения чекистских операций требовала быстрой доставки руководителей и оперативных групп к местам проведения специальных мероприятий. Привлекали к решению таких задач наиболее подготовленных летчиков Гражданского воздушного флота (ГВФ). Однако такое положение имело ряд существенных недостатков, поэтому 14 августа 1923 г.¹ приказом ГПУ было образовано 5 авиаотрядов по 3 звена в каждом. Всего было 30 самолетов зарубежных фирм, в

основном «Форманы», «Фоккеры» и «Юнкерсы». Исполнение приказа поручили уполномоченному Главвоздухфлота, состоящему для поручений при начальнике штаба войск ГПУ красвоенлету А. А. Пороховщикову. Приказ подписал заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт².

В связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке советское Правительство на заседании СТО от 16 сентября 1929 г. принимает постановление об усилении охраны Тихоокеанского побережья за счет организации 3 авиаотрядов. Их формирование предполагалось провести в Хайрюзово, Усть-Большерецке и Петропавловске-Камчатском³.

Позднее, на основе накопленного положительного опыта, 21 июля 1932 г. было принято постановление СТО № 862/258 о создании сухопутных и морских авиационных отрядов в пограничных округах⁴. В ноябре 1932 г. утверждается план формирования авиационных частей Главного управления пограничной и внутренней охраны ОГПУ на 1932–1934 гг. Формируются отдельные авиаотряды в Алма-Ате, Тбилиси, Ташкенте, Казалинске, Марах, Харькове, Минске, Акмолинске, Петропавловске-Камчатском, Нагаеве, Хабаровске, Ташаузе, Владивостоке и Ленинграде⁵.

Комплектование авиационных отрядов летным составом и техникой проводилось, в основном, за счет передачи подразделений ВВС РККА в ОГПУ. Организационно они входили в состав пограничных округов, состояли из 2–3 звеньев общей численностью 12–15 одномоторных двухместных самолетов типов Р-1, Р-3, Р-5, По-2, гидросамолетов Ш-2, «Савояя – Маркетти С-62 бис», МБР-2, обладающих скоростью до 200 км/час и радиусом действия до 300-400 км. Контроль за ними осуществляла авиационная инспекция отдела вооружения ГУПВО НКВД СССР⁶.

Пограничная авиация сразу же получила признание. Она участвовала в проведении оперативно-боевых операций, задержании нарушителей границы, оказывая неоценимую помощь пограничным подразделениям и кораблям.

Летный состав осваивал районы полетов, накапливал оперативно-боевой опыт, выполняя все более сложные задачи.

Постепенно определялась и конкретизировалась тактика действий авиации при поиске нарушителей границы, а также при боевых столкновениях с различными бандформированиями. Экипажи постепенно начинали нести службу непосредственно в пограничных отрядах, выполняя дозорно-разведывательные задачи по линии границы и над ближайшими тыловыми участками, имея на борту офицеров служб погранотрядов, комендатур и застав.

По состоянию на 1 марта 1935 г. пограничная охрана НКВД СССР включала 21 авиационное подразделение, которые имелись в составе практически всех пограничных округов, в том числе: Ленинградский пограничный округ – 1, Белорусский – 1, Украинский – 2, Азово-Черноморский – 1, Закавказский – 1, Туркменский – 2, Узбекский – 2, Казахский – 3, Восточно-Сибирский – 1, Дальневосточный – 7⁷.

В конце 1939 г. произошло изменение организационно-штатной структуры авиации. Все авиационные части, независимо от дислокации, были сведены в отдельную авиационную бригаду Пограничных войск НКВД СССР, состоящую из 10 отдельных авиаэскадрилий и двух гидроавиаполков 3-самолётного состава. Штаб располагался на подмосковном аэродроме в городе Быкове. Значительно расширились права командира авиабригады, который стал одновременно помощником начальника пограничных войск по авиации⁸. Авиацию пограничных округов стали применять более оперативно, по единому замыслу и плану. Началось перевооружение авиабригады на новую технику. К концу лета 1939 г. авиация насчитывала в своем составе 15 отдельных частей с общим количеством самолетов 151 единица (из них 22 самолета – 2-й Пограншколы НКВД СССР в Харькове)⁹.

Таким образом, в довоенный период на авиацию органов безопасности возлагались кроме двух основных задач по борьбе с басмачеством и бандитизмом и задачи ведения воздушной разведки, доставки поисковых групп и резервов, огневой поддержки наземных подразделений, поиска и задержания нарушителей границы и диверсантов, проверки контрольно-следовой полосы, поддержания связи, перевозки личного состава

и грузов, десантирования, ледовой разведки, эвакуации больных и раненых, агитационные, поисково-спасательные, демонстративные и другие.

С началом Великой Отечественной войны авиационные части пограничных войск перестроились на военное время. Четыре части и два отдельных авиаподразделения, дислоцирующихся на западной границе, в первый месяц войны были переданы в состав BBC Красной армии Советского Союза, имея на вооружении различные типы самолетов: легкие бомбардировщики Р-5 и По-2, скоростные бомбардировщики СБ, истребители Як-1, МиГ-1, МиГ-3, морские ближние разведчики МБР-2 и транспортные самолеты Ли-2 и ПС-2¹⁰.

За совершенные подвиги более двадцати летчиков удостоились высшей награды Родины: дважды Героем Советского Союза стал В. Голубев, Героями Советского Союза – А. Володин, Л. Говорухин, Ю. Добровольский, И. Маслов, А. Мартынов, А. Маресьев, И. Мещеряков, К. Новоселов, Г. Писарев, А. Рыхлов и др.¹¹

Сотрудники подразделений отдельной авиационной бригады Погранвойск НКВД СССР выполняли особо важные задания командования по обеспечению боевых действий наших войск и охране тыла действующей армии, осуществляли связь Центра со штабами фронтов и партизанских соединений, доставляли партизанам боеприпасы и вооружение, обеспечивали продуктами питания, медикаментами, эвакуировали больных и раненых партизан на Большую землю. В сложнейших метеорологических и боевых условиях, днем и ночью экипажи выполнили сотни боевых вылетов за линию фронта, перевезли, доставили и десантировали десятки тысяч людей и тысячи тонн грузов¹².

В 1941 г. офицеры авиабригады устроили показ сбитой немецкой авиационной техники в Москве на площади Свердлова, напротив Большого театра. Специальная парашютная группа авиабригады подготовила несколько тысяч парашютистов для заброски их в тыл гитлеровцев. Истребительный авиационный полк авиабригады в период битвы под Москвой с честью отразил все налеты люфтваффе в своей восточной зоне ответственности¹³.

На авиабригаду возлагались и другие особо важные задания. Так, ею на Тегеранскую конференцию в 1943 г. была доставлена

делегация СССР, а также группа офицеров для ее обслуживания. На самолете авиабригады на Ниорнбергский процесс был доставлен немецкий фельдмаршал Ф. Паулюс, осуществлялась доставка делегации СССР в Париж на конференцию министров иностранных дел и др.¹⁴

В период войны авиабригада погранвойск перевезла на Аляску десятки тонн золота, которым наша страна рассчитывалась за поставки американской техники.

Несколько авиационных частей обеспечивали связь Ставки Верховного главнокомандования со штабами партизанских соединений, доставляли партизанам оружие, боеприпасы, медикаменты, участвовали в ликвидации банд, оставленных фашистами после отступления¹⁵.

Пограничные авиационные части на границе с Ираном, Китаем, Японией и США всю войну охраняли границу в условиях активной подрывной деятельности со стороны спецслужб этих государств. При непосредственном участии авиаторов были обнаружены и задержаны сотни нарушителей границы. Кроме того, все дальневосточные авиационные отряды Пограничных войск НКВД СССР в августе-сентябре 1945 г. участвовали в войне с Японией, в обеспечении ВЧ связи с Дальним Востоком¹⁶.

2-й этап: 1946 – 1990 гг.

После войны, в период с 1946 по 1954 гг., четыре авиа части западных пограничных округов участвовали в борьбе с бандитизмом в Белоруссии и Прибалтике, западных областях Украины.

С 1955 г. на некоторых участках государственной границы стали применяться и вертолеты¹⁷. Основными типами самолетов и вертолетов в 1950-х - 1960-х гг. являлись Ан-2, Ли-2, Ил-14, Ми-1, Ми-2 и Ми-4.

В 1962 г. в связи с общим сокращением Вооружённых сил СССР, реорганизации подверглись и пограничные войска, в частности, их авиация. Бригада в г. Быково была расформирована, а аэродром и авиационно-техническая база переданы ГВФ. Авиационные полки были сокращены до малочисленных авиаотрядов с подчинением их начальникам

войск пограничных округов. Время показало ошибочность такого решения, и в начале 1970-х гг. вновь вернулись к полковой системе. Однако этот период негативно отразился на состоянии пограничной авиации, и значительно затормозил её развитие.

В 1965–1975 гг. авиа части стали пополняться новыми типами техники. На вооружение поступили самолёты Ан-24, Як-40, Ил-76, Ту-134, вертолёты Ми-8, Ми-24, Ми-6¹⁸. За эти годы парк самолётов вырос в 2 раза, а вертолётов – в 7 раз¹⁹.

В дальнейшем роль и место авиации в общей системе охраны государственной границы продолжала повышаться. До 1975 г. авиационные части предназначались только для выполнения задач по охране государственной границы СССР на суше, море (реках, озерах). Но уже в 1975–1980 гг., в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 декабря 1976 г. «О временных мерах по сохранению живых ресурсов и регулированию рыболовства в морских районах, прилегающих к побережью СССР», на авиацию Пограничных войск КГБ СССР была законодательно возложена новая задача – охрана 200-мильной морской экономической зоны, а также побережья, проливных зон, островов, морей Северного ледовитого океана. С этой целью были сформированы новые авиационные эскадрильи, а также несколько действующих отдельных авиационных эскадрилий переформированы в отдельные авиационные полки, образованы авиационные отделы и отделения при штабах пограничных округов. Летный состав на самолетах Ил-14 и Ан-24 освоил полеты по охране исключительной экономической зоны во всех регионах СССР с удалением от береговой черты до 400 км.

Складывающаяся обстановка на государственной границе требовала быстрой переброски оперативных резервов и различных служебных грузов на большие расстояния. Для выполнения этой важной задачи в Москве был сформирован отдельный авиационный отряд специального назначения с местом постоянного базирования в аэропорту «Шереметьево», который укомплектовали тяжелыми военно-транспортными самолетами Ил-76 и пассажирскими – Ту-134. В Среднеазиатском, Восточном и Тихоокеанском пограничных округах в штаты отдельных авиационных

полков были введены отряды тяжелых транспортных вертолетов Ми-26.

Особой страницей в истории развития авиации, стало ее участие в боевых действиях на территории Демократической Республики Афганистан²⁰. Первые вылеты экипажи пограничной авиации на афганскую территорию были совершены 22 декабря 1979 г. по маршруту «Хорог – Ишкашим – Лангар – территория ДРА» с целью изучения перевалов и выбора мест дислокации для десантных подразделений. Постепенно шло насыщение авиации «воюющих» пограничных округов новыми типами вертолётов – Ми-8МТ, Ми-24. В 1981 г. в Душанбе сформирована отдельная авиационная эскадрилья (16 вертолётов и 4 самолёта), а эскадрилья в Мары развёрнута в авиаполк. В 1983 г. эскадрилья в Душанбе развёрнута до полка (26 вертолётов и 6 самолётов), а в 1986 г. создана эскадрилья в Ашхабаде (12 вертолётов и 2 самолёта). Всего с 1979 по 1986 гг. количество авиатехники в Среднеазиатском пограничном округе увеличилось в 5 раз и составило 82 единицы. Таким образом, к середине афганской компании, авиаагруппировки Среднеазиатского и Восточного пограничных округов Погранвойск КГБ СССР были способны обеспечить проведение операций на глубину до 100 километров от государственной границы. Авиачасти выполняли задачи с мест постоянного базирования или временных оперативных точек, расположенных на советской территории²¹.

Всего за годы Афганской войны пограничная авиация совершила 334363 вылета, из них 175320 боевых, с общим налётом 187090 часов. Нанесено 20573 авиационных удара. При этом потери авиатехники составили 62 вертолёта, из них боевые – 28. Потери лётного состава насчитывали 58 человек, из них боевые – 34 человека, что составляет около 11% от общих потерь пограничных войск в Афганистане²².

За массовый героизм, мужество и отвагу, проявленные летно-техническим составом в афганских событиях, в 1990 г. Марыйский отдельный авиационный полк был награжден орденом Красного Знамени, Душанбинский отдельный авиаполк – орденом Красной Звезды. За совершенные подвиги звания Героя Советского Союза получили в 1982 г. подполковник Ф.

Шагалеев, в 1989 г. – капитан В. Попков. За 10 лет афганской войны 18 авиаторов были награждены – орденом Ленина, более 200 человек – орденом Красного Знамени, более 400 человек – орденом Красной Звезды²³.

В 1986–1991 гг. продолжилось формирование новых авиационных частей, и их оснащение современной техникой, вертолетами – Ка-27, Ка-27пс, Ми-26, самолётами – Ан-72, Ан-72п. За 1981–1991 гг. с помощью авиации задержано 1100 нарушителей границы, обнаружено более 30 тыс. иностранных судов, доставлено 34 тыс. пограничных наряда. Среднегодовой налет авиации составлял более 100 тыс. часов, из них непосредственно на охрану границы более 65% летного ресурса²⁴.

3-й этап: 1991 – 2005-2006 гг.

Постсоветский период с 1991 по 2003 гг. стал не менее сложным, чем все предыдущие этапы. В результате распада СССР более 40% наиболее боеспособных авиа частей остались за рубежом России²⁵.

С образованием Пограничных войск Министерства безопасности Российской Федерации в 1992 г., а с декабря 1993 г. – Федеральной пограничной службы Российской Федерации начинается новый этап в истории пограничной авиации. Создается Курганское пограничное авиационное училище, формируются авиационные части в Пограничной группе Российской Федерации в Республике Таджикистан, Московском (ОАЭ) и г. Йошкар-Оле (ОТТАП); в Воронеже, Каспийске, Геленджике, Калининграде, Мурманске – отдельные авиационные эскадрильи, в с. Кочубеевское Ставропольского края – отдельный учебный авиационный центр и др.

Вместе с тем, за 12 лет в авиацию ФПС России не поступил на вооружение ни один современный самолет или вертолет. Создалось критическое положение, когда ресурс авиационной техники более чем на 50% был выработан, а финансирование авиации составляло 16% от потребного. Только с 2004 г. возобновились поставки новой авиационной техники.

В период с 1999 по 2005 гг. ряд пограничных авиационных частей, в том числе и Курганское пограничное авиационное учи-

лице, были расформированы, а авиационная техника и личный состав переданы в другие авиационные части.

В связи с обострением угрозы терроризма в 90-е гг. прошлого века и необходимостью повышения эффективности борьбы с ним распоряжением Президента Российской Федерации от 6 июля 1999 г. № 241-рпс создается отдельная авиационная эскадрилья ФСБ России.

4-й этап: 2005 г. – по н.в.

В соответствии с Указом Президента России от 11 марта 2003 г. № 809 ФПС России была упразднена и создана Пограничная служба ФСБ России. В связи с этим с 1 февраля 2005 г. все авиаподразделения, входившие в состав погранорганов, были исключены из их состава и непосредственно подчинены Управлению авиации ФСБ России.

В настоящее время руководством авиации ФСБ России принимаются эффективные меры по существенному повышению ее роли, как мобильного средства для специальных боевых подразделений и пограничных органов. Нарастивает и обновляется парк авиа-техники: внедряются беспилотные летательные аппараты; разрабатываются и строятся новые ударно-разведывательные комплексы, патрульные самолеты и палубные вертолеты. Сегодня авиационные подразделения ФСБ России эффективно выполняют боевые задачи в ходе специальной военной операции на российско-украинском участке границы.

Авиация войск ГПУ – НКВД СССР – Пограничных войск КГБ СССР – авиация ФСБ России – все это единый, неразрывный пласт нашей общей истории. Нынешнему поколению авиаторов ФСБ России есть чем гордиться, есть у кого учиться, с кого брать пример бескорыстного служения Отечеству. В этом главное достояние нашей истории.

¹ В настоящее время эта дата считается днем авиации ФСБ России

²Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 75. Д. 613. Л. 25.

³ Центральный пограничный архив (ЦПА) ФСБ России. Ф. 30. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418. Оп. 28. Д. 1 а. Л. 303.

-
- ⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 110. Д. 196. Л. 83.
- ⁶ ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 48. Л. 21.
- ⁷ Пограничный округ: ретроспективный анализ (1960–1991). М., 2015. С. 46–47.
- ⁸ Из истории советских пограничных войск. 1935 – июнь 1941 г. Документы и материалы. М., 1973. С. 311–312.
- ⁹ Пограничные войска СССР в годы второй мировой войны 1939–1945. М., 1995. С. 47–49.
- ¹⁰ ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 18. Л. 14–21.
- ¹¹ Кулеба А. Б. Крылья спецслужбы России. М., 2009. С. 245–257.
- ¹² ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 7. Д. 34. Л. 64–68.
- ¹³ Там же. Оп. 4. Д. 2. Л. 1–53.
- ¹⁴ Чупров И.М. История авиации пограничных войск: люди, подвиги, техника. Люберцы, 1999. С. 122.
- ¹⁵ Сергеев Н.М. Воздушный щит границы // На страже границ советского государства. Историко-мемуарный сборник. Кн. 3. М., 1971. С.124–125.
- ¹⁶ Из истории советских пограничных войск. Пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. Кн. 1. Июнь 1941–1943 гг. М., 1975. С. 361–367.
- ¹⁷ На страже границ Отечества. М., 1998. С. 439.
- ¹⁸ ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 59. Д. 4. Л. 61.
- ¹⁹ На страже границ Отечества. С.510–511.
- ²⁰ Христофоров В.С. КГБ СССР в Афганистане 1978–1989 гг. М., 2009. С. 45–50.
- ²¹ Макаров Н.Н., Кириллов В. А. Оперативно-боевые действия погранвойск в борьбе с вооруженными формированиями оппозиции на территории Афганистана в 1980–1989 годы: научно-практическое пособие. М., 1993. Ч. 1. С.142.
- ²² Новиков В.С. Совершенствование боевых действий авиацией пограничных войск при ведении при ведении операций по защите южных границ СССР (по опыту боевых действий погранвойск в Республике Афганистан): дис... канд. военных наук. М., 1991.
- ²³ На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. Т.3. М., 2000. С. 398–399.
- ²⁴ Терещенко В.В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991): дис... д-ра ист. наук. М., 2015.
- ²⁵ ФПС России: от войсковой структуры к специальной государственной службе. М., 1997. С. 12.

Э.У. Ханалиева
г. Москва

**Борьба органов ФСБ России с международным терроризмом
в Чеченской Республике (1999–2009 гг.)**

В конце ХХ в. Российская Федерация столкнулась с различными внутренними и внешними угрозами – экономический кризис, политическая нестабильность и другие негативные факторы, влиявшие на общую ситуацию в стране в целом, которые сформировали непросто тревожную, а чрезвычайно опасную для суверенитета России ситуацию. Реальная ситуация была близка к внутреннему расколу с последующим распадом государства по аналогии с СССР в 1991 г. Наиболее опасной среди всех этих факторов была террористическая угроза, направленная на подрыв территориальной целостности России. Чеченская Республика (ЧР) стала эпицентром военно-политических событий. В сложившейся ситуации заложником выступал чеченский народ, ввергнутый в пучину кровавых событий. Именно на него был обрушен удар международного терроризма и экстремизма. К 1999 г. в Чеченской Республике произошло сосредоточение основного ядра международных экстремистов. Течение «ваххабизм», как отмечает авторитетный исследователь А.А. Манкиев, проникло в Чечню из Дагестана. По мнению первого президента Чеченской Республики А.А. Кадырова, оно преследовало следующие основные цели: 1) отторжение Северного Кавказа от России; 2) ликвидация ЧР путем поглощения её «исламским» государством «от моря до моря», которое планировалось создать; 3) «расчленизация» чеченцев, лишение их национально-культурных и религиозных традиций, их «арабизация», как её понимали ваххабиты¹.

Силы международного терроризма в Чеченской Республике были представлены гражданами свыше 50 государств. Представленный в Чечне международный терроризм был направлен в первую очередь против чеченцев, являющихся мусульманами, пронесшими и сохранившими свою религию через столетия. Происходил процесс деформации человеческих ценностей, попытка искоренить национальную основу «чеченства», которой

свойственна совокупность таких качеств, как уважение к старшим, милосердие, благородство, сострадание. Во главе сил международного терроризма стояли представители Ближнего Востока, Средней Азии, которые воспринимали чеченский народ как «пушечное мясо», а саму республику – не иначе как полигон и плацдарм для расширения зоны влияния.

В условиях роста напряженности на Северном Кавказе в рамках Федеральной службы безопасности России сформировалось Управление по борьбе с терроризмом (УБТ). Летом 1995 г. Указом Президента РФ на базе УБТ был образован Антитеррористический центр (АТЦ) ФСБ России. 8 октября 1998 г. руководством ФСБ России был создан Центр специального назначения (ЦСН), предполагавший объединение групп спецназа «Альфа» и «Вымпел», входивших в Департамент по борьбе с терроризмом².

16 июля 1999 г., незадолго до вторжения в Дагестан банд Хатаба и Ш. Басаева, приказом директора ФСБ была создана Служба специальных операций, которая структурно вошла в состав ЦСН. Ее основное назначение – работа по незаконным вооруженным формированиям, преступным авторитетам, торговцам оружием и наркобаронам³. Сотрудники выполняли задачи по борьбе с международным терроризмом на Северном Кавказе и за его пределами.

В ходе реализации мер по восстановлению конституционного порядка на территории республики в октябре 1999 г. было воссоздано Управление ФСБ России по Чеченской Республике, которое с октября 1999 г. по 19 января 2000 г. располагалось в г. Моздоке. В феврале 2000 г. в связи с изменением оперативной обстановки основные линейные подразделения и отделы были передислоцированы в г. Гудермес. В мае – июне 2001 г. принято решение о переводе управления в Грозный⁴.

К осени 1999 г. стало очевидно, что ситуация требует четкой координации всех федеральных структур безопасности, ведь локальный конфликт перерос в опаснейшую угрозу для всей страны. В сентябре 1999 г. сразу в нескольких городах России прогремели взрывы, в результате которых погибло 308 чел.⁵ После терактов в Волгодонске и Буйнакске руководство России объявило о начале Контртеррористической операции на территории Северного Кав-

каза. 23 сентября 1999 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин подписал Указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации», который предписывал «образовать Объединенную группировку войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации»⁶.

Целью федеральных войск при проведении контртеррористической операции было уничтожение многочисленного международного террористического контингента, финансируемого из-за пределов страны с хорошо налаженной, разветвленной системой управления на всех уровнях.

Во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 15 сентября 1999 г. № 1040 «О мерах по противодействию терроризму» и в соответствии с приказами ФСБ России и МВД России от 12 сентября 1999 г. «О проведении операции «Вихрь-Антитеррор» органы федеральной службы безопасности совместно с органами внутренних дел активизировали борьбу с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом⁷.

Следует подчеркнуть, что мероприятия по подготовке и проведению специальных операций в особых условиях, в том числе по борьбе с незаконными вооруженными формированиями, осуществляющими террористические акты, акции политического экстремизма, будут оставаться одним из преобладающих элементов оперативно-боевой деятельности органов ФСБ России. Эффективность выполнения решения определяется согласованностью действий всех исполнителей и всесторонним и своевременным обеспечением специальной операции.

В 2000 г. органы безопасности нанесли серьезный урон незаконным вооруженным формированиям, уничтожив и задержав ряд знаковых полевых командиров и многих боевиков.

Так, 13 апреля спецгруппа ФСБ захватила на юго-западе Шалинского района Чечни главу администрации А.А. Масхадова «бригадного генерала» А. Баталова⁸.

Месяц спустя, 12 мая, в ходе специальной операции в п. Новогрозненский сотрудниками ФСБ был захвачен организатор ряда громких терактов на территории России, командующий Северо-

восточным фронтом вооружённых сил самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия бригадный генерал С.Б. Радуев. Операция готовилась заранее, с учетом того, что под его началом в разное время находилось до 10 тыс. боевиков и более 100 чел. – его личная охрана. Последняя даже не знала о проведенной операции. Радуев при задержании не оказывал сопротивления. Вместе с ним были задержаны и доставлены в Москву еще три человека, в том числе начальник его личной охраны и финансист, который финансировал банды террористов⁹.

6 августа сотрудникам ФСБ сдался бывший директор шариатской службы безопасности Чечни И. Хултыгов. Вместе с ним сдался известный полевой командир М. Хасханов¹⁰.

11 июля в селении Майруп Шалинского района Чечни в ходе спецоперации ФСБ и МВД России уничтожен помощник Хаттаба А. Умар. 22 августа в результате проведенных органами ФСБ России оперативно-розыскных мероприятий на территории Чеченской Республики задержан известный полевой командир Л. Исламов, по кличке «Борода», который длительное время находился в федеральном розыске в связи с совершением им ряда тяжких преступлений. 27 сентября был захвачен в плен полевой командир, близкий соратник А. Масхадова бригадный генерал М. Сайдаев. 3 ноября в ходе спецоперации уничтожен влиятельный полевой командир Ш. Ирисханов, входивший в ближайшее окружение Басаева. 1 декабря чеченский полевой командир, «правая рука» Масхадова, в прошлом первый вице-премьер и министр госбезопасности Чечни Т.-А. Атгериев задержан сотрудниками российских спецслужб.

Не менее активно действовали сотрудники органов безопасности и в 2001 г. 6 февраля оперативники ФСБ задержали чеченского бригадного генерала У. Умарова в Бесланском аэропорту Владикавказа при попытке вылететь в одну из стран Ближнего Востока. Умаров «косил» под «членока», но был расшифрован агентами спецслужб Чечни и Северной Осетии¹¹. Попытка Умарова скрыться на Востоке не единичный случай, а тенденция.

13 марта на российско-азербайджанской границе задержан известный полевой командир С. Дибиров банда которого специализировались исключительно на похищениях людей с целью полу-

чения выкупа. Ему инкриминируется 15 эпизодов, связанных с похищением и насилиственным удержанием заложников.

14 марта представители российских правоохранительных органов заявили, что накануне ночью в Чечне убит полевой командир Х. Басаев, родной брат Ш. Басаева. В этой же спецоперации были уничтожены две горные базы мятежников¹².

23–24 июня в селении Алхан-кала специальный сводный отряд ФСБ и МВД провел спецоперацию по ликвидации отряда боевиков полевого командира А. Бараева. К разработке операции по его устранению органы безопасности приступили еще в середине февраля 2001 г. Работа по установлению мест его нахождения шла довольно тяжело. Бараев, обладая поистине звериным чутьем, очень умело скрывался. Так для укрытия от органов безопасности он использовал около 40 схронов в населенных пунктах и районах по всей Чечне...

Первый день операции результатов не дал. На ночь бойцы спецназа отошли из села к блокирующему подразделениям по периметру. На другой день все повторилось снова. Но в дома отправились уже другие подразделения и люди, чтобы свежим взглядом постараться обнаружить какие-либо зацепки или признаки, оставшиеся скрытыми от прошлых групп. Второй день спецоперации принес первые плоды. При перемещении от одного дома к другому были застрелены 2 боевика. Позже в одном из домов был убит еще один. Но это был всего лишь признак того, что операция ведется правильно и результат должен прийти.

Во время очередного обхода один из спецназовцев, проходя мимо стоящего во дворе шкафа, услышал подозрительный скрип и решил проверить источник шума. Отодвинув шкаф, бойцы спецназа увидели за ним вырытый лаз, откуда сразу раздалась автоматная очередь, один из бойцов погиб. Проникнуть внутрь возможности не было, при попытке осмотра один боец погиб, еще один солдат и офицер получили ранения. Спецназовцами отряда «Русь» было принято решение расстрелять здание. Скоро подоспела группа спецназа ФСБ, которая также открыла по заставшим в доме боевикам огонь, по дому сделали два залпа из реактивного огнемета «Шмель». В результате боевики перестали отстреливаться, а дом загорелся. К этому моменту начало темнеть

и времени на осмотр здания не оставалось, спецназ вновь покинул переделы села. На следующий день, рядом с домом был найден труп Бараева, спецоперация закончилась¹³. 25 августа 2001 г. в Аргуне в ходе проведения спецоперации сотрудниками ФСБ был уничтожен племянник Бараева – полевой командир М. Сулейменов¹⁴.

До конца года российские силовые структуры провели несколько специальных операций в результате которых был нанесен серьезный урон боевикам.

Так, 11 июля был уничтожен бывший руководитель лагеря по подготовке подрывников у Э. Хаттаба, арабский наемник Абу Умар.

1 октября во время проведения плановой специальной операции, в которой участвовали сотрудники ФСБ, милиции и военной комендатуры, в перестрелке в чеченском селении Старые Атаги был убит начальник разведки известного полевого командира Э. Хаттаба Абу Якуб и еще три боевика, одного бандита удалось задержать.

20 марта 2002 г. в результате спецоперации ФСБ уничтожен Э. Хаттаб – профессиональный террорист, один из самых непримиримых боевиков в Чечне. К числу наиболее известных «операций», проведенных под руководством или при его непосредственном участии: теракт в г. Буденновске; обеспечение «коридора» банде С. Радуева для выхода из населенного пункта Первомайское; непосредственное участие в подготовке и нападении на Грозный в августе 1996 г.; теракт в г. Буйнакске 22 декабря 1997 г.¹⁵

8 марта 2005 г. в ходе спецоперации, проведенной сотрудниками Центра специального назначения ФСБ в селе Толстой-Юрт, был убит «президент Ичкерии» А.А. Масхадов¹⁶.

По мнению почетного президента международной ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа» С.А. Гончарова, эта специальная операция стала переломным этапом во Второй чеченской кампании: «Та операция, я бы сказал, стала тем водоразделом, когда мы поняли, что победа в борьбе с террористами будет за нами. А бандитам ликвидация Масхадова дала окончательно понять, что с силой наших спецслужб им не совладать»¹⁷.

После ликвидации Масхадова российские спецслужбы провели ряд успешных операций по ликвидации наиболее одиозных командиров боевиков. Террориста Ш. Басаева уничтожили в Ингушетии 10 июля 2006 г.¹⁸.

В ночь на среду 17 сентября 2008 г. в предгорном Сулейман-Стальском районе Дагестана в засаду, устроенную сотрудниками ЦСН, попала банда З. Новрузова. В результате столкновения главарь и десять бандитов были уничтожены. Смертельное ранение получил сотрудник филиала Центра из Дагестана... Охота за группой Закира Новрузова велась на протяжении десяти дней. С тех пор как в Магарамкентском районе республики в засаду, устроенную чекистами, попали несколько главарей банд, входящих в группировку «Южная»¹⁹.

На заседании Национального антитеррористического комитета его председатель – директор ФСБ России А.В. Бортников сообщил, что с начала 2008 г. в России пресечено 69 террористических преступлений²⁰.

По поручению Президента РФ Национальным антитеррористическим комитетом были внесены изменения в организацию антитеррористической деятельности на территории Чеченской Республики. С ноля часов 16 апреля 2009 г. был отменен приказ, объявляющий территорию республики зоной проведения контртеррористических операций. С указанного времени мероприятия по борьбе с терроризмом в данном субъекте РФ начали осуществляться в соответствии с общим порядком, действующим в других регионах страны. Это решение способствовало дальнейшей нормализации обстановки в республике, восстановлению и развитию ее социально-экономической сферы²¹.

Таким образом, борьба с международным терроризмом в Чеченской Республике в 1999–2009 гг.) оказалась серьезным испытанием для сотрудников органов ФСБ России, которое они с честью выдержали, проявив мужество, высокий профессионализм, готовность принести себя в жертву для спасения жизни мирных людей.

¹ Манкиев А.А. Кадыров об идеологии и политических целях ваххабитов. От беззакония и хаоса к порядку и закону (об исторической роли Ахмат-Хаджи

Кадырова в новейшей истории Чеченской Республики). Материалы региональной научно-практич. конференции. Грозный, 10 июня 2010 г. С. 164.

² ЦСН ФСБ России (1998–2008) «10 лет на рубежах мужества» // Федеральная служба безопасности России, URL: <http://www.fsb.ru/fsb/press/message/single.htm?id%3D10434748%40fsbMessage.htm> (дата обращения: 14.11.2023)

³ ЦСН: литературный, особого назначения// Фонд поддержки ветеранов боевых действий управления специальных операций «С»: сайт. URL: <https://смерч.com/istoriya/istoriya-czsn-fsb-rf/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁴ Ханалиева Э.У. Специальные операции органов безопасности России на Северном Кавказе. 1999-2009 гг. // Лубянские чтения – 2022. Актуальные проблемы истории отечественных органов государственной безопасности: сборник материалов XXVI научно-теоретической конференции «Исторические чтения на Лубянке». Москва, 2 декабря 2022 г. / Войсковая часть 33965. М., 2023. С. 352.

⁵ Холамханов М.З. Исторический опыт и уроки борьбы органов государственной безопасности Российской Федерации с международным терроризмом (1992-2003 гг.) // Наука и школа. 2009. №6. С. 79.

⁶ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // ЗонаЗакона Ru. URL: <https://www.zonazakona.ru/law/ukaz/7730/> (дата обращения: 30.07.2023).

⁷ Авакьян С.А., Арбузкин А.М., Аринин А.Н. Федеральное вмешательство: концепция и проект федерального закона // Вестник МГУ. Серия 11. Право, 2000. № 6. С. 15–24.

⁸ Спецгруппа ФСБ захватила в Чечне главу администрации Масхадова бригадного генерала Апти Баталова. URL: https://www.1tv.ru/news/2000-04-14/289215-spetsgrup-pa_fsb_zahvatila_v_chечне_glavu_administratsii_mashadova_brigadnogo_generala_apti_batalova (дата обращения: 12.09.2023).

⁹ Кобец П.Н., Краснова К.А. Пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за террористический акт // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22).

¹⁰ Разъяснения участникам незаконных вооруженных формирований, явившихся с повинной. Под гарантии государства. Сборник официальных документов. Грозный, 2006. С. 18–20.

¹¹ Во Владикавказе сотрудники ФСБ показали журналистам одного из лидеров боевиков Усмана Умарова. URL: https://www.1tv.ru/news/2001-02-06/282471-vo_vladikavkaze_sotrudniki_fsb_pokazali_zhurnalistam_odnogo_iz_liderov_boeviko_v_usmana_umarova (дата обращения: 12.09.2023).

¹² Убитый Басаев оказался братом Шамиля // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2001/03/14/basaev/>

¹³ Ликвидация Арби Бараева // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/3228-likvidaciya-arbi-baraeva.html> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁴ Викторов А. Племянник, переплюнувший дядю // Независимое военное обозрение. URL: [https://www.ng.ru/events/2002-10-25/5_barayev.html#:~:text=Мовсар%20Бараев%20\(Сулейменов\)%20-%20чеченский,никогда%20не%20предавало%20их%20гласке](https://www.ng.ru/events/2002-10-25/5_barayev.html#:~:text=Мовсар%20Бараев%20(Сулейменов)%20-%20чеченский,никогда%20не%20предавало%20их%20гласке) (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁵ Уничтоженные чеченские боевики. Справка // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20050309/39499470.html> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁶ Убит Аслан Масхадов //Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/552963> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁷ Ветеран «Альфы» объяснил важность ликвидации Масхадова. URL: <https://ria.ru/20200308/1568303555.html> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁸ В июле в Ингушетии был уничтожен Шамиль Басаев - результаты экспертизы. URL: <https://ria.ru/20061227/57968191.html> (дата обращения: 12.09.2023).

¹⁹ ЦСН: литературный, особого назначения// Фонд поддержки ветеранов боевых действий управления специальных операций «С»: сайт. URL: <https://смерч.com/istoriya/istoriya-czsn-fsb-rf/> (дата обращения: 12.09.2023).

²⁰ ФСБ России предотвратила десятки терактов // ФСБ: за и против. 2008. №2 (02). С. 5.

²¹ Режим контртеррористической операции в Чеченской Республике отменен. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5162>. (дата обращения: 12.09.2023).

А.В. Рыжиков
г. Москва

**Деятельность губернских ЧК Верхней Волги по подавлению
крестьянских выступлений (1918-1919 гг.)**

Антикрестьянская направленность политики военного коммунизма (продовольственная диктатура, продразверстка, государственная монополия на хлеб), мобилизации в Красную армию превратили крестьянское сопротивление в постоянный фактор гражданской войны. В информационных сводках того периода постоянно отмечалось, что основная масса крестьянства к Советской власти и коммунистической партии «относится отрицательно, а местами, даже враждебно»¹. Недовольство часто выливалось в открытые выступления – вооруженные восстания и мятежи.

Руководство ВЧК рассматривало крестьянские выступления через призму марксистско-ленинской идеологии как одну из форм классовой борьбы в переходный период. Так, в ноябре 1920 г. в информационном обзоре Секретного отдела ВЧК указывалось: «В эпоху социалистического переустройства, когда один класс низвергается другим, когда хозяйственная жизнь временно деградирует, естественны явления бандитизма, хулиганства, повстанческие движения и прочее. Вполне естественно и исторически неизбежно, что в настоящий переходный период, войны жестокой освободительной и все очищающей гражданской войны образуется на поверхности Советской России накипь в виде бандитизма»². В соответствии с таким подходом крестьянские повстанцы попадали в разряд классовых врагов, подлежащих уничтожению. Поэтому борьба с этим явлением была возложена на органы ВЧК.

На Верхней Волге первый всплеск крестьянских выступлений, вызванный реквизициями хлеба и мобилизациями в Красную армию, пришелся на конец зимы – весну 1918 г.

Так, в феврале – марте 1918 г. крестьянские восстания вспыхнули в Солигаличском, Кологривском, Ветлужском уездах и селе Красное-на-Волге Костромской губернии. В ходе них был захвачен Солигалич и убит председатель местного уездного совета.

Восставшие крестьяне, называвшие себя «двуглавыми орлами», заняли и удерживали три дня уездный Кологрив. Антиправительственные выступления были подавлены в ходе чекистско-войсковой операции. Уездные центры Солигалич и Кологрив были освобождены.

Весной 1918 года ситуация в регионе обострилась из-за усиливающегося голода. Об этом свидетельствуют сообщения из продовольственной хроники. Так, в одном из уездов Тверской губернии, по сообщениям проработников, «крестьяне обезумели от голода. По полям начинают бродить как волки, толпы голодных»³.

В этих условиях Советское правительство решило прибегнуть к насильственному изъятию хлеба у крестьянства. 13 мая 1918 г. декретом Совнаркома была установлена продовольственная диктатура. В нем говорилось: «Остается единственный выход: на насилие владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над владельцами хлеба. Ни один пуд не должен оставаться в руках крестьянина, за исключением количества, необходимого на обсеменение его полей и на продовольствие его семьи до нового урожая»⁴.

Введение хлебной монополии вызвало активное сопротивление зажиточного крестьянства, являвшегося основным производителем и владельцем товарного хлеба. В ответ большевистская партия призвала к походу против кулачества. В соответствии с декретом Совнаркома от 11 июня 1918 г. в деревне стали создаваться комитеты бедноты (комбеды). Нам им было возложена задача организации борьбы с кулачеством, содействовать изъятию у кулаков хлебных излишков, земли, инвентаря, тягловой силы.

На Верхней Волге создание комбедов вызвало негативную реакцию значительной части крестьянства. Жители Модвинской волости Юрьевецкого уезда Иваново-Вознесенской губернии приняли резолюцию, в которой говорилось, что они считают всех равными и не находят надобности в организации комитета бедноты⁵. В Пуминовской волости того же уезда собрание по поводу образования комбедов, в котором приняли участие жители соседних волостей, закончилось вооруженной стычкой крестьян с красноармейским отрядом.

Нередко крестьянские выступления были спровоцированы неправильными или преступными действиями комбедов. Так, в ноябре 1918 г. председатель Владимирской губЧК Громов, говоря о комитетах бедноты, признал, что «во всех учреждениях есть масса специалистов-саботажников, которая проникнув туда, ведет вовсе нежелательную политику по отношению к Советской власти»⁶.

Последствиями острого продовольственного кризиса в регионе стали голод, эпидемии и резкий рост смертности населения. В июле 1918 г. Гороховецкий уездный исполнком докладывал во Владимирский губисполком, что уезд уже 4 месяца не получал продуктов питания, а «жители питались исключительно жмыхами, но жмыхи были не у всех. На почве голода развивались всевозможные болезни, много случаев было голодной смерти»⁷. В сентябре – ноябре 1918 г. более 160 тыс. жителей Владимирской губернии болели «испанкой». В ноябре того же года прошла эпидемия сыпного тифа⁸. В ноябре 1918 г. Ярославский окружной военный комиссар доложил в Москву, что в ряде уездов Костромской губернии из-за недостатка продовольствия сложился «острый кризис, имеются случаи голодных заболеваний»⁹.

Голод стал серьезным дестабилизирующим фактором в регионе. Враждебные большевикам политические силы открыто пытались использовать недовольство населения в своих интересах. В докладе того же Гороховецкого уисполнкома, приводившемся выше, сообщалось, что «реакционно-контрреволюционные элементы, пользуясь безвыходным положением, обвиняли во всем Советы, натравливая народ против вождей. Наставая на отмене хлебной монополии, они то здесь, то там разгоняли волостные Совдепы и земельные комитеты»¹⁰.

Очередная волна крестьянских волнений прокатилась по Верхней Волге во второй половине 1918 г. Только с 1 июня по 16 сентября на территории Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний произошло 16 крупных мятежей. При этом действия обеих сторон отличались жестокостью и беспощадностью. Крестьяне в Салищенской волости Бежецкого уезда Тверской губернии разогнали комитеты бедноты, приступивших к изъятию хлеба. Реквизиция отрядом по борьбе со спекуляцией хлеба трех вагонов муки на станции Бутылицы Владимирской

губернии в конце июля 1918 г. стала причиной другого крупного волнения. Под руководством эсеровского волисполкома отряд был уничтожен. Красноармейцев избивали, им выкалывали глаза, вспарывали животы и набивали их различным мусором, живьем сжигали и закапывали в землю¹¹.

В августе 1918 г. вызванное реквизицией хлебных «излишков» крестьянское восстание вспыхнуло в селе Урень Костромской губернии, в так называемом Уренском крае. Его возглавил Иван Несторович Иванов, объявивший себя «уренским царем». В информационном бюллетене оперативного отдела наркомата по военным делам отмечалось: «24 августа. В Варнавинском у. на почве учета хлеба контрреволюционные элементы вызвали в волостях вооруженный мятеж трехтысячной толпы; присланная рота, во избежание больших потерь, вынуждена была вернуться; толпа гналась за ней 17 верст; с обеих сторон есть убитые и раненные»¹². Одной из причин выступления стало бездействие руководства местных советов. Более того, в ряде случаев реквизиция хлебных «излишков» сопровождалась грубостью, угрозами, насилием и другими злоупотреблениями со стороны местных властей, что настроило крестьян против Советской власти.

Почти одновременно произошло выступление в Ветлуге, где члены местного Совета были убиты или арестованы. Власть перешла к «временному комитету общественной безопасности», состоявшему из бывших офицеров, помещиков и торговцев. Уренцы объединились с ветлужцами. В планы повстанцев входило захватить уездный центр Варнавин и железнодорожную станцию Шарья, что перерезало бы Северную железную дорогу. Действия восставших отличались большой жестокостью. Так, захваченный в плен взвод красноармейцев из Галича был заживо сожжен в сарае, командир отряда П. Кудрявцев был отравлен.

Восстание было подавлено в ходе чекистско-войсковой операции.

В августе 1918 г. в Новинской волости Середского уезда Иваново-Вознесенской губернии крестьяне разогнали реквизиционный отряд, прибывший для изъятия хлебных «излишков». На сходке волостной Совет постановил «... не давать увозить хлеб и прогнать реквизиционный отряд»¹³.

Летом 1918 г. крестьянские выступления имели место в Ростовском, Мологском, Ярославском, Гаврилов-Ямском и Большесольском уездах Ярославской губернии. Восставшие крестьяне разогнали местные советы, учреждая вместо них «временное правление»¹⁴, избивали большевистских активистов.

Чекисты совместно с отрядами Красной Армии участвовали в подавлении вспыхнувших крестьянских волнений на территории Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской губерний.

В начале сентября 1918 г. изъятие хлеба привело к массовым волнениям в Бельковской, Великовской и Ключниковской волостях Ковровского уезда Владимирской губернии. В селе Дмитриево был убит советский активист Моренков. В селе Бельково крестьяне, вооруженные ружьями, топорами и вилами, арестовали коммунистов и разоружили милиционеров, оказали вооруженное сопротивление карательному отряду.

Осенью 1918 г. волна крестьянских выступлений на почве мобилизации и реквизиции хлеба захлестнула север Ярославской губернии. 26 октября 1918 г. произошло восстание в Сить-Покровской волости Мологского уезда. Крестьяне разогнали местный Совет и комбед, избив их представителей. Оттуда волнения перекинулись на соседние волости и железнодорожные станции на участке Родионово-Волга. 27 октября 1918 г. в селе Горелово Мологского уезда крестьяне разогнали местный комитет бедноты, избив его председателя и инструктора уездисполкома. В тот же день в селе Прозорово Некоузской волости восставшие крестьяне с антисоветскими лозунгами заняли волостной Совет, арестовали военного комиссара и несколько советских работников, разоружили красноармейский отряд. Под руководством бывшего офицера царской армии Красавина около 300 крестьян заняли железнодорожную станцию Харино, где разобрали пути, захватили оружие, разгромив поезд с оружием и боеприпасами. В соседние деревни ими были направлены воззвания с призывами к свержению власти большевиков и с объявлением «всебоющей мобилизации» всех граждан от 18 до 45 лет под угрозой расстрела. 28 октября 1918 г. в селе Станилово толпа крестьян разоружила продотряд и разгромила волостной совет. Через несколько дней восстание охватило ряд волостей Мышкинского и Угличского уездов. Захват восставшими железнодорожных стан-

ций на участке Шестихино-Харино, имевших большое военное значение, значительно осложнило ситуацию на Северном фронте.

Эти крестьянские восстания создали реальную угрозу тылам и коммуникациям Северного фронта. Их ликвидация потребовала объединения всех сил, имевшихся в распоряжении местных властей. Активное участие в этом процессе приняли чекисты. Так, отряд Мышкинской уездной ЧК численностью 50 человек с двумя пулеметами под командованием секретаря Савельева совместно с тридцатью мологскими чекистами во главе с членом коллегии уездЧК Ивановым, ликвидировали восстания в селах Горелово и Сить-Покровское Мологского уезда¹⁵. 23 сотрудника Угличской уездной ЧК во главе с ее председателем Д.К. Лебедевым действовали в районе села Веретец¹⁶. Заместитель председателя Ярославской губЧК Вилкс возглавлял Рыбинский коммунистический отряд и латышских стрелков, подавлявших крестьянские выступления в районе сел Лацкого, Марьино и Сить-Покровского. К 31 октября 1918 г. основные очаги сопротивления в Ярославской губернии были подавлены, все железнодорожные станции освобождены от мятежников, движение поездов на участке Волга-Родионово восстановлено. К 9 ноября 1918 г. ситуация в губернии была стабилизирована.

В ходе операций по подавлению восстаний в районе железнодорожных станций Шестихино, Харино, Волга ярославскими чекистами было арестовано 63 организатора и активных участников мятежа. Из них 14 постановлением военно-полевого штаба были расстреляны на месте, остальные отправлены в Рыбинскую и Угличскую чрезвычайные комиссии. При подавлении восстания в волостях Мологского уезда было убито и расстреляно несколько десятков мятежников – руководителей, активных агитаторов против советской власти, подстрекателей. Так, в Лацковской волости отрядом Угличской ЧК расстрелян поп Любомудров, служивший молебен «о даровании победы восставшим». По постановлению коллегий отрядов ЧК все кулачество восставших волостей было обложено налогом. Эти деньги пошли на возмещение последствий мятежа – на нужды волисполкомов, комбедов, на лечение пострадавших и раненных¹⁷.

В конце октября 1918 г. вспыхнуло восстание в Урвановской волости Владимирской губернии. Местные крестьяне, подлежа-

щие призыву в Красную Армию, захватив оружие, оказали вооруженное сопротивление отряду красноармейцев, разгромили советские учреждения.

В ноябре 1918 г. – январе 1919 г. в Костромской губернии восстаниями были охвачены Солигаличский, Кологривский и Макарьевский уезды. В ночь с 30 на 31 января 1919 г. в деревне Ларионовской Вахрамеевской волости Варнавинского уезда крестьяне жестоко расправились с продотрядом. Председатель Костромской губЧК сообщил в ВЧК: «Одного из активных товарищ т. Сироткина, видно живого и раздетого привязали к дереву и жгли под ним солому, развели костер. Он весь обгорел, часть тела не привязанная к дереву обдымилась. Многие добиты топорами, всем связаны руки на спине... Самый младший из убитых 14 лет мальчик, недавно кончивший школу и принятый ... в качестве писца»¹⁸.

Восстания были подавлены в ходе чекистско-войсковых операций.

Новый всплеск крестьянских выступлений на Верхней Волге пришелся на весну – лето 1919 г. Он был вызван сбором чрезвычайного революционного налога и продразверстки, мобилизацией в Красную армию. Так, в Тверской губернии к марта 1919 г. планировалось собрать 30% годовой продовольственной разверстки и чрезвычайного налога. Однако во Весьегонском уезде местные власти уже к маю того же года собрали 95% чрезвычайного налога. В Кузьминской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии коммунистами были созданы сельхозкоммуны. Их члены подвергали жителей соседних деревень различным издевательствам, вплоть до избиений. В ответ крестьяне угрожали, что «настанет день, когда ... коммунаров будут бить, вешать, а Советская власть полетит долой»¹⁹.

Весной – летом 1919 г. в Тверской губернии волнениями были охвачены Новоторжский, Бежецкий, Ржевский, Старицкий, Тверской, Весьегонский и Вышневолоцкий уезды. Так, 19 июня 1919 г. крестьяне и присоединившиеся к ним дезертиры численностью до 300 человек разгромили Кузьминский волисполком, избили советских работников и коммунистов (некоторых до смерти). Восставшие в одну могилу закопали живых и мертвых.

На митинге дезертиры и крестьяне выкрикивали лозунги «Отжига Советская власть!», «Смерть коммунистам!»²⁰.

В этот же период в Ярославской губернии восстания имели место в Даниловском, Любимском, Угличском, Мологском и Пошехонском уездах. В них приняло участие в общей сложности 25–30 тыс. чел.²¹ Восставшими было убито около 200 советских активистов и коммунистов²².

Выступления были подавлены силами чекистов и подразделений Красной армии

Следует отметить, что при подавлении антиправительственных выступлений сотрудники губЧК стремились проанализировать их причины, чтобы, устранив их, в будущем избежать подобных явлений. Так, в ноябре 1918 г. были ликвидированы крестьянские восстания в Петрово-Городищенской, Кибергинской, Миловской и Лежневской волостях Тейковского уезда Иваново-Вознесенской губернии. Следствием было установлено, что они были вызваны грубыми действиями местных властей в ходе мобилизационных мероприятий, оскорбившими религиозные чувства крестьян. При этом, по замечанию председателя губЧК В.Н. Наумова, «некоторые из них [выступления – *A.P.*] можно было бы избежать при разумном отношении к делу лиц, находившихся у власти в уездах, как на конкретном примере можно указать на бес tactность волостных исполнкомов при проведении в жизнь декретов и постановлений, бес tactность, способствовавшую возникновению нежелательных явлений»²³.

Заведующий Секретно-оперативным отделом Иваново-Вознесенской губЧК А. Чистов, анализируя причины крестьянских и дезертирских выступлений в этот период, констатировал: «Вывод из этого бесспорно один: темнота, абсолютная оторванность от текущей жизни края..., что совершается крестьянину не понятно, если город и бывал в деревне, то только чтобы сказать «дай!». Дай хлеба, дай картошки, дай то, дай другое, но он не говорил деревне, какую он строит новую жизнь, и какое положение займет в этой жизни деревня. Оторвавшись от крестьянства, мы передали его под опеку авантюристов и результат этого был, он есть, он будет, если мы ограничимся лишь карательными экспедициями без... культурно-просветительной работы в деревне»²⁴.

В отчете Иваново-Вознесенской губЧК за ноябрь 1918 г. отмечалось, что причиной ряда крестьянских восстаний в губернии стала «бестактность волостных исполнкомов при проведении в жизнь декретов и постановлений»²⁵. Так, руководство Кочневского волисполкома Тейковского уезда, выполняя распоряжение по изъятию из советских учреждений икон, поместило все собранные предметы культа в арестантской комнате при Совете. Действия волисполкома оскорбили религиозные чувства крестьян и стали причиной восстания.

В этом же документе подчеркивалось, что одной из причин, «... вызывающей волнения является недостаток на местах разумных работников, нередко приходится сталкиваться не только с отдельными личностями, но даже целиком с учреждениями, где люди не могут еще до сих пор уяснить себе постановку того дела, которому призваны служить, ... наконец личные счеты отдельных советских работников с крестьянами, сумбурно-уродливые понятия этими работниками своих обязанностей; узурпацию власти, доходящую иногда до диктаторства, хамство, позорящее советские учреждения напоминанием о полицейском участке, мелочную реквизицию и конфискацию всего, что попадет под руку, политическое озорство некоторых “ретивых не по разуму”»²⁶.

Массовое недовольство крестьян вызвал сбор чрезвычайного налога. Иваново-вознесенские чекисты докладывали руководству губернии, что «встречаются такие селения, где налог распределяется не по имущественному состоянию, а по количеству душ каждого дома, такое обложение, естественно, затрагивает интересы бедноты и ничуть не затрагивает интересы кулаков»²⁷.

В ноябре 1918 г. власти Мологского уезда Ярославской губернии реквизировали деньги и ценные бумаги у населения. Когда представители волостей явились за разъяснениями в Совет, то их там обругали. Это стало причиной крестьянского волнения. Для урегулирования ситуации был вынужден вмешаться нарком внутренних дел Г.И. Петровский. Расследование этого чрезвычайного происшествия пришло к выводу, что «восстание произошло ввиду... халатности волостных совдепов и комитетов деревенской бедноты»²⁸.

Крестьяне деревни Будилово Любимского уезда Ярославской губернии в декабре 1918 г. в телеграмме на имя В.И. Ленина пи-

сали: «Доносим Вам... у нас председатель волостного комбеда отнял хлеб зерном, у нас лишнего хлеба не было. Произвели ночь большой переполох, мы находимся под большим гнетом волостной власти, просим защиты вас, как главу крестьянского правительства»²⁹. В.И. Ленин потребовал немедленного и строжайшего следствия в связи с этой телеграммой. Как выяснилось, недовольство крестьян вызвала организация сельхозкоммун с применением «принудительных мер».

Чекисты неоднократно информировали партийные и советские органы о злоупотреблениях местных властей. 25 декабря 1918 г. Костромская губЧК докладывала в губком РКП (б) о том, что причинами крестьянских восстаний, имевших место в октябре-ноябре того года в губернии, явились: «1) отсутствие партийной работы; 2) неумелые, часто преступные действия местных представителей Советской власти (исполкомов и комбедов)»³⁰.

В результате масштабных чекистско-войсковых операций к концу 1919 года массовые крестьянские выступления на Верхней Волге были подавлены. В сложившихся условиях, при всей жестокости сопротивления, для большевиков это была единственная возможность стабилизировать ситуацию, так как антиправительственные восстания создавали серьезную угрозу безопасности Советской власти в регионе и тылам действующей Красной армии. Губернские ЧК Верхней Волги внесли большой вклад в борьбу с этим явлением. Следует отметить, что при ликвидации крестьянских выступлений наибольшую эффективность показало умелое сочетание военных, оперативных, политических и агитационно-пропагандистских методов.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 91.

² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т.1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 363.

³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. «Военный коммунизм»: ошибка или «проба почвы»? // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991. С. 65.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. С. 262.

⁵ Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч.2. 1917–1967. Ярославль, 1967. С. 54.

⁶ Архив УФСБ России по Владимирской области (АУФСБВО). Д. 55. Л. 8.

⁷ Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917–1918). Сборник документов. Владимир, 1957. С. 270.

⁸ 10 лет Советской власти во Владимирской губернии. Октябрьский сборник. Владимир, 1927. С. 5.

⁹ Во имя победы революции: Костромская губерния в период гражданской войны 1918–1920. Ярославль, 1984. С. 62.

¹⁰ Борьба за Октябрьскую революцию во Владимирской губернии (1917–1918). Сборник документов. Владимир, 1957. С. 270.

¹¹ АУФСБВО. Ф. ОДП. Арх. Д. 4. Л. 7.

¹² Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД... С.76–77.

¹³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-2. Оп. 3.Д. 32. Л. 26.

¹⁴ Архив УФСБ России по Ярославской области (АУФСБЯО). Ф. 22. Оп.8. Д. 4. Л. 149.

¹⁵ АУФСБЯО. Ф.22. Оп. 8. Д. 4. Л. 121.

¹⁶ Там же.

¹⁷ АУФСБЯО. Ф.22. Оп. 8.Д. 4. Л. 122.

¹⁸ Архив УФСБ России по Костромской области (АУФСБКО). Ф.8. Оп.1. Д. 72. Л. 35.

¹⁹ Тверская правда. 1919, 2 июля.

²⁰ Там же.

²¹ АУФСБЯО. Ф.22.Оп. 10-2. Д. 2. Л. 4.

²² ГАИО. Ф. П-349. Оп.6. Д.7. Л. 21.

²³ ГАИО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 19. Л. 53–55.

²⁴ Там же. Оп. 2. Д. 21. Л. 31.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 54.

²⁶ ГАИО. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 85. Л. 32.

²⁷ Там же. Л. 33.

²⁸ Цит. по: Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. Ярославль, 2001. С. 123.

²⁹ АУФСБЯО. Ф. 22. Оп. 8. Д. 4. Л. 111.

³⁰ АУФСБКО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 72. Л.71; Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1. Оп. 1. Д.16. Л.6–7.

А.И. Пожаров
г. Москва

Обеспечение государственной безопасности как объект исторических исследований

Тема изучения системы обеспечения государственной безопасности в целом, во всем её многообразии и многоцветной палитре, обуславливает широкую научную проблематику и перспективы научных исследований ведомственной истории.

С 2022 г. научная мысль историков образовательных организаций ФСБ России с большим вниманием стала относиться к изучению теории, методологии и политики обеспечения государственной безопасности. Впервые, за многие десятилетия существования ведомства, эта проблематика стала разрабатываться с точки зрения исторической отрасли науки, в рамках отдельной научной специальности. Академические учёные, прежде всего из Пограничной академии ФСБ России, с большим энтузиазмом начали осваивать, неисследованную ранее сферу исторических знаний, открывая новые горизонты в изучении теории, методологии, историографии, источниковедения. Ранее эти проблемы никогда не становились предметом заинтересованности историков из образовательных и научных организаций КГБ-ФСБ. Теперь же мы отмечаем проявление интереса к научным основам исторического познания¹.

Возникновение новых приоритетов в ведомственной (специальной) науке – это революционный прорыв в историческом осмыслении прошлого, новая веха в проведении обширных исследований на одном из магистральных направлений – изучение процесса накопления знаний по истории органов государственной безопасности и ведомственных войсковых подразделений. Специальная наука – это отрасль знаний, предметом которой является изучение закономерностей возникновения, становления и развития профессиональной деятельности специальных служб.

Не нужно забывать, что от теоретических и методологических ориентиров зависит весь окончательный продукт учёного и результаты его многолетнего труда.

Без предварительной постановки задач и цели научного исследо-

вания, без определения методов познания, фактологический материал, сформированный на базе обработанных источников, не может быть организован в устойчивую систему, которая способна дать выводные научные знания. Если исследователь не сформулирует конкретную проблему, не определит для себя задачи, которые нужно решить или хотя бы поставить перед собой, то научного поиска в полном смысле этого слова не произойдет. А условием успеха в исследовательской деятельности как раз и является выработка теоретико-методологических оснований в работе и своеобразная **историографическая разведка** в обозначенной сфере деятельности историка.

Погружаясь в изучение научных основ ведомственной науки, мы должны помнить, что методологический аспект этих основ должен содержать не только формальное перечисление методов, но главное – это определение мировоззренческого видения или понимания социальной действительности соискателя и той ретроспективы, которую он изучает. От того, какая разработана у соискателя методология и какая мировоззренческая концепция в ней доминирует, от этого и будут зависеть интерпретация источников базы и окончательные выводы научной работы.

В ведомственной и общегражданской академической среде имеются одиозные примеры неудачных защит докторских диссертаций. Так, например, в Академии Министерства безопасности Российской Федерации в феврале 1992 г. была «провалена» защита А.М. Плеханова, когда половина диссертационного совета заблокировала его докторскую работу. Другой пример – в Санкт-Петербургском институте истории РАН в марте 2016 г. состоялась восьмичасовая защита докторской диссертации К.М. Александрова, когда из 18 членов диссовета только один голос был против. А вот в экспертном совете при ВАК Минобрнауки России все эксперты-историки единодушно высказались за аннулирование этой защиты. В чём же причина этих исследовательских трагедий? Причина – в методологии, в мировоззренческих и ценностных каждого автора: один, в первом случае, обосновал их с архаичных позиций бескомпромиссного марксизма-ленинизма, а второй – ориентировался только на ценности западного псевдодемократизма. В итоге, и тот, и другой пришли к противоречивым и неоднозначным выводам в своих исследованиях, неприемлемых для научного сообщества².

В гражданских ВУЗах методологическим основам диссертаций и (даже выпускным квалификационным и дипломным работам всех уровней) уделяется значительная часть в структуре исследования (например, защита докторской работы 6 марта 2023 г. С.С. Войтикова в диссовете МГУ (5.6.1 – Отечественная история) – из 40 страниц автореферата 2 посвящены методологии)³. Ведомственным соискателям целесообразно ориентироваться на подобные подходы коллег из ведущего ВУЗа страны.

Вместе с тем, отрадно отметить, что в Пограничной академии ФСБ России с 2021 г. наметилась консолидация усилий в осмыслении багажа фундаментальных теоретических и методологических знаний об отечественных органах госбезопасности с точки зрения исторической ретроспектиды, а также в изучении историографических и источниковедческих аспектов.

Впервые за всё время существования ведомственной научной мысли не только сам исторический процесс непосредственно, но и неотъемлемые составные части исторической науки в целом, в лице её теории, методологии, историографии и источниковедения **получили импульс** для своего развития в рамках новой – научной специальности, которая соотносится с теорией, методологией и политической обеспечения государственной безопасности.

Пересмотр накопленного багажа теоретических и методологических проблем исторической науки в контексте изучение таких специфических видов деятельности как разведка, контрразведка, политический розыск, охрана высших должностных лиц государства, охрана и защита границы, специальная связь, оперативно-боевая работа – всё это в комплексе и является, по сути, предметом историографии обеспечения государственной безопасности в рамках упомянутой выше научной специальности.

Механизм обеспечения безопасности Российского государства уже имеет основы своей многоликой ведомственной истории, а вот соответствующих историографических разработок в этой сфере катастрофически не хватает. Поэтому нужно констатировать, что в историографическом сегменте научного поля до сих пор нет заметных успехов и, по сути, отсутствуют крупные обобщающие труды. Ведомственные учёные, к сожалению, не проводили, за редким исключением, глубокого анализа формирования исторических знаний в сфере разведки, контрразведки, пограничной деятельности⁴.

Для более адекватного понимания феномена многовекового существования России, осмыслиения процесса становления и развития государства в разные периоды его существования на повестке дня возникает острая необходимость работ историографического и источниковедческого характера, которые в свою очередь будут вносить вклад в развитие теории и методологии ведомственной истории.

С обозначением нового вектора в исторических исследованиях наука получила возможность продуктивно двигаться вперед не только за счет открытия новых фактов, но и за счет их теоретического обобщения, а также за счет переосмыслиения, переоценки своих достижений, и всего пережитого наукой в прошлом. И в этом контексте заключается сакральный смысл историографии, как **истории исторической науки**.

За многолетнюю эволюцию научной мысли в органах ВЧК-КГБ у историков наконец-то появилась возможность разрабатывать историческую проблематику разведывательной, контрразведывательной и пограничной сфер не только в деятельностином аспекте, на конкретных направлениях, с раскрытием технологии работы, но и появилась возможность разрабатывать проблематику с точки зрения фундаментальных основ функционирования общей системы обеспечения государственной безопасности, во всей специфической совокупности.

Отрадно, что в академических кругах ФСБ и СВР пришло осознание того, что без систематизации результатов и обобщения имеющихся трудов развивать науку, формулировать задачи исследований и определять перспективы ведомственной исторической науки в сфере разведки, контрразведки и пограничной деятельности – контрпродуктивно и ущербно.

В условиях глобального **геополитического шторма** пришло время не просто насыщать историческую материю малозначительными фактами, а систематизировать ранее полученные знания, осмысливать пройденный путь формирования этих знаний и обобщать исследовательский опыт историков.

Очень важно развернуть направления исследований в историософскую сторону, с тем, чтобы не механически накапливать исторический фактаж, а **объяснить историю**, отвечая на вопросы – почему так произошло, а не иначе?

Ведь всем понятно, что нужно стремиться не просто описать то, что было, но и понимать, что было.

Стратегическую помощь для решения этих задач окажут теория и методология как гражданской, так и ведомственной истории, которые и призваны обуславливать проблематику историографических исследований, с тем, чтобы разобраться с предшествующим багажом исторических знаний.

Ведомственная (специальная) наука с большой надежной ожидает пополнение не только точечных исторических знаний о технологии деятельности спецслужб, по какой-либо узкой теме или эпизоду ведомственной истории, но и ожидает крупные научные результаты обобщающего характера, по всей многовековой истории функционирования сферы обеспечения государственной безопасности, с глубоким изучением иерархии различных её элементов и более мелких подсистем – на концептуальном, правовом и институциональном уровнях, которые в комплексе формировали своеобразный механизм специфической иммунной системы государственного организма.

На наш взгляд, пришло время **отказаться от мелкотемья**, а может быть, вообще, бойкотировать освещение малозначительных фактов, которые не имеют серьезного значения для общего контекста ведомственной истории. По сути, обращение к второстепенным мелочам отвлекает потенциал учёных от главного – от концентрации внимания на концептуальные проблемы обобщающего характера.

Понятно, что «дьявол кроется в деталях», но в этих деталях и тонкостях историк может и утонуть, а, в итоге, просто деградировать и превратиться в обычного хрониста, собирателя фактов.

В условиях разрушения миропорядка и возникновения новой архитектуры международных отношений важно не наращивать **малозначительный фактологический массив**, а давать квалифицированную оценку уже имеющимся знаниям, интерпретировать их на российской мировоззренческой основе, создавая объективную ретроспективу событий.

В истории один и тот же факт, одно и тоже явление социальной действительности, как правило, имеют различные, нередко противоположные трактовки и смыслы, начиная от разнообразных оценок отдельных личностей и кончая событиями всемирно-

го значения. Различные исторические школы по-разному оценивают и интерпретируют одни и те же процессы в истории.

Поэтому проблема неоднозначной, многовариантной интерпретации исторических фактов имеет мировоззренческое и нравственное основания.

Сейчас, с одной стороны, необходимы исследования, которые как бы «приподнимали» ученого над изучением конкретного ведомства, двигали бы его к обобщающим исследованиям всей системы обеспечения государственной безопасности, а с другой стороны, помогли бы нам разобраться в современной действительности на основе извлечения уроков из истории и обобщения опыта деятельности этой системы.

Общественность, широкие круги научного мира и патриотически настроенные элиты нашей страны остро нуждаются, например, в обобщающих исследованиях угроз безопасности России, с раскрытием их гносеологии и генезиса.

И одна из главных угроз современности – это фальсификация истории, с которой нам также нужно бороться на строго научной основе.

Кто как ни ведомственные историки и их единомышленники из гражданских вузов могут противостоять фальсификаторам в развенчании мифов, разоблачении тенденциозности и лжи в истории?

Кто сможет дать выверенный методологический инструментарий для борьбы с фашизoidными произведениями прибалтийских, украинских, казахских историков, которые спонсируются коллективным Западом?

Не только конкретные практические подразделения ФСБ России, но и гражданское общество в целом ждёт прорывных исследований. И здесь видится конкретный вклад российских историков из силовых ведомств в практическую деятельность подразделений органов федеральной службы безопасности, стоящих на переднем крае гибридной войны.

Представляется, что ведомственные историки и их единомышленники из гражданских вузов, учёные и ветераны госбезопасности имеют все возможности для того, чтобы внести свой вклад в решение задач по информационно-психологическому противостоянию с Западом.

Осмысление сложных процессов требует глубокого изучения и комплексной проработки, с привлечением достижений смежных гуманитарных дисциплин и не только в закрытом формате, но и с обращением к общегражданским работам. В сообществе единомышленников можно будет более продуктивно достичь консенсуса в осмыслении теоретико-методологических основ исторические знания, проследить путь формирования этих знаний на протяжении веков. А в этом, как раз и обязана нам помочь историография отечественных спецслужб, в широком, обобщённом её понимании (т.е. с включением истории погранвойск, войск специальной связи, специально-боевых частей и т.д.).

Сегодня нужно подчеркнуть, что историографические знания по истории органов безопасности, спецслужб и соответствующих войсковых подразделений должны формироваться не только ведомственными историками из СВР и ФСБ России, но и гражданскими учеными. Только силами объединенного научного потенциала можно качественно исследовать процессы развития исторической науки в широком спектре формирования знаний, с различных точек зрения и методологических подходов выявлять тенденции, показать закономерности и особенности в истории разведывательной, контрразведывательной и пограничной деятельности. Вполне очевидно, что только скоординированными усилиями всего научного сообщества, как общегражданского, так и ведомственного, можно преодолеть распыленность научных исследований, раскрыть во всей полноте и объеме достижения исторической науки в этой сфере.

Требуется объединение усилий ведущих учёных ведомства и всех заинтересованных исследователей из открытых вузов и научных организаций для формирования подлинно научной базы в вопросах методологии и теории с тем, чтобы, координируя общие усилия всего научного сообщества, достичь обозначенные цели.

Именно теоретические и методологические разработки обуславливают вектор развития ведомственной научной мысли и определяют перспективы разработок в сфере разведки, контрразведки, пограничной деятельности с отраслевых позиций истории, политологии, других гуманитарных наук, и прежде всего, в контексте многогранной тематики – обеспечение государственной безопасности.

Решение обозначенных задач требуют межвузовской и межведомственной интеграции, широкого диалога, творческих дискуссий и обмена мнениями. Без соблюдения этих условий академическим сообществом научная мысль подвергается опасности застоя и консервации. Именно поэтому необходимо реализовывать объективную потребность науки не только в простой координации работы ученых, принадлежащих к разным исследовательским институтам и учебным заведениям, но и в расширении сфер совместной коллективной работы. И хорошим примером в этом отношении являются традиционные научные конференции на базе Петрозаводского государственного университета, Государственного музея политической истории России (г. Санкт-Петербург), а также исторические чтения, организованные Академией ФСБ России и Пограничной Академией ФСБ России в рамках соответствующих научных объединений.

Именно в таких форматах исторического дискурса историографические исследования по тем или иным проблемам должны не только анализировать предшествующий опыт и итоги изучения проблемы для определения задач и путей дальнейших исследований, но и подниматься до общеисторических обобщений, раскрывать общий процесс развития исторической науки.

Только сообща и, прежде всего, в специальных исторических исследованиях мы сможем получить многомерное объемное представление об эволюции системы обеспечения государственной безопасности на всех её уровнях: концептуальном, правовом, институциональном, обеспечив таким образом фундаментальность исследовательской базы ведомственной научной школы. Только так наука предоставит нам возможность понять логику происходивших ранее процессов и будет способствовать формированию теоретических основ ведомственных знаний в будущем.

Сейчас перед учёными ведомства, стоит **сверхзадача** – найти пути к формированию методологического консенсуса между дисциплинами, изучающими разведку, контрразведку и пограничную сферу, обрести ясность в общей теории основной профессиональной деятельности специальных служб, с тем, чтобы обеспечить не только историков, но и исследователей в других отраслях наук серьезной методологической и научной базой и как итого – сформировать единое научное пространство для ведомственной (специальной) науки.

Если у ученых будет прочное понимание теоретико-методологической основы, ясность в историографии и источниковой базе, то это избавит историков, например, от безмерной политизации своих исследований, примитивной описательности, а, в конечном счете, и от искаженного представления истории отечественных спецслужб и пограничных органов.

Только широкая междисциплинарная основа в изучении разведки, контрразведки, пограничной сферы, тесное взаимодействие специалистов из разных ведомств и отраслей научных знаний даст наиболее полную многомерную картину истории отечественных спецслужб и пограничных органов и тем самым окажет существенную помощь в получении фундаментальных научных знаний.

¹ Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: мат-лы VIII науч. конф. (Петрозаводск, 15–17 сентября 2023 г.). Петрозаводск, 2023.

² О диссертации историка Александрова. URL: <http://www.PhdrU.com>. (дата обращения: 20.09.2023)

³ Войтиков С.С. Становление и развитие центральных органов руководства военной разведкой и военной контрразведкой Советской России. 1918–1921: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2023.

⁴ Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М., 2007.

Научное издание

*Научный редактор Н.С. Кирмель
Составитель Д.А. Евстигнеев*

ЛУБЯНСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2023.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
